

КАТЕРИНА
РОММ

ФЛОРИЕНДЕЙА

*Одна
из них*

ПОЛІНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Annotation

Пятнадцать лет назад беженцы с Поверхности захватили Флориендейл и заточили королеву в тюрьму. С тех пор магия начала угасать. На месте руин и пепелища революции возникло новое государство – Соединённая Федерация.

Вероника растёт в заточении с самого рождения. Свобода кажется ей недостижимой. Перед шестнадцатилетием двери клетки неожиданно распахиваются. Но можно ли доверять тому, для кого обещания, преданность и честь – пустой звук?

Двойняшки Мари и Кассандра живут на окраине Федерации и мечтают о будущем после школы, но всё рушится, когда на пороге их дома появляется служба госбезопасности и арестовывает Мари. Кассандра немедленно отправляется на поиски сестры.

Три девушки. Только одна из них сможет разобраться с ошибками прошлого, вернуть магию и спасти Флориендейл. Но которая? Об этом не знает никто, даже она сама.

Произведения автора, Катерины Ромм, отмечены премиями «Новая Фантастика – 2021» и «Кубок Брэдли – 2021».

-
- [Катерина Ромм](#)
 -
 - [Действующие лица](#)
 -
 - [Damnatio memoriae\[1\]](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть II](#)
 - [Часть III](#)
 - [Часть IV](#)
 - [Часть V](#)
 - [Часть VI](#)
 - [Post scriptum](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Катерина Ромм

Флориендейл. Одна из них

© Катерина Ромм, текст, 2024

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2024

Действующие лица

Королевская семья Алейн

Эстель Амейн, королева

Вероника Амейн, дочь Эстель, наследная принцесса

Венда Амейн, мать Эстель, королева-на-покое

Николас Корелл, муж Эстель, король

Семья Клингер

Мари и Кассандра Клингер, двойняшки

Ремко Клингер, отец

Розалия Клингер, мать

Магистры Флориендейла

Первый магистр Эдриан

Альфа Камила, магистр воздуха

Бета Анна Магдалена, магистр огня

Гимель Лукос, магистр земли

Далет Осцельс, магистр воды

Аристарх Фендоу, магистр доходов и расходов

Аврора, магистр информации

Ляля Бимбикен, временно магистр правосудия

Соединённая Федерация

Роттер, предводитель Соединённой Федерации

Эдгар Линчев, правая рука Роттера

Игорь Линчев, отец Эдгара (†)

Ирина Линчева, сестра Эдгара (†)

Уильям Холланд, Алилутская тюрьма строгого режима

Маньяна, экономка в тюрьме Холланда

Вилмор Госс, Следственный изолятор Роттербурга

Тобиас Госс, сын Вилмора

Окрестности Роттербурга

Кенжел Андрис, старший брат, лётчик

Алишер Андрис, младший брат, студент
Ирка и Ли, сослуживцы Кенжела
Маргарета и Джим, студенты колледжа
Джоан, бывшая подруга Кенжела

Ливьеры и другие

Эльсона, Гиория, Нириаль, Анель и др. в лагере ливьер
Призрак, инкогнито в Индувилоне
Томир и Рофи, братья Призрака
Стафис, приятель Мари в Цветочном округе
Лидия, маленькая сестра Стафиса
Дарина, Эрильен, Ивар и др. в Алилуте
Лемери

Мы встретимся у водопада

Моему дедушке

Damnatio memoriae^[1]

а

А помнишь, как всё было раньше?

Эстель открыла глаза. Туман.

– Я помню, – прошептала она, вытянула руку и постаралась нащупать хоть что-нибудь в густом белом облаке.

За молочной пеленой скользили тени. Они были повсюду: справа, слева, за спиной. Куда же ей идти?

Эстель закружилась на месте и чуть не столкнулась с высоким мужчиной. «Отец», – подумала она в первое мгновение, но это был всего лишь магистр Эдриан.

Он улыбнулся сквозь медную бороду, наклонился и протянул руки. Эстель шагнула навстречу – она едва доставала ему до пояса. Первый магистр легко подхватил её и посадил на плечи. От него приятно пахло чернилами.

– Господин Эдриан? – позвала Эстель, и собственный голос показался ей чужим, таким он был тоненьким и звонким. Магистр не ответил.

Коварный туман окутывал их, лез в лицо и кусал Эстель за щёки. Она потёрла слезящиеся глаза, а когда отняла ладони, всё вокруг переменилось. Господин Эдриан исчез, и Эстель опять оказалась посреди молочного облака. Туман расступился, выпуская на авансцену новые фигуры.

А помнишь, как было?..

Эстель узнала очертания просторного зала и пышно украшенные ели. Это был бал – зимний выпускной бал в Манольском университете, и она кружилась в танце, подхваченная за талию кавалером, чьё имя давно стёрлось из памяти. Карусель сияющих звёзд и гирлянд, драгоценностей, ярких нарядов и маскарадных костюмов отражалась в высоких зеркалах и сливалась перед глазами в сплошную цветную массу. Эстель танцевала безупречно, не делая ни единой ошибки в

сложных па, и даже не заметила, что музыки не слышно, что туман поглотил всё. Серый едкий туман.

А помнишь, как?..

Зал растворился, и Эстель вновь осталась одна. Опустила глаза и растерянно коснулась складок своего свадебного платья и атласных лент в цветах Флориендейла: сочно-зелёных, огненно-красных, серебристо-серых и лазурных. Пышные юбки тонули в тумане; словно пар, он струился вверх, заключая Эстель в огромную дымчатую чашу. Она в ловушке!

Вдруг кто-то тронул её за талию. Эстель крутанулась на месте, чуть не навернувшись на каблуках, но облегчённо выдохнула, увидев Николаса. Она зря переживала: он пришёл, всё хорошо. Волнительно – её колени дрожали, – но как же хорошо! Николас скользнул колючим поцелуем по щеке Эстель и шепнул несколько слов. Она не расслышала, однако всё равно кивнула, словно сама уже не управляла своим телом.

Они двинулись вперёд. Шаг, ещё шаг, стена тумана приближалась. Ещё один шаг... Эстель замерла, не решаясь прикоснуться к зыбкой субстанции, но Николас не остановился. И вдруг, выпустив её руку из своей, он пропал в клубящемся тумане. Эстель вскрикнула и бросилась следом – отважно шагнула сквозь серую пелену. Горячий воздух тут же обжёг лицо.

А помнишь?

– Я помню... – выдавила Эстель и закашлялась.

Какофония звуков разорвала тишину: над городом разливался тревожный колокольный звон, и за окнами кричали люди.

– Просыпайтесь, миледи! Ну же, миледи!

– Ангел, только не это... – простонала Эстель, приходя в себя.

Это был лишь очередной сон. Сладкое, глупое наваждение! Теперь призрачное одеяло дрёмы спало, оставив Эстель без защиты. Она приподнялась на локтях и с удивлением отметила, что комнату заволокло туманом, совсем как во сне. И лишь глубоко вдохнув и снова закашлявшись, сообразила наконец, что это дым: он просачивался сквозь разбитые окна и поднимался к высоким потолкам. В свете лампы, которую держала горничная, осколки стёкол блестели на шёлковом ковре, словно огромные капли росы. Марша стояла у

кровати и робко теребила Эстель за плечо. Её обычно аккуратная причёска растрепалась, а щёки покраснелись.

– Вставайте же скорее! Нужно уходить, тут нечем дышать.

– Что... случилось?

– В саду упала бомба, миледи!

Эстель судорожно глотнула воздух, села на постели и на мгновение приложила ладонь к животу. Сморщилась от ядовитого запаха гари.

– Марша, скажи мне, что никто не пострадал, – голос Эстель дрогнул. – Где Альфа Камила, как?..

– Я ничего не знаю, сразу вас будить побежала, когда услышала взрыв. А за окном – треск, пламя! Летний домик – в щепки, прям под вашими окнами! Жуть как страшно! Но Далет Осцельс справился, погасил огонь. Я сама видела, как он...

Марша взмахнула руками и сжала губы в ниточку, изображая магистра воды за работой.

Слава Ангелу! Если Далет появился так скоро, значит, и с другими магистрами, и с мамой всё должно быть в порядке.

* * *

– Куда мы идём? – спросила Эстель, когда они миновали ещё один коридор и спустились на два этажа. Она вдруг почувствовала себя бесконечно усталой, захотелось присесть, отдохнуть хотя бы минуту. Но эту минуту она не могла себе позволить.

– В домашнюю гостиную. Альфа Камила созвала... совет.

– *Военный совет*, – глухо произнесла Эстель слово, которое Марша намеренно упустила.

«Вой-на», – проговорила Эстель про себя медленно, по слогам. Она слышала: если одно и то же слово сказать много раз подряд, оно станет звучать комично и непривычно для уха, словно потеряет свой смысл. Но попробуйте повторить этот трюк с «вой ной»! Как ни крути, вой на – это страх. Разлитый по жилам стылый ужас, парализующий душу, без шанса на исцеление. Это смерть, которая забирает всех подряд. Эстель уже потеряла на этой вой не отца, и лишь одному Ангелу ведомо, через что ещё им предстоит пройти.

Эстель говорила «вой на», и измученное подсознание рисовало ей Роттера: в красных перчатках, с неподвижным, будто маска, лицом и густыми бровями, скрывающими фанатичный блеск глаз. Он был началом и концом этой войны. Чужестранец из Поверхностного мира, Роттер как проклятие свалился на Флориендейл, чтобы его уничтожить.

В последнее время тонкая грань между мирами рвалась всё чаще. Эстель помнила, как раньше, в её детстве, пространственные дыры возникали раз в год или даже в два. Потом случаи участились: дыра в Ельне, три – на берегу Тёплого моря, и всё это – за одну неделю. Дыры нельзя было закрыть, и успокоить людей, попавших в королевство через эти прорехи, тоже не получалось. Большинство хотело просто вернуться домой, но это было невозможно.

Никто не знал, как бороться с неожиданной напастью, пока Роттер не привёл в их мир Эдгара Линчева. Линчев, гениальный учёный с Поверхности, придумал устройство, которое укрепило и расширило дыры, превратив их в стабильные переходы. Теперь между мирами можно было путешествовать в обе стороны. Тайна раскрылась, Флориендейл перестал быть волшебным, тайным местом. Но Эстель решила: ну и пусть! Если это цена за порядок, который снова воцарится в её стране, когда чужаки исчезнут, она готова...

Однако Роттер и Линчев не торопились возвращаться на Поверхность. Вместо этого они захотели создать в Новом мире собственное государство, свободное от несовершенств Земли второй половины двадцать первого века. То, что мир вовсе не новый, что в нём уже существует Флориендейл со своими традициями, их не интересовало.

– Чтобы построить новое, мне придётся разрушить старое. Ничего личного, ваше величество, – сказал Роттер Эстель во время их первой и единственной встречи.

Эстель начинала задыхаться всякий раз, когда вспоминала, как согласилась на переговоры – «дебаты» – с Роттером. Её усадили в жёсткое кресло, и Роттер буравил Эстель тяжёлым взглядом всё время, пока ведущий задавал ей каверзные вопросы.

Под светом установленных у сцены прожекторов Эстель тут же взмокла в тяжёлом платье со шлейфом, которое оказалось не самым подходящим нарядом. А ведь она так долго и тщательно готовилась!

«Как вы думаете, почему люди устали от королевской власти во Флориендейле?», «Чем вы можете объяснить тот факт, что стихийные народы, как вы их называете, не живут вместе с людьми? Некоторые источники утверждают, что это крайне опасные существа!» – нет, Эстель не могла отвечать на такие гнусные оскорбления и инсинуации! Ведущий продолжал сыпать выдуманными фактами, пока не вмешался Роттер.

Эстель до сих пор не простила себе тот искренний всплеск радости: она было решила, что Роттер опровергает сказанное ведущим. Однако слово за слово, и он выставил королеву дурой и втоптал её страну в грязь, но так элегантно и вежливо, что Эстель даже не заметила, как это произошло. Роттер знал, что по бедил. Закинув ногу на ногу, мерзавец флегматично поглаживал рукой обивку кресла и улыбался.

На следующий день, читая заголовки газет и телеграммы, Эстель едва могла разобрать буквы – слёзы застилали глаза. В тот момент ей казалось, что она совершенно не знает своей страны. Магистрам с большим трудом удалось убедить её, что слова Роттера – ложь. И когда Эстель обнаружила, что ждёт ребёнка, советники на всякий случай оградили её от общения с мятежниками.

Королева перестала посещать большую часть совещаний, и все заботы по защите Флориендейла взял на себя Первый магистр Эдриан, старый друг её матери. В прошлом он часто возился с маленькой Эстель, и теперь она то и дело возвращалась к этим моментам во снах.

Она много спала. Борьба с сонным состоянием Эстель не могла, а может, и не хотела. Там её ждал мир света и любви, мягкая патока детских воспоминаний, когда все, даже чужаки из Поверхностного мира, были счастливы жить в этой стране – такой, какая она есть, без демократии, парламента и телевидения. В её Флориендейле, где покой бирюзового неба не нарушал шум летающих машин, а силы воздуха, огня, воды и земли питались от магии, данной миру Ангелом тысячи лет назад.

– Проходите, ваше величество, – Марша вырвала Эстель из горьких размышлений, распахнув перед ней дверь. Эстель узнала гостиную, куда не заглядывала уже несколько месяцев. – Кажется, ждут только вас.

– Обычно меня не ждут, – глухо отозвалась Эстель и шагнула в комнату, навстречу резкому запаху гари с привкусом дурных новостей.

β

Альфа Камила заранее почувствовала, что королева сейчас войдёт в гостиную: словно подул лёгкий морской бриз. Это мягкая сила Эстель заставляла воздух колебаться и вибрировать. Камила взглянула на коллег. Они подобрались, выпрямились: Бета Анна Магдалена отложила в сторону письмо, которое со средоточенно читала, почти уткнувшись в него носом; Гимель Лукос пригладил спутанные кудрявые волосы; Далет Осцельс поспешно вскочил, постоял несколько секунд, не отрывая глаз от двери, и снова сел. Все магистры стихий так или иначе чувствовали энергию королевы – так же, как она чувствовала их. Величайшая загадка и величайший дар Ангела, оказавшийся теперь под угрозой.

Дверь приоткрылась, и горничная отступила в сторону, пропуская испуганную Эстель. Королева закуталась в тёплую шаль, наброшенную поверх шёлкового халата, русые волосы разметались по плечам. Концы шали едва прикрывали внушительный живот – ещё несколько недель, и на свет появится её первенец, принц или принцесса Флориендейла. Альфа Камила отвела взгляд. Ей не нравились события сегодняшней ночи. Если так пойдёт дальше, наследник уже не увидит своего королевства. И как быть с незащищённым ребёнком в этом безумном мире?

Эстель никогда не была копией своей матери, хотя в ней угадывались и складная фигура, и ясные глаза Венды Амейн. Но Венда была изящнее, задорнее, и всё в ней казалось ярче, чем в Эстель, – дочери не досталось ни капли ее очаровательной беспечности. С каждым годом юная королева всё сильнее напоминала отца, и в эту минуту, при слабом свете ламп, она была невероятно на него похожа. Тем лучше: Альфа Камила не жаловала мать Эстель. Стоило ей взглянуть на Венду, как в душе поднимался ураган. Венды всегда было слишком много и слишком мало одновременно. Будучи королевой, она часто отлучалась из Флоры, пропадала неизвестно где вместе с мужем, рисковала жизнью – и её отсутствие в замке ощущалось остро,

особенно для маленькой Эстель. Камила предполагала, что появление новых пространственных дыр было связано с географическими открытиями Венды. В самом деле, чем дальше продвигалась Венда, заполняя пробелы на картах, тем больше чужаков из Поверхностного мира попадало на их земли. «Natura abhorret vacuum», – думала Камила. Природа не терпит пустоты.

И Флориендейл зачих без своей королевы. Потому стоило Эстель отпраздновать второе совершеннолетие, как Венда тут же передала корону дочери, хотя Камила была против. А затем появился Роттер, и незаметно для всех, шаг за шагом, день за днём, начался *Передел* – так Альфа Камила называла происходящее. Эстель говорила «гражданская вой на», Венда – «захват власти», но это был именно Передел, означавший раздел и перекрой мира совсем не в интересах Флориендейла.

* * *

Аристарх Фендоу, магистр доходов и расходов, вздрогнул, когда увидел Эстель в слабом свете масляных свечей – электрические лампы не зажглись после ночной бомбёжки. Безукоризненный джентльмен, он поспешил ей навстречу, проводил к столу и помог опуститься в массивное кресло. Это кресло всегда оставляли пустым на случай, если королева сможет к ним присоединиться, хотя в последние месяцы никто уже на это не рассчитывал.

Совет магистров собрался этой ночью не в полном составе. Магистры стихий – Альфа, Бета, Гимель и Далет – обороняли Флориендейл, почти не смыкая глаз. Они же и созвали это чрезвычайное совещание. Аристарх прибежал, прихрамывая, в одном фиолетовом халате и тапочках. Магистр информации Аврора явилась полностью одетой и захватила свой главный артефакт – Атлас всех времён Флориендейла. Девушка вцепилась в его тёмно-синюю обложку, как падающий с обрыва хватается за корни на краю уступа; она хмурилась, кусала губы и то и дело неуверенно поглядывала на свободные стулья по другую сторону стола. Первый магистр Эдриан и король Николас не могли присутствовать: они находились в Алилуте по поручению совета. Юная Ляля Бимбикен, замещающая погибшего

магистра правосудия, славилась отменной дисциплиной, но почему-то и Ляли до сих пор не было на месте. По правую руку от Авроры раньше сидела магистр благосостояния, но её схватили на прошлой неделе. Наконец, отсутствовала Венда Амейн: посланная за ней служанка вернулась перепуганная и сообщила, что королевы-на-покое нигде нет.

– Как же это?! И где Бимбикен? – не выдержала Аврора.

Альфа Камила прикрыла глаза и глубоко вдохнула. «Пожалуйста, – взмолилась она, – пожалуйста, позволь мне...» И после небольшого промедления воздух уступил – наполнил лёгкие чем-то бóльшим, чем простой кислород, и у Альфы закружилась голова, когда среди миллионов тончайших колебаний она различила шёпот листвы и шорох гравия на дорожках.

– Её высочество сейчас в парке, – сказала она горничной. – Прошу, найди её и передай, где мы.

– А Бимбикен не придёт, она... э-э... в отъезде, – заметил магистр земли Гимель Лукос. Он помедлил несколько секунд, прежде чем продолжить: – Эдриан отослал её к западным рубежам.

Брови Аристарха поползли вверх.

– К западным рубежам? В единственное место, где всё спокойно?

– Значит, дни королевства сочтены, – проронила Эстель, до этого молча сидевшая в кресле. Она вскинула голову и принялась разглядывать узор на потолке, вероятно, пытаясь сдержать слёзы. – Мы проигрываем... Для Бимбикен это шанс скрыться.

– Зачем? Чтобы возглавить какое-то новое сопротивление? – басом прогудел магистр воды Далет Осцельс. Он сидел хмурый и вертел в руках сине-зелёный браслет из полупрозрачных камней и ракушек. Глаза скрывали очки в толстой оправе, казавшиеся слишком большими и тяжёлыми на осунувшемся лице.

Альфа Камила устало уронила морщинистую руку на карту.

– Какое сопротивление, Осцельс? Погляди на сил расстановку. Просто хочется, чтобы жила девочка. Хорошая девочка Бимбикен.

– Вероятно, мы все погибнем, – кивнул Аристарх. – Но Ляля – не магистр. Она не должна.

Аврора трясущимися руками подняла кувшин, собираясь разлить воду по стаканам, но жидкость зашипела, вспенилась и выплеснулась через край.

– Успокойся, Далет, – сказала Бета, покосившись на Осцельса. – Что с тобой, чаю захотелось?

Магистр воды шарахнул кулаком по столу.

– Я не понимаю, – выпалил он, – не понимаю, сколько можно... И зачем им Флориендейл?! Если нужно здесь всё сломать, прежде чем строить новое, не проще ли убраться восвояси?

– Многие вернулись, – осторожно возразила Аврора. – Особенно тогда, когда всё только начиналось. Вы должны помнить.

Осцельс передёрнул плечами.

– Мы обязаны остановить этот мятеж, чтобы они не сделали с нашим миром то же, что и с Поверхностью, – глухо сказал он.

Все кивнули, но никто не ответил.

– Мы обязаны остановить... хм... мятеж, вот только мы не в силах этого сделать, – нарушил тишину Гимель Лукос. Он запустил руки в каштановые кудри, как делал всегда, когда должен был сообщить что-то неприятное – а в последнее время случалось это достаточно часто. – Не знаю, почему об этом молчат сейчас другие стихийники, но... магия покидает нас.

Слова были сказаны. Альфа и Бета переглянулись. Наконец-то они подошли к сути проблемы.

– Эстель, очень серьёзно это. – Камила приложила сухую ладонь ко лбу, проверяя, нет ли у неё жара. Как же сложно иногда складывать слова в предложения!.. – Вчера весь день слабела стихии сила, и ночью не смогла полностью обеспечить защиту города с воздуха я. Мне жаль, но упала в наш сад одна бомба, и на окраине Флоры, у вокзала, взорвались ещё два снаряда.

– Но нет, подождите... Марша сказала, что Далет потушил пожар, а значит...

– Ох, я помогала Осцельсу один он бы не справился, – поспешила вмешаться магистр огня. – Я сдерживала пламя, а Осцельс направлял воду, только так мы смогли быстро покончить с этим, прежде чем пожар охватил беседки и основное здание. Боюсь даже представить, каково пришлось тебе, Камила! Упустить всего три бомбы... – Она слегка улыбнулась Альфе, восхищённо и сочувственно одновременно.

– *Целых* три бомбы, – голос Альфы дрогнул. – Эстель... знаете, самое ужасное в этой ситуации что? Не понимаем причины, по которой так стремительно пошла на спад стихий сила.

Эстель уставилась на магистров стихий. Альфа и Гимель встретили её взгляд, Далет рассматривал свой браслет, Бета массировала виски, закрыв глаза.

– Атлас, – вдруг сказала Аврора странным, как будто вмиг охрипшим голосом. – Так вот в чём... Атлас всех времён стирается без этой силы. Поглядите!

Девушка торопливо раскрыла толстую книгу на произвольной странице – лишь для того, чтобы все увидели, как с бледно-серого пергамента одна за другой выцветают буквы. Не прошло и полминуты, как страница совершенно опустела и словно бы потемнела. Альфа непроизвольно протянула руку в сторону Атласа и замерла...

Атлас всех времён был неотъемлемой частью Флориендейла, реликвией, передававшейся в королевской семье из поколения в поколение. В балладах, картинках и притчах он делился мудростью; рассказывал о событиях из прошлого, если считал это уместным; предупреждал об опасностях; объяснял, как устроен мир. Но теперь пепельно-серые страницы молчали. Аврора перевернула несколько листов, и все присутствующие снова заворожённо наблюдали, как чернила исчезают в небытие – туда же, откуда появились.

– Вчера вечером... – начала Аврора, но осеклась. Дверь скрипнула, отворяясь. На пороге стояла королева-на-покое Венда Амейн.

у

Аврора мигом забыла, что хотела сказать. Госпожа Венда опиралась о дверной косяк и с видимым усилием держалась на ногах. Они все в последнее время сдали, и Венда не была исключением, но даже после гибели мужа горделивая осанка и звучный голос оставались при ней. Сейчас же королева вся как-то сгорбилась, съёжилась. Глубокие морщины стали как никогда заметны на постаревшем лице. Выцветшими глазами она не отрывно смотрела на Альфу Камилу Аристарх с неожиданным для грузного пятидесятилетнего мужчины проворством вскочил и подхватил Венду под руку. Она прошептала что-то, почти не разжимая потрескавшихся губ.

– Простите, госпожа Венда, повторите-ка? – ласково проговорил Аристарх.

– Сообщить семье... – разобрала Аврора, – надо... его дети...

Аристарх обеспокоенно оглянулся на Эстель.

– Чьей семье? – в один голос спросили Эстель и Аврора.

– Прошу вас, присядьте. – Аристарх ненавязчиво по тянул Венду к столу, но она запротестовала. На настоящее сопротивление у неё, по-видимому, не было сил, но даже слабая попытка остановила Аристарха, который не смел действовать против её воли.

– Нет! – прошептала Венда. – Я не могу... это всё из-за меня... всё из-за меня!

Аврора, кажется, поняла, о ком речь, хотя суть произошедшего по-прежнему от неё ускользала. Она с усилием оторвала взгляд от бледного лица королевы-на-покое и заметила в её трясущихся пальцах мятый листок бумаги.

– Аристарх, – тихо сказала Аврора, – письмо...

Он кивнул и попытался мягко высвободить листок из железной хватки Венды. Она позволила ему и вдруг, освободившись от письма, словно воспрянула духом: распрямила плечи, развернулась и, пошатываясь, направилась прочь из гостиной.

– Продолжайте без меня! – бросила магистр огня и поспешила вслед за Вендой.

Оставшиеся в гостиной напряжённо глядели на Аристарха. Глубокая складка пролегла у него на лбу. Письмо, по-видимому, было совсем коротким. Скорее даже не письмо, а записка, потому что Аристарху понадобилось лишь несколько секунд, чтобы пробежать текст глазами дважды, после чего он швырнул клочок бумаги на стол и с тяжёлым вздохом опустился на своё место.

– Боюсь, друзья, мне нечем... – его голос дрогнул. – Эдриан убит. Погиб от взрыва на вокзале.

Тишина. Альфа Камила спрятала лицо в ладонях. Эстель замерла, вцепившись руками в стол.

– Это была не случайная бомбардировка, – ещё больше помрачнел Далет Осцельс. – Аристарх, а про Нико что пишут?

Магистр доходов и расходов опустил голову.

– Его высочество тяжело ранен. С ним лекари, но... пока неизвестно. Он...

– Замолчите! – воскликнула Аврора.

Она по-прежнему смотрела на Эстель. Со стороны королева казалась застывшей статуэткой, но выражение её лица едва заметно менялось каждую секунду: потрясение, боль, страх, надежда, отчаяние, ужас. Она совсем побелела после последних слов Аристарха и покачнулась в кресле.

Прошло несколько мгновений, прежде чем магистры осознали, что она потеряла сознание. Эстель соскользнула на пол.

– В лекарскую! – скомандовал Гимель.

Он топнул ногой, и пол отозвался едва заметной вибрацией. Аврора догадалась, что магистр земли предупреждает кого-то, наверное врачей, – она сама не раз получала от него вести таким образом. Далет помог Гимелю поднять бесчувственную королеву, и вместе они вынесли её в холл. Когда их голоса затихли, Аристарх неловко встал с кресла. Он сгрёб со стола проклятую записку, сказал, что разыщет госпожу Венду и Бету, и удалился, оставив Аврору наедине с Альфой Камилой.

Аврора, впрочем, даже не заметила, что Камила не ушла вместе с остальными. Магистр воздуха продолжала сидеть без движения, спрятав лицо в ладонях. Серебристая, в цвет воздуха, шаль укрывала её полные плечи, и Камила сливалась со стенами пастельных тонов, словно была предметом обстановки. Аврора, задумавшись, совсем о ней позабыла.

Авроре впервые было по-настоящему страшно. С тех пор как она пересекла невидимую границу между Поверхностным и Новым миром, дела в королевстве шли хуже и хуже, но Аврора никогда не теряла веру в то, что однажды всё наладится. В этом удивительном месте жили удивительные люди, они открыли для неё совершенно иные перспективы. Здесь она наконец поняла, что значит быть счастливой. Флориендейл не заслужил того, что с ним собирались сделать чужаки из её мира.

Опустив глаза, Аврора с любовью погладила жёсткий корешок Атласа. Книги... Они провожали её в путь в тот день, когда она случайно, как и многие другие, шагнула из Поверхностного в Новый мир и оказалась на незнакомой набережной, хотя всего несколько мгновений назад стояла в библиотеке в Тюбингене. В руках у неё так и осталось старое издание «Потерянного Климта» Валя и Краммера.

Аврора обернулась, но за спиной не оказалось двери, через которую можно вернуться обратно. Ни норы, ни зеркала, ни атмосферных аномалий, свидетельствующих о том, что только что здесь существовал проход прямо в центр Европы. Нет, за спиной был только старый город с синими крышами. Как Аврора потом объяснила Эстель, именно синие крыши и небо странного бирюзового оттенка подсказали ей тогда, что она оказалась очень, очень далеко от своего университета.

Аврора обожала Флориендейл. Она исследовала его с присущей ей страстью искусствоведа. Другая религия, культура, история – всё было необычно, и она с наслаждением открывала для себя новую страницу каждый день. Многие мигранты, ярые сторонники Линчева и Роттера, утверждали, что королевство их не принимает, но Аврора знала: это не так. Королева Эстель протянула им обе руки – бери не хочу! Аврору даже избрали магистром, и никто не посмотрел на то, что она чужестранка с Земли.

Беспорядки начались неожиданно и застали магистров врасплох. Тогда, ещё в самом начале, когда всё казалось ошибкой, недоразумением, временным испытанием, был убит отец Эстель. За один день госпожа Венда совершенно переменилась и с тех пор ни разу не улыбнулась, даже когда узнала, что её дочь ждёт ребёнка.

Затем случился провокационный марш в Ориентале: снова погибли люди, но на этот раз полиции удалось схватить зачинщиков. Магистр правосудия приговорил их к пожизненному заключению и на следующий же день, возвращаясь домой, был убит неизвестными.

Последние иллюзии магистров развеялись. Ни Эстель, ни Венда не могли больше вести дела и задавать курс, и страна, словно гигантский корабль, дрейфовала к закату. Как всегда, магистр Эдриан принял командование на себя и встал у руля. И вот теперь его нет... и корабль идёт ко дну. Когда такой финал стал неизбежным? Неужели только сегодня, когда магистры признали, что магия покидает Флориендейл, когда Эдриан погиб, а короля опасно ранило, когда Атлас отказался делиться своей мудростью? А может, когда чужаки из Поверхностного мира вышли на улицы Ориентала, требуя созыва парламента? Аврора покачала головой. Она догадывалась, что началось это не сегодня и не вчера, а уже довольно давно: когда Эдгар Линчев, биофизик с Земли, распознал свойства пространственных

дыр; когда он научился контролировать их и превратил нестабильные прорехи в надёжные, постоянно действующие коридоры между мирами. Это и было началом конца.

Аврора провела здесь пять лет, и за это время сам Флориендейл ничуть не изменился. Из окна она видела всё те же синие крыши под бирюзовым небом, что и в первый день, солнце всё так же всходило на востоке, внезапно выглядывая из-за зеркального Занавеса. Законы мироздания, казалось, остались прежними, хотя магистры стихий знали, что это впечатление обманчиво. Но люди! Люди страдали, и вместе с ними страдали стихийные народы воды, воздуха, земли и огня, вынужденные скрываться, чтобы не попасть в руки террористов.

Альфа Камила шевельнулась в кресле. Аврора вздрогнула и рассеянно взглянула на неё.

– Давай поговорим снаружи, – неожиданно спокойно сказала та.

* * *

Они спустились в сад. Весна в этом году пришла поздно; солнце уже поднялось и позолотило кроны деревьев, но в парке всё ещё было прохладно и сыро. Альфа Камила взяла Аврору под руку – старомодный жест доверия.

По широкой аллее они молча миновали укутанные в вечнозелёный плющ старые беседки и пустую чашу фонтана, на дне которой блестели изумрудные монетки, и вышли на открытую площадку у озера. Сильный ветер тут же спутал волосы Авроры, и, пока она их поправляла, Альфа Камила стояла у балюстрады, закрыв глаза, раскинув руки, обнимая воздух.

– Что вы чувствуете? – спросила Аврора, так и не дождавшись, когда Альфа нарушит молчание.

– Печаль, – помедлив, отозвалась Камила. – Боюсь, что сегодня прощается со мной воздух.

– Но почему? Вы знаете, в чём причина?

Камила покачала головой.

– Не может быть! – воскликнула Аврора. – Должны быть какие-то догадки, ведь вы... Альфа Камила, вы магистр!

– Знать и догадываться – разные вещи, Аврора. – Альфа обернулась и натянуто улыбнулась. – Ведь догадываешься о чём-то и сама ты. Скажи, что тебе в голову приходит первое, почему исчезает магия?

Аврора поколебалась, прежде чем ответить. Да, конечно, она об этом думала. Те несколько часов, проведённых над выцветающими страницами Атласа, она просто не могла думать ни о чём другом!

– Это может быть связано с соотношением людей во Флориендейле, которые верят в волшебство и не верят. Я так решила: чем больше чужаков из моего мира, которые не хотят интегрироваться, тем слабее магия... Нет?

– Важная твоей теории часть – вера. И, может быть, права ты. Если хочешь знать, от тебя недалеко ушла я в своих догадках. Думается, что решающее значение имеет королевы вера. – Альфа Камила сложила правую ладонь в привычном стихийном жесте: четыре пальца плотно сжаты, большой лежит поверх. – Королева – наша сила, наш пятый элемент. Держит всё вместе: и нас, и стихии, и магию. Кроме неё, не может этого никто. *Jus sanguinis*... право крови.

– Что же, Эстель больше не верит во Флориендейл? – напряжённо спросила Аврора, крепче сжимая синий Атлас, как будто её собственная вера в эту книгу могла компенсировать недостаток веры со стороны королевы.

– Слаба и измучена Эстель. Прежде всего, не верит сама в себя она. А хуже всего именно это.

Аврора обернулась и посмотрела на замок – запутанный ансамбль белокаменных строений, то взмывающих в небо, то одноэтажных, с разбитыми на крышах садами. Тут и там виднелись башенки с синей черепицей, ярко сверкали золотые шпили. Над самой высокой из башен развевался флаг Флориендейла – полоса моря, полоса земли, огненное солнце встаёт из-за горизонта, а на небе – россыпь звёзд. Где-то там, в одной из комнат замка, Эстель уже, наверное, привели в чувство. Она потеряла почти всех родных, лишилась контроля над государством и скоро должна была принести в этот опасный, безрадостный мир ребёнка. Нет! Аврора погладила корешок Атласа. Пока у Эстель есть её магистры, она не одна. Они помогут ей найти выход, это их долг!

– Как нам всё исправить, как заставить её поверить в свои силы? Неужели она не понимает, что могла бы... – начала Аврора.

– Сомневаюсь. В таком отчаянии Эстель... К тому же лишь теория это. – Камила помолчала и пожевала губами.

– Но?.. – вырвалось у Авроры. Потому что здесь должно было прозвучать «но», оно буквально повисло в воздухе.

Тонкие губы Альфы дрогнули и едва не растянулись в улыбку.

– Но у меня есть план, и потому прошу твоей помощи, Аврора. С Поверхностного мира ты – знаю, там живут людей миллиарды. Хотела бы я, чтобы забрала у Эстель младенца после рождения ты и скрыла его на Поверхности, а взамен принесла другого ребёнка, похожего на Эстель.

Авроре понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что именно хочет от неё Альфа. От неожиданности она чуть не выронила Атлас. Ничего себе план! Понимала ли Альфа, какой путь им – ей и малышу – предстоит проделать, сколько времени им понадобится?

– Это должна сделать я, потому что вы не пройдёте пограничный контроль, – медленно проговорила она. – Вы не сможете уйти с ребёнком и не сможете вернуться, да и на Земле не разберётесь, что к чему.

– Верно, – согласилась Альфа Камила. – Зачем, понимаешь сама?

– Вы хотите, чтобы он поверил? Ребёнок? – прошептала Аврора, и Альфа медленно кивнула. – *Jus sanguinis*, единственный наследник! Но когда это будет? И кто позаботится о нём на Поверхности?

Альфа Камила медленно склонилась к земле и провела морщинистыми пальцами по лепесткам выглядывающего из-под скамейки хрупкого цветка. Аврора не знала его названия, хотя постоянно видела эти мелкие жёлтые цветочки в садах Флоры. Они росли в тени, росли на солнце, не боялись ни дождя, ни града и замечательно пахли. Это был всего лишь запах травы, но такой яркий, такой запоминающийся, что невозможно было представить без него прогулку по весеннему парку.

– Не знаю, – наконец сказала Альфа Камила, – однако наследника нужно спасти. Да поможет нам Ангел.

Воздух звенел от напряжения.

Девочка снова плакала. Эстель едва заставила себя сесть в постели. Выбралась из-под тонкого одеяла – всё равно от него никакого толку, – зажгла лампу и склонилась над колыбелью. Два блестящих глаза глядели на неё снизу вверх. После секундной передышки ребёнок вновь зашёлся криком. Эстель поставила лампу на тумбу, обречённо опустила на грубый деревянный пол у кровати и тоже заплакала.

Она могла бы долго так сидеть, если бы сквозняк не пронзал колючим холодом до самых костей. Эстель поднялась, сжав зубы, взяла беспокойную девочку на руки и приложила к груди. Маленькая Вероника продолжала кричать, хватаясь ручками за шею матери; слёзы текли по пылающим щекам младенца. Но Эстель не оставалось ничего иного, кроме как пытаться убаюкать её песнями и уговорами, как она делала вчера, и за день до этого, и за два дня. Она не знала, как облегчить страдания ребёнка, а спросить было некого.

За грязным окном бушевало море, призрачная белая пена вздувалась на тёмных гребешках волн. Снега не было – так далеко на юге он не выпадал, – но и без него становилось ясно: пришла зима. Рыбацкая лачуга под скалой сотрясалась от порывов безжалостного ветра. Он жадно трепал ставни, рвался в дверь, зловеще завывал в трубе. Эстель поёжилась и только теперь заметила, что маленький костерок в печи снова погас. У неё почти не осталось ни дров, ни еды. Когда же придёт следующая посылка? Сколько ещё им оставаться здесь?

Вероника постоянно кричала и привлекала внимание. Из-за неё им пришлось одну за другой сменить несколько деревень, пока Альфа Камила не отыскала для Эстель эту хижину на краю земли. Казалось, никого не интересовал пустынный каменистый берег Тёплого моря, и солдат Линчева и Роттера не было поблизости. Здесь Эстель с Вероникой временно находились в безопасности, но одиночество, отсутствие известий о семье и ситуации в стране и изнуряющий плач ребёнка измучили Эстель сильнее, чем постоянные перемены места.

Она пригладила волосики на голове девочки, крепко прижала её к себе и тихо запела:

Небо склонилось над головою,
Я засыпаю рядом с тобою,

Звёзды сияют для нас...
Чистое небо, добрые звёзды,
Ночь опустилась, так уже поздно,
Не открывай глаз.
Песенки эльфов, звук колокольцев
Если услышишь, спи и не бойся –
Воздух тебе в друзья.
Жар саламандры если почувешь,
Спи и не бойся, искру задуеть –
Огонь тебе в друзья.
И не пугайся во тьме шуршанья,
Гномы играют так с малышами –
Земля тебе в друзья.
Спи и не бойся, если русалки
Зовут тебя в прятки играть и салки, –
Вода тебе в друзья...
Ласковой ночи, спокойной ночи,
Спи, моя радость, малютка-дочка,
Ангел укроет нас,
Не открывай глаз.

Но всё было бесполезно: младенец продолжал хныкать. Эстель терпеливо допела колыбельную и успела снова развести огонь в печке, когда Вероника вдруг затихла. Лишь тогда Эстель различила среди шёпота морских волн резкие окрики и топот. Она торопливо подошла к пыльному оконцу и прильнула лбом к ледяному стеклу.

Туманную тьму прорезали яркие лучи фонарей, подсветившие берег и воду. Неясные тени бродили всего в нескольких метрах от хижины. О, она знала, кто это!

«Бежать!» – подумала Эстель.

Но... ей не хотелось бежать. Да и что они могли сделать ей теперь, когда у неё и так уже ничего не осталось? Она не королева, не Эстель Амейн. Флориендейл погиб, и это она погубила его!

Нет, бежать было поздно – и некуда. Её нигде не ждут. Эстель давно уже не получала новостей от матери и Альфы и почти не

сомневалась, что Алилут, где они скрывались, пал, как прежде пали обе столицы. Тогда к чему эти бессмысленные прятки?

Дверь не распахнулась от удара ноги, как снилось иногда Эстель в тёмных кошмарах. Просто щёлкнул бесполезный замок, и солдаты в тёмном камуфляже тут же наводнили последнее убежище королевы. Один из них вёл перед собой молодую женщину: её тёмные косы растрепались, лицо было в ссадинах, одежда разорвана. Грязные ноги кровоточили: её заставили идти босиком по острым камням.

– Аврора! – воскликнула Эстель.

– Я пыталась... – заговорила магистр, но солдат дёрнул её за связанные запястья, заставляя замолчать.

Они расступились, пропуская вперёд своего командира. Он был в таком же камуфляже, только неизменные перчатки ярким пятном выделялись на тёмном фоне. А лицо... В общем-то обычное: глубоко посаженные насмешливые глаза, тонкий прямой нос, слишком полные для мужчины губы. Не оно внушало Эстель ужас, а то, что скрывалось за ним, – злая душа и сладкие, насквозь лживые речи, которые он источал медленно, словно яд, смакуя каждое слово.

Роттер протянул к ней руки в перчатках и замер. Эстель уставилась на красные пальцы и почти перестала дышать.

– Дай, – потребовал он.

Эстель парализовало от страха: она совершенно не понимала, чего он от неё хочет. Один из солдат шагнул к ней, но Роттер жестом остановил его.

– Дай мне ребёнка.

Эстель вздрогнула, метнулась в сторону, но бежать было некуда. Некуда!

Тогда она развернулась к Роттеру спиной, бросилась на пол и зажала уши. Сейчас, сейчас они выстрелят... Почему они не стреляют?!

– Мы не убьём вас, – сказал кто-то.

– Вы... нет?! – вырвалось у Авроры.

Эстель услышала, как магистр вскрикнула от последовавшего удара.

– Ты наша пленница, Эстель, ты и твой ребёнок, – спокойно подтвердил голос Роттера. – Да, это правда, мы не собираемся вас убивать. Всего лишь арестуем. Впрочем, молочных рек и кисельных

берегов не обещаю. Скоро сама станешь умолять, чтобы это кончилось. А мы? Не знаю, может быть, тогда мы прекратим твои мучения, а может, и нет.

– За что вы нас так ненавидите? – глухо спросила Эстель. Роттер усмехнулся.

– Ненависть? Что ты! *Тебя* я не ненавижу, милая. Я был бы к тебе абсолютно безразличен, если бы ты не стояла у меня на пути. Впрочем, скоро так оно и будет.

Тихий стон Авроры напомнил Эстель о вопросе, который она одновременно жаждала и боялась задать.

– Да, – произнёс Роттер, будто поймав её мысль в воздухе, – твои друзья – их больше нет. Мы взяли Алилут, но они не захотели пасть передо мной на колени, вот как ты сейчас, так что пришлось их уничтожить. Всех.

Эстель, наверное, должна была отреагировать – но не смогла издать ни звука. В душе не осталось ни боли, ни страха, только абсолютная пустота, вакуум. На мгновение ей померещилось, что она уже не живёт, а смотрит на происходящее как бы со стороны, и собственная нелепая, скорчившаяся на полу фигура в серых тряпках поразила Эстель. Нет, это не может быть она!..

В детстве ей больше всего на свете хотелось поскорее стать королевой, чтобы принимать у себя гостей и путешествовать по городам и деревням. Эстель хотелось дарить подданным Флориендейла улыбки и помогать в решении даже самых мелких неурядиц. А какие платья она рисовала в своём воображении! И мечты сбылись, она получила всё: и платья, и гостей, и путешествия. И неурядицы... Как жаль, что Эстель тогда ещё не догадывалась – не всякую размолвку можно разрешить улыбкой.

Куда подевалась та маленькая девочка, верившая в сказку? Сказка обернулась кошмаром, мечты рухнули и погребли под собой весь мир. Её страны больше нет, её семьи больше нет, и она должна с этим жить! И растить ребёнка, который ей чужой.

– А помнишь, как всё было раньше? – усмехнулся Роттер.

– Да... – почти беззвучно прошептала Эстель.

– Больше так не будет никогда.

Часть 1

а

Колокол в посёлке гулко ухнул – наверное, шесть утра. Лидия остановилась на секундочку, натянула шапку на замёрзшие уши и оглянулась на пустую дорогу за спиной. Ни души, только вдаль сверкают несколько огоньков. И кому не спится в такую рань? Ну, кроме неё, конечно.

Она хихикнула и побрела дальше, осторожно балансируя и иногда поскользываясь на льду. Эх, брат её по стенке размажет, если узнает, что она убежала в поле без старших девочек. Вообще-то Стафис запретил ей соваться туда одной и попросил Мари и Касси её сопровождать, что они и сделали накануне... Но всё зря! Они опоздали: солнце поднялось, лепестки ориенти съёжились и сложились в плотные бутоны. Снова будить сестёр Клиндер затемно Лидия постеснялась, поэтому решила попытать удачи самостоятельно. В конце концов, не маленькая уже! А что брат сказал... Он же старший, ему положено за неё переживать и запрещать всякое.

– Ну вот и пришли наконец, – пробормотала Лидия, негнущимися пальцами складывая карту с размеченными секторами.

В Цветочном округе можно было найти цветы со всех концов Соединённой Федерации и даже из Поверхностного мира. Здесь их выращивали, собирали в букеты, сушили лепестки и листья, продавали в аптеки и на парфюмерные фабрики, варили нектары, мармелад и ещё всякое разное. Секторов было много, но Мари научила Лидию читать карту. И сейчас она замерла на границе между полем цветущей ориенти и большим участком под лиаверы, пока что пустым и перекопанным, как и большинство территорий Цветочного округа в конце зимы.

Ориента вовсе не была каким-то особенным цветком; ту же лиаверу ценили гораздо больше – за аромат, красоту и полезные свойства. И всё же Лидии нужна была именно ориента: она напоминала о маме, о севере. Склонившись над голубыми цветками,

девочка отчётливо услышала в голове мелодию любимой колыбельной и хриплый мамин голос. Лидия улыбнулась и с нежностью потрогала жёсткие лепестки – сворачиваясь при первых солнечных лучах, они сохраняли холод в бутоне до следующей ночи. Достав ножик, Лидия аккуратно срезала сразу несколько цветков.

– А-а-а...

Лидия вздрогнула и чуть не порезалась. Цветы не могли издать такой звук, это был человеческий голос! Девочка медленно выпрямилась и прислушалась. Через минуту стон повторился.

Лидия осторожно подняла корзинку, готовая в любой момент пуститься бегом, и побрела вдоль дороги. В предрассветном застывшем полумраке каждый шорох и порыв ветра казались подозрительными. Неожиданно что-то шевельнулось на пустом участке поля, и девочка резко обернулась. Движение было в секторе лиавер! То, что Лидия поначалу приняла за кучу вскопанной земли, теперь, когда стало чуть-чуть светлее, приняло очертания человеческой фигуры.

– Из-звините? – выдавила Лидия. Было жутко, но в то же время любопытно, и она подошла ближе. Съёжившись, на холодной земле лежала женщина с закрытыми глазами. – Эй! – позвала Лидия, осмелев. – Вы кто?

– Каждый должен... знать, – прохрипела женщина, – кто мы...

– Почему? – Лидия наклонилась ближе, но заметила кровь и отшатнулась.

– Иначе...

Лидия молча смотрела на женщину. Должно быть, та сильно ранена. Лидия однажды уже видела умирающего человека в больнице у брата и очень испугалась – глядеть не хотелось, но и отвернуться она не могла.

– Мне позвать на помощь? – прошептала Лидия, опускаясь на корточки.

– ...Всё бесполезно, – выдохнула женщина и, с усилием приподнявшись на локте, на мгновение коснулась щеки девочки.

Лидия завизжала: ладонь была холодная и липкая. Не сознавая от ужаса, что делает, Лидия вскочила и бросилась бежать – скорее прочь, в посёлок! Она падала на лёду и снова поднималась, лишь бы оказаться как можно дальше от этой смерти, и боли, и странных слов.

– У меня тоже... сестрёнка, как ты, – шептала женщина горячими губами, – и братик. Ты... увидишь...
Но Лидия была уже далеко.

* * *

Светало. Роза Клиндер деловито помешала ложкой кашу в кастрюле, вытерла руки о полотенце и полезла в чулан за банкой цветочного варенья детям к завтраку.

– Пора вставать! – крикнула она в сторону спальни, но, как это обыкновенно бывало, никто не отозвался.

Покачав головой, Роза зашла в комнату. Маленькое окно было занавешено яркой тряпкой, но и той толики света, что проникал сквозь эту импровизированную штору, хватало, чтобы осветить скудную обстановку: деревянную кровать и стеллаж, заменявший одежный шкаф. На кровати, уткнувшись друг в друга коленками и локтями, с трудом умещались её дочери, двойняшки Мари и Кассандра. Одна из них продолжала сладко дремать, обняв свой уголок подушки, но другая уже открыла глаза и потягивалась. Роза пыталась убедить дочерей, что они уже слишком взрослые для узкой постели и будет лучше, если кто-то из них переберётся спать на веранду, но без толку. Мари и Касси не желали расставаться друг с другом даже на ночь.

Роза не успела повторить своё приглашение: в этот момент кто-то отчаянно забарабанил во входную дверь кулаками, и это подействовало на детей лучше любого будильника. Роза поспешила к крыльцу, а девочки вскочили с кровати и стали торопливо одеваться.

– Мама, кто там? – крикнула ей вслед Мари. – Надеюсь, у папы всё в порядке?

Отец девочек работал в Алилуте и месяцами не появлялся дома. Роза нахмурилась при этой мысли, но быстро расслабилась, когда увидела за окном маленькую подружку дочерей, сестрёнку Стафиса.

– Мари! – рыдающая Лидия проскочила мимо Розы, стоило только приоткрыть дверь, и бросилась в их комнату. – Касси! Скорее, скорее!

Больше она ничего не могла сказать. Лидия задыхалась, всхлипывала и цеплялась за руки сестёр. Кассандра налила ей стакан воды и всмотрелась в покрасневшее лицо.

– Чем это ты перемазалась? – Она коснулась бордового пятна на щеке девочки и попыталась оттереть его, но без особого успеха.

Мари заверила мать, что они отведут Лидию в больницу к Стафису и тут же вернутся, и девочки ушли. Роза с беспокойством смотрела им вслед, пока дети не скрылись из виду. На узкой улочке, припорошённой снегом, царили тишина и безмятежность. Соседи просыпались, ставили чайники, слушали радио; никто не заметил, как маленькая Лидия вихрем пронеслась через весь посёлок. И почему она просит помощи у её дочерей? Почему не у неё, взрослой женщины? Роза бросила взгляд на часы, захлопнула дверь и вернулась к плите. Незачем думать об этом – у неё и без детских истерик забот полон рот.

* * *

– Что ты натворила? – Брата Лидии не пришлось долго ждать. – На тебе лица нет!

Кассандра фыркнула. Кто бы говорил! Они вызвали Стафиса с ночного дежурства: он и сам выглядел так себе. Кассандра и Мари не хотели его беспокоить, но из сбивчивого рассказа Лидии выходило, что женщине в поле срочно нужен врач.

– Ещё раз, где вы её нашли? – поморщился Стафис. – Ангел! Надеюсь, я ослышался.

– В секторе лиавер, – повторила Мари. Она умолчала о том, что Лидия ходила на поле одна. – Стафис, мы догадываемся, что это значит, но Лидия...

– Да, конечно, – кивнул он. – Ох уж эти... ливьеры. Женщина ещё жива, да? Погодите две минуты, я отправлю людей ей на помощь, и пойдём домой. Моя смена закончилась.

Две минуты растянулись на полчаса, и, когда они наконец покинули больницу, уже совсем рассвело. Стафис молча шёл рядом с сестрёнкой, сжимая её руку. Мари и Кассандра брели следом. Мари достала заколку и пыталась на ходу причесаться, а Кассандра рассеянно пинала камни на дороге.

– Что ж, лиаверы. Красивые цветы, верно, Лидия? – Стафис начал издалека.

Они остановились у старого дома, который был даже меньше, чем дом Мари и Кассандры. Просто невероятно, как всё семейство Стафиса и Лидии умещалось там, когда собиралось вместе. Наверное, поэтому их отец и сестры предпочли уехать и работать за пределами посёлка. Или всё-таки дело в безработице?

– Лиаверы прекрасные! – отозвалась девочка. – Но ориентиру я люблю больше.

Стафис нахмурился, отпирая дверь и пропуская их вперёд.

– И всё же, надеюсь, после сегодняшнего происшествия ты больше не станешь самовольно сбегать в поля? Вы садитесь, я заварю чай.

Сёстры устроились на двух единственных стульях, а Лидия забралась на колени к Мари. Пока Стафис наливал воду в чайник, Кассандра продолжила за него, не выдержав вопросительного взгляда девочки:

– Лиаверы – безумно дорогие цветы, Лидия. Но дело даже не в этом. Есть такие люди...

– Ходят слухи, – вмешалась Мари. – Об этих людях ходят слухи, Касси. Мы не знаем наверняка.

– Как это не знаем, если Лидия своими глазами сегодня... э-э... то есть мы вместе своими глазами...

– Да брось, Касси, я уже понял, что Лидия улизнала без вас, – вздохнул Стафис.

Кассандра невольно улыбнулась: не ругается, надо же! Но тут же одёрнула себя и строго посмотрела на девочку.

– Так вот, Лидия, – продолжила она, – лиаверы – это цветы пятого класса, поэтому в их сектор запрещено ходить без допуска, там может быть опасно. Не то чтобы там часто случались такие вещи, но всё возможно.

– Так кто же это?! – нетерпеливо воскликнула Лидия. – Что за женщина?

– Ливьера, – отозвался Стафис. Ожидая, пока заварится чай из дешёвых пакетиков, он плеснул на себя водой и несколько раз провёл ладонями по бритой голове и лицу, словно надеялся смыть круги под глазами.

– Лив... как цветок, что ли?

– Созвучно. Говорят, что они обладают волшебной силой, потому что едят лиаверы. Но это, конечно, полный бред! Ты же знаешь, Лидия, – тоном школьного учителя сказал Стафис, – что раньше наша страна называлась Королевство Флориендейл. Как давно существует Соединённая Федерация, ну-ка?

– Пятнадцать... или нет, шестнадцать лет, – ответила девочка.

– Верно. А дальше всё просто. Ливьеры – это такие люди, которые собрались вместе, потому что до сих пор хотят вернуть королеву на трон. Про них иногда говорят по телику, выставляют их опасными преступниками и врагами Федерации, ничего нового.

– Мы же продали телевизор? – протянула Лидия.

– Да, но он есть у меня на работе.

– Ну вот, а в школе нет... – девочка поджала губы.

– Стафис, но они же на самом деле не опасны? – Мари приняла чашку из рук Стафиса и благодарно кивнула. – Много их?

– Этого я не знаю, Мари, а верить официальным цифрам нет смысла. Я их даже не запоминаю.

– Но ты на стороне лиавер, да? Тьфу, то есть ливьер, – спросила Кассандра. – Ты бы тоже хотел вернуть королеву?

Она сто лет жила по соседству со Стафисом, но не слишком хорошо его знала. Стафис больше времени проводил с Мари, которая помогала ему в больнице и часто оставалась приглядывать за Лидией, когда у него были долгие дежурства или вызовы.

– Да какие тут стороны? Я не то чтобы одобряю эту шайку у власти, – Стафис понизил голос, будто кому-то в такой глуши могло прийти в голову подслушивать их разговор.

Конечно, он обращался уже не к сестре, а к девушкам. Лидия быстро заскучала и занялась поглощением печенья, до которого могла дотянуться, не вставая с колен Мари.

– Сначала Линчев, потом Роттер... Я за достойную жизнь, вот за что я. Последняя королева была такая... неуверенная в себе дама, насколько я помню. – Он на мгновение задумался. – И всё-таки при новой власти жизнь стала... Да что вам объяснять, сами знаете.

Кассандра огляделась. Все без исключения дома в их посёлке обветшали и нуждались в капитальном ремонте. Работы тут было мало, особенно зимой. Каждый год власти округа отбирали у них несколько цветочных секторов и передавали более крупным

поселениям. Можно было устроиться в школу или больницу, но и там платили так мало, что Стафис в своё время переругался со всеми родственниками, когда отказался уезжать в Индувилон на заработки. Ссора тянулась несколько месяцев, пока отец не придумал оставить Стафиса «на хозяйстве» с маленькой Лидией, а старших сестёр забрал с собой. С тех пор обе стороны, продолжая жить в крайней бедности, удивительным образом были довольны друг другом.

– Перемены тогда произошли радикальные... – вспоминал Стафис. – Роттер всё с ног на голову перевернул, многих арестовали. Это, конечно, не понравилось ливьерам. Правда, эти дамы не сразу о себе заявили... лет пять-шесть назад.

– Там только девочки? – удивилась Кассандра. Об этом она слышала впервые.

– Девочки, женщины, верно.

– А где же мужчины? Или их всё устраивает?

– Откуда мне знать? – Стафис пожал плечами. Он размешал ложку цветочного мёда и громко отхлебнул из чашки. – Нет, вряд ли, конечно, мужчин всё устраивает. Может, они там эти... феминистки. В общем, если полиция ловит ливьера, их забирают в Роттербург. А раненые или больные ливьеры иногда забредают на наши поля, как будто им среди ливьер умирать не так страшно.

– Тогда их души попадают в рай, – тихо сказала Лидия.

Мари невесело усмехнулась.

– Стафис, а с той женщиной, ну которую я нашла, всё будет хорошо? – спросила девочка и дотронулась до своей щеки.

– Не знаю, сестрёнка, но доктора постараются её вылечить.

– А что потом? Вы выдадите её? Властям, я имею в виду? – напряжённо спросила Кассандра, пристально глядя на Стафиса.

Он покачал головой, отводя глаза.

– Это зависит от пациента, Касси. Я помню пару случаев... Обычно ливьера благодарит за помощь и тихо уходит, если только ей не попадётся особо законопослушный врач – так это не про наше захолустье. А вот была одна девчонка, хитрая лиса, ещё и рыжая... Она сама попросила передать её в окружную полицию.

– И что потом? – Кассандра затаила дыхание.

Стафис нахмурился, словно не хотел говорить, но всё-таки ответил:

– Застрелила полицейских и сбежала.

β

– Мы не можем казнить Эстель Амейн! – снова повторил Игорь Линчев. От волнения он то и дело щёлкал шариковой ручкой, и Роттера это уже начинало раздражать. – Ты подумай, что напишут в газетах!

– Я подумал, – Роттер усмехнулся, не отрывая глаз от города за окном. – Но время пришло. Шестнадцать лет назад ты был против, и правильно. Я рад, что хотя бы тогда папаша к тебе прислушался...

Из толстого Игоря вырвался какой-то звук – то ли вздох, то ли возглас негодования.

– Конечно, в тот момент такое громкое убийство... то есть я хотел сказать, казнь... нам бы только повредило, – меланхолично продолжил Роттер. – Но это было давно, а сегодня всё иначе. Не надо цепляться за прошлое, Игорь, оставь его гнить на компостной куче. Флориендейл – миф. – Роттера передёрнуло от отвращения. – Королева Флориендейла – миф. Она годами сидит в своей алилутской тюрьме и ещё столько же просидит, тут большого ума не надо. Ты пойми, о ней уже не помнит никто, кроме кучки психованных фанатиков – так этим всё равно никогда не угодишь. Ты говоришь: газеты. К чёрту газеты! Сейчас такой момент, когда мы можем повернуть это дельце потихому. Я хочу от неё избавиться, и точка.

– Но как же обещание, которое мы дали, когда... помнишь, обещание, что мы не тронем Амейн и ребёнка в обмен на информацию и лояльность нашего... сообщника? – Игорь проигрывал, но явно не собирался сдаваться без боя.

– Не будь так наивен, – ухмыльнулся Роттер и, развернувшись к Линчеву, внимательно на него посмотрел. – Наш друг и «сообщник» спасал себя, свою жалкую загибающуюся душонку, когда просил не убивать их. Мол, я предатель и подлец, но всё-таки не убийца. И мы охотно ему подыграли – зачем же доводить человека до исступления?

Игорь салфеткой промокнул выступивший на лбу пот.

– Только где он теперь, наш приятель? – продолжил Роттер. – Мы, кажется, позаботились о том, чтобы среди наших новых друзей не

было предателей. Он уже, небось, давно помер. Его маленькое желание мы выполнили, но срок давности истёк, финита. Так что... нечего тянуть, – подвёл он итог. – Плесни мне шампанского, Игорь, это надо отметить.

– Отдашь приказ прямо сейчас? – спросил Линчев, доставая бутылку шампанского из стеклянного шкафчика в углу просторного светлого кабинета.

Роттер задумался.

– Нет, позже. Переговорю с Холландом, как лучше с этим покончить. Передай ему, пусть позво... нет, вызови его сюда. Давно уже он не показывался.

Когда Линчев ушёл, Роттер встал, потянулся, разгибая затёкшую спину, и подошёл к окну так близко, что чуть ли не уткнулся в него носом.

– Отличная погодка сегодня, – довольно промурлыкал он.

Лучи солнца отражались в стёклах зданий; свет дробился, множился, и всё вокруг сияло. Восхитительно! В такую погоду Роттер гордился своим детищем даже больше обычного. Вот он – Роттербург, его столица, его мечта, а не Флора и Ориенталь, то жалкое подобие городов, где ему пришлось провести столько лет на пути к власти.

Роттер помнил, как его, тогда ещё тощего подростка, угораздило провалиться в этот мир с Поверхности. Это был не город и даже не деревня – место, куда его занесло. Так, горстка хижин на окраине леса. Роттер презирал людей, приютивших его, этих необразованных грубоватых дикарей, которые и носа не высовывали за ограду своих земель. В восемнадцать лет он свободно говорил на трёх языках, видел Чикаго, Пекин и Москву, погружался на подводной лодке и имел разряд по шахматам, но их интересовало только, умеет ли он доить коз. Просто кошмар! Роттеру до сих пор становилось дурно при одной мысли о козах, и он предпочитал не вспоминать об этом унижительном периоде своей жизни. Кроме разве что...

Впрочем, всё хорошо, что хорошо кончается, и через несколько лет скитаний по Флориендейлу, когда он наконец привык обходиться без электричества, научился ездить верхом и в совершенстве освоил их убогий диалект, Роттер случайно наткнулся на портал домой. Пространственные дыры открывались и закрывались произвольно в

самых непредвиденных местах, но обычно – только в одну сторону. А ему повезло!

Ликующий Роттер вернулся на Поверхность и зарёкся, что ноги его больше не будет во Флориендейле. Он решил податьсь в политику. Но быстро уяснил, что все места в партере уже заняты, а глядеть на сцену, стоя в пятом ряду на балконе слева, он не хотел. На Земле не нужны были такие, как он, мастера по козам и выращиванию капусты без школьного аттестата, своё время он упустил. Однако отказываться от мечты о грандиозной политической карьере Роттер не хотел. Семь лет жизни не так-то просто вычеркнуть из памяти, и он задумался: а надо ли вычёркивать? К Флориендейлу он испытывал лишь брезгливость, оказаться там и снова вляпаться в их средневековый быт – ничего не могло быть хуже. Но что, если новый мир станет играть по его правилам?..

Мысль эта была так соблазнительна, что он стал буквально одержим ею. Он вспомнил, как долговязая нескладная девица, «королева» Эстель, махала ручкой с балкона своим новым подданным, когда Венда Амейн вышла на пенсию – или как они там это называли. В том мире партер был пуст, и он, Роттер, мог не просто занять лучшее место – он мог дирижировать оркестром!

К тому времени как международное сообщество признало Флориендейл и толерантно провозгласило принцип невмешательства в дела Нового мира, Роттер уже нашёл того, кого искал: биофизика Эдгара – амбициозного, гениального и недооценённого. От Эдгара вечно несло вонючим табаком, а Роттер ненавидел курильщиков, однако старик полагал, что знает, как стабилизировать пространственные порталы между мирами, так что приходилось терпеть.

К сожалению, Линчева интересовали только сами исследования. Он делал это «для науки», чтобы его наконец-то начали приглашать на конференции вместе с большими шишками. Он отказался делиться с Роттером своими разработками. Пришлось потратить ещё несколько месяцев, чтобы ублажить старика, очаровать его невзрачную дочку Ирину Линчеву и сына-неудачника Игоря, и вот уже они вместе следили за раскрытием пространственного коридора в другой мир, впервые проходившим под полным контролем человека!

Это было не менее легендарно, чем высадка Армстронга на Луну, но Роттер, надавив на все рычаги и прибегнув к волшебному воздействию табака и алкоголя, заставил Эдгара умерить гордыню и скрыть эксперимент от академиков. Эдгар жаждал признания и почёта, толпы, которая будет кричать его имя, – всё это и даже больше Роттер пообещал ему, но не на Земле, а в Новом мире. Конечно, после всего, что он вынес, Роттер не собирался ни с кем делиться своим триумфом: он подтолкнул старика в будущее кресло предводителя специально. На фоне обрюзгшего и нелепого Линчева Роттер выглядел разумным и надёжным управленцем. Что ж, Линчев это понял, но слишком поздно.

Королевство сдалось легко – теперь Роттеру так казалось, хотя гражданская вой на велась долгие три года и унесла немало жизней, в том числе среди его людей. Были забастовки и марши, убийства и теракты, перебежчики, дезертиры, были жертвы среди населения. Роттер не считал себя виноватым ни в чём. Он лишь заронил семя недовольства – будь эта земля неплодородной, оно бы не возшло. А раз возшло, да ещё и расцвело таким буйным цветом, значит, были предпосылки.

Главным препятствием до самого конца оставалась ненавистная магия, которая пронизывала Новый мир, словно плесень – гниющие продукты. Она до чёртиков пугала Роттера, хоть он и был достаточно умён, чтобы никому об этом не говорить. Ему нечего было противопоставить их шаманским фокусам: его лучшие самолёты не летали, а солдаты вязли в болотах по мановению руки магистров королевы. Но Роттер не сдавался и был вознаграждён. Настал день, когда их преданный пёс – королевский предатель – прибежал сообщить, что стихии вышли из-под контроля. Это означало победу! Впереди ждало столько проектов...

Его мысли прервали отрывистый сигнал интеркома и голос секретаря:

– Господин Роттер, к вам майор Холланд, начальник отдела по делам...

– Пропусти! – рявкнул Роттер. – Я знаю, кто такой Холланд, ради всего святого.

Мужчина средних лет в тёмной военной форме и при оружии вошёл в кабинет. Он дважды хлопнул себя по груди в знак приветствия, коротко поклонился и выложил пистолет на тумбу у

дверей. Холланд был последним человеком на свете, кто стал бы угрожать Роттеру, но так было положено по инструкции, а он всегда щепетильно следовал указаниям.

Как обычно, Холланд морщился – его привычное выражение лица, будто он всё время жевал лимон. Выглядело это довольно отталкивающе, но Роттер ведь его не для красоты нанимал. Холланд начинал свою карьеру как телохранитель Роттера. И в этом деле его высокий рост, широкие плечи, а главное – невероятная преданность и привычка не задавать вопросов ценились больше, чем приятная наружность. С мозгами ему тоже повезло, и он быстро выслужился, оказавшись сообразительнее других людей Роттера. Разглядев талант Уильяма Холланда, Роттер не стеснялся применять его по назначению. Несколько лет назад он отправил Холланда в Алилут управлять тюрьмой особого режима, где содержались в основном политические преступники. Туда требовался как раз такой человек.

– Прекрасно, Уильям, что ты поспешил, – сказал Роттер, выступая ему навстречу. – Но как же это? Я полагал, мой вызов застанет тебя в Алилуте.

– Совпадение, командир, – кивнул Холланд. – Я только из машины. Хотел... обсудить один спорный вопрос.

Он стоял перед Роттером, вытянувшись и сложив руки за спиной. Вся его фигура, как обычно, выражала исполнительность и боевую собранность, но Роттер чувствовал: что-то не так. Как тогда, когда его бывшая секретарша – толковая, а не та курица, что сидела теперь в приёмной, – пришла к нему молить о декретном отпуске.

– В чём дело, Уильям? – Роттер осмотрел его с головы до ног. – Ты же знаешь, я во всём тебя поддерживаю. Может, Алилут утомил? Полагаю, ты уже готов к некоторому повышению до губернатора, к переезду.

– Меня вполне устраивает Алилут, командир... – Холланд осёкся.

– Да? – Роттер вскинул брови. – Что за неловкая пауза, растолкуй?

– В последнее время у меня появились некоторые мысли...

– Мысли – это отлично, – перебил Роттер, с интересом изучая Холланда. – Так бывает: они приходят, а мы и не ждали.

Роттер откровенно давал ему понять, что сегодня он настроен миролюбиво – в конце концов, он позволял себе такое не каждый день. Холланд наконец оттаял и кривовато улыбнулся.

– Я хотел бы жениться, – внезапно заявил он, – на заключённой Эстель Амейн, – и выронил платок, который комкал за спиной.

На мгновение Роттер растерялся. Это было почти новое для него чувство – настолько давно он его не испытывал. Несколько секунд он продолжал столбом стоять посреди кабинета, затем подошёл ближе, поднял с пола квадратик белой ткани, изучил его и вернул Холланду.

– Эстель Амейн, – протянул Роттер. – Так неожиданно... Ты будешь смеяться, но мы с Линчевым буквально десять минут назад обсудили её казнь.

Холланд едва заметно вздрогнул. Похоже, ему не хотелось смеяться.

– Ты что же... как это там у приличных людей принято – любишь её?

– Да, командир, – коротко отозвался Холланд.

– А зачем люди женятся, Уильям? Подумаешь, любовь. Является ли она вообще основанием для брака? Я где-то слышал, что хорошее дело браком не назовут. Ирина бы со мной согласилась, – Роттер хмыкнул.

– Эстель хочет сменить фамилию, командир.

– Сменить фамилию! – воскликнул Роттер. – Эстель... Холланд? Это лучшее, лучшее, что я слышал за последний месяц! Неужели не шутишь?!

– У нас есть письменное свидетельство об отречении Эстель от престола и медицинская справка, что она больше не может иметь детей, – продолжил Холланд.

Ловко спрятав платок, он предъявил обе бумаги. Роттер просмотрел их: первая была ему хорошо знакома, вторую он видел впервые. Всё это, безусловно, имело огромную важность, но не представляло для предводителя особого интереса. Роттер помахал рукой, давая Холланду понять, что бумаги можно убрать.

Он окинул задумчивым взглядом город за стеклом. Показавшаяся в первый момент бредовой идея выдать Амейн за Холланда с каждой секундой становилась всё более заманчивой. Как он сам только что сказал, «мысли приходят, а мы и не ждали». Роттер чувствовал большую симпатию к Холланду, Эстель же как человек была ему безразлична. Как бывшая королева – другое дело, но, учитывая

неспособность Эстель к деторождению, для этого союза не было особенных препятствий.

– Бумаги отправь на экспертизу. Я знаю, что они с нашими печатями, – Роттер вскинул руку в красной перчатке и предупредил слова Холланда, – всё равно, пусть ещё раз проверят. А потом... ты же понимаешь, что пожизненное заключение этой дамочки после вашего милого семейного торжества никуда не денется?

– Да, командир, – ответил Холланд.

– Что ж... – Роттер похлопал Холланда по плечу, приглашая его сесть, и вернулся в своё кресло с высокой ортопедической спинкой. – В качестве свадебного подарка можешь выпускать её в сад или даже выгуливать иногда за пределами тюрьмы, но только под охраной и в твоём присутствии.

Роттер помолчал немного, Холланд же никогда не нарушал тишины первым.

– Да, это определённо интересно! Но ты вот что ещё мне скажи, дорогой друг: как нам быть с девчонкой, с этой... как её? – Роттер силился вспомнить имя дочери Эстель, но не мог.

Холланд подсказал:

– Вероника.

– Именно! Ты готов дать ей умереть?

Холланд слегка побледнел лицом и шеей.

– Командир, она также подписала отказ от власти и...

– Чушь! – оборвал Роттер. – Соглашение, договор – пустая бумажка, вспомни Локарно. – Холланд недоумённо смотрел на предводителя, и Роттер махнул рукой и продолжил: – Девчонка пока мала, и неизвестно, что взбредёт ей в голову в будущем. Я предпочёл бы избавиться от неё сейчас.

Холланд помедлил и произнёс:

– Вероника представляет опасность лишь теоретически, на деле же я не могу вообразить, как она может вам помешать. Вы её не знаете, командир, она такой робкий ребёнок. Если даже ливьеры...

– Этот ребёнок имеет право, – прорычал Роттер, – претендовать на что-то! У ливьер нет ничего, кроме эфемерных фантазий. Как только они обнаружат себя, мы их уничтожим, это вопрос времени. Вся их борьба построена на вере – вере во что, Уильям, скажи мне?

– В королевство, – ответил Холланд.

– Правильно, а королевство... Королевство начинается с королевы! Я всё сказал!

Роттер не хотел говорить Холланду, что дело не в девчонке как таковой, а в магии, которую она могла разбудить. Этого нельзя было допустить ни в коем случае. И он не допустит...

Роттер глубоко вдохнул и выдохнул, успокаиваясь после мимолётной вспышки ярости. Он вдруг заметил на столе бокал с шампанским, про которое совсем забыл, и подхватил его за изящную ножку.

– Пью за госпожу Эстель Уильям Холланд, – сказал Роттер уже совсем другим тоном. – Готовьте свадьбу и не забудьте пригласить на торжество своего предводителя. Я хочу посмотреть, как крепко свяжут вас узы брака. Недели через две, пожалуй... Уточни в приёмной, когда у меня свободный день.

Он глотнул шампанского и удовлетворённо кивнул.

– Что касается девочки, её заберут позже. Об этом я тебе сообщу отдельно. Для жены легенду придумай какую-нибудь, думаю, разберёшься сам. Что дальше – не твоя забота.

– Будет исполнено, командир, – кивнул Холланд.

– Отлично! А теперь давай сменим тему. Расскажи мне, как вообще дела на юге? Что слышно? – Роттер нажал на кнопку вызова секретаря и распорядился подать второй бокал для Холланда и сыр.

Наименее похожим на Роттербург городом в Соединённой Федерации был, конечно, Алилут. Три других – Флору, Ангору и Ориенталь – разрушили в горячке гражданской войны или отравили химическим оружием, после чего они вошли в зону отчуждения, запрещённую к посещению. Поезда шли из Роттербурга через Манолу в Индувилон, не останавливаясь во Флоре, и баржи плыли по реке мимо уцелевших причалов Ангоры и Ориенталя, не замедляя хода.

Зато Алилут выжил, более того, почти не пострадал. Изгибы мощёных улиц, столь узких, что их не стали закатывать в асфальт, старинные здания с синими черепичными крышами и многоярусными террасами, парк, кольцом охватывающий центр города, – всё осталось

как прежде. На главной площади высился собор из голубого камня, который Линчев приказал закрыть и разрушить, а Роттер – отреставрировать, сделать музеем и брать с туристов деньги за посещение. Шестнадцать лет назад именно здесь, в Алилуте, потерпела поражение последняя горстка защитников королевства. В честь победы революции на месте снесённого дворца бывшего герцога Алилута установили замысловатый памятник из гранита и мрамора, изображавший Эдгара Линчева с ключами от города. В остальном влияние новой эпохи в столь удалённом от столицы Алилуте ощущалось слабо, и потому город невольно стал излюбленным местом паломничества заезжих гостей, желавших почувствовать атмосферу дореволюционной старины.

Гуляя по окрестностям города, случайный турист мог наткнуться на невысокий холм, огороженный непривлекательным забором под флагами Соединённой Федерации. Табличка «Алилутская тюрьма особого режима, гл. н. майор У. Холланд», витки колючей проволоки и мрачные бетонные строения на склоне отпугивали любопытных. Издалека невозможно было разглядеть на самой вершине холма двухэтажный дом с палисадником и маленьким прудом – он спрятался за широкой стеной с полосой отчуждения. Тюрьма была местом безрадостным, преступников в бараках содержали в строгости, но тем не менее многие из них имели шанс когда-нибудь выйти на свободу. У главной узницы, запертой в стенах аккуратного и в чём-то даже уютного дома на вершине холма, такого шанса не было.

В начале своего заключения Эстель Амейн находилась под круглосуточным наблюдением, запертая в тюремной клетке посреди просторной комнаты. К клетке примыкала ванная кабинка с таймером, отводившим не более пяти минут на любые процедуры. Несколько раз Эстель задержалась в ванной дольше, чем следовало, но быстро усвоила, что этого делать не стоит.

До семи лет её дочь Вероника жила вместе с ней. Эстель учила её читать и писать и шёпотом рассказывала о сказочном Флориендейле. Потом дочь перевели в отдельную клетку в углу того же помещения, и девочка часами простаивала на одном месте, обняв прутья решётки и глядя на маму. Говорить им было запрещено. Если Вероника нарушала правило, ей затыкали рот платком.

Так продолжалось, пока начальником не назначили Уильяма Холланда. Похоже, молчаливая пленница Эстель Амейн ему понравилась: он позволил открыть решётчатые двери их темниц, принёс книги, рукоделие и цветные мелки для Вероники. Сам Уильям заглядывал редко и всегда ненадолго – только чтобы удостовериться, что его жертвы не строят планов побега. Эстель хотелось выразить ему свою благодарность, но не хватало сил сложить простейшие слова в осмысленные предложения: она ослабла, ей казалось, что руки и ноги её не слушаются. Узница часто бредила наяву.

Когда Уильям это заметил, то счёл необходимым ещё немного улучшить положение заключённых. Эстель и Вероника получили отдельную комнату и могли теперь свободно передвигаться по первому этажу. На окнах стояли решётки, а дом был окружён высоким забором и днём и ночью контролировался охраной: у них бы не получилось бежать, даже если бы они захотели. Впрочем, они, очевидно, не хотели и даже не могли представить себе иной жизни, особенно девочка.

* * *

Вероника не хотела взрослеть. Она не понимала, что будет с ней дальше и зачем она существует. Спрашивала у матери, почему их не убили при перевороте, и Эстель отвечала, что «пощадили по доброте душевной», но, сколько Вероника ни пыталась осмыслить эту «доброту», у неё не получалось. Наверное, это был особо жестокий, извращённый тип доброты, до которого не каждый додумается. В тюрьме девочке не суждено было испытать ни одной настоящей эмоции, и каждый следующий год походил на предыдущий. Конечно, у неё были книжки, но она с большим трудом могла сопереживать персонажам и оживлять в своём воображении написанное. Чужие приключения казались лишь издёвкой над её собственным пустым прозябанием.

Одним из немногих жалких развлечений Вероники было сидеть на подоконнике и смотреть на меняющееся небо – удивительно, каким разным оно могло быть, особенно летом. Зимой она часто проводила время в кухне, где всем заправляла экономка Маньяна. Разговаривать с персоналом Веронике было запрещено, но зато она могла

беспрепятственно наблюдать за женщиной и её хлопотами и вертеть в руках продукты из мира по ту сторону стены. На продуктах были указаны названия городов, откуда их привезли, и часто после таких открытий Вероника допытывалась у матери, где находятся эти города и что она о них знает. Впрочем, это была игра для маленькой Вероники. Теперь, когда девочке было почти шестнадцать, Эстель уже не могла сообщить ей ничего нового.

Однако сегодня был особенный, невероятный день. Сегодня впервые за последние несколько месяцев Вероника счастливо улыбалась, предвкушая, как она покинет стены темницы! Они с матерью так и не поняли, почему Роттер вдруг решил пойти навстречу Холланду и одобрил его предложение о переводе девочки в столичный колледж, но Вероника не собиралась омрачать свой праздник поиском причин. Главное – она будет свободна! Будет учиться вместе с другими подростками и увидит мир! Вероника, без преувеличения, обезумела от радости.

Машина должна была прийти во второй половине дня, и за обедом девочка от возбуждения не могла проглотить ни крошки. Мама тоже заметно волновалась: она ела суп, но бульон то и дело выплёскивался из ложки. Господин Уильям сидел напротив Вероники, поглощённый своими мыслями. И Вероника, и её мать время от времени украдкой поглядывали на него, не решаясь нарушить тишину, но, казалось, ему было не до них. Он ел молча и сосредоточенно, не поднимая глаз.

– Будешь второе? – коротко спросил он у Вероники, не притронувшейся к еде.

– Ешьте, господин Уильям. – Вероника мягко улыбнулась, передавая ему тарелку.

Картошка с рыбой каждый четверг. Мясо в пятницу. Суббота – овощной день. Она знала меню наизусть, разнообразием оно не отличалось. Разве что с годами Маньяна стала готовить вкуснее.

– Ника... – тихо сказала мама.

– Да?

– Не проголодаешься?

Вероника рассмеялась, но, взглянув на мать, осеклась. Эстель смотрела на неё, плотно сжав губы. Казалось, она совсем не дышит. Вероника ещё никогда не видела маму в таком напряжении. Неужели

это из-за её отъезда? Кажется, мама хотела что-то сказать, в глазах промелькнула неожиданная решимость, но тут с улицы послышался шум. Холланд вытер рот салфеткой и встал, оправляя форму.

– Прощайтесь, – коротко бросил он и направился в холл.

Вероника поднялась. Непонятное чувство разлилось по телу, и даже немного заныло сердце. Она подошла к Эстель, сидящей на стуле неподвижно и с прямой спиной, и обняла её за шею.

– Мама, мамочка! – прошептала Вероника. – Я обязательно буду писать. А если господин Уильям не разрешит тебе читать почту даже от меня, то я сама приеду и всё расскажу.

Слова «почта» и «приеду» звучали так сладко!

Эстель развернулась к дочери и взяла её за плечи.

– Послушай, – сказала она срывающимся голосом, – я написала кое-какое письмо и хочу, чтобы ты его отослала. Это важно. Здесь у меня нет шанса, но ты сможешь... И ответ, если он будет... придёт тебе. Сделаешь это для меня?

Вероника кивнула.

– Надеюсь, я разберусь, как это сделать. А кому оно?

– Людям из моего прошлого. Мне важно знать... Ты не представляешь, Ника, насколько важно!

Эстель не могла больше сдерживаться: резко отодвинула стул и отошла к окну, кусая губы. Она живо вспомнила тот день, когда отдала Альфе Камиле свою настоящую дочь. Сколько ни умоляла Эстель, Альфа отказалась сообщить королеве, в какой семье нашла приют девочка, но Аврора, сочувствуя Эстель, всё же оставила ей адрес в Поверхностном мире. Эстель заучила его наизусть. И вот он, шанс... Ей нужно было увидеть свою дочь – хотя бы одну фотографию. Узнать, как её зовут и всё ли у неё хорошо. Что, если она несчастна? И наоборот, вдруг она счастлива – счастлива без неё? Эстель жаждала ответов и в то же время боялась их.

– Это тайна, Ника. Я прошу тебя, никому не говори! – сказала Эстель.

– Даже Уильяму?..

– Он ничего не знает.

Вероника молчала, растерянно стоя посреди комнаты и не понимая, что делать дальше. Она не так представляла себе прощание с матерью.

– Кому это письмо? – повторила вопрос Вероника.

– Я не могу тебе сказать, это опасно. – Эстель вернулась к дочери и порывисто обняла её.

– Ты уверена, что это действительно необходимо, в таком случае? – осторожно спросила Вероника.

– Да. У меня болит сердце. Все эти годы мы сидели взаперти, и я думала, что смирилась, но... если я буду знать, что у меня была возможность, а я ею не воспользовалась, это меня уничтожит...

Поглаживая Веронику по голове одной рукой, другой Эстель быстро вытащила из кармана склеенные листки бумаги и сунула их под кофту Вероники.

– Вдруг они следят за нами, – прошептала она.

Тревога матери передалась Веронике, и девочке стало казаться, что сейчас войдёт господин Холланд, или охрана, или сам Роттер – и уличит их в нарушении дисциплины. Но никто не вошёл. Мама отстранилась, и Вероника поправила постоянно спадавшую с плеча сумку, которую Уильям подарил ей по случаю отъезда. Прежде она никогда не нуждалась в сумке, и это тоже было непривычно и волнительно.

Эстель расцеловала её в обе щеки и улыбнулась, смахивая слёзы.

– Всё будет хорошо, Ника. Я рада за тебя.

* * *

– Смирно!

Охрана застыла по команде Холланда: полдюжины широкоплечих мужчин в полной экипировке. Роттер не смог сдержать улыбки. Сам он приехал в Алилут с одним-единственным телохранителем – девчонка едва ли представляла для него большую опасность. Но охраной на месте занимался Уильям, и он, как всегда, буква в букву соблюдал протокол.

– Вольно.

– Как ты их выдрессировал, Уильям, – протянул Роттер. – Чудесно, чудесно. Новая форма отлично смотрится.

Он подошёл к одному из охранников и пощупал синий жилет.

– И ткань такая качественная. Местное производство?

– Так точно, командир.

– Очень достойно, да...

– Прикажете привести девочку? – спросил Холланд.

Роттер скривился.

– Ну что ты сразу о деле. А побеседовать? Какая шикарная погода у вас тут на юге! Ты заработался, Уильям. Или, может... – Роттер ухмыльнулся, – тебе просто не терпится остаться наедине с невестой?

Сморщенное лицо Холланда дрогнуло, но он не ответил на шутку. Возможно, его остановила мысль о любимой Эстель, отдающей своего ребёнка на заклятие и даже не подозревающей об этом. Интересно, что он ей наплёл?

– Хорошо, пускай выходит.

Роттер нечасто навещал Алилут. Атмосфера города его раздражала, да и путь был неблизкий. Он давно уже собирался как следует взяться за этот округ и навести порядок, но, как это бывает, то одно, то другое – руки не доходили. Веронику он не видел уже несколько лет, пять или шесть, он точно не помнил. С тех пор девочка заметно повзрослела, но красотки из неё не вышло. Жидкие белобрысые волосы, неопределённого цвета глаза, вечно страдальческое выражение лица – в ней не было ничего особенного, никакой изюминки. Если бы не её проклятая кровь...

– Вероника, дорогая, – произнёс он, протягивая к ней руки в красных перчатках, – как жизнь молодая?

«Он совсем не изменился, – подумала Вероника, осторожно спускаясь по крутым ступеням к подъездной дорожке. – И какое ему дело до моей жизни?»

Но она знала, что не следует злить предводителя, от которого эта жизнь зависела. В конце концов, в этот раз он приехал с добрыми намерениями.

Поэтому, оказавшись перед Роттером, девочка вежливо поклонилась, как можно незаметнее вытерла вспотевшие от волнения ладони о штаны и ответила, что у неё всё в порядке.

– Рада, что вы посетили нас, господин Роттер, – поспешно добавила она, чтобы не показаться невежливой.

– Ты попрощалась со своей мамой?

Вероника кивнула, спиной чувствуя, что мать смотрит на неё сквозь окно в прихожей, где Холланд строго-настрого приказал ей

оставаться.

– Удачи, Вероника. – Холланд обнял её так крепко, что девочка растерялась. С чего вдруг столько нежности? Уильям был приветлив с ней, но только и всего; по большей части ему не было до неё никакого дела.

Она обернулась, в последний раз окинула взглядом свой дом-тюрьму и уже открыла дверь автомобиля, как вдруг раздался голос Роттера:

– Нет, нет, стой. Охрана! Общайте её.

Сердце Вероники забилося быстрее, она попыталась скрыться в салоне, но охранники не пустили её, без лишних слов крепко схватили за запястья и отобрали сумку.

– Зачем это? – крикнула девочка. – Там же только мои ручки и книжки!

– Так чего переживаешь? – пожал плечами один из мужчин. – Сейчас глянем на твои книжки, и готово.

Они бесцеремонно вытряхнули из сумки несколько книг, коробку карандашей, портрет Эстель, чистую тетрадку и исписанный блокнот.

– Это что? – спросил охранник.

– Стихи, – прошептала девочка.

– Конфисковать, – приказал Роттер. – Никаких стихов. Дай-ка мне.

Вероника с ненавистью уставилась на красные перчатки, перелистывающие страницы. Если бы он сейчас начал читать её стихи вслух, она бы точно разрыдалась. Но Роттер быстро захлопнул блокнот и отшвырнул его в сторону.

– Повернись, – сказал охранник, и Вероника, сжав зубы, послушно крутанулась на месте.

– Всё в порядке, командир. Прикажете отправляться?

– Самое время, – кивнул Роттер.

Мгновенно забыв о Веронике, он обратился к Холланду и заговорил с ним вполголоса. Вместе они направились в сторону другого автомобиля, гораздо роскошнее того, в котором Веронике предстояло ехать на север.

Она быстро успокоилась после короткого досмотра. Неважно, сколько унижений ей пришлось вынести до этого момента, главное – теперь она свободна! Свободна впервые за всю свою жизнь. Свободна ходить где хочет, и говорить с кем угодно, и делать что в голову

взбредёт. Всё как она пожелает! Надо только не забыть отправить мамино письмо...

Вероника сидела на заднем сиденье, восторженно глядела сквозь тонированное стекло на пейзажи за окном и не могла перестать улыбаться. Так, с улыбкой на губах, она и заснула.

δ

Воздух был тяжёлым и плотным, как перед грозой. Работалось с трудом. Мари набрала уже полную корзину лиавер и теперь приступала ко второй. Задержав в руке очередной цветок, она невольно залюбовалась. Мари не раз слышала, что после лиавер все прочие цветы, какими бы красивыми они ни были, кажутся блёклыми и невзрачными. Раньше она не верила в эти слухи, распускаемые теми, кто, очевидно, просто хотел похвастаться допуском к цветам пятого класса. Но теперь она их понимала.

Бутоны лиаверы достигали своего идеального размера – примерно с ладонь взрослого человека – через месяц после прорастания семян. Это служило сигналом, что цветок созрел. Если его не срезали вовремя, через пару дней многослойное нагромождение золотистых бархатных лепестков осыпалось и цветок терял свои свойства. Срезанная же лиавера несколько недель стояла в воде и не вяла. Аромат, исходивший от цветов, напомнил Мари запах мёда, только нежнее и тоньше. Мари знала, что парфюмеры, фармацевты и даже кондитеры со всей Федерации встают в очередь за год, чтобы получить свежие лиаверы из Цветочного округа. Духи, косметика и лекарства с экстрактом лиаверы огромными партиями отгружались в Поверхностный мир.

Почему же ливьеры взяли себе такое имя? Кто его придумал? Мари вытерла пот со лба и поднялась с земли. Зелёная юбка испачкалась, но это ерунда. Мари больше волновало, куда пропала сестра. Они пришли на участок вместе и работали бок о бок первый час, но потом Кассандра исчезла. Мари достала пирожок из корзинки, но кусок не лез в горло. Хотелось пить, и ей было невероятно жарко в рубашке. Кстати, откуда у неё эта рубашка?..

Мари набрала в лёгкие горячего воздуха и позвала сестру, но Кассандра не откликнулась. Пересохшее горло саднило после крика. И тут Мари вспомнила, что в корзинке есть вода. Она достала фляжку, отвинтила крышку и с облегчением припала к горлышку, откинув голову и закрыв глаза.

Что-то густое и тёплое коснулось губ. Рука Мари дрогнула, и красная жидкость брызнула на одежду, потекла по рукам и шее. Кровь?! Отплёвываясь, Мари вскочила на ноги и выронила фляжку. Кровь мгновенно впиталась в землю, и там, где Мари только что срезала последние цветы, стали прорастать и распускаться новые лиаверы.

И тут она увидела Кассандру – сестра вынырнула из рощи. На Кассандре были такие же зелёные юбка и рубашка, что и на Мари. Она бежала со всех ног, а за ней... гнался человек с пистолетом!

Превозмогая усталость и тошноту, Мари бросилась им наперерез.

– Прячься, Мари! Беги домой! – донеслось до неё.

– Нет! – выкрикнула она. – Нет!

И упала, провалившись в некстати подвернувшуюся канаву. Мари забарахталась, пытаясь подняться, и заметила, что с других сторон к ним бегут другие люди в тёмной униформе. Они окружали Кассандру, а Мари всё никак не могла встать на ноги.

Сжав зубы и зарывав от напряжения, она на локтях выползла из ямы. Кассандра всё ещё бежала, перепрыгивая через канавы с водой и иногда замедляя ход, чтобы обернуться и бросить взгляд на преследователей. Она то резко уходила в сторону, то бросалась вниз, уворачиваясь от выстрелов, как вдруг – когда до Мари оставалось всего несколько метров! – Кассандра отчаянно вскрикнула и повалилась на землю. Странно, но это по-прежнему был всё тот же сектор лиавер, и сказочные цветы слегка колыхались, обеспокоенные вторжением, и полыхали на солнце, как золотое море, безмятежное и бескрайнее. Мари бросилась к сестре. Сердце сжалось, когда она увидела рану. Воздуха не хватало. Мари упала Кассандре на грудь и забилась в диких конвульсиях.

– Мари, Мари! – закричала Кассандра, переворачивая её на спину и впиваясь руками в плечи. – Мари, ты с ума сошла?! Дыши, пожалуйста!

Мари открыла глаза. Она была вся мокрая от пота, и подушка тоже, и простыня. Кассандра сидела рядом и сжимала её руки. Она была жива и умирать не собиралась.

– Ты меня напугала! – сказала Кассандра. – Что с тобой?.. Сначала орала, как будто тебя пытаются, потом стала задыхаться. И разбудить невозможно. Всё нормально?

– Да, – слабо сказала Мари, пытаюсь прийти в себя. – Да! Просто кошмар...

– Ты уверена, что всё прошло? – Кассандра пристально посмотрела на неё, потом пожала плечами. – Ладно, бывает. Лежи, я принесу воды.

Она исчезла в кухне и загремела стаканами. Мари зажмурилась и, преодолевая страх, попыталась воскресить в памяти детали сна. Теперь все невероятные обстоятельства стали так очевидны, что она даже разозлилась на себя: как можно было не понять, что она спит?! Конечно, никто не позволил бы им собирать лиаверы без специального допуска. И в больших секторах не работают без тентов, когда солнце в зените. В конце концов, лиаверы не распускаются в апреле! Да ещё эта странная одежда... и кровь во фляжке – полный абсурд!

Может, она в своём кошмаре была ливьерой? А Кассандра?

Мари фыркнула. Всё это – плод её больной фантазии, результат страшилок Стафиса и истории с девушкой, которую нашла Лидия. Мари видела её на следующий день в больнице – худую смуглую ливьеру немногим старше их с сестрой. В тот раз врачи не смогли ей помочь.

«Конечно, причина в этом», – успокоила себя Мари, отгоняя жуткие видения. Ничего этого не было и нет: ни убийц, ни крови. Есть только Кассандра – вот она зашла в комнату со стаканом воды, увидела, что с Мари всё в порядке, и радостно улыбнулась.

«Но всё ли со мной в порядке?» – подумала Мари.

Цветочный округ был одним из самых больших в Соединённой Федерации. По обе стороны нового шоссе, связавшего Алилут с портовым и промышленным центром Индувиллоном, до самого горизонта раскинулись поля и оранжереи. Это был южный край Федерации, и потому весна, хоть и явилась в этом году с опозданием, первым делом заглянула именно сюда. Жалкие остатки снега таяли на глазах, и с каждым днём становилось ощутимо теплее. Жители посёлков радовались весне: дома в округе отапливались кое-как, и зимой многие мёрзли. В самые холодные зимы приходилось ночевать в спальнях мешках в коридорах больниц: там всегда было тепло. Но пускали не всех – не хватало места.

Солнечные дни означали, что пора приниматься за работу. Заправив штаны в высокие резиновые сапоги, люди с утра до вечера сновали по тропинкам между секторами, вскапывали грядки, налаживали систему полива, растаскивали удобрения, очищали от льда и грязи оранжереи. Мари и Кассандра работали вместе со всеми. Кончился март, и в старших классах начались цветочные каникулы, теперь уже до самого сентября. До окончания школы такая работа называлась «практикой», и подростки выполняли её бесплатно. По большей части это были однообразные и не слишком сложные задачи, монотонность действий утомляла и вгоняла в сон. К счастью, вместе им никогда не было скучно: сёстры болтали, играли в слова, пели, а иногда просто молчали, и это тоже было хорошо. Кассандра думала обо всём на свете: как она сдала экзамены, есть ли в Поверхностном мире високосный год, сколько в среднем весит лепесток розы и кто победит на окружных выборах. Мари думала о ливьерах.

– Мне уже осточертело этим заниматься, – как-то раз в сердцах бросила Кассандра, стоя на стремянке и протирая высокие окна парников натянутой на швабру тряпкой.

– Завтра будем что-нибудь другое делать, – пожала плечами Мари. – Другой парник отмывать, например. Скучать не приходится!

– Да, очень захватывающе. – Кассандра, опустив швабру, посмотрела на сестру сверху вниз. – Слушай... ты подумала о том, что я тебе говорила на прошлой неделе? Об институте.

Мари рассеянно продолжала водить тряпкой по стеклу и даже не обернулась.

– Касси... Мне казалось, тема закрыта, нет? Мы не можем пойти в институт, кто ж нам его оплатит, да ещё обеим сразу! И в Алилут так просто не перебраться...

– Да, я знаю, – нетерпеливо прервала Кассандра. – Но я тебя о другом спрашивала: если б у тебя был выбор, ты бы поехала? Или ты хочешь остаться здесь, засесть в училище ещё на три года и потом всю жизнь цветы на полях собирать? Ну не смей меня!

– Это важная работа – то, чем мы занимаемся. И для округа, и для всей страны, – отозвалась Мари.

Кассандра слезла со стремянки и подошла к сестре.

– И всё же, – сказала она, – ты ответь мне нормально. Если бы ты могла поступить, ты бы что выбрала? Медицину?

– Ветеринарию! Математику! Вокал... Какая разница? – Мари обернулась и с укором воззрилась на сестру. – Зачем ты это делаешь? Да, возможно, я хочу большего, но я не буду даже думать об этом! Потому что с детства – с детства! – усвоила, что мы не можем себе этого позволить. Зачем ты нас обеих мучаешь?!

Вспылив, она тут же успокоилась и вернулась к работе: Мари совершенно не умела сердиться. Но Кассандра услышала достаточно. Расплывшись в улыбке, она вытащила из кармана слегка помятое письмо и протянула Мари. Та пробежала глазами первые строки и просияла:

– Ты получила грант?!

Кассандра помотала головой.

– Нет, я лишь уточнила, есть ли такая возможность. И они пишут – вот здесь, видишь? – что есть такие-то и такие-то гранты и даже стипендия, – Кассандра радостно потрясала бумагой со штампом института, так что Мари не могла больше разобрать ни строчки. – И это для разных специальностей! О, ты бы знала, как долго я ждала ответа! Ещё в феврале им написала, но наша почта... сама знаешь.

– Ага, так вот в чём причина твоих утренних тренировок, – протянула Мари. – Ты забирала нашу почту, прежде чем её увидит мама!

– А то! – Кассандра ухмыльнулась.

Мари бросила тряпку и обняла её. Двойняшки были похожи друг на друга, но не более, чем просто сёстры. Обе жалели, что не родились близнецами. Кассандра была чуть выше сестры, угловатая и бледная:

она всегда завидовала мягкому овалу лица и румяным щекам Мари. Мари, в свою очередь, жалела, что густые золотистые волосы достались только Кассандре – скорее всего, от родственников отца. Цвет глаз тоже отличался, хотя в детстве это было не столь заметно.

– Значит, ты точно решила поступать, да? – прошептала Мари на ухо Кассандре. – Уже отправила им свои работы?

– Почти, – так же тихо ответила Кассандра. – А чего ты шепчешь?

Мари только вздохнула и крепче обняла сестру. Кассандра недовольно замычала, уткнувшись в её плечо: Мари явно что-то недоговаривала!

– Я не хочу с тобой расставаться, – сказала Мари.

– Так ты и не расстанешься, – отрезала Кассандра, высвобождаясь из объятий. – Ни за что на свете! Я соберу отличное портфолио, выиграю грант, мы снимем комнату в Алилуте, найдём подработку в каком-нибудь магазине, и ты станешь лучшим ветеринаром на свете! Или математиком. Боюсь, в пении у тебя нет шансов.

Мари рассмеялась.

– Я правда не уверена...

– О, у меня есть всё лето, чтобы тебя переубедить! – Кассандра фыркнула, схватила шланг и обрызгала Мари водой. – Давай-ка мыть дальше, а то мы здесь до ночи проторчим.

У Вилмора Госса было всё, что нужно неприязнительному честному человеку для счастья: дружная семья, надёжное рабочее место, стабильный доход и даже хобби. Жена Ренни трудилась в визовом отделе на полставки, а по вечерам ждала его дома у накрытого стола. Взрослый сын радовал успехами в колледже и не имел проблем с законом, что было особенно важно для Госса, который этот закон охранял. Представляясь новым знакомым, он говорил, что работает в министерстве юстиции. Это звучало на порядок лучше, чем его действительное место службы: следственный изолятор Роттербурга. И хотя Госс привык скрывать свою профессию, чтобы избежать расспросов и косых взглядов, в душе он, пожалуй, даже гордился ею.

Не каждый справится с такой работой, не каждый выдержит – а он смог. И главное, дело-то нужное, для общества полезное.

За десять лет он перевидал столько убийц, насильников, взломщиков и преступников иного рода, что давно уже перестал спрашивать себя, откуда они берутся. Лица, фигуры, номера и личные дела сменяли друг друга, как картинки калейдоскопа. Одни находились здесь под судом, другие ожидали в следственном изоляторе конвоирования в тюрьмы Алилута и Флоры. Вилмор Госс смотрел в их глаза, полные бесцветной усталости, тоски, отвращения или пылающей ярости, и больше не чувствовал сострадания.

Обычно Госс заступал на смену рано утром. Он заваривал кофе, прятал в стол коробочку с приготовленным Ренни обедом, совершал обход и читал газету. Иногда нужно было вызвать врача или передать письма адвокатам, принять новых подозреваемых или организовать транзит осуждённых. Стандартная рутина не требовала от Госса никакого эмоционального участия.

* * *

За окном уже давно стемнело, когда раздался звонок – дважды. Кому-то явно не терпелось. Госс отставил в сторону чашку с кофе, потёр глаза и нажал на кнопку, открывая ворота. Легковой автомобиль с алилутскими номерами въехал на территорию изолятора и остановился у подъезда. Вилмор Госс наблюдал за ним на мониторе, но дальше ничего не происходило.

«Что ж, неплохо было бы размять ноги», – решил Госс и, оставив на посту помощника, вышел во двор.

Водитель стоял перед открытой задней дверцей автомобиля; услышав шаги, он обернулся.

– Начальник смены, старший лейтенант Вилмор Госс. – Госс дважды хлопнул себя по груди. – Добрый вечер. Это вы из Алилута с индивидуальным поручением, я правильно понимаю?

– Так точно, лейтенант, – отрапортовал водитель. – Принимайте... заключённую.

Он отступил в сторону, открывая Госсу вид на заднее сиденье. Лампы слабо освещали спящего ребёнка: худую девочку младше, чем

сын Госса. Она спала на боку, поджав ноги и обняв сумку. Тонкие белые запястья ярко контрастировали с чёрной обивкой сидений.

– Это шутка? – спросил Госс, вновь поворачиваясь к водителю.

– Никак нет, лейтенант, – ответил водитель. – Это дочь бывшей королевы, которая содержится в Алилуте. Девочку приказано доставить к вам, она приговорена...

– К смертной казни, – оборвал Госс. – Это я читал. Но я не думал, что... Она же несовершеннолетняя! Разве я могу её принять?

– Боюсь, у вас нет других вариантов, – водитель развёл руками. – Приказ Роттера. Пожалуйста, бумаги.

– Вы правы, но... это безумие... – пробормотал Вилмор Госс, принимая папку. Он никогда ещё не держал в руках такого тонкого личного дела. Всё потому, что дела там никакого не было, а было лишь обвинение за подписью майора У. Холланда – и приговор.

Госс снова посмотрел на девочку. Лёгкий ветерок шевельнул её распущенные светлые волосы, и она заворочалась во сне. Боже, он не ожидал, что это будет такая тяжёлая смена.

* * *

Стук сапог глухим эхом отражался от стен. Госс был бы рад идти ещё медленнее, но не мог. Шаг за шагом они приближались к камере, где временно разместили Веронику Эстель Амейн, и он слышал за спиной сбивающееся дыхание Норы. Она ещё не знала, что её ждёт. С тяжёлым сердцем он обернулся к ней с последним напутствием.

– Нора, ты должна выполнять все мои указания беспрекословно, помнишь?

Нора кивнула. Необычайно грузная женщина, она возвышалась над Госсом на две головы и отсекала свет ламп в той части коридора, что они уже миновали. Пути назад нет.

– Ты будешь удивлена, когда увидишь заключённую, потому что она ещё девочка, – продолжил Госс, – но процедура будет стандартной.

– Лейт'нант Госс... – тихо прогудела Нора, как большая пчела. Её глаза беспокойно расширились.

– Это мой приказ, Нора.

Госс заметил, как она отвела взгляд и стала переминаясь с ноги на ногу, но не придал этому значения. Он знал, что исполнительная Нора сделает всё как он скажет.

Ещё две дюжины шагов, и вот... Вероника бросилась к решётке – маленькая загнанная птичка. Она смотрела на него молча и пристально, вместо того чтобы биться в рыданиях и задавать вопросы, на которые у него не было ответов, как ещё полчаса назад. Госс отпер дверь, пропуская Нору в клетку. Пришлось прикрикнуть на женщину, чтобы она вышла из транса, в который впала при виде девочки.

– Раздевайса, – сказала Нора.

Вероника отпустила прутья решётки и уставилась на Нору снизу вверх.

– Нет!

– Раздевайса, – повторила женщина.

– Зачем?

Госс тяжело выдохнул и тоже шагнул в камеру.

– Послушай, э-э... Вероника. Мы не хотим причинять тебе вреда...

– Я надеюсь, – тихо сказала Вероника. – Меня же господин Роттер сюда отправил.

– Эм, да, насчёт этого... – Госс потёр переносицу, мысленно желая убраться отсюда как можно скорее. И никогда не возвращаться. – Обстоятельства изменились, мы должны проводить тебя в другое место. Поэтому нужно, чтобы ты переделалась и получила номер.

– Номер? – глухо спросила девочка. – Зачем?

– Потому что здесь у всех есть номера, – терпеливо ответил Госс.

– Но это тюрьма.

Госс промолчал. Вероника задала следующий вопрос:

– Как я получу номер? Это как паспорт?

– Не совсем... – начал было Госс, но Нора перебила его.

– Тату, – сказала она, пригнулась, чтобы казаться ниже, и вдруг попробовала улыбнуться. Это выглядело устрашающе. – Я сделаю тату. Не больно.

Вероника отступила на шаг и упёрлась в стену. Госс не мог больше на это смотреть, он махнул рукой и отвернулся.

– Раздевайса, п'жалста, – сказала Нора.

И спустя несколько долгих секунд Госс наконец услышал шорох ткани и что-то мягко скользнуло на пол.

– Ещё, – это был голос Нору.

Снова Госс слышал ткань и пыхтение Вероники, вероятно, стягивающей штаны, как вдруг раздался другой звук – мягкий «плюп», и Нора удивлённо ойкнула. Госс немедленно обернулся и увидел, как девочка, одной ногой в штанине, ползёт по полу за сложенными листками бумаги. Три небольших блокнотных листа, которые Госс выхватил у Вероники прежде, чем она успела разорвать их или спрятать.

– Это что такое? – спросил он, расправляя бумагу и не выпуская Веронику из виду.

– Я... совершенно не знаю, – залепетала она. – Случайно нашла...

– Это письмо от твоей матери, – отрезал Госс, вскользь проглядывая строчки. – В Поверхностный мир! Она попросила тебя отправить его?

Он посмотрел на Веронику. Та дрожала и прижималась к стене так плотно, словно хотела пройти сквозь неё и исчезнуть, – желание, которое Госс с ней всецело разделял. На мгновение он подумал, что будет, если он донесёт о письме... и что, если сделать вид, будто этого эпизода не было. Ведь нет ничего проще, чем сейчас же положить свёрнутые листки в карман и выбросить их при первой же возможности или – ещё лучше – сжечь. Читать послание Эстель Амейн ему совсем не хотелось.

– Вилмор! – бодро воскликнул кто-то совсем рядом, и Госс вздрогнул. – Где вы застряли? Я уж думал, что-то... ого!

Начальник следующей смены, застувивший на пост, пока Госс решал вопрос с Вероникой, застыл посреди коридора, разглядывая немую сцену в камере.

– Что это, корреспонденция?! – закричал он, бесцеремонно отгесняя могучую Нору. И прежде чем Госс сумел придумать адекватный ответ, коллега схватил бумаги и разобрал подпись. – Вот это да! – он впился глазами в Госса, возвращая тому смятое письмо. – Охренеть... Вилмор, немедленно сообщай наверх, это серьёзно. Иди скорей, твою девицу я беру на себя. Иди-иди! Раздевайся, – услышал Госс за спиной сильный, уверенный голос.

Беспомощный взгляд и тонкие пальцы, цепляющиеся за голую стену, – это всё, о чём он мог думать, пока шёл к телефону.

Часть II

а

Роза Клиндер домыла посуду, убрала тарелки в шкаф и склонилась над раковиной. Жужжало радио, диктор бормотал о погоде, но она не слушала, погружённая в мысли о муже. Она представляла себе его худое лицо с широким подбородком, бороду, которую он то отпускал, то снова сбрасывал, оставляя лишь жёсткую щетину, его серьёзные глубокие глаза... Ей хотелось заглянуть в эти глаза и прочесть в них, что всё хорошо. Но Ремко был далеко, в Алилуте, и приезжать не собирался.

– Что за человек такой, – пробормотала Роза. – Девочки ведь соскучились!

Она тоже соскучилась, но произнести это вслух было выше её сил. А вдруг занятость Ремко в Алилуте – лишь предлог, чтобы уйти из семьи и избежать скандала? Роза швырнула грязную тряпку в раковину и принялась яростно её полоскать. Нет, она не верила, что Ремко мог их бросить. Однако он хотел пригласить их к себе зимой – и не вышло, не нашлось жилья. Обещал приехать на этой неделе – и снова менял планы...

На столе поверх поспешно разорванного конверта лежало письмо: Ремко сообщал, что вынужден задержаться. Он встретил старого товарища, который без него, конечно же, пропадёт... И денег прислал меньше, чем обычно, – а то вдруг товарищу не хватит? Муж постоянно задерживался в Алилуте, потому что кто-то просил его остаться, подменить, дать совет, и почему-то Ремко упорно ставил этих неведомых людей выше своей семьи.

Нет, Роза понимала, что человека не перекроишь, не переделаешь. Ведь Ремко на самом деле всегда был такой – готовый первому встречному отдать последнюю рубашку. Она это помнила, и всё же... И всё же душа её, израненная колючками ревности, кровоточила всякий раз, когда от него приходило очередное обескураживающее письмо.

А главное, вопреки поговорке, к ним добро, которое Ремко бескорыстно раздавал направо и налево, почему-то не возвращалось. Много ли они получили помощи, когда их город на Земле затопило и они остались на улице с двумя детьми? Ну да, их переселили в Цветочный округ, и они, мол, должны быть благодарны за эти тридцать квадратных метров. Ремко тогда и правда обрадовался возможности начать всё с чистого листа в Новом мире, а Розе ничего не оставалось, кроме как смириться. И всё же за пятнадцать лет в Соединённой Федерации она так и не смогла привыкнуть к странному словосочетанию «Поверхностный мир». Это был вовсе не поверхностный, а самый настоящий мир – её дом, который она потеряла.

Входная дверь отворилась, и на пороге появилась раскрасневшаяся Мари.

– На улице так холодно! – сказала она, разматывая шарф. – Я бегом бежала. Голодная!

– Ну, я уже поела, – сухо сказала Роза. Она была не в духе. – Погрей мясо сама. Отец написал.

– Да? – лицо Мари озарила улыбка. – Когда приедет?

– Не раньше июня, – Роза хотела казаться спокойной ради дочери, но голос дрогнул.

– Мам, – Мари подошла к ней и приобняла за плечи, – ерунда, привыкли уже. Мы же с тобой!

– Да-да, конечно, – заворчала Роза. – Ты здесь, а Кассандра где шляется опять?

– Помогает Лидии с рисунками. Мы расписание узнали, со следующей недели работаем в оранжерее. Наконец-то цветы, а то надоело уже со швабрами возиться!

Мари беззаботно болтала, расставляя на столе посуду и заваривая чай, и Роза немного расслабилась. Конечно, с девочками всё веселее. Жаль, что они не могли вместе перебраться в Алилут. Это было слишком дорого.

Неожиданно Мари оборвала свой рассказ на полуслове и ушла за окно.

– Э... мам? – выдавила она.

Через мгновение в дверь постучали.

Роза выглянула из-за занавески и ахнула: высокий мужчина приветливо махнул ей рукой в красной перчатке. Роза едва скользнула взглядом по его лицу – перчаток было вполне достаточно. Не может быть! Наверное, ей кажется? Роза в изумлении перевела взгляд на Мари и поняла: нет, не кажется.

– Это же Роттер, да? – уточнила Мари.

– Да, предводитель Роттер... с охраной.

– На чай, что ли? – нервно спросила дочь.

– Немедленно открывайте! – послышался глухой голос из-за двери, и стук повторился.

Роза оправила фартук и волосы и щёлкнула замком.

– Госпожа Розалиа Клингер? – спросил невысокий человек чуть позади Роттера, в чёрной форме с нашитой на груди синей звездой.

– Не госпожа, но, в общем... да. А почему?..

– Так, ерунда, – бросил Роттер. – Перепись населения, слышали о таком?

– Д-да, – пробормотала Роза, – но...

– Желаете пройти в дом? – предложила вежливая Мари из-за спины матери.

– О! С удовольствием.

Роттер плечом оттеснил Розу и ступил в кухню.

– Скромно живёте, госпожа Розалиа, – сказал он, осматриваясь. – Растить дитя королевских кровей в такой... обстановочке!

– К-кого?

* * *

Он пропустил её вопрос, потому что увидел девчонку и на мгновение растерялся. Она держала в руке чашку чая, длинные светлые волосы были собраны в пучок, брови удивлённо подняты. Не выдержав тяжёлого взгляда Роттера, она отвела глаза. Роттер стряхнул с себя наваждение и обратился к Госсу.

– Вилмор, пожалуйста, делайте свою работу. Считайте, что это ваш первый экзамен в новой должности.

Тот кивнул, тоже краем глаза изучая Мари. По его команде два охранника прошли в комнату, но остальным пришлось остаться

снаружи – в доме стало слишком тесно. Госс закрыл дверь и шагнул к Розе, протягивая ей лист бумаги.

– Капитан Госс, Вилмор Госс, – представился он. – Розалиа, скажите, вы прежде были зарегистрированы по этому адресу?

Роза недоумённо посмотрела на документ, на Госса и снова на документ.

– Всё верно, н-но... мы давно уже не живём там, произошло... наводнение. Вы же помните, крупный прорыв дамбы...

– Спасибо, – прервал Госс. – Мы осведомлены. Почему же вы не прописали ребёнка?

– Ребёнка?.. Так муж пожелал, – осторожно ответила Роза.

– А-а, муж! – Роттер несколько раз громко хлопнул в ладоши. – Муж у нас глава семьи, значит? И где же он?

– В Алилуте, – ответила Мари вместо матери, которая отчего-то замешкалась.

– Гнилое место! – заметил предводитель Федерации. – Все кривые дорожки ведут в Алилут. Нам, впрочем, до него сейчас дела нет. Вилмор, ты отметь, что надо проверить, в курсе он или нет.

– В курсе чего? – спросила Мари, выступая вперёд.

– Дорогая. Не смей меня. Ты же Вероника Амейн.

Роттер в упор посмотрел на девочку. Стройная, кареглазая, теперь она стояла нахмурившись и сложив руки на груди и была невероятно похожа на Веронику из Алилута. Он даже невольно сделал шаг вперёд и схватил её за плечо, чтобы ещё пристальнее взглядеться в это лицо, но Мари возмущённо вырвалась.

– Погодите... – залепетала её мать. – Да, раньше мы жили на Земле, но разве за это теперь арестовывают? И что вы такое говорите про Веронику Амейн? Кто это вообще? Я никогда не слышала!

– Амейн – королевская фамилия, – припомнила Мари. – Вероника – это... я не знаю, какая-нибудь их родственница? И при чём здесь мы?

– Мари – моя дочь! – воскликнула Роза в панике. – Она никакая не родственница... О чём вы говорите?! Немедленно покиньте наш дом!

– Уберите её, – бросил Роттер и неприязненно добавил: – Разве ж это дом, это сарай...

Военный с нашивкой на груди извлёк из кармана тряпку, смочил её зелёной жидкостью из прозрачного пузырька и прижал к лицу Розы – та сопротивлялась, но силы были неравны. Почти сразу же она закатила глаза и осела на пол. Мари бросилась к ней, больше не пытаясь задавать этим людям какие-либо вопросы. Мысли путались, вязли в голове, пронзительно звенели... Или это у неё в ушах?

Мари нащупала пульс на шее матери и с облегчением выдохнула. Стафис придёт, даст лекарство, и всё наладится! Всё исправится! Вот только... Одна-единственная, самая главная мысль наконец прорвалась сквозь звенящую паутину: «Кассандра!» Нужно было срочно что-то делать. Мари откинула со лба растрепавшиеся волосы и взглянула на Роттера. Она хотела быть храброй... но голос дрожал.

– Я вас ненавижу, – выдавила Мари и от ужаса так сильно сжала руку матери, что та должна была бы сразу очнуться. – Если вам нужна я, забирайте! Но не трогайте мою с... – секундная заминка, оплошность, которая могла стоить им жизни, – семью!

Она снова поспешно склонилась над матерью, чтобы скрыть от Роттера и его людей хлынувшие из глаз слёзы. Стоя на коленях у тела Розы, Мари беззвучно плакала, и страх сковал её – страх за себя, за родителей и Кассандру, которая должна была прийти домой с минуты на минуту. Мари судорожно всхлипнула и уловила запах жидкости, погрузившей маму в сон. Наверное, это была растительная настойка – Мари, кажется, помнила этот запах, встречала его, но где... Голова закружилась, и она почувствовала, как тяжелеют руки, и веки, и подбородок – тянут вниз, вниз, прямо в бездну...

– Вынесите её на свежий воздух, скорее. Да не мать же, а девочку! И конфискуйте всё, что может иметь отношение... – голос Госса был последним, что она услышала.

Мир погрузился во тьму.

β

День выдался солнечный, но по-весеннему ветреный, причём ветер был обжигающе холодный, северный. Пока Кассандра трудилась вместе с Лидией над её школьным проектом по рисованию, она то и дело бросала взгляд за окно. Ей казалось, что на улице ужасно тепло, и

Кассандра торопилась скорее закончить, чтобы вернуться домой, захватить сестру и отправиться на речку наблюдать закат. К тому же, хоть Лидия и была премиленькой девочкой, Кассандре быстро надоедали их совместные занятия. Стафис полагал, что Касси может быть для Лидии таким же чудесным учителем, как Мари, но он заблуждался. Люди часто путают упрямство и терпение.

Оказавшись теперь на улице, Кассандра поняла, что поторопилась со своими планами. Ветер сбивал с ног и бросал в глаза дорожную пыль. Как всегда, под рукой не оказалось заколки, чтобы собрать спутавшиеся волосы. Кассандра вздохнула и обречённо направилась в сторону дома, но на полпути вспомнила, что забыла полить семена маттиолы, которые они с Мари посадили неделю назад в маленькой теплице. Сегодня была её очередь. Пришлось вернуться и заглянуть в оранжерею.

Там было так тепло, что у Кассандры пропало всякое желание выходить обратно. Похрустывая обнаруженным в сумке печеньем, девушка смотрела через стекло на гнущиеся верхушки деревьев и на флаг Федерации над центральной площадью: буквы СФ и шесть синих звёзд в чёрном круге на белом фоне. Флаг нещадно мотало из стороны в сторону, и казалось, что он сейчас оторвётся и улетит. Запахнув поплотнее куртку, Кассандра вернулась на тропинку и пошла в сторону площади, не выпуская флаг из виду. У неё было с собой немного денег, а мама как раз хотела попробовать новую приправу из лавки пряностей. Предвкушая радость матери, Кассандра купила небольшой пакетик острой приправы для неё и корицу для них с Мари. По воскресеньям сёстры любили пить на веранде кофе с корицей.

– Пожалуйста, – сказала старушка в лавке. Протягивая Кассандре сдачу, она как-то странно покосилась на неё и тут же отвела глаза.

– Спасибо, – улыбнулась Кассандра и вышла из лавки на площадь, где уже зажглись фонари.

Она заметила, что чем ближе к дому, тем чаще прохожие почему-то оглядывались на неё, а некоторые даже останавливались и смотрели вслед. Кассандра нахмурилась, ускорила шаг, а потом и вовсе побежала. Соседи расступались перед ней, и Кассандра не могла взять в толк, что они делают здесь в такой час, зачем они столпились на улице перед её домом.

Перепрыгнув через две ступеньки, она наконец оказалась на крыльце. Дверь была не заперта, на веранде – темно и холодно. Кассандра щёлкнула выключателем. Ни мамы, ни Мари дома не было. Кассандра попыталась успокоиться: обычное дело, ушли за продуктами, отлучились, мало ли какие могли возникнуть дела! Но странное поведение соседей и открытая дверь не шли у неё из головы.

Она опустила глаза: пол вроде бы не грязный, но... Кассандра присела на корточки и дотронулась рукой до ребристого узора на гладкой доске: следы! В доме были чужие, и они не вытерли ноги, когда вошли.

Под скамейкой она заметила что-то белое – скомканные листки бумаги оказались письмом от отца. Кассандра разгладила страницы, разложила их на столе и попыталась вчитаться в неровные строчки, но не могла сосредоточиться: перед глазами всё плясало, и слова не складывались. Лишь оторвавшись от письма, она наконец обратила внимание на записку, наспех нацарапанную карандашом на салфетке: «Мама в больнице. Стафис».

В больнице?! Кассандра задрожала. Она ничего не понимала. Почему Мари не позвала её, сестра ведь знала, что она у Лидии? Кассандра бросила сумку с красками в кресло и выбежала из дома. Если не останавливаться, до больницы можно добраться минут за десять, хотя Кассандра сомневалась, что столько выдержит. Обычно она быстро выдыхалась – «худший бегун в обоих мирах», как говорила про неё сестра. Но сейчас силы взялись словно из ниоткуда. Бежать со всех ног стало необходимостью; бежать, чтобы узнать, что случилось с мамой и Мари.

У здания больницы Кассандра упала на ступеньки, задыхаясь. Позволила себе перевести дух несколько секунд, прежде чем снова поднялась и зашла в холл. Медсестра, увидев Кассандру, тут же исчезла и появилась уже со Стафисом. Пока её не было, Кассандра успела отыскать имя Розалии Клиндер в журнале регистрации и хотела бежать к ней в палату, но Стафис перехватил её.

– Подожди, – сказал он, крепко сжимая её руку, чтобы она не вырвалась. – Послушай. Ваша мама в порядке, но она... спит.

– Спит? – воскликнула Кассандра. – Но почему все...

– Она в коме, – через силу произнёс Стафис.

Девушка помотала головой.

– Это значит, что...

– Что мы не можем её разбудить. Её отравили. Каким-то растительным ядом.

Кассандра попыталась заглянуть Стафису в глаза, что оказалось непросто: он был выше по крайней мере на две головы.

– Кто её отравил?! Каким ещё ядом? И что, нет противоядия? Это как в сказках, что ли, спит беспробудным сном? Так не бывает! – Кассандра вдруг поняла, что кричит.

Стафис избегал её взгляда.

– Ты живёшь в Цветочном округе, тебе ли не знать, какими опасными бывают растения, – пробормотал он. – Похоже, что кома вызвана миккой, но эта трава – исчезнувший вид, и мы...

– Так кто это сделал? – резко оборвала Кассандра. – И где Мари, она с мамой? Пропустите меня!

– Время уже позднее, посещения... – робко начала сестра, но Стафис её остановил.

– Ты можешь пройти, – сказал он Кассандре. – Мы перепробуем все варианты, это я тебе обещаю. Ваша мама снова очнётся. А Мари...

– Что – Мари? – Кассандра замерла. – Что?!

– Мари... – он замялся. – Её нет.

Кассандра уставилась на Стафиса. Он сделал шаг к девушке, но она отступила, наткнулась на угол стола и дёрнулась.

– К-как это – нет? – пересохшими губами спросила Кассандра.

– Соседи видели, как к вашему дому подъехал автомобиль... говорят, роскошный. Из него вроде как вышел Роттер со свитой... Я не знаю, верить этому или нет... Его люди забрали Мари, она была без сознания. Они... ваши соседи то есть... хотели узнать, в чём дело, но их разогнали. Сама спросишь. А в доме потом нашли вашу маму...

Кассандра слушала, пытаясь уловить смысл, но смысла не было. Роттер, глава Соединённой Федерации, забрался в такую глушь, чтобы увезти её сестру? И при помощи непонятного растения, давно исчезнувшего с полей Цветочного округа, отравил её мать? Бред какой-то!

– Это ошибка, – прошептала Кассандра. – Этого просто не может быть!

– Нет, Касси, – сказал Стафис. Его голос тоже дрожал и срывался, но Кассандра ничего не замечала, – что-то случилось...

Предвкушение доброго поступка, предвосхищение чужой радости – вот ради чего, по мнению Ремко Клингера, стоило жить. И Ремко важно было не только верить в эти принципы, но и следовать им каждый день – чтобы не было стыдно перед собой и богом. А ещё – чтобы подавать пример своим детям. У Ремко было две дочери: честные, ласковые и чистые душой девочки. Он считал себя счастливым человеком.

Пожалуй, Роза была права, когда упрекала его, что он живёт слишком далеко, что детям не хватает отца и что она не этого ждала, когда выходила за него замуж в Поверхностном мире. Да, Роза была права, но она не знала, как много сил он вкладывает в то, чтобы переменить их жизнь к лучшему. Последние пять лет выдались особенно трудными, хотя Ремко тогда, можно сказать, повезло: удалось получить место сразу на двух больших стройках Алилута. Он разрывался между сменами, мало спал и ел на ходу, но никогда не жаловался. У него были свой угол, значительный заработок, а главное – у него была мечта. И вот час пробил! Мечта сбывалась. Ремко уже видел перед собой сияющие глаза и слышал смех Розы и девочек. Да, ради этого стоило жить и работать.

Ремко вышел из банка и остановился, чтобы удобнее перехватить тяжёлую папку под мышкой. Папка была набита купюрами – деньгами, которые он так упорно копил все эти годы. Ремко казалось немного старомодным, что вносить плату за приглянувшийся ему домик в пригороде надо наличными. Но с другой стороны, приятно было держать эту огромную сумму в руках – всю сразу! – и сознавать, что он смог сохранить свой план в тайне от Розы.

По кривоватой улочке, петляющей то вправо, то влево, резко ныряющей вниз и взмывающей вверх, Ремко пробирался в сторону дома, где он делил скромную комнату с двумя приятелями. Никаких машин на этой улице, конечно, не ездило, а между домами раскинулся длинный пёстрый рынок. Здесь было всё: прилавки с овощами, корзины с цветами, клетки с котятами и домашней птицей. Котята заинтересовали Ремко, но он прошёл мимо, не замедляя шага. Такой подарок дочерям он сделает как-нибудь в другой раз. Через два квартала на углях жарили рыбу, заворачивали её в листья красного

подорожника и продавали по пятнадцать монет за порцию. Мужчина за прилавком, Лука из Цветочного округа, кивнул Ремко: наверное, вспомнил, как тот нашёл ему помощника, когда Лука не мог работать из-за сильного ожога. Ремко кивнул в ответ, глубоко вдохнул сочный аромат рыбы и пошёл дальше. Пятнадцать монет – это много. Раньше он не мог себе этого позволить... Впрочем, почему раньше? Ведь ничего не изменилось, а деньги, которые он трепетно нёс в старой папке – портфеля у него не нашлось, – нужны были для другого. Рыба могла подождать.

Здание, где жил Ремко, возвели задолго до того, как семья Клингеров поселилась в Новом мире. Это было строение из прежних времён, со своеобразной архитектурой, без лифтов и горячей воды. Когда-то Ремко удивляли эти дома: потолки везде разной высоты, комнаты стыковались друг с другом весьма произвольно и соединялись лестницами; но он привык, и теперь уже дома Поверхностного мира казались ему слишком простыми и скучными.

Он зашёл в захламлённый подъезд. Хозяйка дома плотно занавешивала все окна, чтобы в холле царил холодный полумрак и не так бросалось в глаза, что она за всю жизнь ни разу здесь не прибралась. Над лестницей висел фонарь, но он регулярно перегорал, и холл погружался в абсолютную тьму до тех пор, пока кто-нибудь не заменит лампу – обычно это делал сам Ремко. Вот и сейчас ему пришлось пробираться к лестнице скорее на ощупь. Это было несложно: Ремко наизусть знал, сколько шагов занимает путь от двери до лестницы, а там – всего двадцать три ступеньки вверх, и станет светлее.

На площадке второго этажа сидел мальчик. Ремко не удивился, только вздохнул, увидев его. Бездомные и нищие нередко забредали в этот дом и прятались по тёмным углам, укрываясь от непогоды. Ремко их не гонял: он делил с ними воду и хлебцы, отправлял за них письма и отдавал им старую одежду.

Но этот мальчик был совсем маленький, лет пяти-шести. При виде Ремко он поднялся на тоненькие ножки и сказал:

– Дядя Ремко, помните меня? Вы осенью помогли моей маме с работой.

Ремко внимательнее всмотрелся в лицо ребёнка. Ямочки на пунцовых щеках, тёмные глаза-горошины, бледные уши торчком.

Когда он видел Эрильена в последний раз, тот был совсем крошкой. Неужели это было только прошлой осенью?

– Как она? – спросил Ремко, открывая перед Эрильеном дверь в свою комнату. – Проходи, не стесняйся. Что-то случилось? Они её уволили?

Эрильен заходить отказался. Глаза его налились слезами, и он кивнул в сторону лестницы, уводящей в темноту холла.

– Мама болеет. Пойдёмте со мной, дядя Ремко. Она сказала вас найти, сказала, что вы точно поможете! Пожалуйста, идёмте скорее!

– Чем она заболела? – спросил Ремко, ногами нащупывая следующую ступеньку. Одной рукой он продолжал сжимать папку, в другую взял мокрую ладошку Эрильена.

– Я не знаю, – всхлипнул мальчик. – Там много людей... Они не хотят больше ходить...

* * *

Мальчик вёл Ремко сквозь паутину улиц, не замедляя шага, – он хорошо запомнил дорогу. Эрильен не мог точно сказать, когда заболела мама. Он лишь видел, что ей стало трудно двигаться, хотя она никогда не жаловалась. Её выгнали с работы – конечно, кому нужна такая медлительная горничная, – и им с Эрильеном пришлось искать себе новый приют.

В подвале, куда мальчик привёл Ремко, было холодно, но хотя бы не сыро. Узкие окна под потолком выходили на юг, и косые лучи солнца подсвечивали миллионы частиц пыли в воздухе. Сияющие пылинки плыли по помещению, превращая обычный подвал в волшебное подземелье.

Это было жуткое зрелище: два десятка человек лежали вповалку, и почти никто из них не двигался. Лишь немногие повернули головы в сторону Ремко, когда он спустился вниз. Мать Эрильена – Ремко сразу узнал её – протянула было к сыну руку, но тут же её уронила. Эрильен бросился к ней, упал на колени и ткнулся головой в бок; женщина принялась медленно гладить его, как котёнка. Ремко прошёл в глубину подвала, избегая смотреть на лица несчастных. В дальней стене обнаружилась открытая дверца, а за ней – комната с низким потолком

и голой электрической лампочкой на коротком проводе. Около дюжины человек обедали за широким деревянным столом. При виде Ремко кто-то начал неуклюже подниматься; Ремко не мог не заметить, как напряглись при этом их лица.

– Пожалуйста, сидите! – выпалил он, но они уже встали.

– Нет, это всё-таки невежливо. Вы – гость в нашем маленьком аду, – сказал бородатый мужчина, глядя на Ремко. У него были грустные голубые глаза, и стоял он ссутулившись, головой упираясь в потолок. – Не пугайтесь, можете спокойно пожать нам руки. Эта дрянь не передаётся через прикосновение, как мы уже выяснили. Меня зовут Ивар. Вы Ремко, и вас привёл Эрильен. Я знаю, что вы не врач, но Дарина...

– Я понимаю, – прервал его Ремко. Он оглянулся через плечо и почувствовал тошноту и стеснение в груди, как всегда при виде людей, которые страдали и которым, возможно, уже ничем нельзя было помочь. – Так вы не знаете, что это за болезнь? Я впервые такое вижу. Нельзя терять время. Она... убивает?

Ивар долго молчал, прежде чем ответить.

– Медленно. Самые тяжёлые ещё дышат, но больше они ничего не могут. Вы понимаете... совсем ничего не могут. Боюсь, что они умирают от голода или...

Что-то обхватило ноги Ремко на уровне колен. Он вздрогнул всем телом, но это был всего лишь Эрильен. Мальчик глядел на Ремко покрасневшими глазами-горошинами снизу вверх и часто моргал.

– Эрильен, отпусти меня, – мягко сказал Ремко. – Лучше дай руку. Сейчас мы с тобой пойдём к моему знакомому врачу, он очень хороший человек. А потом ты нам покажешь дорогу обратно, договорились?

– Это вы – хороший человек, – сказал Ивар, и Ремко показалось, что в его голубых глазах стало немного меньше грусти и чуть больше надежды.

* * *

Делать добро. Бескорыстно. Перешагнуть через себя и свои желания. Ни одно решение в жизни Ремко не было таким трудным,

кроме разве что переезда в Новый мир. Он знал, что поступает правильно, и всё равно это было сложно.

Но почему? Разве он не шёл к этому всю свою жизнь?

Ремко вступил под своды древнего храма с куполом из голубого камня. Вход стоил двадцать монет – и он заплатил. Это был храм чужого бога, и всё-таки это был храм. На стенах сохранились старые вышитые картины и лица святых давно уже не существующего мира. Впереди на небольшом постаменте перед гобеленом с изображением Ангела находилось подобие алтаря: крупный кристалл с острыми лучами, похожий на вифлеемскую звезду. Ангел напомнил Ремко пророков Поверхностного мира: на вид простой человек, кудрявый, без бороды и с юным лицом, но при этом седой. И с кипенно-белыми крыльями за спиной, как и положено ангелу.

Деревянные таблички острыми зубьями торчали посреди храма, повествуя о религии, которой больше не поклонялись. Ремко обошёл ту, что стояла перед самым алтарём, и положил руку на полупрозрачную сверкающую звезду. Может быть, то, что он делает, нелепо, но храм оказался единственным местом, куда Ремко захотелось пойти в эту минуту.

Служитель музея окликнул Ремко:

– Совсем не обязательно трогать эту штуку, просто смотрите.

Ремко отдернул руку, и на мгновение ему показалось, что внутри кристалла шевелится жизнь – свой собственный микрокосмос. Ремко моргнул, и наваждение исчезло.

Он пришёл, чтобы помолиться за больных, и всё-таки это было глупо: молиться холодной звезде он не мог. Ангел смотрел на Ремко с гобелена, правая ладонь раскрыта, прямые пальцы плотно сжаты, в левой руке – книга в тёмном переплёте. Ремко не знал, что это значит. Услышит ли Ангел одинокий голос человека, волей судьбы заброшенного в другой мир, незнакомого с местными символами веры, «некрещёного» – если здесь было аналогичное понятие?

«Ангел... помоги слабым и немощным, придай им сил и спаси от страшного недуга...»

Ремко не отводил глаз от гобелена. Смотритель затих за спиной – ушёл, может быть? Неважно.

«Прошу тебя от всего сердца: излечи их тело и душу. Эти люди не заслуживают такого наказания... Господи, да никто не заслуживает

такого наказания! Я буду рядом с ними и не уйду, пока последний из них не встанет и не продолжит путь. Да и тогда я не брошу их. Ты же знаешь, Господи, что каждый из них особенный, каждый – частичка жизни, которую Ты сотворил. Прости их! Излечи их, чтобы они снова могли трудиться и заботиться друг о друге. Верни им будущее. Я никогда не забуду Твою доброту, и эти люди тоже будут помнить вечно. Прощу тебя, Ангел, помоги больным. Освободи...»

Мысленно Ремко добавил к своей неуклюжей молитве «Отче наш» и даже не заметил, как по привычке перекрестился.

Опустив глаза, он побрёл обратно к выходу. Больно признавать, но ему не стало легче, как бывало в детстве, когда он каждое воскресенье ходил с родителями в церковь.

Ремко вышел из храма, как и зашёл, с пустыми руками. Тяжёлая папка с деньгами осталась в подвале. Уже наполовину пустая, она лежала на голом полу среди коробок с лекарствами, которые были так необходимы тем, о ком он молился.

У него за спиной на стенах ровно горели разноцветные свечи – красные, зелёные и синие. Резкая, совсем неподходящая к этому месту поп-музыка выплёскивалась из приёмника на столе зрителя. В кристальной звезде, обычно прозрачной и ничем не замутнённой, клубился туманный сгусток.

δ

С некоторых пор в груди у Вилмора Госса поселилось прежде незнакомое гнетущее ощущение *неправильности* его жизни. Объяснить эту *неправильность* он не мог, но знал, что, если бы ему снова довелось встретиться со своей бабушкой, крошечной старушкой с выбивающимися из-под чепца белыми завитками волос, она бы посмотрела на него, покачала головой, отвела глаза и сказала: «Неправильно живёшь, Вилли, нехорошо, нехорошо...»

Бабушка могла судить Госса, ведь на то она и бабушка, но Госс – разве он судья другим? И разве ему рассуждать о вине и невиновности, о преступлении и наказании? Ещё недавно всё казалось таким простым! Монотонная работа в изоляторе не напрягала, Госс не любил перемен и тем более не хотел быть двигателем этих перемен. Теперь

же, когда его повысили в должности и поручили – лично Роттер поручил! – дело фальшивой принцессы Амейн, ему приходилось принимать решения, которые выполняли его подчинённые. Впервые в жизни у Госса появились люди в подчинении, а ведь он об этом совсем не просил. Да, всё стало чертовски неправильным.

Если забыть об этом гнетущем ощущении, этом липком комке в груди, утро Госса выдалось спокойным и солнечным. На завтрак были фрукты и творожные блинчики с мёдом. Взрослый сын Госса сидел тут же, за столом в кухне, уткнувшись в книгу, и пил уже третий стакан сока. Когда в его руки попадала книга, Тобиас больше ничего вокруг не замечал.

– Тоби, тебе надо что-нибудь съесть, – сказала Ренни, когда сок в пакете кончился.

Родителей поражала любовь сына к чтению – он даже в армию взял с собой не менее дюжины книг, в ущерб количеству носков и рубашек, а обратно привёз, кажется, ещё больше.

– Так, ну-ка убери книгу, – строго сказал Госс, вспомнив, что он глава семьи. – Давайте поедим по-человечески хоть раз в неделю!

– Пап!.. – Тоби на секунду оторвался от учебника, чтобы запротестовать, но, встретившись глазами с отцом, тут же заложил страницу и спрятал книгу под стол. – Ладно, извините. Что тут у нас? А, творог... Но я не голодный.

– Почему? – воскликнула Ренни. – Милый, ты вернулся из армии! Я думала, ты похудеешь...

– Куда ему худеть, – усмехнулся Госс. – Он и так как селёдка.

– Как селёдка, пап, серьёзно?

Тобиас приподнялся на стуле и взглянул на своё отражение в дверце буфета. Он и правда был довольно нескладный, высокий и худощавый – свитера, хорошо сидевшие в плечах, всегда оказывались ему слишком коротки. Однако сравнение с селёдкой явно показалось Тобиасу оскорбительным.

– Что читаешь? – спросил Госс, зная, как отвлечь сына от неудачной метафоры. Тот сразу оживился.

– Жутко интересную книгу нарыл в библиотеке...

– Ты вообще нормальную работу искать собираешься? – перебила Ренни. – Пора бы! Ты же сказал, что библиотека – это на неделю-две, и что?

Тобиас поморщился, но не успел ответить – в дверь позвонили, и Ренни исчезла в коридоре.

– Я читаю сравнительный анализ астрономических карт нашего мира и Поверхностного, – Тоби обратился к отцу. – Довольно старый уже, то есть не хватает новых данных, но написано славно, из королевских архивов, наверное. Я даже не знаю, как...

– Вилмор! – голос Ренни из коридора звучал напряжённо. – Это к тебе! Из правительства...

Госс озабоченно сдвинул брови и отложил нож с вилкой. Рука дрогнула, и приборы тревожно звякнули о тарелку. Вызов в воскресное утро? На прежней должности его не беспокоили по выходным. Его вообще никогда не беспокоили.

На пороге квартиры стоял щекастый парень в форме, с внушительной кобурой на широком поясе и в красном берете – то ли полицейский, то ли почтальон. Ренни пригласила его пройти в коридор, но парень лишь качнул головой: он ждал Вилмора. Госс сразу узнал личного посыльного Роттера – Купидона, как его звали за глаза.

Купидон протянул Госсу запечатанный конверт и расписку. Вилмор подписался, прислонив бумагу к косяку двери; руки тряслись, и подпись вышла корявая. Посыльный дважды хлопнул себя по груди и удалился. Вилмор Госс несколько секунд таращился на опустевшую лестничную площадку, затем медленно прикрыл дверь, щёлкнул замком и прошёл в кухню. Пожёвывая губами, он некоторое время стоял, изучая печать Роттера и не решаясь вскрыть послание. Он не знал, что внутри, но конверт был словно тлеющий уголёк, готовый перерасти в пожар. Сладко пахло мёдом и творогом, жёлтые выцветшие занавески колыхались у открытого окна. А ведь как хорошо начинался день!

– Ну что ты, Вилли, давай я прочту, – не выдержала Ренни. Это, конечно, было запрещено.

Краем глаза Госс заметил, что Тоби снова достал книгу и как ни в чём не бывало продолжил чтение, покусывая блинчик. Безразличие сына вывело Госса из оцепенения. В самом деле, ведь это просто буквы! Буквы складываются в слова, слова – в приказ. Каким бы он ни был, это всего лишь символы на клочке бумаги.

«Уважаемый Вилмор, – так начиналось послание Роттера, – не желая портить себе воскресенье, илю записку вместо личной встречи. Итак, ты облажался. Мои указания были: 1) Доставить В. из Роттербурга в тюрьму Флоры. 2) Доставить В. № 2 в тюрьму во Флоре. 3) Держать обеих в одиночных камерах, встреча В. и В. № 2 нежелательна и недопустима. Почему обе оказались в Роттербурге? Я не желаю терпеть их в своём городе. Задача: немедленно отвезти девиц на юг, держать во Флоре. Остаться там до получения дальнейших указаний от меня лично! Роттер.

Р. С. Всё ещё благодарен тебе за тот звонок, поэтому никаких санкций. Но это в последний раз!»

– Ну, что там? – Ренни с волнением следила за выражением его лица. Вилмор поджал губы.

– Глупости, – сказал он. – Вроде как я приказ неверно исполнил. А это неправда: он мне сказал «в Роттербург», а не «во Флору», я клянусь... Ну да ладно.

– Как это «да ладно»? – не поняла Ренни. – Надо же указать на ошибку, если ты прав!

– Это Роттеру-то? – усмехнулся Госс, складывая письмо и убирая в карман. – Как-нибудь в другой раз!

– Роттеру? – Тобиас вскинул голову и чуть не выронил книгу.

Кажется, он только сейчас осознал, что его отца не просто повесили, а действительно очень хорошо продвинули по службе.

ε

Она проснулась и ощутила пустоту в душе. Это было новое для неё чувство – отсутствие всех чувств. Кассандра села на кровати и положила руку на грудь, чтобы убедиться, что сердце по-прежнему бьётся. Ещё вчера они надеялись, что маме может стать лучше после некоторых процедур. Вчера они со Стафисом строили планы, где раздобыть лекарство, – Стафис строил, а Кассандра беспокойно листала свежие газеты из Алилута и Индувилона.

Но сейчас на часах уже за полдень, Кассандра одна в опустевшем доме, и её никто не разбудил. Жизнь потеряла смысл.

Касси встала с постели и вышла на веранду. Неуверенно провела рукой над разбросанными на столе газетами – ни в одной из них она не нашла ни малейшего намёка на то, куда могла исчезнуть сестра. Не знали журналисты, не знала местная полиция – более того, они не собирались искать Мари. Но почему?

Что делать, когда в душе такая пустота? Кассандра закрыла глаза, опустила на деревянные половицы и сжалась в комочек, обхватив колени руками.

Прошло полчаса, час, а может быть, два – Кассандра не знала, спит она или бодрствует, – когда пришла Лидия. Тихо скрипнула входная дверь. Лидия на цыпочках зашла в дом, но споткнулась о ножку стула и с грохотом рухнула на пол. Наверное, ей было больно. И смешно, потому что она тут же рассмеялась до слёз. Кассандра лишь слегка повернула голову, чтобы убедиться, что Лидия не разбила себе лоб, и тут же отвела глаза.

Лидия перестала смеяться, подползла к Кассандре и прижалась щекой к её плечу. Совсем маленькая девочка, что она могла сделать?

– Я принесла тебе цветы, – пробормотала она. – Один сломался...

Мягкие лепестки нежно коснулись руки Кассандры, и она почувствовала укол в груди. Касси произвольно всхлипнула, ожидая, что сейчас разрыдается, но слёзы не приходили. И всё-таки в этот момент ей стало легче, и пустота внутри заполнилась обжигающим теплом, которое мягко разлилось по всему телу.

Кассандра развернулась к Лидии и обняла её.

– Спасибо, – сказала она.

* * *

Рюкзак оказался на удивление тяжёлым, хотя Кассандра два раза перебирала его содержимое: выкладывала лишнее, меняла местами нужное и начинала с начала. Она не очень-то умела собирать вещи: они с Мари никогда надолго не покидали посёлок. Бывало, ночевали у друзей и несколько раз ездили в Алилут, но для этого не требовалось никакой особенной подготовки.

А тут... Кассандра остановилась и потёрла щиколотку. У неё была одна пара хороших ботинок, по крайней мере, она так думала, но уже через час ходьбы они нещадно натёрли обе ноги. Она заклеила раны старым пластырем, который нашла в домашней аптечке и догадалась прихватить с собой, и для верности надела вторую пару носков. Теперь ноги потели и словно бы даже распухли от жары. Однако снять обувь она не могла – дорогу развезло после дождей, и под подошвами хлюпала грязь.

Может быть, Кассандра зря сорвалась с места, не дождавшись автобуса? Но что ей оставалось: автобус ходил по этому маршруту лишь дважды в неделю, а Кассандре казалось, что если она ещё хотя бы день пробудет в посёлке, в их опустевшем доме среди звенящей тишины, то убийственная апатия снова вернётся и больше никогда не отпустит. Девушка даже не стала дожидаться ответа от отца, которому они со Стафисом написали подробное письмо.

До Индувилона пешком часа два, полагала Кассандра. Однако, если верить её стареньким наручным часам, два часа уже прошло, а город ещё даже на горизонте не показался. Кассандре мерещился сероватый дым в отдалении, но это могли быть просто облака.

Она замедлила шаг, сбросила рюкзак с плеч и стянула куртку. Спину ломило так, что даже в ушах звенело от напряжения. А ведь ей казалось, она взяла только самое необходимое! Кассандра вытерла пот с лица, вытщила бутылку воды, глотнула, постояла некоторое время с закрытыми глазами. Стало чуть легче, однако звон в ушах не утих – наоборот, усилился и постепенно перерос в треск, скрип и рокот мотора. Кассандра оглянулась. По ухабистой дороге, то и дело увязая колёсами в жидкой грязи, полз автомобиль.

Кассандра совершенно не разбиралась в машинах; среди её знакомых никто не мог позволить себе такую роскошь – дороже самой машины было только топливо, завозившееся в Соединённую Федерацию с Земли. Однако даже Кассандре было очевидно, что этот экземпляр собран из отборного металлолома. Дверцы не подходили к кузову, единственная фара светила необычайно ярко, несмотря на ясный день, а задние окна были затянута плёнкой поверх осколков стекла.

Это транспортное средство совсем не внушало доверия, но машина ехала в сторону Индувилона, и было бы глупо упустить такой

шанс. В конце концов, что могло быть хуже, чем похищение Мари? Кассандра вскинула руку и помахала водителю.

Переднее стекло открылось вовнутрь, и из окна высунулась голова водителя. Ему было за сорок; небритый, с толстой шеей и неестественно светлыми глазами, он широко улыбался.

– Хей, мадемуазель! – крикнул он и энергично помахал в ответ. – Подвезти авось? Запрыгивай так, я тут не буду тормозить, завяжем!

– До Индувилона доедем? – прокричала Кассандра, подхватывая рюкзак, и неуверенно направилась к машине.

– А куда ж!

Посчитав это положительным ответом, она на бегу закинула рюкзак и забралась на пассажирское сиденье через распахнутую дверцу. Закрыть её не получилось – Кассандра вцепилась в ручку, пытаясь удержать дверь на месте, но автомобиль слишком трясло. Водитель хмыкнул и указал на верёвки, обвязанные вокруг сиденья. Провозившись некоторое время, Кассандра закрепила их на ручке дверцы и в изнеможении откинулась на жёстком кресле.

Автомобиль трещал, пищал и звенел, ходил ходуном на колдобинах и буксовал там, где дорогу безнадёжно размыло. Кассандре было жутковато, но всё лучше, чем тащиться с набитым рюкзаком пешком. К тому же она впервые ехала в настоящей машине, а не в автобусе, да ещё на переднем сиденье. Кассандра с интересом вглядывалась вдаль сквозь исцарапанное лобовое стекло. Водитель её мало интересовал: у него был такой же потрёпанный вид, как и у его автомобиля. А вот он поглядывал на неё часто и пристально, так что ей даже стало неудобно. Хотя, казалось бы, куда уж неудобнее. Может, ему что-то нужно? И тут её осенило.

– Извините, – смущённо сказала Кассандра, – честно говоря, у меня нет денег, чтобы заплатить за проезд. Вы сможете подвезти меня бесплатно?

Он снова уставился на неё, не глядя на дорогу, так что Кассандра забеспокоилась, как бы они не сползли в кювет. Что ж, если он откажет, она продолжит путь пешком, ничего не поделаешь.

Однако водитель, очевидно, не собирался бросать её посреди бескрайних цветочных полей. Он ухмыльнулся, передёрнул плечами и бросил:

– Чего б не смочь. Ты типа в Индувилон на работку?

– На работку? – неуверенно переспросила Кассандра.
– Ну знамо дело – бежишь с Цветочного округа, все вы такие.
– Что, часто бывает? – не то чтобы она не знала ответ, но надо было как-то потянуть время. Кассандра не хотела говорить, зачем держит путь в Индувилон.

– Пф! Порою. Я тут всё время туда-обратно мотаюсь. В общем-то... по весне... по осени... всякие встречаются товарищи.

– Угу, – протянула она и решила впредь держаться этой версии. – Вы угадали.

Водитель хохотнул. Кассандра молчала, раздумывая, как быть дальше. Словно прочитав её мысли, он снова спросил, никак не желая оставить в покое:

– Милочка, а ты уже знаешь, куда пойдёшь?

– Нет, – она помотала головой вполне искренне. – А куда обычно люди идут?

– Ну, по-всякому. Разно бывает. На заводы идут, ты ж знаешь: Индувилон, промышленность, все дела.

Кассандра кивнула.

– Шо ж ты автобуса не дождалась? Смотрю: плетётся, ноги сбила, девчушка-то – дунь, сломается. Рюкзачок тяжёлый, поди?

Кассандра снова промычала что-то невразумительное. В машине было душно, и её клонило в сон.

– Разрешите, я открою окно? – спросила она слабым голосом.

– Не-не-не, – захлопотал водитель, – это нельзя. Ты устала, наверно, ты спи. Нам ещё минут... знаешь... полчаса ехать. А ты поспи, поспи. А окна не надо, там стекло, оно вообще ни к чёрту, сломаеться. Всё! Спи.

Кассандра неуверенно посмотрела на привязанную к её креслу дверь, на стекло и на водителя. Потом постаралась устроиться поудобнее на широком сиденье, обхватила рюкзак руками, подумала о Мари... И стало так грустно, так муторно на душе. Куда она ехала, в самом деле? Не на работу, конечно, но куда? И зачем? Она хотела найти ответ, хотела выяснить правду. И пусть она не знала, поможет ли ей в этом город Индувилон, однако что-то же надо было предпринять! Бестолковый полицейский в посёлке отказался с ней разговаривать, так что ничего не оставалось, кроме как взять дело в свои руки. Там, в Индувилоне, она обратится в региональный участок и не уйдёт, пока

не добьётся своего. А при необходимости отправится и дальше, на север, в столицу! Кассандра не могла жить без Мари...

Заметив, что попутчица задремала, водитель ликующе хрюкнул. Он снял с зеркала ароматизированную ёлочку, плотно завернул в пакет и бросил в бардачок. И только потом, отфыркиваясь, вынул из носа грубо скатанные шарики. Порой приходилось импровизировать.

* * *

Но Кассандра не спала. Она зависла между сном и явью. Ноги затекли, сквозь вату в ушах пробивался свист и скрип автомобиля, и Кассандра чувствовала каждую яму, каждую выбоину на дороге. Она пыталась убедить себя, что едет в Индувилон, но сознание подкидывало совсем другие картины.

...Мари ворвалась в дом с букетом в руках и окликнула её по имени. Кассандра мягко коснулась золотых лепестков – Мари принесла лиаверы. Сестра что-то сказала, но Кассандра словно оглохла. Она разобрала только одно слово – «мама».

Улицу заливал густой туман. Мари вела Кассандру за руку к больнице. Соседи выглядывали из-за занавесок, провожали сестёр взглядами и снова исчезали, равнодушные к происходящему. Расслышав шум и треск, Кассандра попыталась напомнить себе, что она по-прежнему в автомобиле с незнакомцем... но Мари обернулась и укоризненно взглянула на неё грустными светло-карими глазами. Кассандра пошла дальше.

В холле больницы никого не было. В полной тишине сёстры поднялись по лестнице в палату к матери. Кассандре казалось, будто она плывёт вверх на облаке: туман под ногами поднимался вместе с ними и скрывал ступеньки, так что оглядываться было бесполезно.

Мама очнулась. Полулёжа на постели, она уже ждала их; светлые волосы были скручены в аккуратный пучок на затылке, совсем как раньше. Сёстры опустили рядом. Мама принялась ласково гладить их руки, что-то беззвучно рассказывая, а потом закрыла глаза и, кажется, заснула.

Кассандре неудобно было сидеть, прижимаясь одним плечом к матери, но она терпела. Снова раздался скрип автомобиля, особенно

пронзительный и неуместный в абсолютной тишине туманного мира. Кассандра взглянула на блаженно улыбающуюся Мари и хотела подняться, но мама крепко сжимала её запястье. Слишком крепко. «Это иллюзия», – догадалась Кассандра.

– Пусти меня! – попросила она мать. Вползавший в комнату туман глушил звуки, и вышло тихо и невнятно. Никто не ответил.

Кассандра изо всех сил потянула руку из цепкой хватки и даже зажмурилась от напряжения. И тут мама внезапно отпустила их обеих.

Девушки полетели на пол. Кассандра успела схватиться за край кровати, но обмякшее тело Мари соскользнуло вниз и исчезло в тумане. Растирая затёкшее запястье, Кассандра бросилась на пол и стала шарить руками в густой серой дымке. Но Мари там уже не было.

* * *

Она очнулась в припаркованной машине – резко пришла в себя, втягивая воздух в лёгкие, с ощущением, будто падает. Левая рука действительно затекла и ныла: кто-то, очевидно водитель, забрал её рюкзак, и ей стало не на что опереться. За окном уже стемнело; машина стояла в узком переулке, и высокие кирпичные здания почти без окон вплотную подступали к дороге. Кассандра никогда ещё не видела таких домов – ни в посёлке, ни в Алилуте. Справа, на изрисованной граффити стене, неоновое мерцало вывеска «Клуб “Синяя Птица”», но чёрная металлическая дверь была закрыта и шум музыки не нарушал тишины мрачного переулочка. Рядом никого не было.

Кассандре хватило нескольких секунд, чтобы осмотреться, и она едва удержалась от соблазна снова закрыть глаза. Несмотря на то, что пережитый кошмар, сердце не колотилось, а едва билось в груди; мутный сон будто вытянул из неё всю энергию. Кассандра попыталась встать, или повернуться на другой бок, или нащупать пульс, но даже просто сдвинуть руку с места стоило невероятных усилий.

– Что за... чертовщина, – пробормотала она онемевшими губами. Руку кололо тысячью мелких иголок: кровь снова прилиwała к затёкшим пальцам. Помимо этого, Кассандра совсем не чувствовала своего тела. Если подумать, даже боль в руке была приглушённой, терпимой.

Они с Мари никогда не были в Индувилоне: мама решительно выступала против поездок в этот город. Он казался ей «опасным» и «криминальным», мрачным средоточием мирового зла. Отец уверял, что ничего не случится, если они будут ездить туда раз в полгода за редкими вещами, которые нельзя было достать в посёлке, вместо того чтобы тратить целый день на дорогу до Алилута. Но мама была непреклонна, и её иррациональный страх перед Индувилонем передался впечатлительной Мари.

Кассандре было всё равно, из какого города её школьная форма, а вот искать след сестры в провинциальном Алилуте точно не имело смысла. Кассандра бы охотно отправилась сразу в Роттербург, если бы нашла дома хоть какие-то деньги. Но то ли у них и правда ничего не было – не зря же мама так ждала отца с зарплатой, – то ли сбережения конфисковали вместе с документами, когда увезли Мари. В Индувилон, центр провинции, Кассандра по крайней мере могла пойти пешком... И лучше бы она действительно шла пешком!

Кассандра снова попробовала пошевелиться – руки уже слушались, однако ноги по-прежнему были ватные, так что, сумей она выбраться из машины, далеко ей не убежать. И всё же она завозилась на сиденье, холодными пальцами пытаюсь развязать грубые верёвки, державшие на месте хлипкую дверь.

Она услышала голоса прежде, чем увидела двух мужчин, появившихся из темноты переулка. Один – уже знакомый Кассандре водитель – направился прямо к ней, а другой остановился у дверей клуба. Кассандра бросила верёвки и притворилась спящей. Стоило ей закрыть глаза, как бороться с продолжающим своё действие дурманом стало труднее, однако теперь она была так напряжена, что уже не опасалась снова провалиться в сон. Пульс восстановился, и она могла спокойно дышать.

Водитель повозился у двери со стороны Кассандры, но не придумал способа открыть её снаружи. Тогда он вернулся за руль и, подхватив вялую Кассандру под руки, выволок её через водительское сиденье. Она не сопротивлялась, не открывала глаз и могла только догадываться, что происходит вокруг.

– Ещё в отключке? – удивлённо спросил второй мужчина хриплым басом. – Это от одной ёлочки?

– Свежачок был, – хрюкнул водитель с ощутимой ноткой гордости в голосе. – Новенькую повесил как раз. Заходим, чё?

– Угу.

Кассандра, как тюк перекинутая через плечо мужчины, сообразила, что они спускаются по лестнице. В глаза ударил яркий свет, и она сосредоточилась на том, чтобы не жмуриться и не пищать от боли в рёбрах. Всё-таки этот тип нёс её не слишком бережно.

Вдруг всё прекратилось: её сбросили на пол, причём на что-то относительно мягкое, вроде ковра с толстым ворсом. От неожиданности Кассандра распахнула глаза, и мужчины ухмыльнулись, глядя на неё. Лёжа в нелепой позе на ковре, она смогла разглядеть, что находится в тесной комнате с тёмно-синими стенами, слабо освещённой двумя торшерами. Несколько высоких, в пол, зеркал отражали глубокую синеву и таинственный свет.

Пока Кассандра пыталась выпрямить ноги и сесть, делая это, впрочем, умышленно медленно и неловко, чтобы мужчины не догадались, что она давно пришла в себя, над ней склонилась женская фигура. Подол длинного платья показался Кассандре таким мягким и бархатным на вид, что немедленно захотелось закутаться в него целиком. Она вскинула голову.

На неё смотрела самая необычная женщина на свете. Она была худая и высокая – по крайней мере на голову выше обоих мужчин; на узкую грудь ниспадали пряди седых волос. И всё-таки первое, что бросалось в глаза, было не платье, не рост и не седина, а татуировка птичьей головы: огромная, перламутрово-синяя, она занимала всю левую половину лица.

– Значит, вот как ты решил расплатиться по долгам, – тихо сказала странная дама, отворачиваясь от девушки.

Кассандра исподлобья взглянула на водителя. Тот мгновенно растерял всю свою хамоватую развязность, переминался с ноги на ногу и не знал, куда деть руки. Его приятель стоял в стороне – ему, кажется, всё было безразлично.

– Ты притащил её сюда силой, Хорн, – заметила Синяя Птица. – Знаешь ли, другие отправляют ко мне хороших девушек, талантливых, таких, что мечтают оказаться у нас. Ты же приводишь только сирот и калек. Полагаешь, у нас тут филиал долгового рабства?

– В некотором роде да, – с усмешкой сказал второй мужчина и хрипло закашлялся.

Женщина холодно взглянула на него и, кажется, заметила детский рюкзак на его плече.

– Её вещи? Дай-ка паспорт. Наверняка она несовершеннолетняя, Хорн.

Хорн не стал отрицать, что рюкзак принадлежит Кассандре. Он молча забрал его у приятеля и трясущимися руками стал копаться среди её футболок, носков, бумаг и кое-как запакованных бутербродов. Наконец он выудил тонкий паспорт и уставился на первую страницу. Он мог ничего не говорить. Птица нахмурилась и неуловимым движением извлекла из складок платья пистолет. Настоящий! Кассандра на всякий случай снова прижалась к полу.

– Запомни, Хорн, это моё последнее предупреждение, – ледяным тоном сказала Птица. – У тебя есть деньги на наркотики, значит, найдутся и для меня. Ты принесёшь мне три тысячи долларов в течение недели, и это будут банкноты, а не потеряшки. Если же...

Но Хорн не стал дожидаться окончания речи. Он стоял ближе всех к выходу, и ему понадобилась доля секунды, чтобы выскочить за дверь и броситься вверх по лестнице. Вторым мужчиной, вскинув руки и крикнув: «Не стреляй!», ринулся за ним. Синяя Птица опустила пистолет и покачала головой. Обернувшись к Кассандре, она спрятала оружие и протянула девушке руку.

– Спасибо, что... – начала Кассандра, но оборвала себя. Непонятно, куда её занесло. Может, ещё рано благодарить.

Женщина фыркнула.

– Не думаю, что твоя жизнь стоит три тысячи, а мне – нам – нужны эти деньги. Хорну пора научиться отвечать за свои дрянные поступки. Мне жаль, что они украли твои вещи. Там было что-нибудь ценное?

Только сейчас Кассандра сообразила, что мужчина так и выбежал из комнаты с её рюкзаком. Этого ещё не хватало!..

– Документы... – пробормотала она, – еда... одежда...

– Ерунда. – Птица улыбнулась. Наверное, улыбка должна была ободрить Кассандру, но вышла бесстрастной и холодной. Зато женщина вытащила из потайного кармана кошелек и отсчитала несколько купюр. – Держи. Хватит на вещи первой необходимости. К

сожалению, это всё, чем я могу помочь. Тебе есть куда идти? Или ты ищешь работу?

– Есть куда, – поспешно сказала Кассандра.

Отчего-то ей не хотелось спрашивать, какого рода работу предлагает хозяйка клуба, к тому же она не планировала оставаться в Индувилоне. И ей правда было куда пойти. Адрес полицейского участка она помнила наизусть, там же можно будет подать заявление на новый паспорт, а ночевать она собиралась в Доме. Она слышала про это заведение – что-то вроде общежития с минимальными удобствами, куда мог прийти любой и оставаться там сколько угодно совершенно бесплатно. Дома начали строить, когда в страну стали прибывать люди с Земли, которым некуда было податься. Потом их почти все закрыли, но индувилонский Дом всё ещё работал, и это было очень кстати.

– Хорошо, – Птица кивнула. – Хочешь что-то спросить?

Кассандра замялась. Один вопрос у неё действительно был, но обстановка синей комнаты и исключительно фантастический облик женщины мешали вот так запросто его задать. И всё же спросить было необходимо.

– Туалет здесь есть? – выпалила Кассандра и тут же покраснела, словно ей пять лет.

Женщина снова улыбнулась, и на этот раз в её улыбке действительно промелькнуло что-то человеческое.

– Пойдём, – сказала она и за локоть вывела Кассандру в коридор.

Клуб оказался настоящим лабиринтом. Кассандра полагала, что клуб – это просторное помещение для танцев; у них в посёлке имелся один небольшой, и, кроме зала, больше в нём ничего не было. Но в этот она, судя по всему, попала с чёрного хода, и дама вела её запутанной дорогой мимо отдельных комнат, пустых залов с зеркалами, подобия маленькой кухни, мимо склада и мимо гаража, если верить табличкам на дверях, а также мимо большой комнаты, откуда доносился аромат хорошего кофе, – дверь была приоткрыта, и Кассандра не удержалась, заглянула внутрь и увидела широкие диваны, столик с чашками и группу смеющихся девушек. Птица заметила любопытство Кассандры, но ничего не сказала. Дойдя до полутёмной лестницы, они остановились.

– На нижнем этаже в конце коридора, – сказала женщина. – Потом спроси у кого-нибудь, где выход. Тебе помогут. Что ж, вот и всё.

Прощай.

– Вы не скажете мне своё имя? – спросила Кассандра.

– Зачем? – татуировка на лице дрогнула, когда Птица хитро усмехнулась. – Совершенно ненужная информация.

И она удалилась. Кассандра пожала плечами и стала спускаться вниз. Мысленно она не согласилась с женщиной: не бывает ненужной информации. Возможно, иногда информация не к месту и не ко времени, а может, просто нашла не того адресата, но заклеить её как ненужную – это слишком смело.

Длинный коридор тянулся, изредка освещаемый тусклыми лампочками. Двери по правую и левую руку отличались: на тех, что слева, висели блестящие таблички с именами, а двери справа были старые и облезлые; за одной из них Кассандра разглядела швабру и банки с чистящим средством. Затем коридор повернул под прямым углом, стал уже и темнее. Чистенькие двери с табличками остались позади. Кассандра продолжала идти. Безымянная дама ясно сказала: «В конце коридора».

Тем не менее постепенно стало казаться, что Птица пошутила или же Кассандра её неправильно поняла и у этого коридора вовсе нет конца. Может быть, она ходит по кругу? Но нет... здесь же негде заблудиться!

Когда впереди забрезжила полоска света, Кассандра ускорила шаг и почти побежала. Если это не туалет, то она хотя бы спросит, правильно ли идёт. Резко распахнув дверь – та оказалась неожиданно лёгкой, будто из фанеры, – Кассандра шагнула в неизвестность.

«Наверное, надо было постучать», – подумала она с опозданием.

К сожалению, это оказался не туалет, а жилая комната, просторная, но скромно обставленная: стол со скамейкой, что-то вроде древнего расписного сундука и изящный торшер с пышным абажуром, похожий на те, что Кассандра видела в синей прихожей. В тёмном углу прямо на полу лежал широкий матрас. Щуплый мальчишка в очках приподнялся на локте, увидев Кассандру. Из-за его спины выглянул другой мальчик такого же возраста, лет двенадцати. Он встать не спешил.

– Вы кто? – удивлённо прошептал очкарик. Он мгновенно выхватил откуда-то маленький нож. – Здесь никто не ходит!

– Эй-эй, погоди, – Кассандра сделала два осторожных шага в его сторону и на всякий случай подняла руки над головой. – Я просто заблудилась.

– Никто здесь не ходит, – упрямо повторил мальчик. – Стойте, не подходите ближе!

– Нет, честно! – Кассандра едва сдержала смех. С ней всегда так было: когда она говорила правду, но никто не верил, ей становилось ужасно смешно, так что все ещё больше убеждались, что она врёт. – Я просто искала...

Но договорить она не успела. Кассандра почувствовала движение за спиной, вспышку боли – и потеряла сознание.

F

В последние дни Мари совсем не могла спать, но виной тому был не тонкий матрас следственного изолятора, а тревожные сны. Мари чувствовала себя разбитой, и ей даже не нужно было смотреть на себя в зеркало – которого у неё, впрочем, не было, – чтобы понять, как сильно она похудела за прошедшие пару недель.

Ей снилась Кассандра – почти всегда только она одна, но иногда ещё мать и отец, Стафис и друзья из школы. С друзьями Мари ходила на рынок и на речку, Стафис показывал ей, как делать перевязки, и читал вслух любимые стихи, родители снова были вместе и пили чай на веранде. Кассандра же в каждом сне, который Мари удавалось запомнить, вернее, не удавалось забыть, умирала. Иногда у Мари получалось проснуться раньше, чем это происходило, и всё равно она знала, что будет потом. Глупое подсознание! Оно продолжало бояться за Кассандру, хотя в опасности была она, Мари. Вот и сейчас: они опять куда-то её перевозят, а ведь она уже почти привыкла к изолятору в Роттербурге. Зачем?

Мари сложила руки на груди и постаралась устроиться поудобнее на узкой скамейке. Было темно: слабый свет едва проникал сквозь замызанное толстое стекло, отделявшее фургон от кабины водителя. Куда они едут, Мари не знала, но бояться уже не могла – устала.

Даже в полумраке она отчётливо видела синяки у себя на руках и ногах. Её били за то, что она отказывалась рассказать им правду, но

при этом делала вид, будто эту правду знает. Мари и сама не понимала, зачем так поступает и чем это поможет ей или Кассандре. Всё происходящее было какой-то ошибкой, мороком, и она ждала, что придёт главный надсмотрщик – тот невысокий тип с седыми волосами, Госс, – извинится и отпустит её на все четыре стороны. Она готова была проделать обратный путь сама, даже пешком – лишь бы только они её отпустили!

Но нет. Фургон, тихо шурша шинами, всё дальше и дальше уезжал от Роттербурга, и Мари медитировала с закрытыми глазами, пытаясь отвлечься от боли в спине. Она сама не заметила, как сползла на холодный пол и привалилась к скамейке плечом. Так было удобнее, и на мгновение она подумала, что сможет уснуть, как вдруг резкий удар отшвырнул её к стене, за ним последовал ещё один, вспыхнул свет, и запахло гарью.

Мари распахнула глаза. Фургон перевернулся, и прикрученная болтами скамейка висела теперь у неё над головой. Фонарь в кабине опрокинулся и светил прямо в камеру Мари, куда сквозь вентиляционную решётку уже просачивался дым. За перегородкой водитель отчаянно ругался на незнакомом языке.

Мари перекатилась на бок и поджала ноги. Дым раздражал нос и горло, и хотелось откашляться, но стоило набрать воздух в лёгкие, как с жалобным свистом она тут же снова выдохнула. Боль была нестерпимая: она и в сравнение не шла с синяками и ноющей поясницей. Мари осторожно положила одну руку на грудь, потом другую и замерла, едва дыша.

Прошло несколько минут. Она чувствовала, что задыхается, но ей некому было сообщить об этом. Наконец двери фургона открылись. Разглядев Госса в ореоле седых волос, подсвеченного со спины ярким солнцем, Мари осторожно пошевелила кистью, указывая на грудь, и прохрипела:

– У меня тут сломано ребро... наверное. Это так... задумано?

* * *

Пока Госс яростно о чём-то спорил с охранниками и водителем, Мари ожидала на носилках у обочины. Несмотря на травму, они

связали ей руки и ноги – как будто она могла сбежать в таком состоянии! Зато теперь, решив, что связанная пленница точно никуда не денется, они словно забыли о её существовании. Мари слышала их голоса, но не могла уловить смысл. Она различала лишь обрывки фраз вроде «посреди поля», «больница» и «приказ Роттера».

Автомобиль, в котором её везли, пострадал гораздо сильнее, чем ей показалось вначале. Скорее всего, фургон был из какого-то особо прочного металла: он даже не погнулся, хотя машина перевернулась – и половины кабины как не бывало. Сопровождавший охранник погиб, но водителю повезло.

Ещё Мари сразу заметила второй такой же фургон, целый и невредимый, рядом со служебным автомобилем Госса. Обе машины вернулись, когда увидели аварию. Но для чего же нужен второй, неужели запасной? И сейчас они решают, продолжать путь или везти её в больницу?

Она чуть повернула голову и снова прислушалась. Водитель продолжал ругаться на своём языке, Госс командовал охраной. Двое сопровождающих направились к Мари, и ей ничего не оставалось, кроме как тревожно смотреть на них снизу вверх. Они подняли носилки и понесли их ко второму фургону.

– Меня не отвезут... в больницу? – спросила Мари.

Ответа не последовало. Мари было почти всё равно. Если дышать по чуть-чуть, редко и медленно, то не очень больно. Мужчины раскрыли двери машины и затолкали носилки внутрь.

– Что случилось? – спросил испуганный голос из темноты.

– Никаких разговоров! – прикрикнул один из охранников. – А то рот заткнём. Сидите молча, в кабине всё слышно. – Они захлопнули двери и удалились.

В этом фургоне было ещё темнее, чем в первом. Мари знала, что в кабине пока никого нет, и потому быстро прошептала в темноту:

– Привет! Иди сюда, я не могу двигаться. Мы можем говорить тихо... во время движения они не заметят.

– Я поняла, – отозвалась девочка, и Мари услышала, как шуршит по полу ткань. Кажется, незнакомка была одета в какой-то плащ или балахон наподобие тюремного, хотя Мари оставили её домашнюю одежду. Откинув длинные волосы с лица, девочка нагнулась к самому уху Мари. – Что случилось? Почему мы стоим?

– Произошла авария, – ответила Мари. – Мой автозак перевернулся, и я сломала ребро. Или что-то ещё... не знаю.

– Ого! – прошептала девочка. – А что такое автозак?

Мари постаралась разглядеть её лицо, чтобы определить возраст собеседницы, но было слишком темно.

– Мы сейчас с тобой в автозаке. Это машина для заключённых. Ну, которых под стражей держат. Я вот заключённая... Меня Мари зовут. А ты?..

– Тс-с! – заметила девочка, потому что Мари слишком повысила голос. – Да, теперь ясно, спасибо. Я тоже... заключённая. Меня зовут Вероника... – девочка помялась, всхлипнула и добавила дрожащим голосом: – Вероника Амейн.

Мари ахнула и содрогнулась от боли в груди.

– Да, – печально сказала девочка. – Кажется, ты в курсе.

– Что за... Нет, извини. Я не в курсе, я вообще с Земли и ничего не знаю про ваше королевство.

– Но знаешь, как зовут принцессу? – удивилась Вероника.

– Да это случайно. Мы все думали, что вы давно...

Мари оборвала себя на полуслове. Она не знала, как закончить это предложение, чтобы не задеть неожиданную попутчицу. К тому же было слышно, что водитель и охранник вернулись в кабину. Заворчал мотор, и машина рванула с места. Мари потянула Веронику за руку, чтобы та придвинулась ближе.

– Расскажи мне всё. Как ты здесь оказалась? Только тихо...

* * *

«Не надо было просить её рассказывать всё», – подумала Мари, теряя нить запутанного повествования. Кажется, Вероника давно ни с кем не разговаривала и теперь вот решила довериться Мари. Интересно, с чего вдруг? Потому что Мари такая же одинокая пленница, разлучённая с семьёй, да ещё и вдвойне беспомощная в её теперешнем состоянии? Скорее всего, Веронике было неважно, кто перед ней. Её слушали и не перебивали, её держали за руку. Мари чувствовала, что свободной рукой Вероника вытирает слёзы. Девочка плакала, вспоминая, как прощалась с ней мать и как они радовались,

что спустя столько лет её выпускают на волю, а Мари думала: «Разве можно быть такой наивной? Я бы никогда не поверила в эту сказку про школу».

Машина то разгонялась, то резко тормозила, и Мари то и дело отвлекалась от рассказа Вероники, морщилась от боли и гадала, куда они едут. Но внезапно смысл сказанного дошёл до неё, и Мари насторожилась.

– Так ты не знаешь, что было в том письме? – поспешила уточнить она.

– Нет! – Вероника всхлипнула и, кажется, помотала головой.

– И не догадываешься даже?

Вопрос остался без ответа, слышно было только сбивчивое дыхание Вероники. Мари молчала. Что могла написать бывшая королева? Почему Роттер явился к ним домой? Одно должно вытекать из другого, не может же это быть случайным совпадением! Но... дочь Розы Клингер – принцесса Флориендейла? Мари бы рассмеялась, если бы ей не было так больно. Дочь Розы Клингер – обе дочери – родились в другом мире, они с детства неразлучны, они двойняшки!

Через несколько минут автозак остановился. Охранники распахнули двери фургона, и апельсиновые лучи закатного солнца на мгновение ослепили обеих девушек.

– Ты, которая в рубахе, выметайся! – приказал один из мужчин. – Руки подними, чтобы я видел.

Вероника завозилась за спиной Мари, вставая с колен. Девочке пришлось протискиваться между носилками и стеной, и она двигалась медленно, ссутулив плечи, опустив глаза, худая и с пунцовыми от слёз щеками... Тогда Мари наконец увидела свою собеседницу при свете дня – и разглядела её лицо.

У неё перехватило дыхание. Мари бессильно откинула голову и застонала от отчаянья. Этого не могло, просто не могло быть!

ζ

В голове звенело, пронзительно и протяжно. А ещё было мокро... Кассандра осознала, что инстинктивно отплевывается от воды, льющейся в нос и рот, но мышцы лица были как чужие.

Поток воды прекратился, и Кассандра глубоко задышала, продолжая лежать без движения. Запястья сдавливали верёвки, а на ногах кто-то сидел – кто-то довольно лёгкий. Кассандра вспомнила про мальчишек, с которыми она разговаривала перед нападением, и, ожидая увидеть одного из них, приоткрыла глаза.

В самом деле, тот, что в очках, был тут, но он нависал над ней с угрюмым выражением лица, а не держал за ноги. Очки съехали на кончик носа, а лоб сморщился, как будто он напряжённо о чём-то думал.

– Она вряд ли одна из этих... – неуверенно сказал второй мальчик откуда-то слева.

– Молчи, – шикнул очкарик. – Она очнулась.

– Что здесь происходит? – Кассандра постаралась задать этот вопрос с максимальным достоинством, какое только возможно, когда ты лежишь на грязном полу, связанная двумя малолетками.

Мальчишка в очках открыл рот, но тут кто-то третий, удерживавший ноги Кассандры, поднялся и произнёс:

– Позволь мне, Томь.

Железные нотки в этом голосе не понравились Кассандре. Она вдруг сразу почувствовала сквозняк, гуляющий по полу и боль в стянутых запястьях.

Очкарик Томь отодвинулся, и его место заняла высокая девушка лет двадцати. Если бы не причёска и серебристый кулон на груди, её тоже можно было бы принять за мальчишку. Незнакомка смотрела на Кассандру, приподняв прямые тёмные брови; глаза были светло-серые, строгие и холодные, словно две ледышки, а губы сжаты в ниточку. Несколько секунд она пристально разглядывала каждый сантиметр лица Кассандры и вдруг рассмеялась.

– И чего вы так переполошились? Она совершенно безобидна и бесполезна.

– Что за хамство! – возмутилась Кассандра. – Ты ничего обо мне не знаешь!

– Я знаю, – ответила девушка, не переставая улыбаться, – что ты здесь в первый раз, поскольку понятия не имеешь о Призраке. Заявляешься без спросу в чужой дом и пугаешь детей. Потрудись запомнить.

– Э-э... что? Что запомнить?

– О Ангел! – девушка закатила глаза, нагнулась ближе и зловеще прошептала: – Призрак – это я!

Прищурившись, она уставилась на Кассандру, будто ждала какой-то особенной реакции. Однако та только раздражённо моргала, пытаясь избавиться от пылинки в левом глазу. Если бы она встретила этих ребят на улице, обошла бы их за километр. Но, кажется, времена, когда Кассандра могла свободно разгуливать по улице, закончились...

– С тобой совершенно не весело, ты не понимаешь шуток, – бросила девушка и забрала у мальчишки в очках нож. Кассандра затаила дыхание. – Перекатись, я развяжу тебе руки. Кстати, Томь, хороший узел, молодец.

– Мне не до шуток, – пробормотала Кассандра, но повиновалась, ожидая чего угодно: что ей развяжут руки, или снова ударят, или отрежут ухо – сероглазая девушка, похоже, была не в своём уме.

Однако та и вправду всего лишь поддела ножом верёвку, чтобы ослабить узел, и освободила Кассандру.

– Спасибо! – Кассандра поднялась с пола, растирая запястья. – И что, тебя так и называть – Призрак?

– Да, – ответила девушка, протянула левую руку для рукопожатия и кивнула на мальчишек. – А это Томь и Рофи. Томь – мой брат, Рофи... почти то же самое. Рофи не может ходить, так что тебе придётся наклониться, чтобы пожать ему руку. А ты встань, Томь. Невежливо, – командовала Призрак.

– Да пожалуйста, – пробормотал мальчик в очках, поднимаясь.

Он был нелепо одет в короткие детские штанишки и кричаще-жёлтый свитер с широким вырезом, вероятно женский. Поверх был намотан зелёный шарф. Лежащего в углу комнаты на матрасе Рофи тоже нельзя было назвать образцом стиля, и Кассандра невольно подумала о доме. Они с Мари тоже подолгу носили вещи, из которых уже выросли...

– Так значит, вы здесь живёте? Это легально? Я думала, «Синяя Птица» – это клуб.

– «Синяя Птица» – это кабаре и театр, – ответила Призрак. – Или кабаре, театр, кабак и игорный дом. Но ничего больше, так что не надо думать тут... всякого. Иначе бы я не держала здесь детей.

– Хей! – сказал Томь возмущённо. – Мы не дети, я тебе помогаю.

Призрак взглянула на него, выдержала упрямый взгляд брата и благосклонно кивнула.

– А что вы делаете? Ты тоже поёшь, пляшешь или что?

– Или что, – усмехнулась девушка. – Я только хлопаю в ладоши.

Кассандра нервно засмеялась.

– Мы охраняем театр и район, – гордо заявил Томь. Ему явно хотелось принять участие во взрослом разговоре, хоть он и забрался снова на матрас к Рофи, который всё это время меланхолично читал в полутьме книгу. – А ты-то кто такая?

Пока Кассандра рассказывала – а рассказывать свою историю странным обитателям подвала она решила с самого начала, – Призрак задумчиво ходила из угла в угол. Когда Кассандра сообщила, что никто не знает, как разбудить маму, девушка покачала головой и вздохнула. Когда Кассандра поделилась своим планом обратиться в индувилонскую полицию, девушка фыркнула. И лишь когда Кассандра описала встречу с Хорном и рискованную поездку, Призрак резко развернулась, вскинула руки и почти прокричала:

– Что?! И эта свинья... он ещё осмеливается на такое?

– Из-за него у Призрака много проблем, – с готовностью пояснил Томь. – Хотя в последнее время было потише.

– Он уезжал из города, очевидно, – пробурчала Призрак, быстро успокаиваясь. – Ну ладно, с этим мы разберёмся. Спасибо за информацию. Да уж, удивительно, как ты ещё держишься на ногах! В этих ёлочках сильный наркотик местного производства. Его маскируют под освежители воздуха, чтобы грабить народ. И для похищений... удобная штука, если подумать. – Призрак на мгновение задумалась.

Кассандра пожала плечами. Боль в запястьях она ощущала гораздо сильнее, чем действие наркотика.

– По поводу сестры... – продолжила Призрак. – Ты что, серьёзно собираешься искать её через полицию?

– Ну да...

– О Ангел! – Призрак всплеснула руками.

– Да ладно? – подал голос молчавший до этого Рофи.

– Ну хватит вам, – заступился за Кассандру Томь. И пояснил: – Местной полиции нельзя верить, они только отмывают деньги и прикрывают бандитов типа Хорна. Поэтому мы и охраняем театр сами.

Здесь у всех есть такая охрана. Но понятно, что ты ничего не знаешь, ты же не из города.

– А как насчёт подумать? Если твою сестру похитили по распоряжению Роттера, то обращаться за помощью в органы, наверное, не самая гениальная идея? – спросила Призрак.

Томь и Кассандра промолчали.

– У них ничего не будет на твою сестру, – Призрак загнула большой палец. – Но они запишут твои показания и передадут их наверх, – она загнула указательный. – Тебя попросят не покидать Индувилон, и, пока ты будешь ждать, кто-то выедет за тобой. В конечном итоге ты окажешься там же, где и сестрёнка. Поможешь ты ей этим? – сложив все пальцы, Призрак показала Кассандре кукиш.

– По крайней мере, я её найду, – упрямо сказала Кассандра.

– Да уж, очень эффективно, – Рофи захлопнул книжку и подтянулся, чтобы сесть ровнее. – Я проанализировал ситуацию, но, если говорить начистоту, пока не вижу для тебя возможности быстро отыскать Мари. Надеюсь, со временем ты найдёшь способ. Однако ты кое-что можешь сделать для вашей мамы.

Кассандра мельком взглянула на Призрака, которая с явным интересом и с неожиданно тёплой и гордой улыбкой слушала мальчика.

– До нас доходили сведения, что выше по течению реки, в районе Ангоры, скрывается отряд ливьер. Его-то уж точно будет проще разыскать, чем Мари. Среди них наверняка есть травники. Я полагаю, они знают, как разбудить вашу маму.

Кассандра беспомощно развела руками, но, так как все остальные молчали и никто не собирался комментировать сказанное, пришлось спросить:

– Что ещё за... травники?

Мальчики растерянно взглянули на Призрака.

– Может быть такое, что она совсем ничего не знает? – спросил сестру Томь.

– Ну хотя бы не спрашивает, кто такие ливьеры, – хмыкнула та и указала Кассандре на стул. – Садись.

Они накормили её жидким недосоленным супом из гороха и капусты. «Я знаю, что дрянь, но картошки сейчас не достать», – сказала Призрак.

После обеда брат с сестрой отправились на дежурство, а Кассандре велели хорошенько выспаться – на широком матрасе было достаточно места для нескольких человек. Натянув на себя тончайший плед, она лежала, стараясь не шевелиться, чтобы не потревожить Рофи, но то нога чесалась, то ухо, и сон всё не шёл. И суток не прошло с тех пор, как она ушла из дома. Вчера в это время Кассандра, кажется, пила чай и вырезала из газеты адрес местного полицейского участка. Сегодня лежит в подвале кабаре в трущобах Индувилона и пытается не разбудить мальчика-калеку... Кассандре не было страшно. Только грустно и муторно на душе – от того, что рассказала Призрак, не постеснявшаяся поделиться своей историей с той же искренностью, с какой Кассандра поделилась своей.

Среди друзей и знакомых Кассандры не было тех, кто особенно пострадал во время гражданской войны, или же она об этом не догадывалась. Большинство жителей посёлка, как и её семья, были переселенцами из Поверхностного мира и перебрались в Цветочный округ уже после провозглашения Соединённой Федерации. Другие же, бывшие подданные королевства, говорили о прошлом редко и неохотно. Когда им задавали вопросы, они только пожимали плечами и отводили глаза. И постепенно их перестали расспрашивать. Мари и Кассандра выросли в мире, в котором не существовало никакой связи с Флориендейлом.

Но у Призрака эта связь была. Вой ну она не помнила, разве что чувство тревоги, опасности и последнюю бомбёжку, когда рухнул их дом и ранило маму. Однако им удалось бежать. Несколько лет они прятались и даже думали, что жизнь наладилась, когда родился Томь. Но их всё-таки раскрыли и арестовали. Призраку тогда было девять, и, рассказывая об этом Кассандре, девушка так сильно зажмурилась, что Кассандра подумала: сейчас заплачет. Но Томь сказал, что сестра не умеет плакать.

Несколько месяцев их держали в тюрьме – девочку, её маму и новорождённого брата. Приставленный к ним охранник неумолимо развлекал их несмешными историями. Он же раздобыл где-то для Призрака большую книгу сказок – это была её первая и последняя

книга. Охранник делал всё, чтобы отвлечь их от мысли, что отец к ним больше не вернётся. Но разве от этой мысли можно отвлечь? Маму Призрака то и дело вызывали на допросы, иногда днём, но чаще посреди ночи. Дело было в каком-то компромиссе, вспоминала Призрак. Её родители отказывались сотрудничать с новой властью. Однажды мама разбудила девочку до рассвета и повесила ей на шею свой кулон с луком и стрелой – ничего особенного, простая железка, но она сказала, что украшение у неё от дедушки. Со следующего допроса мама не вернулась.

Детей отправили в приют, где Призрак терпеливо ждала, пока маленький Томь хотя бы чуть-чуть подрастёт. Девочка играла с кулоном, училась писать и считать, снова и снова перечитывала свою книгу сказок, но на самом деле голова её была забита мыслями о побеге и... мести. Жажда мести прошла с годами; остались лишь злость и призраки воспоминаний о холодных руках, которые трясут её, чтобы она угомонила наконец плачущего Томя, о маминых глазах после допроса, о бомбах.

Взрослая Призрак усвоила, что жизнь важнее мести, и чувство ответственности за брата и Рофи, бежавшего вместе с ними из приюта, пересилило злость. Когда-то они хотели отыскать лагерь ливьер, но Рофи повредил ноги – и лагерь превратился в недостижимую мечту. Рофи бы не дошёл, а Призрак и Томь не могли его бросить. Где-то там, с ливьерами, должны были быть и травники – древний народ Флориендейла, который, если верить Призраку, разбирался в растениях так, что даже лучшие мастера Цветочного округа рядом не стояли.

Кассандра как можно тише перевернулась на другой бок и уткнулась носом в книгу сказок Призрака. Страницы старого фолианта пошли волнами от влажности, и в темноте Кассандра не могла разобрать ни одной буквы. Зато тут же почувствовала щекотку в носу. Кассандра сморщилась, зажала рот руками, но всё-таки не сдержалась и оглушительно чихнула. Рофи тут же проснулся и зажёл торшер.

– Что ж ты не спишь? Тебе утром в путь. – Рофи зевнул. – Думаешь, найти ливьер так легко?

– Да не волнуйтесь вы за меня. Я справлюсь. Встану пораньше и сразу уйду.

– Это ты зря. Тебе стоит дождаться Призрака, как она сказала, – возразил мальчик. – Она проводит тебя на другой конец города. Это

значительно опаснее, чем ты думаешь.

– Что я, ребёнок, что ли? – недовольно пробормотала Кассандра.

Ей было неловко, что они бросились её опекать, и сочувствовали, как много всего она не знает, и смотрели чуть ли не с жалостью.

– Она даст тебе новые ботинки, – заметил Рофи и погасил лампу.

Это был хороший аргумент.

η

Когда Вероника мечтала о жизни за пределами проклятого алилутского дома, она представляла её себе совсем иначе. Оказавшись в новой тюрьме, Вероника долго ждала, что начальство всё-таки опомнится, освободит её и отправит в школу. Но надежда таяла с каждым днём. И вот наконец её вывели из-за решётки и снова загнали в машину, только на этот раз там не было мягких кожаных сидений. Вероника обречённо опустила на металлическую скамейку и поджала ноги. Она была готова вытерпеть любое мучение, если бы в конце пути её не ждала новая тюрьма. А уж если тюрьма – пусть хотя бы прежняя, та, что в Алилуте, чтобы быть с мамой!

Однако в душе она понимала, что вряд ли её везут к маме. Было тоскливо и безумно страшно, и всю дорогу Вероника рыдала, задыхаясь и захлёбываясь слезами. Как вдруг фургон остановился... и через несколько минут она познакомилась с Мари.

В темноте было видно немного, но Вероника догадалась, что они с Мари примерно одного возраста, а главное, что она – хороший человек и такая же жертва. Не в силах сдержать сбивчивый поток слов, Вероника выложила всё, что произошло с ней за последние дни. После этого сразу стало намного легче, как будто, разделив свои печали с другой девочкой, она смогла уменьшить их груз вдвое.

Мари тоже пыталась рассказать о себе, но то и дело делала длинные паузы и прерывисто вздыхала. Веронике было жаль каждой потерянной секунды. Она боялась, что они скоро приедут и она снова останется одна, а ведь ей так хотелось ещё хотя бы чуть-чуть пообщаться с Мари!

Охранник несколько раз подзывал Веронику к маленькому окошку в кабину водителя и требовал сообщить, как себя чувствует вторая

девочка.

– Хреново, – хрипела Мари, но она была слишком далеко от охранника, и Вероника передавала за неё в окно: «Плохо».

Она так и не поняла, почему они снова остановились – из-за Мари или же что-то случилось с машиной. Веронику заставили вылезти из фургона, и она тут же продрогла на холодном ветру. Мари вытащили на носилках. Теперь они сидели взаперти на втором этаже чужого дома у обочины шоссе: главный начальник, мужчина с синей звездой на груди, приказал семье освободить здание для службы государственной безопасности. Внизу, судя по запаху, варили кофе и шла беседа. Наверху в полутёмной комнатухе Мари спала, изредка постанывая и что-то выкрикивая, словно её мучили кошмары, а Вероника сидела в старом кресле, поджав ноги и обняв колени. Ей снова было страшно. Кроме них в комнате находился один из охранников. Он стоял у двери и следил, чтобы девочки не разговаривали. Похоже, начальнику это было особенно важно.

Была ночь, но Вероника не знала, который час. Свет на севере был не совсем такой, как в Алилуте, и время для неё словно остановилось. Было только здесь и сейчас, маленький островок тишины и покоя, а позади – тюрьма, и впереди – тюрьма. Но почему? Почему они не убили её, когда она была младенцем, когда ей было всё равно?! За что?

– За что... – прохрипела Мари и снова затихла.

Они были очень похожи, Вероника, конечно, не могла этого не заметить. Неудивительно, что Мари или её сестру могли спутать с наследной принцессой. Но как они их нашли?..

От размышлений отвлѣк шум на первом этаже. Хлопнула дверь, несколько секунд слышался монотонный бубнѣж, затем все заговорили одновременно и на лестнице послышались тяжѣлые шаги. Мари особенно резко вздрогнула, будто её тело пронзила судорога, и очнулась. Вероника видела, как блеснули в темноте её глаза, отражая свет уличного фонаря.

Дверь распахнулась, и начальник, оттолкнув охранника, ворвался в комнату.

– Госс... – прошептала Мари, когда он остановился перед ней.

Веронике было видно только его спину. Комната быстро заполнилась людьми, девочка незаметно сползла с кресла и на всякий случай забила в угол.

– Мы изучили конфискованные из вашего дома документы, – жёстко сказал Госс. – Ты могла бы сказать, что у тебя есть сестра!

– Зачем? – равнодушно отозвалась Мари.

Несколько мужчин шагнули вперёд, но Госс остановил их.

– Она принцесса? – спросил он кратко.

– Никто из нас не принцесса, – сказала Мари. – Вы все психи!

– Мы посмотрим, – бросил Госс. – Она не уйдёт.

Он обернулся к сжавшейся в комочек Веронике и хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

– Следуйте за мной, – приказал он охране и обратился к мужчине, что оставался в комнате с девочками: – Ты тоже, на пару минут.

Как только они вышли, Вероника бросилась к Мари и упала перед ней на колени. Глаза были мокрые от слёз – странно, она даже не заметила, как начала плакать.

– Ты в порядке?

Мари качнула головой и неожиданно твёрдо сказала:

– Ты берёшь стул, разбиваешь окно и прыгаешь.

– Что?.. – растерялась Вероника. – Нет, подожди, я не могу... не могу тебя бросить, и я...

– Ты найдёшь Кассандру, и ты ей поможешь... – продолжала Мари.

– Я не могу!

– Ты наследница вашего королевства. – Мари нащупала руку Вероники и слегка сжала её. – Ты сможешь!

– Но ты же видишь... Что, если это не так?

– Это так! Ты должна ею быть! Твоя мама верит в тебя, я верю, но главное, ты сама должна в себя верить, сильнее нас... – она поморщилась от боли, но закончила: – ...всех. Докажи это!

– Я беру стул, я разбиваю окно, я прыгаю, – пробормотала Вероника и в панике завертелась на месте.

Стул, стул... Как выглядит стул? Табуретка, должно быть, табуретка сойдёт... Но Мари сказала «стул»!

«Стоп, – одёрнула себя Вероника. – Ради Ангела, какая разница?»

Она схватила табуретку обеими руками, зажмурилась, размахнулась и ударила по стеклу в ближайшем окне. Как громко! Несколько секунд обе девочки молчали, ожидая шагов на лестнице, но снизу доносился лишь гомон голосов и звон посуды. Вероника с

опаской выглянула из окна – оно выходило на козырёк над парадным входом.

– Сгруппируйся, – прошептала Мари с кровати. – Прыгай в кусты и беги в сторону ближайшей деревни, города или леса.

– Мари... – Вероника повернулась к своей случайной попутчице, но снова подойти к ней не решилась. – Ты уверена, что я могу просто оставить тебя... так?

– Они мне ничего не сделают, – прохрипела Мари. – Давай же! Время...

И Вероника бросилась к окну, на ходу стараясь утереть льющиеся слёзы рукавами своего нелепого балахона. Козырёк был крепкий, не просто дешёвый кусок пластмассы или металла, и босые ноги по нему не скользили. Высоты Вероника не боялась, но ужасно боялась удара. Мари сказала прыгать в кусты, но кустов здесь не было. Разве что... Вероника посмотрела на вьющийся по стене плющ. В темноте он напоминал сотни маленьких змей. Её передёрнуло, то ли от отвращения, то ли от порыва ветра. Поёжившись, Вероника ухватилась за тонкие стебли и заскользила вниз, падая, но всеми силами стараясь замедлить падение.

– Ауч! – вырвалось у неё, когда она коленкой задела железную бочку у входа. Девочка замерла. Но никто не обратил внимания на шум: на первом этаже Госс и охрана продолжали что-то горячо обсуждать.

Вскочив на ноги, Вероника побежала.

θ

Ремко давно не заглядывал на почту и потому был уверен, что его ждёт письмо из дома, а то и два – Роза писала чаще, чем он. У него никогда не хватало на это времени, а уж последнюю пару недель было совсем туго: то работа, то нужно навестить больных, поговорить с врачом, купить продукты, передать денег...

Однако, когда он открыл входную дверь и маленькие колокольчики призывно зазвенели над головой, почтовая девочка нырнула под прилавок, покопалась там с минуту, вынырнула и покачала головой. Обычно у девочки – он, к сожалению, не знал, как её

зовут, да и все в округе звали её просто «почтовая девочка» – всегда были для него письма. Ремко поблагодарил её, положил на прилавок леденец и вышел.

Может быть, жена обиделась, что он задерживается? Или письма потерялись – такое случалось, и не раз. На полпути к рынку Ремко пожалел, что не спросил у девочки, не было ли в последнее время случаев пропажи почты, аварий или других происшествий. А может, Роза просто закрутилась и забыла, в конце концов, весна, горячая пора... Ремко пообещал себе, что первым делом навестит семью, как только все больные поправятся.

Им уже было гораздо лучше, многие снова вышли на работу, и даже тяжелобольные начали шевелиться и садиться в постели. Ремко не жалел для них свежих фруктов и овощей: врач сказал, этот редкий тип мышечного паралича поражает в первую очередь нервную систему людей с ослабленным иммунитетом.

– Полкило кедровых орехов будет? – спросил он, остановившись у длинного деревянного прилавка, заставленного ящиками с орехами и сухофруктами.

– Для тебя, Роман, найдём, – весело подмигнула ему хозяйка.

Ремко замялся, но всё же решил её поправить.

– А-а, – махнула она рукой, – вы, блондинчики, все на одно лицо для меня. Ну да, Ремко, конечно. Ты уж прости!

Она протянула ему внушительный кулёк с орехами.

– Ничего страшного, – улыбнулся Ремко. – Каштанов ещё килограмм, пожалуйста.

– Дорого будет, – заметила хозяйка, внимательно его разглядывая. – Сейчас мало ввозят с Земли.

– Давайте, давайте. Я знаю, что дорого.

– Он два дня назад уже покупал, – раздался звонкий голос, и темноволосая дочка продавщицы ворвалась в палатку с пустой корзиной под мышкой. – Продолжает кормить своих!

– Да, – подтвердил Ремко, аккуратно отсчитывая деньги: за товар и немного сверху. – Спасибо вам, милые девушки.

Он положил каштаны к апельсинам, а орехи к яблокам и пошёл дальше по торговому ряду. Хозяйка перекрестила его вслед – она тоже была с Поверхности – и улыбнулась.

На углу улицы Ремко остановился, поставил тяжёлые сумки на землю и растёр ладони. Можно было свернуть направо и заглянуть домой, но лучше, наверное, сразу к Ивару с Дариной – так и короче будет. Ремко подхватил покупки и выпрямился, как вдруг ему перегородили путь.

Крупный упитанный мужчина был одет в джинсы и лёгкую холщовую рубашку, безнадёжно заляпанную пятнами, несмотря на повязанный поверх фартук. Ему наверняка было жарко; то и дело утирая пот с лица и приглаживая густые усы, он буравил Ремко тяжёлым взглядом.

– Капец как ты плохо выглядишь, – сказал мужчина, закончив осмотр. – Вот, держи.

Ремко взял протянутый ему целлофановый пакет и заглянул внутрь, хотя и так знал, что увидит. Завёрнутая в лист красного подорожника и газету, там лежала жирная, ароматная, сдобренная приправами и щедро политая лимонным соком жареная рыба.

– За счёт заведения, как говорится, – добавил мужчина.

– Спасибо, Лука! – сердечно сказал Ремко.

– А то исхудал, ты погляди... Когда домой собираешься?

– Скоро, – сказал Ремко. – Хочу ещё девочкам ткани на платья купить, лето же. А для жены книги – здесь выбор получше, чем у нас.

– М-м... – промычал Лука. – Ты, главное, сам поезжай. Не... не откладывай. Привет нашим передавай. – Лука перебрался в Алилут из Цветочного округа всего несколько лет назад.

Ремко заверил его, что отправится домой при первой же возможности; на том они и расстались. По дороге он размышлял над словами Луки. Что-то с ним сегодня было не так. Впрочем, Ремко мог ошибаться. Им редко удавалось поговорить: обычно Лука был занят у прилавка, никакими силами не оторвёшь. Наверное, это и показалось странным: с чего он вдруг... Но тут Ремко увидел дежурившего у входа в подвал Эрильена и решил вернуться к мыслям о Луке позже.

Эрильен, конечно, не дежурил по-настоящему. Он просто знал, что Ремко обещал заглянуть к ним сегодня, и с самого утра поджидал его на каменных ступенях. Дарина звала мальчика внутрь, предлагала

обед, но Эрильен только мотал головой. Увидев Ремко, он бросился ему навстречу с сияющими глазами.

Мужчина слабо улыбнулся при мысли, что когда-то и девочки так же встречали его после работы и висли на нём, как две обезьянки. А потом он уехал... да и девочки повзрослели. Ремко вручил Эрильену кулёк с каштанами, и они спустились вниз.

* * *

В последнее время в подвале стало намного легче дышать – поправившись, Дарина взялась за уборку. Она проветривала, стирала бельё и даже выдраила до блеска стены и пол, чтобы больше никто не заразился. Врач сказал, это ни к чему, потому что вирус передаётся только с пищей, но Дарина настояла на своём. Всё было в пене, не хватало воды, чтобы её смыть, дети плескались в мыльных лужах... Но больные смеялись, глядя на этот кавардак, – они шли на поправку и чувствовали себя счастливыми.

Излечиться смогли не все. Несколько человек, в основном старики на последней стадии болезни, не успели достаточно окрепнуть, чтобы снова начать понемногу питаться. Врач только разводил руками. Он объяснил Ремко, что болезнь эта редкая, но лечится элементарно, и то, что они попали в столь трудную ситуацию, произошло из-за отсутствия страховки и денег, то есть по их собственной вине. И что «только лентяи и тунеядцы не в состоянии позаботиться о базовых нуждах своей семьи».

Ивар горько усмехнулся, невольно подслушав этот разговор. Понимал ли врач, как трудно было им, детям погибшего Флориендейла, найти работу в этом новом мире, где предпочтение всегда отдавали «своим» с Поверхности? Знал ли врач о существовании списков неблагонадёжных, о целых семьях, которые ходили по лезвию ножа? Первая же попытка заявить, что ты – упаси Ангел! – с чем-то не согласен, грозила тюрьмой. После смены власти сотни жителей Флориендейла не получили сроки только потому, что сажать было уже некуда. Эти люди держались вместе, чтобы поддерживать друг друга; они делили между собой деньги и пищу, разделили и болезнь.

Увидев Ремко и Эрильена в дверях, Дарина отложила бельё, которое штопала за столом под окном, и поспешила им навстречу – высокая, улыбчивая, с ямочками на щеках и толстыми тёмными косами на плечах. Ремко она нравилась, даже, наверное, чуть больше, чем следовало. И лишь официальное обращение на «вы» напоминало ему, что он почти в два раза старше девушки.

– Как замечательно, что вы пришли, Ремко! – Дарина хотела забрать у него сумки, но он не позволил. Тогда она просто пошла рядом по направлению к кухне. – Сегодня такой хороший день, Лориеж стала садиться, а братишки первый раз сами выходили на улицу.

– Отличные новости, – заметил Ремко. – У вас достаточно воды?

– Да, Ивар натаскал дюжину вёдер, – радостно отозвалась Дарина. – Спасибо за фрукты! Ого... и орехи!

– Мама, а у меня каштаны, – похвастался Эрильен, сгружая поклажу на пол. – Мне дядя Ремко дал понести.

– Чтобы ты рос большим и сильным, надо тренироваться, – сказал Ремко. – Дарина, давай, чем ещё помочь? Только скажи.

– Да вы уже... – начала она и осеклась. – Да, я вспомнила. Посмотрите Оси, если вы не торопитесь. Поговорите с ним, что ли... Кажется, ему не становится лучше, но я не знаю почему. Мы ведь всё делаем, как назначил врач.

Эрильен вызвался проводить Ремко к больному. Ос лежал на толстом матрасе в дальнем углу помещения за ширмой – в этом «отделении для тяжелобольных» он остался один. Ремко присел на перевёрнутый ящик рядом с постелью. Больной открыл глаза и уставился на Ремко.

– Кто такой?

– Ремко Клингер.

– А... это ты тут всех спас, – Ос говорил басом, но голос ослаб и дрожал. Мужчина сделал движение левой рукой, в которой сжимал очки, словно пытаясь поднести их к лицу, но рука не гнулась. – Хах, – хмыкнул он. – А позавчера ещё получалось.

– Я могу надеть их на вас, если хотите, – сказал Ремко.

Ос снова хмыкнул и закрыл глаза.

– Да брось, мне уже ничем не поможешь. Помру, ясно как день.

– Но если вы принимаете лекарства... – начал Ремко.

– Ангел! – прервал его Ос. – Это Ангел наказывает меня. Роттер говорит, бога нет, но я ещё помню...

Ремко молчал целую минуту, затем покачал головой и ответил:

– Никто не заслуживает такого наказания.

Ос отрывисто, лающе рассмеялся.

– Я... да что ты знаешь об этом! Я заслуживаю. Я предал их всех, понимаешь?

– Кого?

– Всех! – он едва заметно повернул голову в сторону Ремко.

Ремко знал, что Ос прочтёт в его светлых серо-зелёных глазах сострадание, которое тот видеть не хотел, но всё же не отвёл взгляд. Ос скривился в болезненной усмешке.

– Ты знаешь, что такое стихия? – спросил он.

– Ну конечно... – несколько растерялся Ремко.

– Да ты понятия не имеешь, – жёстко оборвал Ос. – Это была часть меня... Мои мысли, мои желания, мои сны. Мои поступки. Моя магия...

Ремко подумал, что Ос бредит, и хотел предложить ему воды или чая, но Ос продолжал говорить:

– Это как... твои руки или ноги, глаза... Они просто есть, всегда. Стихия так – же, она часть тебя... И стихии должно быть достаточно для счастья. Но я... я продал её... Идиот.

Ремко молчал.

– И тогда, знаешь... всё пошло прахом. Стихии нас больше не слушались, потому что я предал, я продал, и я смотрел им в глаза и лгал в лицо... Никто из них не догадался, представляешь? Ни королева, ни другие... Такие наивные! И они проиграли вой ну. А на кой чёрт я это сделал? Не от страха ведь и не из-за денег.

– Тогда почему?

– Хотелось доказать, – хрипло отозвался Ос, – что со мной нужно считаться.

Ремко пытался осмыслить услышанное, но всё равно ничего не понимал. Речь Оса вышла сумбурной, а Ремко плохо разбирался в истории страны, которой больше не существовало. Неужели её не

существовало, потому что кто-то предал... стихию? Что это вообще значит?

– Так вы были знакомы с королевой? – глухо спросил Ремко.

– Хах... – усмехнулся Ос. – Я даже украл её книгу, знаешь, этот...

Атлас.

Неожиданно черты его лица исказились, словно от резкой боли. Ремко хотел позвать Дарину, но Ос схватил его за руку.

– Сделай кое-что для меня, – прошептал он. – Знаю, что я сволочь, но если... если есть что-то, что может хоть немного искупить вину, то это Атлас.

– Что за Атлас? – растерялся Ремко.

– Книга...

Ос долго молчал, прежде чем продолжить. Беседа его вымотала.

– Я разодрал её пополам – одну часть хотел уничтожить сам, а другую отдал... как его?.. Госсу... в алилутской тюрьме. Я хотел вырвать каждую страницу, но... но это было словно убийство. Атлас... он смотрел на меня, осуждал меня... И я не смог. Я спрятал его в библиотеке. Здесь, в городе. Просто достань его...

– И что потом?

– Просто достань... его! Найди его.

Ос закрыл глаза и, кажется, заснул. Ремко высвободил руку и устало потёр виски. Да, это был странный человек и странная история. Для чего нужен был Атлас? Что стало со второй половиной книги?

«Обязательно продолжим разговор позже, – решил Ремко. – Когда лекарства наконец подействуют, ему должно стать лучше».

Индувилон в самом деле оказался большим городом – Кассандра и Призрак целую вечность пробирались сквозь лабиринт улиц, проспектов и переулков. Некоторые заканчивались тупиками, но Призрак вовремя сворачивала в неприметные арки и узкие подземные переходы. Она объяснила, что прежде это был город гильдий и мастера строили свои районы так, чтобы ремесленники других профессий не имели к ним прямого доступа.

– А теперь? – спросила Кассандра.

Призрак ответила, что Индувилон – по-прежнему порт и центр торговли, но что касается гильдий...

– Кому они нужны, если теперь есть заводы и всё можно сделать быстро, дёшево и под копирку. – Она сказала это, не моргнув глазом и сохранив на лице свое привычное безразличное выражение, но Кассандре почему-то показалось, что девушка в ярости.

Конечно, нельзя было оказаться в Индувилоне и не увидеть те самые знаменитые на всю Федерацию заводы. Призрак и Кассандра как раз остановились на краю просторной площади, окружённой уродливыми прямоугольными новостройками; в Алилуте Кассандра таких никогда не видела, что уж говорить про их посёлок. Несмотря на ранний час – когда они вышли из «Синей Птицы», не было ещё и пяти, – на площади уже всю кипела жизнь. Здесь был разбит овощной рынок, и Призрак объяснила, что к девяти часам все палатки должны исчезнуть. Если не успеют, их просто ликвидируют: в Индувилоне запрещено вести торговлю с рук с девяти утра до девяти вечера. Призрак хотела показать Кассандре ещё какой-нибудь рынок, например цветочный, но Кассандра отказалась, опасаясь встретить знакомых. Пока Призрак размышляла, в какой проулок им лучше свернуть, Кассандра разглядывала рынок, и тут, подняв голову, она и увидела заводы. Фабричные трубы были огромны, и Кассандра поразились, что не заметила их раньше. Выкрашенные ярко-голубой краской, они должны были сливаться с небом, но небо над Индувилоном было вовсе не голубое, а грязно-серое. Трубы дымили безостановочно, и этот дым, от молочно-белого до почти чёрного, смешивался и грязными клочьями облаков висел над городом.

– С ума сойти, – прошептала Кассандра, невольно зажимая нос рукой.

Призрак ухмыльнулась.

– А ты не очень-то внимательна, если только сейчас заметила, какой тут поганый воздух.

– Слишком много впечатлений, – пробормотала Кассандра, стараясь глубоко не вдыхать.

– И впечатления так себе, да? – Призрак похлопала её по плечу, указывая дорогу. Они свернули в узкую улочку, прямую как стрела. Им навстречу спешили люди с сумками, пакетами и корзинами. – Я

надеюсь, тебе повезёт и однажды ты попадёшь в настоящий старый город Флориендейла.

– Ну, я была в Алилуте, – заметила Кассандра.

Призрак запнулась о камень и остановилась. Она взглянула на Кассандру и вдруг широко и радостно ей улыбнулась, впервые за два дня знакомства.

– Что такое?.. – растерялась Кассандра.

– Ничего, – Призрак отвела глаза и стёрла с лица улыбку. – Ты видела лучший город. Лучший!

* * *

Они добрались до старой городской стены, и Призрак остановилась, положив одну руку на древние камни с изображениями зубастых рыб и русалок. Другой она хмуро сжимала пистолет: под конец пути они всё-таки нарвались на одну банду, но удалось договориться. Похоже, Призрак действительно имела в городе особенную репутацию. Это никогда не давало гарантий, но всё же беззащитной перед лицом Индувиллона, этого монстра, она не была. В отличие от Кассандры.

– Они наверняка будут ждать, когда я пойду обратно, – сказала Призрак. – Но не дождутся. Не сегодня.

Сощурившись, Призрак стояла в проёме стены, там, где раньше, наверное, были городские ворота, и смотрела на реку, призывно мерцающую в лучах майского солнца. Казалось, ей тоже хочется сделать шаг и навсегда покинуть Индувилон – грязный и злой город, где они с Томем и Рофи были заперты в своём подвале, словно крысы.

– У нас никогда не получится... – прошептала она еле слышно, но Кассандра разобрала каждое слово.

Хотелось как-то ободрить Призрака, но что она могла сказать? И так сама растеряла всю семью: Мари пропала, мама больна, от отца она даже не стала дожидаться ответа – настолько привыкла уже, что его нет рядом. У Призрака хотя бы есть Рофи и Томь, оба в целости и сохранности. Так что Кассандра сделала вид, что не услышала, и принялась проверять свои вещи. Томь приготовил для неё пару бутербродов из мягкого хлеба с тоненько нарезанной серой ветчиной.

Он сказал не переживать – ветчина вкусная, хоть и выглядит как спрессованная газетная бумага. Призрак вручила Кассандре полную бутылку и предположила, что выше по течению речная вода должна быть пригодна для питья. В районе Индувилона пить из реки не стоило – проще сразу отравиться.

И вот они стояли друг против друга – большая девочка и маленькая, а может быть, обе были маленькими и только хотели казаться большими. Призрак не стала затягивать прощание, лишь повторила ещё раз, что ливьеры, по слухам, скрываются в Ангорских лесах – это два дня пути – и что Кассандре ни в коем случае нельзя отклоняться вправо и далеко отходить от реки. Наоборот, при первой же возможности ей стоит перебраться на другой берег. Кассандра кивнула, но не удержалась и всё-таки спросила, как Призрак на основании слухов может быть столь уверена, что ливьеры именно у Ангоры.

– Слухи – очень мощная штука, – пояснила Призрак. – Шестое чувство и слухи – вот всё, чему можно верить.

* * *

Кассандра заставляла себя идти вперёд, даже когда солнце начало клониться к закату, хотя ноги были как каменные. Она сделала уже несколько коротких привалов и съела все бутерброды; колбаса оказалась божественной – или это она просто так проголодалась. Впрочем, Томю следовало верить. Бутылку пришлось наполнять несколько раз: Кассандра взмокла от жары и много пила. Теперь, когда солнце садилось, она заметила, что по левую руку, на другой стороне реки, словно из ниоткуда появились холмы – они становились тем выше, чем дальше она шла.

У Кассандры были весьма смутные представления о географии Соединённой Федерации. В школе они учили только самые простые вещи: Западный край, Северный и Южный, Земля Роттербурга, автономные округа Манола и Росс. В Маноле вроде бы находилось представительство земной Организации Объединённых Наций, хотя никакой особой роли оно не играло. Кассандра уже и не помнила,

когда в последний раз видела в газете упоминание ООН. Не выслал ли Роттер их обратно на Поверхность?..

Река Вирена, вдоль которой Кассандра прошагала весь день, отделяла Западный и Северный края от остальных земель, а пустынная полоса – песчаные, неплодородные территории Манолы – знаменовала начало Земли Роттербурга. Однако Кассандра надеялась, что ей не придётся идти так далеко, ведь Ангора должна находиться гораздо ближе, ещё до пустыни. Правда, это она знала только со слов Рофи и Томя: на современных картах Соединённой Федерации Ангора не была обозначена, как, впрочем, и обе столицы Флориендейла. Города по-прежнему существовали, сказали мальчики, их не стёрли с лица земли и уж точно не отравили химическим оружием, как утверждало правительство. Однако их отрезали от остального мира – словно сам дух бывшего королевства мог быть опасен!

Призрак рассчитывала, что дорога до Ангоры займёт два дня, и всё-таки в глубине души Кассандра надеялась: вдруг уже к вечеру на горизонте появятся башенки Ангоры? Однако чуда не произошло. Нужно было идти дальше и искать ночлег. Днём Кассандра изредка замечала небольшие поселения или станции; однажды даже видела, как мимо прошёл поезд. Сейчас же, как назло, ничего. Наконец Кассандра разглядела вдалеке одиноко стоящий домик и направилась к нему. Окна не светились.

Солнце неожиданно быстро утонуло в предгорьях на западе, и наступила ночь. Кассандра добралась до здания – ветхой, покосившейся, по всем признакам давно заброшенной хижины. Наверное, раньше здесь жил железнодорожный смотритель, или крестьянин, или рыбак. Почему дом бросили? На это могла быть сотня причин, от революции до удалённости от больших дорог. А может быть, здесь уже начинается зона отчуждения?.. Кассандра не знала.

Домик был маленький, и всё же его комнаты показались ей огромными в сравнении с их жилищем в Цветочном округе. Мебели почти не было, только старые сломанные стулья и софа да ещё печь в углу. Печь растопить было нечем, так что Кассандра только застегнула свою чудом пережившую приключения в Индувилоне куртку, прилегла на софу и тут же провалилась в неглубокий, но спокойный сон без всяких сновидений.

Под утро пошёл дождь. Кассандра несколько раз просыпалась от стука капель по металлической крыше и засыпала снова.

Наконец пришлось подняться – крыша протекала, что было, в общем, неудивительно, и капало, как нарочно, прямо на софу. Кассандра продрогла и в очередной раз пожалела, что не свернула вчера с дороги раньше и не остановилась в какой-нибудь деревне. С непривычки нестерпимо ныли ноги: Кассандра никогда ещё не проделывала такой длинный путь за один день. Она осторожно расшнуровала и сняла обувь – нет, к счастью, обошлось без мозолей. Призрак достала для неё хорошие, хоть и не новые, носки и удобные ботинки.

Есть было нечего. Кассандра собрала россыпь крошек, заваливавшихся в карманах от вчерашних бутербродов, и вышла из дома. Дождь почти перестал, рассвело, светло-бирюзовое небо на севере обещало хорошую погоду. Повеселев, Кассандра продолжила путь: вышла к беспокойной реке и направилась вверх по течению, стремительно несущему на юг ветки, листья и мелкий мусор.

К полудню есть хотелось невероятно. Дорога пошла в гору, и река осталась внизу, под откосом. Когда Кассандра последний раз наполняла бутылку водой, пришлось спускаться вниз по склону, а потом карабкаться наверх. Это было неудобно, она затратила много сил и решила больше так не делать – уж лучше экономить воду. Голод был более насущной проблемой. Кассандра пыталась отвлечься, думала о Мари, о родителях, о подругах; гадала, что стало с их цветами в оранжерее, ухаживают ли за ними. Мысленно благодарила Призрака и мальчиков, с раздражением вспоминала о Роттере. Какое-то время это работало, но чем дальше, тем больше мысли о еде затмевали собой всё остальное. Кассандра в отчаянии смотрела на бурную реку слева и голое поле справа – там росли одни сорняки. Поколебавшись, она всё-таки нарвала себе скудный салат: трава, конечно, не давала насыщения, но было приятно жевать хоть что-то. Дорога тянулась бесконечной лентой...

Когда солнце зависло в зените, Кассандра устроила привал под крошечным кустом у обочины. Она лежала на спине, подложив под голову куртку, и покусывала травинку. Перед ней расстилалась дорога, по которой Кассандра только что прошла. Ни грозовой тучи, ни заводских труб Индувилона она отсюда уже не видела. Однако вдали

показалось нечто другое: сначала оно было маленькой точкой, но стремительно приближалось, и наконец Кассандра поняла, что это автомобиль. Она продолжала спокойно лежать со своей травинкой, как вдруг чуть не подавилась: это был не просто какой-то автомобиль, а машина полиции!

Стараясь не делать резких движений, она подобрала ноги, куртку и попыталась спрятаться за куст. «Любой контакт с полицией – это контакт не в твою пользу», – внушала Призрак. Что они с ней сделают? У неё не было при себе документов, а даже если бы и были, Кассандра теперь уже не знала, стоило ли их предъявлять. Сердце колотилось в груди, и на мгновение его пронзило такой резкой болью, что Кассандра вскрикнула. Она снова подумала о Мари: где она, как она?.. Машина приближалась, и Кассандра понимала, что они заметят её, иначе и быть не может, ведь за жалким кустом невозможно укрыться! Она тихо выругалась и, стараясь подавить боль в груди, поползла к краю обрыва. Хоть бы повезло, хоть бы там был какой-нибудь выступ, на котором можно переждать опасность!

Кассандра кое-как натянула на себя куртку и принялась сползать на крутой откос. Под рукой очень кстати оказалось высохшее растение, и она за него ухватилась. Шаг, ещё шаг – и вот уже над обрывом торчала только её голова... Машина приближалась, была уже совсем рядом. Кассандра задержала дыхание и попыталась опуститься ещё чуть ниже...

Она не успела осознать, что произошло, только услышала треск и почувствовала, как отрывается от скалы и летит. Ледяная вода окутала её со всех сторон. Кассандра постаралась вдохнуть, захлебнулась, запуталась в скользких водорослях. Стремительное подводное течение тащило её по дну; с трудом разлепив глаза, Кассандра различила над собой тёмный выступ и ухватилась за него обеими руками. Течение подтолкнуло её, Кассандра ударилась о камень, и всё исчезло.

* * *

Она пришла в себя от холода. Кассандра лежала на гладких каменных плитах и вся дрожала. Было совершенно темно, не видно ни зги. Где-то рядом шумела вода. Кассандра стянула тяжёлую куртку,

потёрла разбитые локти; ноги тоже саднили, но в целом она, кажется, не особо пострадала и помнила всё, что произошло. Но как её занесло в эту пещеру? Мама всегда говорила про Кассандру: «У кошки девять жизней», намекая на то, что из любых передряг дочь выходила целёхонькой. И в этот раз ей действительно невероятно повезло.

Сил подняться не было, но и ползти на коленях не получалось. С трудом Кассандра всё-таки выпрямилась и прильнула к шершавой стене, ища опору. Каждая мышца болела, в груди не унималось беспокойство, связанное с Мари, зато глаза постепенно начали привыкать к темноте. Держась стены, Кассандра маленькими шагами стала продвигаться вглубь пещеры. Она не знала, что нужно делать в таких ситуациях. Как устроены пещеры? Есть ли здесь выход? Она сжала зубы и сосредоточилась на одном – идти. Не останавливаться. Мокрая одежда и волосы липли к телу, её колотило, было холодно и страшно.

Кассандра не знала, сколько времени плутала по запутанным коридорам, – ей казалось, что прошло не меньше часа. Иногда она как будто слышала голоса или рокот воды, но, когда шла на эти звуки, они исчезали и появлялись снова уже у неё за спиной. «Галлюцинации», – поняла Кассандра и принялась говорить сама с собой. зуб на зуб не попадал от холода, но она упрямо шла вперёд, в темноту, и рассказывала глухим стенам о Мари, о посёлке, о цветочных полях под чистым небом, о солнце...

– Soleil?^[2] – спросил голос из темноты.

Кассандра не сразу осознала, что на сей раз это не галлюцинация. Она продолжала плестись вдоль каменной стены и бормотать, как вдруг резко остановилась.

– Скажи ещё о солнце, пожалуйста, – попросил тот же голос. Старческий, сухой, еле слышный. – Я не видела солнца долго.

– Кто здесь? – в ужасе прошептала Кассандра.

Неужели она всё-таки сошла с ума?

– Я тут.

Кассандра двинулась на голос. Она сделала всего несколько шагов – и едва не наступила на человека в плаще. Из-под капюшона выбивались длинные белые волосы; в темноте только их и было видно. Вряд ли старуха присела здесь передохнуть во время вечернего

променада – фигура казалась застывшим валуном, словно была частью пещеры.

– Кто вы? – поражённо спросила Кассандра.

– Моё имя Лемери. Ты меня не знаешь, я старый. Но я знаю тебя, – старуха говорила с ошибками, будто плохо знала язык. – Ты дочь Жениса? Нет... Ты внучка Жениса? Зачем ты здесь, пожалуйста?

Кассандра вконец растерялась.

– Кто такой Женис? – наконец выдавила она.

Лемери вздрогнула.

– Что?.. Почему ты?.. Я не знаю, как сказать. Я чувствую часть Жениса в тебе. Ты должна быть его родственник? L'Ange!^[3] Сколько прошли лет?

Кассандра нервно засмеялась. Старуха была не в себе. Разве могла она жить под землёй, в этой холодной пещере без пищи, света и воды? Скорее всего, она заблудилась и забрела в пещеру случайно. А значит, где-то рядом должен быть выход!

– Извините, я не отсюда, у меня нет родственников в Сое... – она осеклась, – во Флориендейле.

– Флора... как? – прошептала Лемери.

– Фло-ри-ен-дейл, – по слогам повторила Кассандра, уверенная, что правильно произносит название бывшего королевства.

Старуха пробормотала несколько слов на другом языке. Кассандра уже не смотрела на неё: она вертела головой, пытаясь определить, с какой стороны в пещеру поступает воздух. Она сумеет найти выход и вернётся за Лемери, но надо торопиться. Неизвестно, сколько старуха ещё продержится, да и её собственные силы были на исходе. Морщась от боли, Кассандра поднялась с земли.

– Мне нужно идти, – сказала она. – Вы не знаете, тут есть выход?

– Вы... выход? – испугалась Лемери. – Но... как ты идёшь? Как твоё имя?

– Моё имя Кассандра, – ответила девушка.

– А Женис...

Кассандра покачала головой. Они теряют время!

– Я не знаю, кто такой Женис. Простите!

Старуха медленно сдвинула капюшон. Черты не угадывались на древнем морщинистом лице.

«Ей по меньшей мере лет сто», – подумала Кассандра.

– Скажи Женису... я его люблю, – выдавила старуха.

Она зашевелилась и взмахнула рукой. Кассандра была готова ко всему: что стены сомнутся, земля разверзнется, хлынет вода или появятся гномы, друзья Лемери. Но ничего подобного не произошло. Лемери всего-навсего выпростала руку из-под плаща и указала направо.

– Ты увидишь... солнце, – глухо сказала она.

– Вы не хотите пойти со мной?

– Не могу, – Лемери опустила голову. – Я буду ожидать его... здесь.

Кассандра хотела возразить, но что тогда делать – тащить старуху против её воли? Кто знает, сколько придётся плутать, прежде чем они найдут выход. Кассандра и так едва держалась на ногах: мышцы гудели после падения в реку, в горле пересохло, желудок словно прилип к позвоночнику. Нет, надо было идти одной, собрать ягод, набрать воды, а затем уже вызволять Лемери.

Она не стала прощаться со старухой и сразу пошла направо.

– Увидимся, Кассандра, – прошелестела ей вслед Лемери, как будто знала, что Кассандра собирается вернуться.

* * *

Она чуть не пропустила выход из пещеры, потому что всё время ожидала увидеть солнце. Однако наверху была ночь, и свет молодого месяца едва проглядывал сквозь кроны деревьев. Зато воздух сразу же изменился – это он подсказал Кассандре, в какую сторону нужно двигаться. Выбравшись на поверхность, она задышала так часто и глубоко, что даже голова закружилась. Кассандра сделала несколько шагов и упала на землю, обнимая мягкие влажные листья.

Всю ночь она провела в забытьи. Голод терзал желудок, а на краю сознания пульсировала мысль о старухе – словно молотом били по черепу, равномерно и безжалостно, и Кассандра не могла выкинуть Лемери из головы. Когда взошло солнце и в лесу посветлело, она заставила себя встать. Попыталась протереть ссадины влажными листьями, но бросила эту затею – раны щипало, и листья только размазывали грязь. После нескольких минут поисков Кассандра нашла

крошечный ручей, умылась и вдоволь напилась, отплёвываясь песком. Теперь необходимо было хоть что-нибудь съесть, но ни ягод, ни грибов она не обнаружила, и пришлось снова жевать листья. Кассандра нарвала их целую кучу, чтобы бросать по одному на пол пещеры, обозначая путь.

Однако, сколько она ни искала и ни высчитывала шаги, вход в пещеру пропал, будто его и не было. Кассандра несколько часов бродила вокруг ручейка и наконец просто пошла вперёд, куда глаза глядят. Она заблудилась.

10

Вопреки всем прогнозам, было жарко, а значит, Алишер снова проиграл. Невероятно: он уже не раз зарекался спорить с Кенжелом, но брату всё равно удавалось его подловить. Когда Кенжел вчера предложил ему поехать на озеро, Алишер сказал, что метеорологи обещают дождь. Кенжел заявил, что прогнозам верить нельзя – погода будет отличная. Ну вот откуда он мог знать?! И откуда такая жара в их широтах? Словно лето пришло на месяц раньше. Нет, Алишер, конечно, был счастлив провести выходной с хорошей книгой в тени сосен на берегу озера. Но почему он не мог выиграть у брата в споре хотя бы раз? Где справедливость?

– Ты должен мне мороженое, – не преминул напомнить Кенжел, вытирая длинные, почти до плеч волосы.

Алишер без энтузиазма промычал что-то в ответ и захлопнул книгу. Настроение вконец испортилось. Они давно никуда не выбирались вдвоём, и Алишер надеялся, что сегодня им удастся посидеть и поговорить, как раньше. Но вместо этого Кенжел весь день развлекал хихикающих девчонок в откровенных купальниках... Они и Алишера звали, но он не пошёл – сделал вид, что ему неинтересно.

– Что читаешь? – спросил Кенжел.

«Совсем некстати», – подумал Алишер. Ладно бы утром спросил, когда они только приехали, или дома, когда собирали вещи для «пикника». Кенжел, кажется, уловил настрой брата.

– Слушай, ну что ты киснешь, в самом деле? Я думал, переходный возраст и всё такое – это в прошлом.

– Переходный возраст – в прошлом. Да ладно, – Алишер примирительно махнул рукой. – Просто завтра опять понедельник. Не хочу в колледж.

Кенжел понимающе кивнул, но Алишер знал, что понимание это наигранное. Брат обожал свою службу, каждое утро вставал как на праздник... Блестяще окончив школу, а потом дорогие и при этом не слишком обременительные курсы, Кенжел стал пилотом на госслужбе. Алишер же не мечтал ни о небе, ни о государственной пенсии. У него было много идей, но куда их приложить, он пока так и не понял. Возможно, в успехе брата его раздражало именно это. Когда знаешь, чего хочешь, добиться этого несложно – так ему казалось.

– Ты против колледжа или против системы? – усмехнулся Кенжел.

Алишер по натуре был исследователем. Прежде чем во что-то поверить, он выдвигал гипотезу и осторожно её проверял. Если она оправдывалась, переубедить его было невозможно. Гипотеза Алишера о том, что школа, колледж и иже с ними не сообщают знаний, а только отнимают время, забивают голову и усугубляют стресс, была успешно подтверждена им ещё в начальных классах. Но избежать многолетней пытки он не сумел: родители игнорировали все доводы, ни за что не соглашались забрать Алишера из школы и ставили в пример Кенжела. «В конце концов, Кенжел – это же другой человек», – думал юный Алишер. А к каждому человеку – свой подход. Неужели они этого не понимали? Лишь через несколько лет он вздохнул с облегчением, когда в колледже ввели курсы по выбору. Алишер тут же собрал коллекцию несовместимых друг с другом предметов, благо родителей не слишком интересовало, чем именно заняты их дети.

– Знаешь, мы опять проходим Реформацию, – сказал Алишер, поднимаясь с земли и отряхивая брюки. Он принципиально не носил шорты даже на пляже. – По истории мира, в третий или четвёртый раз уже. Я спрашиваю: сколько можно? Они говорят: повторение – мать учения!

Кенжел пожал плечами. Он привязал плед к своему велосипеду и теперь дёргал за ткань со всех сторон, проверяя конструкцию на прочность. Дорога домой занимала два часа, не хотелось бы растерять багаж в пути. Алишер внимательно всмотрелся в лицо брата – он готов был поспорить, что Кенжел не помнит, что такое Реформация.

– Ты же взрослый человек, пойди в библиотеку и читай что нравится, – спокойно ответил Кенжел.

Алишер хмыкнул.

– Спасибо, капитан, я умею пользоваться библиотекой. Но дело же не в этом! Мы сидим в душном классе и теряем время, понимаешь? Столько можно было бы обсудить... А, ладно, – он натянул лямки рюкзака и поднял свой велосипед, – проехали. Погнались домой, навстречу неизбежному.

– Мороженое не забудь мне купить, – нахально напомнил Кенжел.

* * *

В отличие от Кенжела, его младший брат не мог похвастаться атлетическим телосложением. Пока Кенжел проходил суровую спортивную подготовку и сдавал все тридцать девять нормативов Соединённой Федерации, Алишер читал заумные журналы и размышлял об устройстве Вселенной. Он плавал, конечно, когда заставляли, изредка играл в бейсбол, в детстве, когда они ещё жили за городом, гонял мяч, но, в общем-то, спортом не слишком интересовался. Поэтому прогулка на велосипеде давалась Алишеру с трудом, хотя дорога была ровная, а на обратном пути даже шла немного под гору.

Кенжел задумчиво крутил педали, ничего вокруг себя не замечая. Он вспоминал, как няня отвозила их на озеро в детстве: они с братом катались на лодке, закапывались в песок и играли в войнушку с настоящими отцовскими пистолетами. Хоть Алишер и был на пять лет младше, Кенжел никогда его не стеснялся. Под звонкий голос брата детская площадка легко превращалась в космический корабль, а озеро – в Тихий океан. Чаще всего мальчишки играли «в Землю» – дом, который Кенжел потерял, когда их родители перебрались в Новый мир. Алишер тогда был ещё младенцем.

Но потом Алишер вырос, закопался в своих многочисленных талантах и больше не заговаривал с братом о далёких мегаполисах и звёздах Земли. Это задевало Кенжела, и чем больше Алишер отдалялся, тем сильнее Кенжелу хотелось коснуться того, другого мира...

– Хе-ей! – донёлся до него возмущённый вопль.
Кенжел ухмыльнулся и стал притормаживать.
– Давай перерыв, – попросил запыхавшийся Алишер, нагнав брата. – Смотри, магазин на заправке. Воды купим...
– Мороженое, – подсказал Кенжел.
– Слушай, ну сколько можно?!
– Ладно-ладно, – Кенжел прислонил велосипед к стене маленького супермаркета и хлопнул Алишера по плечу. – Давай по-братски поделим: ты мне мороженку купишь, а я тебе – воду! Хочешь – с газом, хочешь – даже сладкую. Только это вредно, ты учти.

* * *

Она смотрела на них во все глаза, неловко высовываясь из-за угла. Ей не хотелось, чтобы кто-то её заметил: спутанные волосы, серое мягкое одеяние до пят и грязные голые ноги. Вероника уже больше часа скрывалась за магазином, к которому выбралась из леса. Сознание путалось, и у неё не получалось составить внятную картину из обрывков ночных событий. Она помнила Мари, но как они встретились? Потом Мари осталась... А Вероника бежала. Её не поймали. Может, и не искали? Ничто теперь не имело значения. Дома больше не было, не было ни цели, ни желаний... Просто девочка, которая бредёт через лес.

Но когда она вышла к магазину, страх вернулся. Тюрьму Вероника помнила и обратно не хотела – это она знала точно. Поэтому девочка села в тень, сжалась в комок и принялась считать про себя.

Дойдя до трёх тысяч – она искренне верила, что ни разу не сбилась, – Вероника услышала голоса. Обычно люди подъезжали к магазину на машинах, подключали автомобили к металлическим колоннам, назначения которых она не знала, заходили на несколько минут внутрь и сразу уезжали. Но эти двое прикатили на велосипедах, и Вероника слышала, о чём они говорили. Это было странно и волнительно, словно ей разрешили заглянуть в чужую жизнь. Своей-то у неё больше не было...

Она хотела украсть один из велосипедов, но это было глупо – Вероника всё равно не умела с ним управляться. Да и куда ей ехать? И

она сдалась: пожала плечами, растянулась на спине вдоль стены, подложила руки под голову и уставилась в небо. Да пусть хоть смерть!.. Хотя так просто взять и умереть не получится. Вероника читала, что смерть от голода наступает медленно, и уж скорее она станет ползать в ногах у магазинных посетителей, умоляя о помощи, чем выдержит эту пытку, лёжа тут, в трёх метрах от крыльца.

Небо – вот оно будет вечно. Веронике хотелось разглядеть в нём бирюзовые оттенки – мама не уставала повторять, что небо во Флориендейле именно такого цвета. Но не получалось: чистая голубизна, без облачка, без звёзд, без птиц, без... Глаза закрывались. Она устала, очень устала.

* * *

– С тобой всё хорошо? – Кенжел случайно заметил торчащие из-за угла голые ноги и подбежал к неподвижному телу. Девочка не ответила.

– Это легендарный вопрос, – заметил Алишер, подходя сзади. – Ты серьёзно спрашиваешь или издеваешься?

– Отстань, – отмахнулся Кенжел и опустился перед девочкой на колени. Она была несколько старше, чем он изначально подумал, и в ужасном состоянии. Лицо, руки, ноги исцарапаны, словно она продиралась сквозь лес, платье замызгано и порвано. Пульс едва прощупывался, глаза закатились, кожа белая. – Открой воду, – бросил Кенжел брату, осторожно ощупывая девушку. Не найдя видимых повреждений или пятен крови, он медленно перевернул её на бок. – Брызгай на лицо. Ещё, ещё!

Из рюкзака он достал пляжное полотенце, плотно обернул её холодные ноги и постарался их растереть.

– Алишер, бегом в магазин, у них должен быть телефон, – сказал Кенжел. – Вызывай такси, мы отвезём её в больницу.

Веки девушки затрепетали, и через пару мгновений она уже глядела на них мутными испуганными глазами.

– Не в больницу! – просипела она. – Только... не в больницу...

– Тебе надо в больницу, – мягко заметил Кенжел. – У тебя обезвоживание, наверняка истощение. Когда ты в последний раз ела?

– Нет... – пробормотала девушка. Она не могла подняться, но, будь у неё силы, давно убежала бы прочь – столько ужаса было во взгляде.

Кенжел пытался её согреть, но девушку всё равно трясло.

– Откуда ты? Мы можем кому-то сообщить? – спросил Кенжел.

Она заплакала. Закрыла глаза и ничего не ответила.

– Кто ты? – попытался он снова.

– Вероника, – наконец ответила она. – Вероника Эстель Амейн.

– Пф! – фыркнул Алишер. – Ну да.

Кенжел непонимающе взглянул на брата.

– Я не эксперт и могу ошибаться, но Эстель Амейн – так вроде звали их бывшую королеву. Ты сам не помнишь, что ли? – Алишер с беспокойством смотрел на Веронику. – Может быть, она сбежала из психушки?

– Здесь нет ни одной, – покачал головой Кенжел. – Только на севере.

– Ну, как бы то ни было. Версия с королевой не слишком правдоподобная. Что будем делать?

Кенжел взглянул на плачущую девушку, её нечёсанные волосы и странный балахон.

– Вызови такси, – вздохнул он. – Поедем к нам.

* * *

Её спасло именно то, что она была такая грязная и взъерошенная. Кенжел и Алишер завернули девушку в полотенце и сказали водителю такси, что у неё солнечный удар. Это вышло случайно – они просто искали оправдание её внешнему виду и вовсе не ожидали увидеть в Роттербурге её лицо на плакатах «Разыскивается». Ещё сегодня утром их не было, а теперь... Первый плакат Алишер заметил среди рекламы, пока они стояли в пробке, другой Кенжел сорвал с доски объявлений у входа в подъезд. Но водителя они, по счастью, совершенно не интересовали.

Теперь Вероника полулежала на диване в комнате Кенжела, обессиленно уронив голову на огромную подушку, а братья сидели напротив. Когда они привели её в квартиру, девушка едва держалась на

ногах, так что они напоили её бульоном и уложили спать. Но Вероника была слишком напугана, чтобы заснуть. Обхватив себя руками, она недоверчиво принюхивалась к незнакомым ароматам и не отводила от братьев глаз. Алишер на неё не смотрел – он вертел в руках мятую листовку «Разыскивается» с фотографией Вероники, но без указания имени.

Кенжел думал не о девушке, а о леденцах на палочках в виде фигурок волшебных существ Флориендейла. После революции «идеологически неправильные» конфеты перестали продавать, и матери списали на работе целый ящик, когда узнали, что у неё два маленьких сына. Кенжел ревел, принимая от няни последний леденец и наблюдая, как она сминая и выбрасывает коробку. Он понимал, что больше никогда не увидит таких конфет. Сейчас это казалось полузабытым сном, смазанным воспоминанием о мире, которого давно не существовало. Леденцы врезались в память, но они были единственной ниточкой, связывавшей его с Флориендейлом. И вот теперь – она.

– Я не помню, – тихо повторила Вероника. – Я помню Мари... Она в тюрьме. Но больше я ничего не помню.

– Почему она в тюрьме?

– Наверное, она похожа на меня... наверное... – пробормотала Вероника.

– А это что? – Алишер показал ей плакат, но Вероника не смотрела: она закуталась в плед и плотно зажмурилась. Её трясло.

– Это бессмысленно, – заметил Кенжел. – Оставь её в покое, Алишер. Дай ей выспаться, восстановить силы. И нужно обязательно вызвать врача.

– Или это просто истерика, – предположил брат. – Ты где врача возьмёшь? Её вон ищут на каждом углу. И если ты собираешься оставлять её здесь, родители...

Кенжел только рукой махнул.

– Родители ничего не заметят. У нас достаточно большая квартира и достаточно... хм... дружная семья, чтобы спрятать одну маленькую девочку.

– Девочка маленькая, а проблема ого-го, – покачал головой Алишер. – Ну хорошо, поселим её у меня, они ко мне никогда не заходят. А я переберусь к тебе.

Кенжел кивнул и сказал:

– Насчёт врача... я поговорю с Джоан.

Алишер вскинул брови и ничего не ответил. Он сложил объявление в несколько раз, разорвал его и вышел из комнаты. Кенжел снова посмотрел на Веронику, положил руку ей на лоб. Горячий...

«А ведь она никогда не пробовала этих леденцов, даже не видела их, – почему-то пришло ему в голову. – Бедняжка!»

ц

Самое трудное осталось позади. Самое трудное – привыкнуть быть одной. Потерянной. Забытой. Запертой навсегда. Сидя в углу камеры на тонком матрасе, Мари вдруг поняла, что за всю жизнь никогда ещё не оставалась одна дольше, чем на пару часов. Рядом всегда была Кассандра... Они вместе спали на узкой кровати и толкались у единственного зеркала; одна держала лестницу, пока другая забивала гвозди; одна вытирала тарелки, пока другая мыла посуду.

Но теперь Мари оказалась далеко от дома... и она привыкла. У неё не было книг, чтобы читать, или бумаги, чтобы писать, – только её собственные мысли. В комнате было промозгло и сыро; Мари сидела, поджав ноги, и кусала губы. Сквозь закрытую дверь до неё иногда доносились звуки шагов и голосов, и тогда она начинала громко петь. Мари думала, что знает много разных песен, но сейчас они все, как назло, вылетели из головы, и чаще всего она затягивала старую добрую «Мой Бонни за океаном». Мама пела им эту песню в детстве; удивительно, что она всплыла в сознании именно сейчас. На одном из регулярных допросов Мари даже проверяли с детектором лжи, не скрыто ли в песенке двойное дно – возможно, указание на то, где находится ее сестра. Но нет, она ничего не знала, и это была единственная светлая мысль, огонёк, который грел изнутри. Надежда, что для Кассандры всё обойдётся.

В то же время она понимала, что надеяться глупо. Чтобы Кассандра не попыталась её найти? Никогда! Но что она сделает, неужели пойдёт в полицию? Мари ёжилась от страха, тонкими иголочками пронзающего сердце, куталась в выданное ей на днях на

удивление толстое покрывало и пела – чтобы не думать, чтобы забыть, чтобы не помнить.

Громкий стук нарушил неловкое течение мелодии – певица из Мари была так себе. Пришел Госс. Он навещал её так часто, что она уже узнавала его торопливые шаги и поступь тяжёлых армейских ботинок. Обычно он не входил, однако на этот раз открыл дверь и показал Мари через решётку какую-то бумажку.

– Смотри, что у меня есть – привет от Бонни.

Мари вскочила с матраса и, спотыкаясь, заковыляла к решётке – ноги затекли. Мари сразу догадалась, что он держит в руках, и её сердце на мгновение остановилось. Несколько секунд она не дышала. Стояла, замерев посреди полутёмной камеры.

– Вы пойма... – начала она, но голоса не было. Откашлявшись, она попыталась снова: – Вы её нашли?

Госс медлил. Он рассматривал Мари, полумёртвую от липкого страха, с лечебным корсетом вокруг груди, и не было в нём ни злорадства, ни жестокости. Он делал свою работу – это всё.

– Мы взяли след, – наконец ответил он. – Она в Индувилоне.

Мари невольно кивнула. Этого следовало ожидать... Кассандра отправилась искать правды в ближайшем большом городе. Одна или со Стафисом? Нет, он бы не оставил Лидию... Может быть, с отцом? Мари могла только надеяться, что сестра не осталась одна в такой момент.

– Она потеряла его? – тихо спросила Мари, кивая на паспорт.

– Ах... нет, – Госс совсем некстати улыбнулся. – Паспорт нашли на чёрном рынке, он был украден. Нам, скорее всего, удастся проследить её путь, так что скоро вы снова будете вместе. Разве ты не этого хочешь?

Мари с возмущением вскинула голову. Какой... бред! Но в глубине души она содрогнулась, и голос в голове прошептал: «Да-да, ты ведь жаждешь, чтобы вы опять оказались вместе, ты ждёшь каждую минуту, что её приведут к тебе, и неважно, что будет потом...»

– Нет, – дрожащим голосом сказала Мари. Госс не выдержал её взгляда – убрал паспорт Кассандры и резко отвернулся.

– Индувилон – большой город, – сказал он. – В нём много потерянных девочек.

И ушёл.

Она ничего не знала, Госс был в этом уверен. Она могла блефовать, изобретать истории, утверждать, что является принцессой Амейн, но было очевидно, что Мари просто пытается прикрыть Кассандру, которая тоже наверняка ни о чём не догадывается. Ему хотелось бросить всё и поехать домой. Он не понимал, зачем они устроили охоту на детей, до этого живших своей обычной жизнью с её радостями и горестями. Роттер решил влезть в это дело – и что? Теперь одна из девочек в тюрьме, а две другие пропали, и неизвестно, чего от них ждать.

Госс был совершенно растерян и всё прокручивал в голове, как же ему повезло вляпаться – иначе и не скажешь – в эту историю. Снова он оказался в неподходящее время в неподходящем месте! Как десять лет назад, когда его только что приняли на госслужбу и он был в тюрьме на подхвате – «подай, принеси, убери». Это было тёмное время: слишком мало адекватных полицейских, зато в избытке людей, стремившихся урвать себе лакомый кусок в новой стране, пока другие не смотрят. Старые тюрьмы были переполнены, и никакого порядка...

В этом хаосе Госс заметил среди заключённых в Алилуте одну особенную семью: мать, дочь и новорождённый сын. В отличие от других арестантов, эти сносили все лишения и горести с удивительным достоинством. Даже дети. Было в их лицах что-то особенное, вот как сейчас у Мари, какой-то свет или чувство, а может, и то и другое – светлое чувство? Госс всегда замирал на мгновение, когда видел их, так его поражали эти лица. Муж женщины и отец детей был важным политическим преступником, за ним долго следили, но не могли поймать.

Госсу было жаль ребятишек. Как мог, он старался разнообразить их гнетущие дни в заключении. Будь на то его воля, он бы отпустил их на все четыре стороны, взяв с главы семьи обещание, что тот не будет вмешиваться в политическое устройство нового мира. Но, конечно, эти вопросы так не решались, Госс даже тогда это понимал.

Его уже давно перевели в следственный изолятор в Роттербурге, когда до него дошли вести, что мать казнили, а отца удалось схватить, когда тот попытался вернуть себе детей. Выманили...

Меньше всего на свете Вилмор хотел оказаться втянутым в нечто подобное. Но время шло, Мари становилось хуже, и расследование не давало результатов. Из столицы требовали принять меры, а Госс медлил и просил подождать. Роттер был им недоволен – ну и ладно. Втайне Госс надеялся, что его снимут с должности и отправят домой, и пусть другой доводит дело до конца, лишь бы не он!..

Эмоции – то, что Госс старался отделять от работы каменной стеной. На службе не было места эмоциям: ни сочувствию, ни раздражению. Нельзя было видеть в заключённых людей. В тот вечер, когда Госс разорвал конверт, просмотрел результаты экспертизы ДНК и развернул смертный приговор для Мари Клингер, он понял, что больше так жить не может.

17

Эльсона одёрнула камуфляжный комбинезон, взбежала вверх по деревянным ступенькам – раз, два, три, четыре – и постучалась. Окно было открыто, и она могла слышать, как внутри с мягким шелестом переворачивают страницы газеты.

– Разведка! – крикнула она.

– Заходи.

Эльсона торопливо пригладила короткие светлые волосы, потянула дверь на себя и шагнула в затемнённую комнату. Само дельный квадратный стол, несколько табуреток и длинная скамья составляли всю обстановку фанерного домика. В расписанной греческими символами раме висела чёрно-белая картина. Эльсона мельком взглянула на нарисованную кошку – ей всегда казалось, что та улыбается. В комнате никого не было, и тем не менее Эльсона доложила, обращаясь к занавеске в углу:

– В двух километрах к юго-востоку от лагеря замечена незнакомая девушка. Вещей никаких. Продвигается медленно, неуверенно.

Ответа не последовало. Эльсона нахмурилась, выждала несколько секунд и сердито сказала:

– Ляля Бимбикен, не соизволите ли вы?..

Занавеска в углу комнаты отдёрнулась. На полу в позе лотоса и с газетой на коленях сидела смуглая длинноволосая женщина. Она

посмотрела на Эльсону так пристально и строго, что той стало не по себе. Эльсона давно знала Бимбикен – и всё равно зачастую не понимала, что у неё на уме.

– Она одна? – спросила Бимбикен.

– Одна, это точно, – заверила Эльсона.

– За ней кто-нибудь следит, кроме нас?

– Нет.

– Хорошо. А сразу сказать это ты не можешь?

– Я... – Эльсона растерялась. – Я бы сказала, если бы было иначе, если бы она была не одна и...

– Понятно, – оборвала Бимбикен. – Приведите её в лагерь. Я скоро буду.

Когда Эльсона вышла, Ляля Бимбикен флегматично свернула газету, медленно выпрямилась и потянулась, словно кошка. Потом так же медленно собрала огненного цвета волосы в высокий хвост. Как эта девушка их нашла? С тех пор как они разбили новый лагерь в предгорьях за разграбленной Ангорой, никто ещё не выходил на них без наводки. Впрочем, интерес Бимбикен был умеренный. Маленькие девочки обычно не представляли из себя ничего особенного. Они искали помощи или справедливости, приют или родственников. Они не были врагами – а Бимбикен жаждала продолжения войны.

* * *

Кассандра выдохлась. Ноги подкашивались, руки дрожали мелкой дрожью. Она никогда в жизни не испытывала такого голода. Сколько прошло времени с тех пор, как они расстались с Призраком?.. Дико хотелось спать, но Кассандра боялась, что если ляжет на густо усыпанную хвоей землю, то больше не встанет. Она присела ненадолго, чтобы перевести дух, и едва нашла в себе силы подняться и идти дальше. Когда это было, часа два назад? Трудно сказать – она брела сквозь лес, и солнце едва-едва проглядывало в чащу.

Май, и ещё ни грибов, ни ягод. Деревья хвойные – неужели она так далеко на севере?

«Красиво-то как», – неожиданно пришло в голову.

И небо, проглядывающее сквозь пушистые ветви, такое чистое, бирюзовое, и день тёплый, благодостный. Птичий перезвон льётся со всех сторон, и всё бы ничего, только голодно, и мама больна, и Мари... Нет, думать о Мари было слишком страшно.

– Не может быть, чтобы человек в лесу помер от голода, – вслух сказала Кассандра. – Держись правее – выйдешь к реке. Спой что-нибудь...

Она старалась сохранять спокойствие, но голос срывался. Что, если она ходит по кругу? Кассандра давно потеряла берег из виду и теперь никак не могла снова выйти к воде. Что, если... Нет! Она не ходила по кругу, это точно. Кассандра чуть не захлебнулась слюной от волнения и заспешила вперед. В нескольких метрах она разглядела мелкие кустики с резными листьями, как у земляники, и блестящими зелёными ягодами. Кустики росли рядком, словно на грядке. Это было первое растение на пути Кассандры, на котором уже появились плоды.

Кассандра долго колебалась – она, как ни странно, не знала, что это за розеточные кустарники, а их с детства учили: нельзя есть, трогать и даже нюхать то, что тебе незнакомо. С другой стороны, перечень опасных и ядовитых растений они тоже учили с детства, и Кассандра была уверена, что этих кустикав с зелёными ягодами нет в списке. Наконец она не выдержала, села на корточки и, оторвав пару листков – ягоды она на всякий случай решила не трогать, – попробовала их на вкус. Пожевав так с минуту, Кассандра пожалала плечами и оторвала ещё. Трава травой, разве она могла утолить голод? Но привкус всё же был приятный, напоминал одновременно мяту и чёрную смородину. Разжевав горсть листьев в кашу, Кассандра могла некоторое время наслаждаться иллюзией, будто и правда ест что-то более весомое.

Поднявшись с колен, она оглядела «поле боя». Маленькие кустики были смяты, а листья оборваны, как будто она не в Цветочном округе выросла, а пришла диким варваром из большого города... Кассандра смутилась и поскорее отвернулась. Она продолжила путь, стараясь держаться прежнего курса, оставляя поляну слева и забирая вправо.

И почему Рофи считал, что найти ливьер проще, чем Мари? И то и другое – нереально! Вон она уже сколько часов бредёт по лесу, и вокруг только деревья, деревья, деревья... Под ногами тропинка, справа поляна, а слева река. Кассандра помотала головой и

развернулась. Вот так, теперь она снова идёт правильно. И – невероятно! – слышит, как журчит вода. Ещё немного, и она на месте... Но что это? Снова та же поляна. Кассандра нагнулась и сорвала ещё несколько листочков. Не горчит, не кислит, отличный кустарник.

Конечно, найти Мари проще. Она на правильном пути, она почти пришла. Отчётливо слышны плеск воды и птичий крик где-то высоко, на другом краю земли. Кассандра посмотрела в небо. Неожиданный луч солнца просочился сквозь ветви и на мгновение ослепил. Она зажмурилась.

Слева поляна, справа река... Река! Кассандра уже видела, как блестит перламутровая вода. Река, река, река. Мари ждёт на другом берегу. Когда она найдёт сестру, всё наладится.

– Мари! – крикнула Кассандра. – Я иду!

– Я здесь! – отозвалась Мари.

Снова гаркнула птица, и журчание стало громче. Кассандре вдруг почудилось движение за спиной. Она обернулась. Там тоже сверкала река! Вот чёрт. Кассандра точно знала, что Мари на другом берегу – но на каком? Поляны больше не было справа и не было слева. Везде была только река, одна лишь река, даже деревья исчезли. Девушка посмотрела под ноги – земли не было. Так что же делать, как попасть к Мари? Она знала, что, если справится с этой головоломкой, всё будет хорошо...

* * *

Наблюдая, как Кассандра топчется на месте и растерянно водит вокруг себя руками, словно прощупывает воздух, Эльсона покачала головой.

– Сколько листьев она съела? Вы почему ей позволили? – сухо спросила она.

– Да ладно, – пожала плечами невысокая пухленькая девушка с копной кудрявых волос. – Проспится, и нормас...

– Гиория! – воскликнула Эльсона. – Это... это очень неприятно, ты посмотри, как она мучается.

– Искра – лёгкий наркотик, – равнодушно сказала Гиория. – Ей не больно, не страшно, она может свободно двигаться и думать. А поразмышлять есть над чем – это же надо, совать в рот что попало! Могла бы ведь и отравиться...

Эльсона проигнорировала заявление, тем более что под конец Гиория растеряла всё своё самодовольство и её голос затих: незнакомая девушка внезапно рухнула на колени, принялась рвать на себе волосы и стонать.

– Ирель, Гиория, на счёт три набрасываем сеть. Постарайтесь не сделать ей больно, – скомандовала Эльсона.

Всё было тщетно – Кассандра не смогла достичь берега. Не смогла спасти Мари. Не успела. Она чувствовала пронзительную, сжигающую изнутри боль и ничего не могла с этим поделать.

Часть III

а

Эстель казалось, будто каждый день – это целая вечность. Из дней складывалась неделя, затем другая.

– Она добралась? Почему от неё ничего не слышно? – спрашивала Эстель Уильяма.

Но тот вместо ответа исчезал в очередной командировке, хотя не должен был – они только-только оформили брак, и Уильяму полагался месячный отпуск.

– Писать письма запрещено, – объяснил он однажды, видимо, сжалившись над ней. – Ну чего ты переживаешь? С Вероникой всё в порядке.

Но тревога снедала Эстель изнутри. Уильям не мог представить, что творилось в её душе, ведь он не знал о письме, которое она написала своей Веронике; не знал о подмене; не знал, как сложно было заговорить об этом – впервые за столько лет!

– Она ненавидит меня, ненавидит, – шептала Эстель как в дурмане, перебирая нитки у распахнутого окна, забранного тяжёлой решёткой. Она уже две недели вязала то ли шарф, то ли покрывало, просто чтобы занять руки. – Даже не успела узнать меня, а уже ненавидит...

Иногда Эстель заходила в служебные помещения и стояла там без движения, будто привидение, пока кто-нибудь не уводил её обратно в комнаты. Обычно это была пожилая экономка Маньяна. Озабоченно качая головой и бормоча себе под нос, она усаживала Эстель за стол и подавала вязание.

– Вот так, потихоньку, – говорила она Эстель, словно ребёнку. – Смотрите, как у вас уже красиво, какие ряды ровные, а мягонько-то как!

– Где моя девочка? – однажды спросила Эстель, вдруг вскинув голову и уставившись на Маньяну. В её глазах было столько отчаяния, что Маньяна поняла: нужно что-то делать.

– Господин Холланд, – обратилась она к начальнику, когда тот вернулся из командировки. – Мне кажется, госпоже Эстель нездоровится. Надо бы, знаете ли, врача...

– Нездоровится? – зычно переспросил Холланд. – Эстель, подойди ко мне.

Последние дни на него свалилось чрезвычайно много работы, и он давно не получал вестей от Роттера, а это был, конечно, плохой знак. Всплыла история с девочкой – было совершенно непонятно, как Эстель могла скрывать это от него столько лет! Холланд был уязвлён. Подмена ребёнка ломала все планы Роттера: вместо того чтобы быстро и по-тихому избавиться от наследницы, он распотрошил чёртово осиное гнездо. Холланд не сомневался, что теперь девочки будут устранены – все трое, а также те, кто их укрывает.

И вот то, что ещё недавно казалось далёким будущим, стало реальностью: Эстель требовала от него ответа. А он мог только врать ей в лицо, что с Вероникой – какую бы из них она ни имела в виду – всё хорошо. Ложь так легко стекала с языка, что вскоре Холланд стал сомневаться в каждом своём слове. Что здесь правда, а что – обман? Действительно ли он любит Эстель или просто пользуется тем, что она не может уйти от него, как делали другие женщины? Нет, конечно, любит! А он вынужден ей врать. Но сама Эстель все эти годы бессовестно водила его вокруг пальца, значит, и он имеет право на ответную ложь.

Холланд был настолько поглощён собственными терзаниями, что совершенно не замечал мучений Эстель. Лишь теперь, благодаря Маньяне, он обратил внимание на осунувшееся лицо жены и синяки у неё под глазами и осознал, что едва не упустил главное. Веронике уже ничем не помочь, нечего и думать об этом, но Эстель – его ласковую, беспомощную, зависимую Эстель – он обязан уберечь.

* * *

На следующий день Эстель посетил тюремный врач и выписал успокоительное. Оценив потрёпанный вид начальника, он намекнул, что Холланду и самому не помешает лекарство, но тот так на него посмотрел, что доктор тут же прикусил язык.

Эстель почувствовала себя лучше. Вязание было заброшено.

– При такой чудесной погоде грех сидеть дома со спицами, милая Маньяна, – заявила Эстель, несказанно удивив экономку.

О Веронике она теперь вспоминала с улыбкой и без капли тревоги или сожаления. Маньяна подозревала, что Эстель плохо спит: ночью из её комнаты порой слышались стоны и бормотание, однако утром Эстель всегда казалась спокойной и отдохнувшей. Маньяне бы радоваться, ведь это она обратилась к господину Холланду за помощью, – однако что-то мешало. В беззаботном спокойствии Эстель было столько фальши, словно она бездарно исполняла чужую роль.

– Госпожа Эстель, вы не получали новостей от Вероники? – через несколько дней осторожно поинтересовалась экономка.

– Ах, Маньяна, ты же знаешь, что ей не дают мне писать, – ответила Эстель и передёрнула плечами.

– Да, верно, – согласилась Маньяна и, помолчав немного, добавила: – Значит, вы никогда больше не получите от неё весточки? А если приболеет? А если у неё детки будут? А если...

– Нет, погоди... – перебила Эстель, но не продолжила.

– Её что же, как будто теперь для нас нет? И нас для неё? Я просто не понимаю...

Маньяна смотрела на Эстель и выжидала. Эстель по-прежнему была спокойна, но на лице промелькнуло новое выражение, словно бы она пыталась что-то вспомнить. Промелькнуло – и исчезло.

– Маньяна, не забивай себе голову, – нахмурилась Эстель. – Когда будут новости, Уильям сообщит.

И, вежливо улыбнувшись, она встала из-за стола и удалилась в свою комнату.

* * *

За организацию питания в Алилутской тюрьме особого режима отвечала исключительно Маньяна. По большой книге, выписанной для всех государственных учреждений, она каждый четверг выбирала и заказывала продукты на неделю. Рацион был спланирован заранее, машина с доставкой приезжала на следующий день; продукты выгружали в большой кухне, где они передавались в руки поваров.

Маньяна лично сверяла по списку, всё ли в порядке. Закончив, она грузила на отдельную тележку продукты, предназначенные для дома на вершине холма, и четверть часа катила её в гору по асфальтированной дорожке. Для особо опасных заключённых и для начальника, когда он был на месте, готовили отдельно.

Но иногда Маньяне всё-таки хотелось разнообразия. Она редко баловала себя: у неё не было потребности в красивой одежде или развлечениях, – но вкусно покушать она любила. Не все сладости и специи были указаны в книге поставщиков; Маньяна не могла заказать в тюрьму редкие фрукты или орехи, баранину и мягкие сыры – да мало ли на что человек хочет потратить честно заработанное жалование? И потому иногда она надевала свою самую приличную куртку гладко зачёсывала седые волосы, брала плетёную корзинку и выбиралась в город. За исключением этих прогулок, Маньяна не покидала территорию тюрьмы.

Воздух Алилута, где аромат цветов смешивался с запахом дорожной пыли, будил в Маньяне нежелательные воспоминания. Она уже не первую дюжину лет жила на этой земле, помнила королеву Венду в молодости, видела революцию, приход новой власти, реконструкцию Алилута... Стоя перед выбором десять лет назад, Маньяна предпочла изоляцию жизни в новом мире, чьи порядки вызывали отторжение, а правители пугали и запутывали своими речами. Маньяна не хотела ничего этого видеть, поэтому нанялась экономкой в тюрьму. Её взяли без проблем, несмотря на «неправильное» происхождение: тихая и неприметная женщина всегда держала своё мнение при себе и после переворота могла похвастаться самой блестящей репутацией, а именно отсутствием оной. Маньяна и не хотела ни во что вмешиваться, полагая, что её время всё равно уже прошло – прошло вместе с Флориендейлом, как длинный сладкий сон; прошло и для неё, и для Эстель. «Моя маленькая королева», – называла её про себя Маньяна и порой готовила для Эстель пирожки и соусы, о которых господин Холланд не догадывался. Это был её последний фронт, и Маньяна защищала его со всей стойкостью и силой духа, которые были ей отведены.

– Маньяна! – окликнула её на одной из улочек Алилута невысокая женщина с кудрявыми волосами и широкой улыбкой.

– Олия! – обрадовалась Маньяна. – Сто лет не виделись.

– Да ты как засела на своей горе, и с концами, – подтвердила Олия.

– Служба, моя дорогая, чего тут скажешь... И как у вас? Как детки?

Торговка тканями огляделась и коротко махнула рукой, предлагая отойти в сторону, чтобы не заслонять прилавков от покупателей. Узкие проулки Алилута не позволяли стоять посреди дороги, сразу получалось столпотворение. Маньяна с Олией прижались к стене между двумя лотками.

– Ох, Олия, знаешь... у нас в последнее время такое, ты не поверишь, – пробормотала Маньяна, когда Олия закончила свой рассказ: дети в порядке, школа, болячки, скоро пойдут в поход. – У нас девочку-то забрали, ну которая в тюрьме выросла, помнишь, я тебе говорила, что у нас такой есть особенный случай?

– Ой, да как же это? А родители? – Олия всплеснула руками. Ничего она, похоже, не помнила.

– Мать у неё только. Она больно убивалась... Ей лекарство выписали. И она чудная какая-то стала... такая, знаешь... будто совсем ничего не чувствует. А девочка, она вроде в школе теперь, но письма ей писать не дают, так и сидим без новостей...

– А как зовут-то? – спросила Олия, но Маньяна только отмахнулась.

Она, конечно, никогда не называла имён. Ей вообще строжайше запрещалось распространяться о том, что происходит в тюрьме, но в те редкие минуты, когда она встречала старых знакомых, удержаться было трудно. Маньяна не видела в этом большого вреда. Она даже хотела попросить Олию написать Веронике письмо. Но не смогла вспомнить название школы.

– Ты не представляешь, как мать-то вся извелась... – она помолчала. – Но я думаю... не давать ей больше лекарства. Не могу смотреть на неё такую, сердце разрывается!

Женщины расстались – одна затерялась в толпе, другая вернулась к лотку с тканями, – а молодой человек, сосредоточенно выбиравший помидоры на соседнем прилавке, продолжал топтаться на месте.

– Ну, вы что-нибудь решили? – не выдержала продавщица. Он, конечно, уже купил у неё перец, лук, тыкву и баклажаны, так что, можно сказать, заслужил её улыбку, но каждый раз так долго и

мучительно выбирал, что она уже потеряла всякое терпение. – Они ж у меня все хорошие, все свежие!

– Что? – паренёк вздрогнул. – А... двести грамм жёлтых, пожалуйста.

– Ну слава Ангелу, – выдохнула продавщица. – Как вы обстоятельно подходите к делу, вон аж вспотели!

– Да? – молодой человек вытянул из кармана ярко расшитый платок и промокнул лоб. – А я и не заметил... Большое вам спасибо!

β

В воздухе вкусно пахло цветами, совсем как дома. Было тихо, но издалека доносились короткие птичьи трели, голоса и залиvistый смех. Чья-то мягкая рука легла ей на лоб.

– Мари, – прошептала Кассандра.

Просыпаться не хотелось. Она отлично знала, что это не Мари и что дом далеко, и ей порядком надоело терять сознание и приходиться в себя в незнакомых местах. Но выбора не было, и любопытство победило. Кассандра приоткрыла глаза.

На краю постели сидела худенькая девочка с неестественно бледным лицом и раскосыми глазами. Её тёмные локоны были собраны в тугую причёску на затылке, на голове – белая повязка. Девочка казалась такой воздушной и тоненькой, что Кассандра не дала бы ей больше двенадцати лет, если бы не лицо – оно было совсем взрослым.

– Очнулась? Давай я открою окно, – сказала незнакомка, встала с постели и отодвинула штору, впуская безжалостно яркий свет. Кассандра снова зажмурилась. – Извини, – ласково произнесла девочка. – Свет режет глаза поначалу, но это быстро проходит. Сейчас привыкнешь.

– Где я? – спросила Кассандра.

Она лежала на жёстком матрасе в тесной комнате. Ещё полдюжины кроватей стояли так близко друг к другу, словно между ними вовсе не было проходов. Посередине кое-как вклинилась узкая дверь, и в двух фанерных стенах угадывались окна, а точнее – дыры, затянутые двумя слоями ткани, светлой и тёмной.

Затаив дыхание, Кассандра ждала ответа на свой вопрос. Она надеялась, что угадала. Но девочка замешкалась, словно не хотела говорить.

– Погоди... я позову командира.

– Нет, стой! Тебя как зовут?

– Нириаль, – сказала девочка, останавливаясь в дверях.

– Нириаль, – медленно повторила Кассандра.

Странное, необычное имя. То ли она слишком расслабилась, то ли просто устала гнаться по лесу за эфемерным решением своих проблем, потому что вдруг выпалила:

– Вы ведь ливьеры, да?

Пауза. Ощущение было, будто она снова падает в реку с уступа, вот только на этот раз Кассандра сама добровольно бросилась вниз. Нириаль молчала, внимательно глядя на неё, и Кассандра горячо продолжила:

– Я так долго искала ливьер! Думала, не дойду... Что со мной случилось, как я здесь оказалась? Пожалуйста, скажи мне, что вы ливьеры. Это моя последняя надежда!

Тогда Нириаль осторожно кивнула, поправила зелёную повязку на плече и торжественно, с тихой, спокойной гордостью подтвердила:

– Мы ливьеры, да. Я схожу за командиром.

* * *

Когда Нириаль вернулась в сопровождении высокой женщины с пышным рыжим хвостом, в узких тёмных штанах и футболке, Кассандра уже сидела на кровати и разминала ноги. Тело ломило, но терпимо, как будто она всего лишь перезанималась спортом. Удивительно, сколько способен вынести наш организм! Кассандра подумала о пути, который ей пришлось преодолеть пешком, и содрогнулась.

– Комендант лагеря ливьер, командир группы «Центр» Ляля Бимбикен, – сухо представилась женщина, протягивая Кассандре руку, перехваченную такой же повязкой на плече, как у Нириаль.

Цепкий взгляд пробежался по девушке сверху вниз и вернулся к её лицу. Кассандра выдержала этот взгляд: любопытно, но Ляля

Бимбикен, казалась, скучала и в мыслях была далеко отсюда.

– Я из Цветочного округа. Меня зовут Кассандра Клингер, и у меня есть сестра-двойняшка Мари. Мы с ней... – Кассандра замешкалась, чтобы справиться с комом в горле. Нириаль протянула ей стакан воды. – Спасибо, – поблагодарила Кассандра и вдруг, неожиданно для самой себя, сказала: – В феврале недалеко от нашего посёлка нашли раненую ливьеру На участке лиавер.

Лёгкая искра интереса в глазах Бимбикен.

– При ней был опознавательный знак? Повязка? Какие-нибудь элементы одежды?

– Я не знаю, – Кассандра прикусила губу. – Но... это же далеко отсюда. Как она туда попала?

– Мы группа «Центр», – коротко ответила Бимбикен, как будто это всё объясняло. – Она... поправилась?

Кассандра покачала головой. Бимбикен на мгновение прикрыла глаза и ещё плотнее сжала губы.

– Жаль, – сказала она. – Что ж, спасибо за информацию.

Кассандре показалось, что Бимбикен готовится уйти, и девушка вскочила, торопясь затронуть самую главную тему – лейт мотив своей новой страшной жизни.

– Ляля Бимбикен, выслушайте меня, это не всё! Моя сестра Мари... она пропала, её похитили прямо из дома. И наша мама, она тоже была там, её отравили каким-то растением, и теперь она в коме... – Кассандра стала сбиваться от чрезвычайного волнения, охватившего её: она видела, что её слова не трогают командира ливьер. – Нам нужна ваша помощь!

Нириаль собиралась что-то сказать, но Бимбикен хмуро взглянула на неё и качнула головой.

– Ты не думала, что мы здесь более важными вещами занимаемся, Кассандра Клингер? – осведомилась командир. – Я, конечно, польщена, что ты так в нас веришь, но...

– Но её забрал Роттер! – выпалила Кассандра.

Имя повисло в воздухе. Ляля Бимбикен и Нириаль переглянулись, и в этот момент напряжённой тишины открылась дверь и в лазарет зашла пожилая женщина, невысокая и кругленькая. Седые волосы были стрижены коротко и неровно, почти как у Призрака. Старушка

взглянула на Кассандру и коротко улыбнулась – неожиданно тепло и с нежностью, которой Кассандра не ожидала от незнакомого человека.

– Камила, – сказала старушка. – Альфа Камила.

Она протянула руку для рукопожатия. Кассандра в замешательстве дотронулась до сухой тонкой кожи и, поколебавшись, спросила:

– Альфа – это имя или фамилия?

Камила хотела ответить, но Бимбикен её опередила:

– Так значит, ты из Поверхностного мира.

Это было сказано таким тоном, что Кассандра сразу поняла: ей здесь не рады. Но Альфа успокоила Бимбикен, положив руку той на плечо, и, снова улыбнувшись Кассандре, пояснила:

– Альфа – это, скорее, призвание.

* * *

Они ушли – сначала Ляля Бимбикен и Альфа Камила, затем Нириаль, оставив Кассандру в лазарете одну. Она повернулась на узкой лежанке на другой бок, лицом к стене, обняла набитую соломой подушку и зажмурилась. Хотелось ругаться или плакать, но ругаться было не с кем, а плакать – глупо.

Они не станут ей помогать! Бимбикен и в начале-то была не в восторге от появления Кассандры в её драгоценном лагере, а уж когда узнала, что та из Поверхностного мира, окончательно невзлюбила девушку. Кассандра могла бы её понять: ливьеры не просто родились в другом мире, они словно по-прежнему жили в нём; их память, прошлое, настоящее, их надежды – Кассандра почти ничего не знала об этом. Она же была для ливьер одной из тех, кто вторгся в их мир без всякого разрешения и полностью его уничтожил. Она могла бы понять Бимбикен – но не хотела.

Теперь Кассандра была разочарована и растеряна. Что делать дальше? Нет, формально Ляля Бимбикен не отказала, а Нириаль, оказавшаяся одной из тех самых загадочных травниц, вроде бы даже сама хотела помочь Кассандре. Но Бимбикен сказала, что они вынуждены отложить эту задачу «на неопределённый срок из-за

нехватки ресурсов: людских, временных, материальных». Где она только научилась так говорить? Ей бы на госслужбе работать!

Кассандра чихнула в подушку, вытерла лицо и вспомнила о снадобье Нириаль, которое следовало выпить перед сном. С трудом разлепив глаза, она заставила себя сесть и взяла ещё тёплую чашку. Нириаль приготовила настойку, замочив в кипятке какие-то травы, однако вязкий терпко-сладкий напиток пах вовсе не травой. Приятный аромат казался Кассандре смутно знакомым: разве это не кофе с корицей?! Может быть, травники вправду способны творить чудеса и Нириаль сможет помочь маме? А Кассандра наконец узнает, что случилось с сестрой...

Они договорились с Бимбикен – не без трогательного посредничества старушки Альфы, – что Кассандра может оставаться в лагере столько, сколько понадобится. При этом она не будет состоять в отряде Бимбикен и не станет вмешиваться и отвлекать ливьер от боевых задач. Это был болезненный компромисс для обеих: командир соглашалась терпеть в своём лагере инородное тело, а Кассандра должна была смириться с тем, что ливьеры не помогут искать Мари.

Глоток за глотком Кассандра опустошила чашку и свернулась на постели калачиком. Она задремала почти сразу же; в голове при этом была приятная пустота. Кассандра спала долго – на этот раз без снов, кошмаров и миражей.

у

На третий день после того, как скончался Ос, Ремко не выдержал и отправился в библиотеку. Мелкий дождь зарядил и обещал идти всю неделю. Погода была под стать настроению Ремко – серо, промозгло, но надеешься, что скоро всё кончится и ты сможешь вдохнуть полной грудью. Подвал, превратившийся из больницы в организованное общежитие, больше не требовал ежедневного внимания и участия. Ткань на платья и прочие гостинцы семье были куплены. Даже лампочка в подъезде его дома горела – казалось, можно наконец с чувством выполненного долга ехать домой. Но вместо этого Ремко бродил под дождём и ломал голову, как подступиться к задаче, которую, словно эстафету, передал ему Ос.

Ремко спросил у Эрильена, что такое стихии, и мальчик поведал ему – по секрету, как страшную тайну! – о магистрах Флориендейла, управлявших воздухом, огнём, землёй и водой.

– Как же они проиграли вой ну, если были такие всемогущие? – спросил Ремко, отказываясь верить в волшебные сказки, а потом вспомнил жёсткое, отчаянное «Я предал их всех» – и замолчал.

Эрильен на мгновение даже оскорбился и ответил, что, когда плохие люди нападают на хороших, хорошие иногда проигрывают, потому что они слишком честные. Но это ничего, добавил мальчишка, потому что рано или поздно хорошие всё равно побеждают. Эрильен знал, что королева Флориендейла жива, хоть и в плену, и верил, что однажды она свергнет Роттера и они смогут снова жить как раньше. Ремко накануне прочитал в газете, что Эстель Амейн вышла замуж за надзирателя местной тюрьмы, но не стал отнимать мечту у мальчика, который в последнее время и так повидал слишком много горя.

Однако об Атласе Эрильен ничего не знал, а спросить у Дарины, Ивара или других взрослых, выросших во Флориендейле, Ремко не решился. Так он отправился в библиотеку, не имея понятия о том, что ищет.

По земным меркам здание алилутской библиотеки было не слишком большим; у себя на родине Ремко видел и более величественные строения. Зато архитектура, как и положено, поражала воображение чужестранца. Наверное, давным-давно библиотека располагалась в одном здании, к которому позже пристроили три других, совершенно отличных по стилю. Но, может, Ремко ошибался и так было задумано с самого начала. Перед библиотекой простиралась огромная голая площадь. Ей не хватало какого-нибудь живого элемента вроде аллеи или фонтана. Ремко пересёк площадь и коснулся рукой серо-голубых камней фасада.

Внутри было на удивление суетливо. Молодёжь бродила между столами, рекламными плакатами и стойками информации; просторный атриум увенчивал стеклянный купол, и дождь отбивал нехитрый ритм по давно утратившему прозрачность стеклу. Ремко сделал круг по залу, заметил вывески «Туалет», «Кафе», «Столовая» и даже знакомый логотип сети продовольственных магазинов – но никакого намёка на библиотеку.

– Простите, что беспокою, – полностью сбитый с толку, он наконец обратился к ребятам за одним из столов. Судя по брошюрам, их бюро обещало самый быстрый и качественный в Алилуте перевод на любой язык Поверхностного мира. – Как пройти в библиотеку?

– Какую ещё библиотеку? – нахмурилась девушка.

– Ну как же... – Ремко замялся. – Это же здание Алилутской библиотеки...

– Да нет тут уже никакой библиотеки, – вмешался темнокожий молодой человек, её коллега, пока девушка с подозрением рассматривала Ремко. – Только архив остался – это вам надо обойти здание слева, там увидите лестницу, вот по ней – наверх. Мы с ними работали как-то. Вы там всё найдёте, очень тихое место.

Ремко поблагодарил его и, глядя на земной шар на рекламке, интереса ради спросил:

– А вы сами-то откуда?

– Да мы местные, алилутские, – обрадовался парень.

Ремко кивнул. Какой вопрос – такой ответ. Однако любопытно: каждый в этом атриуме говорил с тем или иным земным акцентом, но при этом все считали, что они местные.

* * *

Ремко никогда не был в библиотеке, но примерно знал, чего следует ожидать, – библиотеки упоминались во многих книгах и фильмах с Поверхности. И потому алилутская библиотека, стоило только Ремко подняться по крутой металлической лестнице, сразу его разочаровала. Он смутно надеялся, что этот визит ещё на один шаг приблизит его к загадочному прошлому Флориендейла – и откроет тайну Оса. Но библиотека оказалась полупустой комнатой с парой дешёвых столов и громоздких старомодных компьютеров. На подоконнике умывалась тощая рыжая кошка, а в углу дремал краснолицый мужчина. Он и не заметил, как Ремко вошёл, зато кошка тут же вскинула морду и издала короткий вопль, переходящий в яростное шипение.

– Эй, ну ты чего, – примиряюще сказал Ремко, прикрывая за собой дверь.

Библиотекарь встрепенулся. Они оба застыли, словно не знали, кто должен заговорить первым. Тишину нарушало лишь ритмичное постукивание – это кошка нервно била хвостом по подоконнику.

– Добрый день, – проронил наконец смотритель. – Вы, наверное, ошиблись дверью? Выставка стартапов проходит на первом этаже в главном здании.

Ремко кивнул.

– Её сложно не заметить. Нет, я как раз искал библиотеку... архив то есть. Это же к вам?

– Тогда – ко мне, – растерянно подтвердил старик. – Простите, но что вам нужно? К нам так редко заглядывают... э... гости.

– Я хотел бы полистать Атлас, – сообщил Ремко.

Библиотекарь непонимающе смотрел на него, и Ремко подумал, что ему ещё никогда не доводилось чувствовать себя так глупо. Какой именно атлас? Он не знал, не имел ни малейшего представления. Библиотекарь, однако, самоотверженно принял этот бестолковый запрос и, включив компьютер, принялся строка за строкой копировать всё, что касалось атласов.

– Я думаю, мне всё-таки не нужен полный список, – заметил Ремко, глядя на стремительно увеличивающийся перечень наименований. – Давайте ограничимся тем, что касается... Флориендейла.

Библиотекарь покосился на Ремко с подозрением.

– Уважаемый, вся литература, имеющая какое-либо отношение к Флориендейлу давно изъята из нашего архива, а если точнее, из всех архивов по всей стране.

Кошка запрыгнула на стол и укоризненно воззрилась на Ремко. Он почувствовал себя полным идиотом. В самом деле, цензура! Признаться, он об этом совершенно не подумал.

– Что же мне делать? – спросил он растерянно.

Библиотекарь развёл руками, не переставая хмуриться.

– Ну, я напишу вам список того, что у нас есть, а дальше смотрите сами. Здесь спокойно, пусто, никто не мешает – вы приходите, читайте, авось и найдёте, что вам надо.

«Какая нелепость», – подумал Ремко, но обещание, данное Осу, не давало покоя. Он сказал себе, что пройдёт по всему списку, и тогда уже можно будет с чистой совестью возвращаться домой к Розе и девочкам.

Получился, однако, внушительный список из более чем трёхсот наименований. А главное, Ремко недооценил истинный, скрытый от глаз случайного посетителя размах архива. Простая дверь за спиной библиотекаря лабиринтом узких ходов вела в старое здание, где в десятках залов на нескольких этажах безнадёжно ждали читателя книги, книжки и брошюры, журналы, романы; тома толстые и тонкие; в мягкой обложке, в твёрдой, в кожаной или совсем без обложки; книги детские, взрослые, научные; учебники, а также сказки и, конечно, атласы. Ремко даже не думал, что слово «атлас» можно применить так широко.

Смотритель архива никак не мог взять в толк, зачем Ремко поставил перед собой столь несуразную задачу. Поначалу он ходил по залам вместе с Ремко, учил его, как читать библиотечный код, где взять лестницу и как найти выходы – их было два главных и несколько аварийных. Затем, удостоверившись, что посетитель не сгинет в тёмных коридорах, библиотекарь стал оставлять его одного, заявив, что «его старым костям не пристало греметь в этой тишине». Теперь тишину нарушали только шаги Ремко, глухие из-за обильного слоя пыли на полу, да шелест страниц.

Дело продвигалось медленно. После работы едва ли оставалось время на поиск книг, к тому же Ремко продолжал иногда заглядывать в подвальное общежитие – на это тоже уходила пара часов в неделю. Однако, даже когда удавалось провести целый вечер в библиотеке, Ремко не мог ничего найти, так как не знал, что ищет.

Атласы, которые казались хоть сколько-нибудь необычными, он с позволения смотрителя собирал в отдельную коробку. Набралось уже с дюжину, но Ремко не был уверен, что среди них есть тот, о котором говорил Ос. Некоторые издания были совершенно новые, словно только что напечатанные, другие казались древними хрупкими фолиантами. В одном из «атласов» вообще не было ни единого слова, кроме заглавия на обложке; его он тоже на всякий случай отложил в коробку.

Шла третья неделя, и Ремко одолел половину списка; отступить было поздно. Уже скоро, совсем скоро он сядет на поезд до дома. О, как он ждал этого момента, как мечтал снова оказаться на тесной

веранде и обнять Розу так крепко, чтобы она сразу поняла: нет, он их не забыл, он с ними каждый день и каждую ночь, в мыслях, в мечтах, во сне и наяву! Она тут же простит ему долгое отсутствие, а дочери закатят пир: они будут пить кофе с корицей, и, если получится, Ремко привезёт из Алилута знаменитый кручёный пирог.

Размышляя об этом светлом будущем, он склонился над столом в одном из самых удалённых залов архива и перебирал материалы из своей коробки. Кошка лежала рядом и лениво умывалась, изредка прерываясь и оглядываясь на Ремко, словно проверяя, не бездельничает ли он. Ремко замер, поймав её высокомерный и скучающий взгляд, и животное нетерпеливо мотнуло хвостом, заставляя Ремко вернуться к работе. Он рассматривал атлас цветов, который заинтересовал бы любого в Цветочном округе. А вот атлас-раскраску с картинками мифических существ Ремко после нескольких минут мучительных раздумий отложил в сторону. Пустой атлас можно было даже не открывать, но на всякий случай Ремко заглянул внутрь, и что-то вдруг привлекло его внимание. На одной из пепельно-серых страниц было отчётливо выведено чернилами:

В час Сомнения и Тревоги
не оставляй Следов на Песке
где ползают ядовитые Змеи
Не каждая Книга должна быть открыта

Ремко зажмурился и снова открыл глаза. Надпись никуда не исчезла. Однако он точно помнил, что прежде в атласе её не было, ведь в прошлый раз он тщательно осмотрел каждую страницу. Может, пропустил?.. Жаль, что жизнь нельзя отмотать назад и проверить. Ремко покосился на кошку: она выжидающе смотрела на него и даже что-то тихо мявкнула, словно одобряла. Он загнул уголок страницы и закрыл атлас.

Минута прошла в полнейшей тишине. Ремко считал секунды, как будто мерил температуру градусником. Не всё ли равно, открыть атлас сразу или через час? Но нет, отчего-то казалось важным выждать хоть какое-то время. Наконец он решился, осторожно перевернул синий форзац и стал пальцем нащупывать загнутый уголок. И – ничего!

Ремко не мог поверить своим глазам. Как безумный, он пролистал весь атлас от начала до конца, захлопнул его и отложил в сторону. Надо было собраться с мыслями, но как – в такой немислимый момент? Ремко вернул остальные книги на места, погасил свет и покинул библиотеку через аварийный выход, прихватив с собой синий атлас и выгнав кошку.

В странной рассеянности он вернулся в свою комнату, не застал там никого из соседей, собрал сумку и уехал на вокзал. Там провёл бессонную ночь в зале ожидания, а когда отменился утренний поезд, вышел на шоссе ловить попутную машину.

Ремко не знал, что в тот вечер в библиотеке он едва разминулся с полицией. Смотритель не стал юлить и признался, что в последнее время Ремко Клиндер часто посещал архив, но не смог сказать, что именно тот ищет. Коробка с атласами исчезла, и все книги, казалось, снова стояли на полках. В квартире полиции также не удалось обнаружить ничего, что могло бы указать на местоположение Ремко. Его не было в Цветочном округе, но не было и в Алилуте – он исчез, не оставив следов.

δ

Часы на столе, не умолкая ни на секунду, отсчитывали время: цок-цок, тик-так – крутилась стрелка. Это были старые часы из пожелтевшего от времени пластика и с поцарапанным корпусом. Мари покосилась на циферблат – она не была уверена, что они правильно идут. С другой стороны, кто-то же поставил их в этой комнате для допросов. Госс, похоже, уловил её движение.

– Хочешь спросить, зачем мы сидим здесь в полной тишине уже десять минут?

Мари равнодушно пожала плечами. Какая разница, где сидеть, в камере или тут? Допрос был окончен, Госс не задавал вопросов, не мучил, в общем, совершенно не мешал. Он мог уйти или остаться, мог снова запереть её или продолжать играть в молчанку. Всё едино.

– Выпей хотя бы кофе. Правда, он уже, небось, остыл...

Перед ней стояла чашка – кофе был хороший, лучше, чем дома, но Мари не хотела его пить. Печенье она тоже есть не стала, хотя Госс,

кажется, специально для неё накрыл этот стол.

– Ох уж эти подростки, – проворчал Госс и тяжело поднялся со стула.

Мари проследила за ним взглядом и спросила:

– У вас есть дети?

Не то чтобы ей было интересно. Просто показалось уместным задать сейчас этот вопрос, так удачно вписывающийся в карусель банальностей, которую они раскрутили с Госсом в последние дни. Как спала? Хорошо. Как погода? Душно. Голова не болит, спасибо. Спокойной ночи.

У вас есть дети? Нет.

– Есть. Сын, – неожиданно сказал Госс, и Мари подняла голову. Она не рассчитывала на такой ответ, и это от него не ускользнуло. – Ты удивилась? Почему?

– Вы каждый день сидите у меня под дверью. Живёте в тюрьме. Я не думала, что у вас есть семья, – заметила она, а сама подумала в этот момент, что своего отца тоже не видит по несколько месяцев. Где-то он сейчас, Ремко Клингер? Наверное, продолжает самоотверженно зарабатывать на кусок пирога для них в Алилуте. А может, Кассандра разыскала его. Господи, хоть бы они были вместе!

Госс смотрел на Мари и тоже, казалось, о чём-то напряжённо думал.

– Знаешь, Мари, – начал он, – тебе не приходило в голову, что если ты – принцесса Флориендейла, как ты утверждаешь, то твои родители – вовсе не твои? Ты выросла в чужой семье.

Мари было холодно и больно в груди. Да, конечно, ей приходило это в голову. Вот только она выросла в своей семье...

– Зачем вы это говорите? – как можно спокойнее спросила она. Госс обычно не пытался её задеть, она уже довольно хорошо изучила его повадки.

Госс опустил обратно на стул и посмотрел ей в глаза.

– Интересно, что чувствует ребёнок в такой момент. Мой сын – он приёмный. Мы никогда ему не говорили.

Мари медленно кивнула и не стала перебивать.

– Тоби бы не понял, стал задавать вопросы, а что я могу ему сказать? Что мать его бросила? Оставила в таверне за столиком с незнакомцем? Мы ждали, ждали... Но она так и не вернулась. Он

начал хныкать, и я забрал его с собой! – Госс хлопнул ладонью по столу и откинулся на спинку стула.

Впервые Мари видела этого апатичного человека таким взбудораженным, расстроенным. Ей невольно захотелось хоть чем-то его порадовать, и, подняв чашку трясущейся рукой, она глотнула холодный кофе. Госс едва заметно кивнул.

– Знаете, – сказала Мари, – я, может, и выросла в чужой семье, но это моя семья от первого и до последнего дня, и другой мне не нужно.

И хотя он ничего на это не ответил, но с тех пор, встречаясь взглядами, Мари и Госс знали, что понимают друг друга.

* * *

Вилмор Госс потерял счёт времени. В отличие от Мари, у него был календарь, три раза в неделю доставляли почту, регулярно звонили из Роттербурга, но ему всё равно казалось, что время движется по кругу, виток за витком, и один и тот же кошмарный сон повторяется изо дня в день без всякого шанса на избавление. В самом деле, на что он надеялся? Он сможет вернуться домой только после казни девочки, а это не принесёт ему ни капли облегчения. И потому он всё тянул, откладывал процедуру: как мог вставлял палки в колёса бюрократическому аппарату Роттера и не торопился их вынимать. Как трудно, наверное, было коллеге, который отправил на казнь ту женщину в алилутской тюрьме несколько лет назад!.. И у неё ведь осталось двое маленьких детей – где-то они сейчас? Вдруг стало невыразимо стыдно, что он не отыскал их тогда и не взял к себе; у Тоби могли бы быть сестра и брат. О, если бы Госс мог повернуть время вспять! Он был спас их всех, он бы сжёг письмо Эстель Амейн, он бы, он бы... Но глупо мечтать о несбыточном.

Мари была бесполезна для расследования – она понятия не имела, где находится Кассандра. В то же время она была неглупа и, похоже, начинала о чём-то догадываться, так странно изменилось её лицо – оно превратилось в застывшую маску. Девочка внутренне собралась и выгорела, словно готовилась умирать. «Она знает», – думал Госс.

– Вам нравится ваша... работа? – спросила однажды Мари через дверь, зная, что Госс сидит по другую сторону. На прошлой неделе он

перенёс в этот коридор стул и стол с лампой и организовал себе новое рабочее место. Тут было холодно, но он пил много кофе и старательно грел пальцы о горячую чашку.

– Почему ты спрашиваешь?

Из камеры послышался смех, слабый и слегка безумный.

– Я просто представила, как ребёнка спрашивают, кем он хочет стать, а он говорит, что тюремщиком...

– Я не тюремщик, а сотрудник службы внутренней безопасности, – возразил Госс.

– Ну ясно.

Госс не выдержал – поднялся с места и подошёл к двери.

– Что тебе ясно?

– Всё ясно, кроме одного.

– Кроме чего?

«Как на допросе», – пронеслось у него в голове.

– Ведь вы же ненавидите эту работу. Вы!..

Голос был взволнованным, даже разгневанным. Госс поспешно отпер дверь – Мари стояла посреди камеры с опущенными руками, и лицо её, несмотря на интонацию, по-прежнему не выражало никаких эмоций.

– Запри меня обратно, – тихо сказала Мари, внезапно переходя на «ты». – Пошло всё... Ты же знаешь, что я умру в этой клетке, а ты ничего не сделаешь. Вернёшься к Роттеру, да? Служить ему, пресмыкаться? Почему? Ну почему?!

Госс смотрел на неё и знал, что уже видел этот взгляд. Мари боролась с собой, притворяясь кем-то, кем она не являлась, но через броню упрямства и жёсткости, которым она неизвестно где научилась, сквозили отчаяние, беспомощность и страх. На него смотрели глаза Вероники, у которой отняли злосчастное письмо Эстель.

– Потому что анархии я боюсь больше, чем тирании, Мари, – так же тихо ответил Вилмор Госс.

ε

– Я не выйду из дома в таком виде, – в очередной раз повторила Вероника с нотками зарождающейся истерики в голосе. Алишер

покачал головой.

– Слушай, ну что за чушь? Ты столько лет вообще не выходила из дома, а теперь не можешь «в таком виде»? Твои портреты на каждом углу – прикажешь тебя как экспонат по улицам вести? Прямой дорогой в участок, да?

– Нет, – голос Вероники дрожал, в глазах стояли слёзы. – Но ты посмотри, какой я урод!

Вид у неё и правда был несуразный. Длинные мужские штаны пришлось подвернуть; многочисленные слои футболок должны были сделать её толще, и это действительно удалось на славу. Что пошло не так – это макияж. Кенжел, уходя на работу, поручил Алишеру накрасить девушку, чтобы её лицо нельзя было даже рядом поставить с тем, что на плакатах. Алишер был весьма далёк от женского мира с их непонятными пудрами, тенями и прочими красками, а к кисточкам он не притрагивался со средней школы. Лицо, которое вышло из-под руки художника, действительно стало неузнаваемым – вот только, раз увидев, забыть его было невозможно.

– Да я себе в кошмарах буду сниться, – в отчаянии пробормотала Вероника.

– Для меня этот кошмар уже реальность, – ехидно заметил Алишер. – Ну... давай я сотру вот это вокруг глаз, и мы пойдём? А то опоздаем.

Вероника нервно кивнула.

– Ты, главное, не дёргайся и не привлекай внимания, – напомнил Алишер, стирая тени с висков. – На вот, ещё кепку надень, боже ж ты мой.

– Ангел, помилуй! – выдохнула Вероника, пристраивая головной убор на сползающий парик.

На улице было почти двадцать градусов – непривычно тепло для Роттербурга в середине мая. Веронике, наверное, было жарко; она возмущённо покосилась на Алишера, но ничего не сказала.

– Не глазей по сторонам, лучше под ноги смотри, – заметил он.

Но Вероника не могла оторвать глаз от улиц и зданий Роттербурга. Каждую минуту она замирала, чтобы рассмотреть что-то новое – с равным интересом, неважно, тротуар это, пешеходный переход, кафе или урна. Алишер сначала торопил её, но быстро сдался. Удивительно

было наблюдать за ней. Человек всю жизнь провёл в четырёх стенах – что она должна сейчас чувствовать?

– Здесь всё не так, как рассказывала мне мама, – поделилась с ним Вероника.

– Ну ты сравнила Роттербург с вашим королевством! Роттербург был построен из ничего, на ровном месте, – отозвался Алишер. – Поэтому он больше всего похож на земные города, наши родители так говорят. Смотри, мы сейчас на трамвае поедem.

Вероника изумлённо исследовала остановку с нанесённой на стекло картой города, пока Алишер покупал билеты. Был ясный день, и люди на остановке терпеливо ждали, когда подъедет следующий трамвай. Алишер видел, что Вероника расслабилась – в этом мире всё было непривычным, но он её не пугал.

– Алишер, трамвай – это вот та штука? – смущённо прошептала она, кивая в сторону стремительно приближающегося вагона. Тот был увенчан белым флагом Соединённой Федерации с синими звёздами в чёрном круге.

– Именно. Держи свой билет. Смотри, сейчас откроются двери... Не как обычные двери – эти разъедутся в стороны. Следуй за мной.

Он прошёл в конец вагона и сел на широкое кресло.

– Довольно комфортно, – заметила Вероника, осторожно присаживаясь и стараясь не разрушить с таким трудом сконструированный костюм.

Алишер рассмеялся, когда они тронулись и Вероника в панике схватилась за поручни.

– Ты ведь уже ездила на машине, – заметил он.

– Ага, – воскликнула Вероника, – целых два раза! В первый раз я слишком волновалась, а во второй... ну ты помнишь. Хотя погоди... Я же ещё в этой, в тюремной машине была, когда встретила другую девочку.

Сидящая перед ними женщина дёрнула головой. Алишер многозначительно кивнул в её сторону.

– Небольшое приключение, ничего страшного, – наигранно весело сказал он. – А то, что ты трамвай первый раз в жизни видишь, – я так и думал. У вас ведь их нет в Набереге.

Вероника уставилась на него во все глаза.

– Я слышал, у вас даже электричества нет, – продолжил Алишер, не давая ей вставить слово.

– М-м, – промычала она. – У нас в Набреге... вообще не очень.

* * *

– Ты мог бы сказать, что я из Флоры, – раздражённо заметила она, когда они вышли из трамвая. Вероника первая выпрыгнула из вагона, не давая ему протянуть ей руку. – Почему именно Набрега? Из всего Флориендейла!

Алишер догнал её и придержал за плечо.

– Послушай, – прошептал он. – Нет никакого Фло... вот этого вот. Не произноси здесь это слово. Флоры тоже нет – она разрушена, отравлена, никто там не живёт. Понимаешь? Все это знают, только ты... Хватит жить в сказке, Ника! Принцессы, короли и королевы – этого больше не существует. Ты либо пытаешься сохранить жизнь себе и своей матери, либо тебя так и схватят при свете дня на улице, потому что ты не умеешь держать язык за зубами!

– Я поняла, – после паузы ответила Вероника, и было видно, что новость о Флоре задела её. – Ты говоришь, разрушена? А другие города? Набрега же существует и Алилут...

– Только столица была разрушена, – угрюмо сказал Алишер. – Пойдём, Джоан нас заждалась, небось.

* * *

«Колыбель Афродиты» была типичным салоном красоты, которые, как грибы после дождя, появляются на окраинах города и загадочным образом существуют там годами, вечно полупустые, обшарпанные, балансирующие на грани банкротства. В Роттербурге их было особенно много. Алишер никогда бы не пошёл стричься в такое место, но Джоан имела определённое влияние в нужных кругах, а Кенжел имел влияние на Джоан. Алишер не знал каким образом, но его брат договорился с ней о кардинальном и, главное,

конфиденциальном изменении внешности Вероники, не вызвав у бывшей подруги ни единого вопроса.

Они ожидали Джоан в небольшой прихожей, сидя на шатких пластиковых стульях. Вероника заполняла форму, выданную администратором.

– Я не думаю, что тебе это нужно, – заметил Алишер.

– Ну а вдруг. – Вероника напряжённо водила ручкой по строчкам и наконец радостно воскликнула: – Так, ну хотя бы один пункт я могу заполнить – дата рождения!

– И когда?

– Второе мая тысяча восемьсот...

– О нет-нет, только не это! – заволновался Алишер. – Не вздумай писать такое! Сейчас земное летоисчисление.

– Но хотя бы второе мая у вас есть? – неуверенно спросила Вероника.

Алишер кивнул.

– Второе мая есть... Пстой-ка... – он бросил на неё растерянный взгляд. – Чёрт... это было в начале прошлой недели... Мы встретили тебя второго мая, Ника.

– Что?..

Она медленно положила ручку на листок бумаги и откинулась на спинку стула: плечи поникли, на глазах мгновенно выступили слёзы. Как у девчонок это получается так быстро? Алишер хотел утешить её, но, пока искал подходящие слова, к ним подошла Джоан.

– Кенжел вроде сказал, что это большой секрет, а вы тут форму заполняете? – усмехнулась она и протянула Веронике руку.

С трудом оторвав глаза от засохшей пальмы в углу прихожей, Вероника посмотрела на девушку.

Джоан была высокая, с острыми локтями и коленями и длинным носом, и впечатление производила скорее неприятное. Раньше, когда она встречалась с Кенжелом, Алишер её откровенно недолюбливал, и теперь ему было за это стыдно.

Джоан увела их в отдельную комнату, прикрыла дверь и попросила снять верхний слой костюма.

– Что за чудовище ты сотворил? – она покачала головой, стягивая парик и стирая макияж, который и без того уже потёк, оставив тёмные бороздки на щеках и шее девушки.

Вероника молча делала, что ей говорили, и, казалось, всё ещё думала о потерянном дне рождения.

Алишер вышел позвонить, а когда вернулся, Вероника уже сидела в кресле – в накидке, с собранными волосами. Джоан стояла у нее за спиной и что-то разглядывала.

– ...Больше не болит? – услышал он обрывок разговора.

– Что не болит? – Алишер подошёл ближе. На шее у девушки алело расплывчатое пятно, кожа вокруг покраснела и шелушилась. – Блин, что это?!

Вероника не отвечала.

– Тюремная метка, – сказала Джоан. – Вот здесь, видишь, «Р» как «Роттербург», вот эта четвёрка – апрель, ноль и три – политзаключённый, а дальше я не помню.

– Ты откуда это знаешь? – поразился Алишер.

Она пожала плечами.

– Скажем так, это не первый человек в моём салоне, который побывал в тюрьме. Ты откуда?

Алишер в отражении зеркала видел, как взгляд Вероники метнулся от Джоан к нему и обратно.

– Из Алилута, – сипло сказала она.

– С юга! – воскликнула Джоан. – Ну тогда понятно. Хотя я бы на твоём месте не высывалась. Тебе сколько, лет четырнадцать? Политзаключённая, тоже мне. Но я понимаю, сама из Ориенталя...

– Откуда? – не понял Алишер.

– И как там? – взволнованно спросила Вероника.

Алишер видел, как засветились её глаза, но длилось это всего один миг. Джоан пожала плечами и принялась за работу – распустила часть волос Вероники и вооружилась острыми ножницами.

– Да ничего нового. С тех пор как нас выгнали, там никто не живёт. И я, наверное, никогда больше не вернусь... Но жалко, особенно родителям моим жалко. Там вся жизнь их прошла.

– Я даже не знал, что ты не из Поверхностного мира, – заметил Алишер.

– Ты многого обо мне не знаешь, Алишер, – флегматично отозвалась Джоан. – По умолчанию все выходцы из Флоры и Ориенталя считаются неблагонадёжными. За ними ведётся особый

контроль, не знаю, сколько ещё это будет продолжаться... До абсурда доводят, считают рейтинг по баллам.

– Что такое Ориенталь? – опять спросил Алишер.

– Да столица же, вторая, – нетерпеливо бросила Вероника. – Как ты можешь этого не знать?

– На карте его нет, – огрызнулся он и увидел, как девушка снова печально опустила глаза. – Извини.

– Хоть бы книгу какую прочитал, учебник или атлас... – пробормотала Вероника так тихо, что Алишер едва разобрал.

Джоан ответила, не переставая ловко щёлкать ножницами:

– Какие книги, ты чего? Всё это ликвидировали сразу после смены власти. Наверное, в каких-нибудь секретных архивах спрятано, а так ничего не найдёшь.

– Ты искала? – поинтересовался Алишер.

– Я? Зачем? Я и так всё знаю.

Вероника согласно кивнула. Конечно, ей-то всё рассказала мать... Алишеру вдруг стало неуютно от того, что в их сознании существует целый мир, в который ему нет доступа. Неужели режим Роттера и вправду смог полностью вытравить старое королевство – со страниц книг, с карт, из памяти обычных граждан, – и всё это менее чем за двадцать лет? Честно говоря, Алишер даже не знал, какой процент населения Соединённой Федерации – эмигранты с Поверхности. Не знал, кто из его одноклассников пережил то же, что и Джоан. Он даже примерно не представлял, где находится Ориенталь. Но в одном он был уверен точно: незнание никого не оправдывает.

Когда Кенжел вернулся, Алишер заваривал чай. Этот механизм был отлажен до автоматизма, выверен до минуты: они могли несколько дней не пересекаться и не разговаривать друг с другом, но чай по четвергам, если оба были дома, пили вместе.

– Торт, как заказывали, – сказал Кенжел и водрузил на стол круглую коробку, перевязанную ленточкой. – И вот... – он помахал букетом.

Алишер заметил розы, ромашки и ещё какие-то миленькие цветы.

– Симпатично, – похвалил он. – Только что-то ты долго.

– Трудно выбрать. Я же Джоан никогда цветы не дарил, она всё это не любит... А там миллион вариантов! И ничего себе они стоят, я

тебе скажу. Разве у нас нет каких-то цветочных плантаций на юге? Такие цены, будто их с Земли импортируют.

– С них станется, – пожал плечами Алишер, доставая пакетики с чаем.

– Поставь в воду.

– Сам поставь, – Алишер указал на кипящий чайник, – я же не могу всё делать одновременно.

Кенжел покачал головой, положил букет и полез на стул доставать вазу с верхней полки.

– Привет, – услышал Алишер за спиной тихий голос Вероники.

Он обернулся ровно в тот момент, когда Кенжел уронил злополучную вазу и та разбилась на тысячу сверкающих осколков.

– Ну, лучше бы я сам достал! – простонал Алишер.

Кенжел даже не смотрел на вазу. Он во все глаза уставился на Веронику – или на человека, который ещё сегодня утром был Вероникой. Теперь в дверях кухни стояла совершенно другая девушка: загорелая, с тёмно-рыжими волнистыми волосами до плеч, с веснушками, одетая в цветные джинсы и блузку, купленные на обратном пути из салона.

– Хорошая была ваза, дорогая, – вздохнул Алишер. – Кенжел, это Ника. Ника, это Кенжел.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась Ника.

После своего перевоплощения, больше не опасаясь быть узнанной и в то же время освободившись от сомнительного маскарада, она почувствовала себя гораздо спокойнее. Её новая внешность явно нравилась ей больше, чем настоящая.

– Давай я помогу убрать?

– Да ну что ты, я сам. – Всё ещё замороженно поглядывая на Веронику, Кенжел достал веник.

– Я тоже могу подмести, – настаивала девушка.

– Вот, держи совок. Уберём вместе.

Стоя в стороне, Алишер наблюдал, как они неумело собирают осколки. Не то чтобы он сам был профессионалом по подметанию полов, но у этих двоих получалось как-то особенно неловко. Обычно самодовольный, Кенжел казался смущённым, а Вероника так покраснела, что было видно даже сквозь фальшивый загар.

– Я бы тебя ни в жизнь не узнал на улице, – между делом заметил Кенжел.

– Спасибо, – она улыбнулась.

«Спасибо»? Разве это был комплимент? Алишер усмехнулся и снова занялся чаем. Но даже отвернувшись, он всё равно слышал каждое их слово. И чувствовал себя – внезапно – третьим лишним.

– Я не знаю, есть ли у нас ещё одна большая ваза...

– А зачем цветы? – спросила вдруг Вероника, и братья поняли, что забыли ей объяснить.

Кенжел замялся и посмотрел на Алишера, но тот только головой покачал. Он своё дело сделал – и умывает руки!

– Кхм, мы слышали, что у тебя было... был день рождения, ну и вот, Ника... хотим вручить тебе этот замечательный букет, чтобы и ты так же цвела, и улыбалась, и знала, что... есть и другие люди, кроме тебя и твоей мамы, которые теперь всегда будут помнить о твоём дне рождения. Мне жаль, что в этом году ты празднуешь с опозданием, но ведь лучше поздно, чем никогда! – Закончив свою маленькую речь, Кенжел сделал шаг навстречу Веронике и неловко вручил букет.

– А здесь – торт, – добавил Алишер, указывая на коробку с ленточкой.

Вероника смотрела на братьев, и глаза ее опять были на мокром месте. Она попыталась что-то сказать, всхлипнула и поспешно вскинула руку, чтобы смахнуть слёзы со щёк. Нежно прижимая к себе букет, девушка благодарно кивнула и выскочила из комнаты. Кенжел задумчиво глядел ей вслед.

– Ты какой-то странный сегодня, – заметил Алишер. – А знаешь, Нике, наверное, ещё никогда не дарили цветов.

Кенжел кивнул.

– Да, я, когда их покупал, сразу почувствовал: это так странно – о ком-то заботиться. Я, конечно, думал, что она обрадуется, но совсем не ожидал... Ты видел её лицо? С Джоан никогда такого не бывало.

Алишер усмехнулся.

– Ну, Джоан абсолютно другой человек. Кстати, о Джоан: она кое-что обнаружила...

Он рассказал Кенжелу о метке на шее, и брат не просто возмутился – он пришёл в ярость. Алишер его понимал. Увечья, пытки и полицейский произвол казались обоим варварским пережитком

давнего прошлого, в худшем случае – начала века. Что ж, они заблуждались.

Кенжел, однако, не удивился, что Джоан разбиралась в таких вещах. Не глядя на Алишера, методично ссыпая осколки вазы в мусорную корзину, он коротко рассказал брату, как когда-то признался Джоан, что мечтает стать пилотом. Она тогда перестала с ним общаться – спокойно, без истерик, просто взяла и перестала. Кенжел не понял, в чём дело, и ей пришлось растолковать: дорога в лётную школу закрыта для тех, кто дружит с «неблагонадёжными». Неписаное правило. Кенжел ответил Джоан, что отношения с ней для него важнее, чем карьера, и тот счастливый вечер они провели вместе. Но он стал последним – начиная со следующего дня она больше не открывала ему дверь и не отвечала на звонки и письма. И Кенжел стал пилотом, а Джоан, после того как её не приняли ни в один колледж, – парикмахером. Об этом случайно узнал Алишер, столкнувшись с ней на улице полгода назад.

В душе ругая себя за то, что он не догадался обо всём раньше, Алишер мрачно резал торт. В этот момент в кухню вернулась Вероника. Она уже пришла в себя и старательно улыбалась, делая вид, что вовсе не плакала.

– Я нашла одну подходящую вазу в гостиной, – сказала она братьям. – Правда, она немного необычной формы...

Кенжел вскинул брови и посмотрел на Алишера.

– Э-э... вполне возможно, что за вазу ты приняла один из отцовских призов, – пробормотал Алишер. – Пойду посмотрю.

Миновав два просторных коридора и комнату отдыха – в этой квартире легко бы заблудился любой неподготовленный посетитель, не умеющий отличать юг от севера по рисунку на обоях, – Алишер добрался до гостиной и действительно обнаружил там симпатичную, совершенно незнакомую ему вазу. Он пожал плечами. В этом не было ничего странного – вещи появлялись и исчезали в их доме без какого-либо участия с его стороны.

На кухне он застал брата и Веронику за разговором о работе. Девушка при этом держала широкую ладонь Кенжела и разглядывала длинный шрам. Это означало, что уже рассказана история о том, как юные и бесстрашные Кенжел и Ирка решили стать кровными братьями и вместе покорять небеса Соединённой Федерации, уже упомянутого

суровая лётная школа с ежедневными тренировками и изнурительными экзаменами, и теперь Кенжел описывает красоты предрассветного неба. Ника смотрела на него, затаив дыхание и забыв, что сжимает его ладонь. И в этом тоже не было ничего странного. Даже принцесса – прежде всего девушка.

Не обращая на них внимания, Алишер сунул цветы в вазу и сел за стол.

– А что делает ваше подразделение? – спросила Вероника. Появление Алишера спугнуло её, и она выпустила руку Кенжела.

Тот привычно начал объяснять:

– Существует несколько так называемых пространственных переходов, соединяющих Федерацию с Землёй, и мы отвечаем за обеспечение безопасности на маршруте между двумя измерениями, двумя мирами. Есть штаб – он следит за проходом воздушных судов, выдаёт разрешения, – а мы контролируем, чтобы маршруты были свободны, сопровождаем важные грузы, патрулируем города с воздуха и так далее.

Алишер сделал глоток, думая о своём. Вероника опустила глаза и заворожённо водила ложкой по блюду.

– Что-то не так? – спросил Кенжел.

– Да нет, – она пожала плечами. – Просто сложно представить, как можно построить такие коридоры между мирами. Моя мама никогда не могла мне этого объяснить. Она говорила, Линчев создал устройство, которое поддерживает эту связь. Но что значит *устройство*? Как может какая-то штука соединить два мира?

– Линчев был гениальный биофизик и инженер, – заметил Кенжел. – Его генератор работает, используя потоковое взаимодействие частиц. Линчев же не прорубил эти переходы, как окно, – они уже были, а он просто научился сохранять энергию и расширил коридоры настолько, чтобы они могли пропускать воздушные суда. Я не знаю, как это точно работает, понятное дело. Это секретная информация, и нам всё равно не понять. Тут надо в науках разбираться.

Алишер отставил чашку и внимательно посмотрел на Нику, потом на Кенжела.

– Ты хочешь сказать, что связь Федерации с Землёй обеспечивает один-единственный генератор? И ты знаешь, где он?

– Конечно не знаю, – усмехнулся Кенжел. – Хотя есть догадки. У нас, кстати...

– А что будет, – перебил Алишер, – если он выйдет из строя?

– Ну, это не так просто.

– Что, если кто-то ему в этом поможет? – настаивал Алишер.

Кенжел явно растерялся.

– Но... кому это нужно?

– Даже не знаю... – протянул Алишер и многозначительно покосился на Веронику.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, на что он намекает. А потом девушка просияла, распрямила плечи. Подалась вперёд и накрыла своей маленькой ладонью бледный тонкий шрам на руке Кенжела.

– У тебя свои мечты, а у меня – свои, – тихо сказала она.

F

– До-о-оброе утро! Подъём! Просыпайтесь, сони! – каждое слово сопровождалось оглушительным ударом деревянной ложки по алюминиевой кастрюле. Раскрасневшаяся, с растрёпанными кудрями, Гиория забралась на пень в самом сердце лагеря ливьер и звонила подъём. – Кассандра, ты чего за мерла? Ты же только два круга сделала!

– Три... круга... – Кассандра выползла из-за ближайшей палатки. Она держалась за бока и тяжело дышала, в висках ломило. Гиория издевалась над ней, не иначе! – Я не могу... больше!

Не переставая греметь кастрюлей, Гиория крикнула в ответ что-то неразборчивое. Кассандра, не обращая на неё внимания, осела на землю. Её мутило. Всю неделю она плохо спала – часами ворочалась на тонком матрасике и пыталась плотнее завернуться в плед, не в силах согреться в промозглой палатке; плохо ела, медленно привыкая ко вкусу трав, которые ливьеры выращивали на своих огородах; и плохо, очень плохо находила общий язык с Гиорией. Пару дней назад Кассандра захотела присоединиться к программе подготовки ливьер, и сегодня ей нужно было сдать норму по бегу. Но Гиория нарочно заставляла её повторять круги при малейшей оплошности: «Кто так

машет руками?», «Не скачи, беги ровно»... «Какая разница? – возмущалась Кассандра. – Главное, чтобы я делала это быстро, разве нет?»

– Хватит уже. Иди на завтрак, – сказала Ляля Бимбикен, останавливаясь перед согнувшейся в три погибели Кассандрой. Она то, конечно, была свежа, как утренняя роза, облачена в безупречно чистую форму, волосы собраны в тугий высокий хвост.

Кассандра уже усвоила, что оправдываться перед Лялей бесполезно. Игнорируя покалывание под рёбрами, она выпрямилась и направилась в душ. Она знала, что Гиория смотрит ей вслед, но не обернулась.

* * *

– Ненавижу бегать, – пробормотала Кассандра, размазывая зелёную кашу по тарелке. Аппетита не было. – Когда будет что-то интересное? Я же могу быть полезна.

– Формально ты не часть отряда, – заметила Эльсона, искоса разглядывая растрёпанную девушку. Кассандра могла догадаться, о чём она думает: следует причесаться, прежде чем она пойдёт к Бимбикен. Строгая дисциплина в лагере ливьер сводила с ума сводом бессмысленных правил.

– Ты намекаешь, что я так и останусь на уровне «физкультура с утра до ночи», и ничего важного?

– Что значит «ничего важного»? – Эльсона покачала головой. – У нас есть общая цель, а твоя цель – она другая. И я не уверена, что у тебя получится... соответствовать.

– Соответствовать чему?! – не выдержала Кассандра. – Я же не знаю, что у вас за цель. Ваша следующая операция? Или предыдущая? Вы ничего мне не говорите, только гоняете по лагерю.

– Мы не можем, – сдержанно сказала Нириаль, присаживаясь за стол и стягивая с головы платок: она только что вернулась с огорода. Кассандра хотела помочь им хотя бы в этом – в конце концов, она ведь из Цветочного округа! Но ей не позволили. – Пока Ляля Бимбикен не даст добро, ты наш гость, а не член команды.

– Я и не хочу им быть, – едко заметила Кассандра. – Это уже слишком. Я просто хочу лекарство для мамы. И отыскать Мари.

– Может быть, в этом и проблема? – Нириаль вскинула брови. – Ты подумай, поищи в себе. Что ты там видишь?

Нириаль была милая, заботливая девушка. Она чем-то напоминала Кассандре Мари. Но некоторые её советы...

– Что я должна увидеть? – спросила Кассандра.

– Это так не работает, – усмехнулась Эльсона. – Ты ничего не должна. Ни нам, ни твоей сестре. Только себе.

– Я не понимаю... – Кассандра закрыла глаза и положила в рот полную ложку густой зелёной каши.

* * *

Альфа Камила вышла к реке и остановилась у крупного валуна. Потрогала его рукой – нагретый за день камень поделился с ней своим теплом – и осторожно присела на край. Старые кости, хрупкие кости. Ангел, как же тут, в лучах закатного солнца, хорошо и спокойно... В лагере даже ночью так спокойно не бывает. Ох уж эти девчушки, юные и резвые. Когда-то и она была одной из них. Но юность проходит, и её сменяют мудрость, стойкость, воля... Впрочем, нет. Воля должна быть всегда. Альфа вскинула голову и посмотрела на солнце, не прищуривая глаз. Как ослепительно прекрасно жить и как невероятно больно, что она не может вдохнуть этот воздух полной грудью, как раньше.

Альфа обернулась, услышав за спиной лёгкие шаги. Не останавливаясь, мимо неё пронеслась Ляля Бимбикен, на ходу стягивая с себя одежду.

– Я в воду, – бросила она.

Рыжие волосы разметались по голым плечам и спине. Ляля подняла руки, потянулась к небу, постояла так с минуту и резко нырнула.

– Не будешь слышать под водой меня, – сказала ей Альфа, когда мокрая голова появилась на поверхности.

– Говори сейчас, – отозвалась та.

Альфа вздохнула. Она мысленно готовилась к волне сопротивления, к огненной вспышке – тому, что ей самой было так чуждо. Может быть, и хорошо, что Бимбикен не стоит рядом на берегу.

– Что скажешь о ней? О Кассандре?

– Упрямая. Слишком упрямая. Мы не можем помочь ей сейчас, и она нам тоже не помощница. Я не знаю, что с ней делать. А ты как думаешь?

– Полагаю, научить её покрову надо. И всему, что знают девочки.

Бимбикен всплеснула руками по воде.

– У неё не получится! Ты же знаешь, покров развернуть – для этого нужно чувствовать. Для этого нужно прийти в лагерь, искать, хотеть быть частью нашего движения...

– Пришла и ищет она, – заметила Альфа Камила. – Но не знает о «движении». Конечно, будет чуждо ей всё.

– Ей чуждо, потому что она из Поверхностного мира, – отрезала Бимбикен. Она вылезла из воды и принялась отжимать волосы, пылающие в лучах заходящего солнца. – Она одна из них!

– Неверно это, если посмотришь на историю... всегда рядом с нами был Поверхностный мир и...

– И королева Алеона, – перебила Ляля Бимбикен, – положила этому конец.

– Знает один Ангел, было ли верным это решение. – Альфа пожала плечами и закрыла глаза. Где же они, её воздушные течения, потоки, нежные прикосновения? Такие тёплые вечера да ещё, пожалуй, штормовые ночи всегда порождали горькую иллюзию, будто стихия снова стала к ней благосклонна. – Может разделить с нами нашу цель Кассандра, – сказала она наконец.

– Разве? Я не уверена. Или ты полагаешь, что я не разбираюсь в людях, после стольких лет? – в голосе Бимбикен послышалась усмешка.

Что ж, если она того хочет...

– Полагаю, не разбираешься, – отозвалась Альфа и заметила, что Бимбикен вздрогнула. – И никогда не разбиралась. Подумай об этом.

Воздух молчал. Альфа Камила задремала, укутанная со всех сторон тишиной. Когда она открыла глаза и огляделась, Бимбикен и след простыл. Слова Альфы задели её, возможно, даже рассердили... Что ж, тем лучше. Бедная измученная душа. Альфа не могла понять,

как у Бимбикен получается черпать энергию в такой эмоциональной карусели, но, поистине, у каждого свои способы.

* * *

– Что ты чувствуешь?

Кассандра сидела на высокой табуретке, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Глаза были туго перевязаны платком, а руки стянуты верёвкой. Ляля Бимбикен уже раз пять задала ей этот вопрос: командир сказала, Кассандре нужно сосредоточиться и хорошенько подумать, прежде чем она даст ответ. Однако ничего не приходило в голову. В конце концов она сообщила:

– Я теряю равновесие.

– Ещё бы, – насмешливо отозвалась Бимбикен. – Перестань качаться. А теперь ещё раз с начала. Что. Ты. Чувствуешь?

– Боль от узла на затылке... голод... усталость...

Обязательно было проводить с ней эти опыты вместо обеда?

– Не физически, – раздался за спиной голос Эльсоны. – Какие эмоции ты испытываешь?

– Раздражение, – выпалила Кассандра и услышала, как фыркнула Бимбикен рядом с ней. – Я упрямая, я знаю! Но я всего лишь отвечаю упрямством на упрямство. Разве не так? С Мари я никогда не была такой...

– Мари, – подхватила Эльсона. – Когда ты видела сестру в последний раз?

– Не надо, – оборвала Бимбикен Эльсону – Не отвлекай её. Что ты чувствуешь?

– Тревогу, – Кассандра съёжилась на стуле.

– Ты чувствуешь страх?

– Нет.

– Почему? – допытывалась Бимбикен. – Твоя сестра, как ты говоришь, у Роттера, а тебе не страшно?

Кассандра задумалась. Она действительно боялась за Мари поначалу, но потом это чувство переросло во что-то другое. Какой смысл бояться, если страх парализует, не позволяя влиять на ситуацию? Это же очевидно. С другой стороны, зачем тогда вообще

эмоции, ведь, какую ни возьми, все лишь отвлекают от дела? Может быть, Бимбикен этого от неё и добивается? Чёрт знает!

– Я чувствую ярость, – призналась Кассандра, – и надежду.

Если бы могла, она бы закатила глаза. Бросать пафосные слова на ветер, вслепую сидя на неустойчивой табуретке, – довольно глупое занятие. Они обещали объяснить, чем занимается отряд и какая у них цель. Так зачем устраивать этот театр, неужели нельзя просто поговорить?

– Надежда – хорошее чувство, – судя по звуку шагов, Бимбикен ходила вокруг Кассандры. – Ярость, кхм... Я не думаю, что ты умеешь её контролировать.

– Ну спасибо, – пробормотала Кассандра.

– Ты не так уж и неправа, оставаясь с нами, хоть мы и не можем сейчас всё бросить и отправиться на поиски твоей сестры, – продолжала Бимбикен. – Мы ведём вой ну против Роттера. Ты это знаешь.

– Да, но что вы делаете? Я вижу лагерь, палатки, распорядок дня – это, конечно, замечательно, но как вы работаете?!

Шаги замерли.

– Не позволяй ярости управлять тобой. Иначе мы закончим урок и ты пойдёшь туда, откуда пришла, – железным тоном сказала Бимбикен.

И лишь когда Кассандра успокоилась, командир наконец соизволила пояснить: отряды ливьер рассеяны по всей Федерации и проводят локальные операции против властей – небольшие вылазки или диверсии. Все они, а также их родители или приёмные семьи, родом из Флориендейла. И все готовы отдать жизнь, защищая королевство и королевскую семью. Королева жива, объяснила Бимбикен Кассандре, а вместе с ней и наследная принцесса, которая родилась на рубеже Передела. Этим летом группа «Центр» намеревалась штурмовать заброшенный дворец во Флоре, чтобы вынести оттуда двойные короны Флоры и Ориендейла. Они понадобились Альфе Камиле для осуществления плана, который Кассандре, похоже, не суждено было узнать в ближайшие годы при таком уровне доверия со стороны Бимбикен.

– И здесь всё становится на одну ступеньку сложнее... – вкрадчиво промолвила Бимбикен. – Я спрашиваю тебя, Кассандра,

хотя и так ясно... но ладно, всё же спрошу для галочки. Ты веришь в магию?

Кассандра была готова почти к любому вопросу, но не к этому.

– Э-э... что? – выдавила она наконец.

– Поскольку ты ничего не знаешь о Флориендейле, то, вероятно, не в курсе, какие силы правят этим миром. И это основная проблема... Даже не представляю, на что рассчитывает Альфа.

Это вконец разозлило сбитую с толку Кассандру.

– Ну так объясните! Хватит делать из меня идиотку, госпожа Бимбикен, и нагнетать обстановку. Почему вы не можете просто всё рассказать и предоставить мне решать, что делать с вашей правдой, миром, силой, магией и так далее?!

– Ляля, я не думаю, что... – но Эльсона не успела договорить. Табуретка, на которой сидела Кассандра, полетела на пол.

Это было больно. Очень больно – и обидно. В груди Кассандры клокотала ярость. Она не хотела иметь ничего общего с этими людьми!

Одну за другой она выпрямила ноги – терпимо; встала на колени и поднялась с пола. Так, с завязанными глазами и руками, она интуитивно направилась к двери и, промахнувшись всего на пару сантиметров и задев плечом косяк, вырвалась из домика. На крыльце, по очереди нащупывая мыском ботинка ступеньки, она успела услышать, как Эльсона прошептала:

– Я не думаю, что ты растормошишь её через сопротивление. Должен быть другой подход.

– Почему? – отозвалась Бимбикен так невозмутимо, как будто не произошло ничего особенного и то, что она сбросила Кассандру с табуретки и Кассандра проехала лицом по жёсткому полу, в порядке вещей. – Она такая же, как я. Говорю тебе, это сработает.

Злость Кассандры улетучилась, не успела она ступить на мокрую, скользкую после дождя траву. Кассандра не любила, когда с ней играли в игры. Что за бессовестное лицемерие? От командира ливьер она такого не ожидала. Она не говорила об этом с Мари, но в феврале, после того как Лидия обнаружила женщину в поле, Кассандра часто думала о ливьерах, размышляла, мысленно примеряла на себя эту роль, – однако в конце концов потеряла интерес. Именно потому, что, как ей ясно дала понять Бимбикен, одного задора и авантюризма юности для этого недостаточно. Нужно понимать, что ими движет,

какие ценности они защищают и почему верят... Во что, собственно? Что их королеву можно вернуть на трон? Пришло время разобраться.

Узел на руках был слишком хорош: такой не развяжешь без посторонней помощи. Кое-как сдвинув локтем платок, чтобы видеть дорогу, Кассандра отправилась на поиски Нириаль.

* * *

Нириаль расположилась под тентом у лазарета – тем самым строением, где Кассандра провела свои первые дни в лагере ливьер. Судя по инструментам и баночкам на столе, травница готовила лекарства. Кассандре стало неловко отрываться от работы, но Нириаль сама тут же бросилась к ней.

Она развязала девушке глаза и руки и, сокрушённо качая головой, принялась накладывать скользкие повязки на её запястья и разодранный лоб. Кассандра задумчиво глядела, как вдалеке девушки под предводительством Гиории пытаются спилить дерево. Давалось им это непросто – насквозь вспотевшие, в какой-то момент они бросили пилу и ушли. Дерево даже не покосилось. Хотя это и было совершенно по-детски, Кассандра мысленно возликовала: она болела за дерево.

– Почему среди ливьер нет мужчин, Нириаль? – спросила она. – Ты знаешь, кто такие амазонки?

Нириаль кивнула.

– Я знаю. Но это никак не связано. И среди ливьер есть мужчины. Просто не в нашем лагере.

– Почему? – поразилась Кассандра, мигом позабыв про дерево и Гиорию.

– Я полагаю, Ляля Бимбикен против, – Нириаль пожала плечами. Она закончила бинтовать руку Кассандры и вернулась к своим баночкам.

– То есть Бимбикен не допускает мужчин в лагерь? Так, а что ещё тут у вас запрещено из того, что нормальные люди делают?

Нириаль укоризненно покосилась на Кассандру.

– Не говори так. Ляля – непростой человек, со своими странностями, но кто из нас идеален? Она особенная. Невероятно

честная, храбрая. И она спасла нас всех. Ты не найдёшь здесь себе ни одного друга, если будешь высмеивать Бимбикен.

– Расскажи мне ещё, – попросила Кассандра. Ей хотелось как-то помочь Нириаль, но она не знала, за что взяться. Заметив это, Нириаль протянула ей нож и овальные клубни, похожие на картошку, только фиолетовые.

– Сложно выразить словами, – тихо сказала она, глядя на Кассандру. – Ляля Бимбикен подарила нам веру... в то, что магия ещё жива. Она смогла из своей энергии извлечь крупички чего-то, что раньше было волшебством Флориендейла, и использовать это во благо, для нашей защиты. А потом научила всех нас, подготовила первый отряд ливьер и разослала их по стране, чтобы следить за Ротгером, – Нириаль вдруг разволновалась, и её волнение передалось Кассандре. – Это больно представить... но тогда, когда королевство погибло, когда стихии перестали откликаться, никто уже не верил, что во Флориендейле осталась магия. А Ляля её нашла.

– Я не поняла, – покачала головой Кассандра, – о каких стихиях ты говоришь?

Нириаль беспомощно улыбнулась. Так улыбаются, когда сообщают дурные вести, а в душе сами не верят, что всё потеряно. Она рассказывала неспешно, делая длинные паузы, словно ожидала, что Кассандра будет перебивать или задавать вопросы. Но та слушала молча. Кассандра напрягала всё своё воображение, пытаясь представить себе мир, в котором четыре избранных человека властвовали над стихиями – природными силами невероятной мощи! Пожары, смерчи, наводнения – если подумать, стихии должны были внушать ужас, ведь они одним махом могли уничтожить человечество. Разве не стихия разрушила родительский дом в Поверхностном мире? Однако Нириаль настойчиво объясняла, что все четыре элемента – воздух, огонь, земля и вода – даны людям, чтобы жить, а не чтобы бояться и страдать. И Кассандра постепенно начинала видеть: как ростки прорастают из земли, подбадриваемые ласковой рукой; как волна выталкивает на поверхность едва не захлебнувшегося ребёнка; как пламя свечи освещает строчки письма от родных. Жители Флориендейла вовсе не были волшебниками – они были обычными людьми, но волшебство окружало их повсюду, пропитывало их землю, пронизывало воздух.

– После Передела мы думали, что магия исчезла навсегда. Но на самом деле она всего лишь рассеялась, раздробилась на много маленьких частей и осталась жить в тех, кто по-прежнему в неё верил. Правда, тогда никто об этом не знал. Ты же понимаешь: люди не умели обращаться с магией, они не понимали эту силу, не изучали её... Только магистры могли управляться с ней по-настоящему. Сегодня нам доступны лишь крупички. Но это даёт надежду! – завершила Нириаль.

Кассандра подвинула к ней доску с мелко нашинкованными клубнями.

– Ты говоришь, вы используете эту... силу чтобы защищаться. Но как?

Нириаль отступила от стола, вытянула левую руку и внезапно выбросила из сжатой ладони то ли комок, то ли сгусток – непонятную субстанцию. Кассандра ожидала, что сгусток тут же упадёт на землю, но вместо этого он расплылся в воздухе, образовав вокруг Нириаль нечто вроде щита. Тончайшая полупрозрачная плёнка с зеленоватым отливом исходила из ладони Нириаль; неровные края слегка подрагивали, словно от ветра. Щит не закрывал ее полностью, но был довольно большим.

– Это покров, – сказала Нириаль.

Кассандра молчала. Сердце колотилось в груди, как будто она только что навернула пару кругов вокруг лагеря. И она не знала, что сказать.

– Магия в каждом из нас, – повторила Нириаль. – Это твоя сила, движение твоей души. Ляля Бимбикен может считать, что в тебе недостаточно веры, но знаешь, о чём я думаю, когда создаю покров? О людях, которых люблю и которых не хочу потерять. О тех, кого я уже не могу спасти, и о тех, кто рядом... И это, это в тебе есть! Просто думай о своей семье. О Мари.

Кассандра с готовностью протянула левую руку, и Нириаль принялась показывать ей, как надо правильно сгибать запястье и разжимать кулак. Оказалось, это требует определённой сноровки. У Кассандры не получалось держать руку ровно и так, чтобы пальцы при этом не дрожали.

– Важно, чтобы вот тут был почти прямой угол, – объясняла Нириаль, прикладывая палец к сгибу запястья и предплечья. – Иначе покров не удержится, а соскользнёт.

– Очень сложно, – пожаловалась Кассандра. Теперь, когда Нириаль упомянула Мари, Кассандра не могла сосредоточиться. Сможет ли она защитить Мари, если научится создавать покров?

– Ни у кого не получается поначалу – утешила Нириаль. – И Флора не один день строилась. Просто продолжай тренироваться. И думай, думай о хорошем! Твоя душа, твоя сила, энергия – они обязательно найдут выход.

* * *

Обычно Кассандра просыпалась позже всех в маленькой палатке, которую делила с тремя ливьерами. Вставать она не спешила; хоть май и выдался жаркий, вылезать из-под тонкого шерстяного пледа в холодное утро всё равно было мерзко.

Так, закутавшись в плед, она некоторое время наблюдала за сборами девушек. Бледнолицая Анель, самая старшая из них, – ей было то ли двадцать шесть, то ли двадцать семь, хотя выглядела она, как и все травники, лет на десять младше, – то и дело лазила на второй ярус за своими вещами. Шаткая кровать ходила ходуном, скрипела прямо над ухом Кассандры, и это было действенное любого будильника. Гораздо тише вела себя Гиория: она всего лишь занимала на полчаса единственное зеркальце в их палатке, тщательно размалёвывала лицо и расчёсывала кудри – весь лагерь недоумевал, зачем она это делает. Ирель, третья соседка Кассандры, вертелась под ногами у первых двух, складывая их вещи и заправляя постели. Ирель не могла уйти на службу, не прибравшись.

Наконец девушки расходились и Кассандра оставалась одна. По-прежнему не член отряда, она не обязана была участвовать в их ежеутренних сборищах. Последние два дня она использовала это время, чтобы в тишине и покое практиковать свой покров. Кассандра старалась изо всех сил: разучила правильные движения, настроилась, казалось бы, на нужную волну, даже убедила себя, что видит призрачную дымку... Но покров не желал разворачиваться в её руке. Кассандра добилась только отчётливого покалывания в пальцах, что само по себе было неверно, потому что покров должен исходить из основания ладони, а не из пальцев, как пояснила Анель.

Сегодня покалывание снова дало о себе знать, да ещё и запястье болело от бесконечных упражнений. Разочарованная, Кассандра уныло натянула на себя штаны с футболкой и отправилась на завтрак. Никто не стал спрашивать у неё, продвинулась ли она в своём предприятии. Никто, кроме, конечно же, Гиории. Можно было вспылить и обменяться колкостями, но зачем? Кассандре хватало пререканий с Гиорией в их спальной палатке, где им некуда было деться друг от друга. Она проигнорировала комментарий.

Между завтраком и занятием с Нириаль оставалось немного времени, и Кассандра направилась к лазарету в обход основной тропы; можно было не спешить и насладиться воздушным майским утром. Но куда там! Мысли о Мари ни на секунду не оставляли её. Кассандра пыталась прислушаться к себе, почувствовать сестру, но преуспела в этом не больше, чем в раскрытии покрывала.

– Кесс! – окликнули её.

Она обернулась и увидела Эльсону под одним из маленьких тентов. Девушка сидела за квадратным столом и вертела в руках какой-то деревянный предмет.

– Привет! – отозвалась Кассандра. – Я не видела тебя за завтраком...

Эльсона кивнула.

– Да я не голодная. Хотелось тут попробовать кое-что... – она поставила на стол шкатулку. Крышка была испещрена витиеватыми узорами. – Резьба по дереву, – объяснила Эльсона. – Я ещё дома научилась.

Кассандра зачарованно провела пальцем по паутинке вырезанных линий.

– Ничего себе, как красиво, – признала она. – В первый раз вижу такое. Когда ты закончишь, будет просто... волшебно!

Эльсона усмехнулась и пожала плечами.

– Это ещё не скоро. Сейчас совсем нет времени... из-за предстоящей операции, ты же понимаешь. Но иногда так тянет вырезать, хотя бы вместо завтрака! Помогает расслабиться. Этот узор – он мне недавно приснился.

– Да, у меня тоже так бывает, – произнесла Кассандра.

– Что именно? – не поняла Эльсона.

– Ну, снятся рисунки. Я рисую... – на мгновение она стушеввалась, но тут же нашлась и продолжила: – Довольно неплохо. Я даже отправила свои работы на конкурс, может быть, попаду на дизайн... – постепенно её голос затих. Стало так бесконечно больно, когда она вспомнила разговор с Мари в теплице, и их общую радость, и как Мари обняла её тогда. Они не собирались расставаться. Они мечтали всегда быть вместе. Что, что пошло не так?!

Эльсона положила жёсткую ладонь на плечо Кассандры и осторожно спросила:

– Ты уже давно не рисовала, да? Хочешь, мы сейчас пойдём к Нириаль и смешаем краски?

Кассандра кивнула. Всё равно. Почему бы не смешать краски? Она потеряла Мари, она полный неудачник и уже третий день не может развернуть покров, она не часть отряда... Но она по-прежнему может рисовать, а это лучше, чем ничего.

* * *

Зябко. Кассандра подышала на замёрзшие пальцы и выглянула в окно. За плотной стеной деревьев ничего не было видно, хотя по ощущениям уже близился рассвет. Кассандра посмотрела на импровизированный мольберт; холст ярким пятном выделялся в темноте. Масляная лампа давала достаточно света, чтобы работать всю ночь, вот только сегодня масло кончилось, а Нириаль не сказала, где достать замену.

В конце концов, ну и что? Надо лишь довериться своим чувствам и позволить руке творить – это Кассандра понимала гораздо лучше, чем тонкие материи ливьер. Взяв кисть, она продолжала работать над картиной. Кассандра рисовала человека, задавленного сомнениями: идеальный сюжет для глухого предрассветного часа.

Человек выходил точно таким, как она хотела, и даже лучше: сломленным, сгорбленным, упавшим на одно колено; тучи над его головой метали молнии. Но если присмотреться, можно было заметить, что он исподлобья смотрит вверх. Там, среди туч, был виден проблеск света: то ли просто молния, то ли кусочек чистого неба. И было ясно: когда придёт время, он легко поднимется с колен... Ведь

разве это так сложно? Солнечные лучи просочились в лазарет как раз тогда, когда Кассандра наносила последние контрастные штрихи.

Она сидела на кровати, опустив руки, и смотрела на законченную картину. Энергия так и бурлила в ней; хотелось продолжать, но умом Кассандра понимала, что надо поспать хотя бы пару часов. За окном вдруг слышались шаги, и дверь распахнулась без стука. С усилием вырвав себя из мира грёз, Кассандра обернулась. Она ожидала увидеть Нириаль или Эльсону, в худшем случае – Бимбикен, но на пороге с подносом в руках стояла Гиория. Сколько было времени – часов пять, шесть утра? Гиория, конечно же, была полностью накрашена и причёсана.

– Хей, доброе утречко, – бодро сказала она. – Нириаль велела отнести тебе кашу с чаем, да я и пошла. Дай, думаю, посмотрю, что там такое интересненькое.

Кассандра поморщилась. Она хотела, чтобы Гиория поскорее ушла, но не говорить же это прямо. Нельзя было разрушать милую товарищескую атмосферу в лагере.

– Спасибо, Гиория, – поблагодарила Кассандра. – Ты поставь туда, и... можешь идти. Пожалуйста.

Но Гиория, которой не видно было от двери, что изображено на мольберте Кассандры, не собиралась отступать так легко. Вместо того чтобы оставить поднос на тумбочке у входа, она направилась к дальнему столу – и за подносом не заметила тяжёлых ботинок Кассандры, брошенных на полу посреди лазарета.

Кассандра едва успела осознать, что произошло. Гиория споткнулась, встряхнула поднос, и тарелка с кашей и чашка полетели в разные стороны. Кассандра уже, казалось, видела грязные размазанные пятна от еды на столь важной для неё картине, как вдруг что-то лёгкое, неуловимо-прозрачное вырвалось из руки и прочным щитом встало на защиту полотна.

– Что за... Ангел! – выдохнула Гиория. – Как?.. Ты ведь даже не пыталась!

Кассандра не сделала никакого особенного движения кистью, чтобы вызвать покров; она даже не вспомнила о нём! Но, вне всяких сомнений, это был именно он – едва видимый, трепещущий и насквозь пронизанный магией.

– Невероятно, – пересохшими губами прошептала Кассандра. – Как это... работает?

Она оглянулась на Гиорию – та уже оправилась от шока и с недовольной миной стряхивала комочки каши со своей куртки. Быстро покончив с этим, Гиория пнула столь некстати подвернувшуюся обувь, подхватила пустой поднос и ушла.

Кассандра свернула покров, опустилась на пол и повертела в руках тяжёлый ботинок. Он напомнил ей кое о чём – о долге, который она хотела бы вернуть. Очень жаль, но с рисованием, кажется, придётся повременить.

ζ

Казалось, здесь всё было из стекла – колледж, где учился Алишер, в хорошую погоду был пронизан лучами солнца и словно бы светился изнутри. Алишер давно уже этого не замечал: со временем перестаёшь обращать внимание и на красоту, и на уродство. Но для Вероники всё было ново, и она замерла перед стеклянным козырьком над входом, разглядывая эмблему колледжа. Алишер потянул её за рукав.

– Не зависай и не высовывайся, – строго сказал он.

Они прошли в библиотеку – просторный двухэтажный зал с круговой галереей. И хотя Вероника никогда в жизни не видела столько книг одновременно и ахнула, Алишер, конечно, знал, что это обычная учебная библиотека с парой десятков стеллажей, и не питал особенных надежд.

Подойдя к стойке регистрации, он достал из рюкзака учебники и библиотечную карточку.

– Уже сдаёшь? – спросил худощавый парень за стойкой. – До экзаменов ещё месяц.

– Да. Всё равно открыл пару раз за год, ты же понимаешь... – Алишер закатил глаза. – Как жизнь, Тобиас?

Тобиас пожал плечами, сканируя штрих-код на книгах и откладывая их в сторону.

– Как обычно. Отец в командировке, помогаю матери за городом. А у вас чего?

– Да вот, троюродная сестра в гостях, – Алишер указал на Веронику.

Она неуверенно улыбнулась и даже протянула руку для рукопожатия.

– Я В... Вика.

Тобиас заворожённо смотрел на неё, забыв про книги. Он словно не мог решить, что должен сделать с её рукой, и, вконец смутившись, Вероника руку опустила.

– П-приятно познакомиться, – наконец выдавил Тобиас. На щеках проступили красные пятна. Алишер едва удержался от смеха. Красивые девушки, что они делают с парнями! Возможно, Джоан не стоило так изощряться с её внешностью. Вероника явно не была готова к вниманию, которое ей оказывали.

– Э-э... Тобиас... Нам нужна твоя помощь в поиске кое-какой литературы, если у тебя есть время, – произнёс Алишер, надеясь, что сумеет отвлечь несчастного парня от Вероники.

– Да-да, конечно! – засуетившись, Тобиас сложил сданные Алишером книги в тележку, задвинул её под стол и поправил очки на носу. – Что вас интересует?

– Она должна для школы сделать доклад о пространственных переходах.

– На физику или на историю? – деловито осведомился Тобиас. – Потому что по физике вы вряд ли много найдёте.

– Очевидно, – покорно кивнул Алишер. – Ты покажи нам, что есть, и, если мы сумеем добавить немного физики – ну, какие-нибудь общие сведения, – это хорошо, а если нет, то... нет.

Вероника молчала и лишь очаровательно улыбалась и кивала в подтверждение.

* * *

– Как ты думаешь, кто это? – девочка нетерпеливо теребила свои длинные тёмные косы, то завязывая их в узел, то развязывая.

– Перестань, – наконец не выдержал её приятель. – Ты меня ужасно отвлекаешь.

– Ну посмотри, Джим! – настаивала девочка. – Я её никогда раньше не видела. Она с Алишером!

Парень оторвал глаза от тетради и проследил её взгляд.

– Рыженькая, – пробормотал он. – Да кто ж знает... Марго, оставь в покое свои волосы! Лучше б ты отстригла их, честное слово. О, смотри, смотри, он нам кивнул!

Маргарета выпустила волосы и зарделась. Алишер, скорее всего, даже не знал, как их зовут, но никогда не забывал поздороваться – настоящий джентльмен. Однажды он выручил Маргарету на лекции: у неё тогда был сломан палец, и Алишер вызвался записать конспект в её тетрадь. Маргарета с трудом разбирала его почерк, но не стала ему об этом говорить; с тех пор это была её любимая тетрадь.

– Давай я подойду и спрошу у него, кто она? – не унималась девочка.

Джим даже закашлялся от неожиданности.

– А ты чего сегодня такая храбрая? Да нужны мы ему... Ты же не можешь просто так взять и спросить!

– Сегодня просто такой день... – Маргарета помолчала и возбуждённо продолжила: – Я слышала, как родители разговаривали: принцесса пропала из алилутской тюрьмы! Источник надёжный, с рынка. Там никто не знает, где она!

Девочка смотрела на Джима сияющими глазами. Он захлопнул тетрадку и внимательно посмотрел на Маргарету.

– И это у тебя вызывает такое оживление? Боюсь спросить, почему?

– Потому что она сбежала! – воскликнула она, наверное, громче, чем следовало. Даже Алишер с таинственной незнакомкой обернулись в их сторону – это не ускользнуло от Маргареты.

Джим понизил голос до шёпота.

– Во-первых, пожалуйста, не надо вопить на весь зал, – обеспокоенно сказал он. – А во-вторых, с чего ты взяла, что она сбежала-то? Может, они решили избавиться от неё!

– Если так, то почему королева всё ещё там?

– Я не знаю, – Джим пожал плечами. – Это не наше с тобой дело. Какие-то обрывки подслушанной информации, смешно... Ты не могла у них прямо спросить?

– Нет, конечно, – возмутилась Маргарета.

– Ага, то есть с Алишером заигрывать ты теперь не боишься, на этой новой волне адреналина, а с родителями честно поговорить не решаешься? – тихо рассмеялся Джим. – Ты же не ребёнок уже, понятно, что тебе тоже хочется знать. Они бы...

В этот момент к ним подошёл Тобиас и водрузил на стол несколько книг и журналов.

– Ребята, вы не против, если Алишер и Вика вам компанию составят? Все другие столы заняты, а им нужно довольно много места.

– Охотно! – Джим тут же засуетился, сдвигая свои вещи на край. – Безусловно, секундочку...

– Да ладно, ладно! – замахал руками Алишер. – Мы и так поместимся, всё в порядке. Спасибо.

Маргарета сделала большие глаза и выразительно посмотрела на Джима, тут же снова схватившись за косы. Какой же он... вежливый, и внимательный, и умный, этот Алишер! Она ему, конечно, не пара. Он никогда даже не посмотрит на неё. Вон у него какая красивая спутница... Маргарета украдкой глянула на рыжеволосую девушку и вздохнула.

η

Бимбикен сидела за столом, уткнувшись в карты, и сосредоточенно разбирала выведенные мелкими буквами на полях комментарии Альфы, когда вошла Нириаль. Это было что-то новенькое – Нириаль обычно не докладывала Бимбикен напрямую.

– Кто-то опять болен? – Ляля посмотрела на девушку.

Нириаль едва заметно качнула головой, переступила с ноги на ногу, открыла было рот, чтобы что-то сказать, но так и не издала ни звука.

«Боится она меня, что ли?» – подумала Ляля.

– Что, что такое? – нетерпеливо спросила она.

– Мы полагаем... что Кассандра ушла из лагеря, – тихо отозвалась Нириаль. – Она была в лазарете, рисовала, как обычно, а утром просто исчезла.

Бимбикен положила карандаш на карту Флориендейла и встала из-за стола.

– Где Эльсона?

– Они всё ещё пытаются найти её, но...

– Всё ещё? – Бимбикен подошла к Нириаль и взглянула на девушку. Какие же бледные эти травники, кожа чуть ли не прозрачная. Даже жутко, если подумать. – А я разве давала команду искать её?

Нириаль прикусила губу.

– Отзови их, пусть возвращаются в лагерь. Сбор через час. Немыслимое нарушение дисциплины. Немыслимое!

– Но Кассандра... – попыталась сказать Нириаль.

– Что – Кассандра? – Бимбикен отвернулась. Она была разочарована, но не хотела, чтобы Нириаль это заметила. – Я не понимаю, в чём проблема? Она не ливьера! Ушла, и ладно, Ангел с ней.

Она помолчала и добавила:

– Она картину-то закончила? Принеси мне.

Нириаль кивнула и вышла. Бимбикен рухнула на жёсткую табуретку. Ушла! Как, каким образом? И никто даже не заметил. Либо ливьеры так плохо охраняли периметр – а Бимбикен всё-таки надеялась, что это не так, – либо Кассандра прошла под покровом. Его можно было использовать для лёгкой маскировки. Но она ведь так и не научилась создавать покров, упрямая девчонка!

А главное, почему? Была ли Ляля к ней слишком строга? Разумеется, между ними были некоторые разногласия, и всё же Бимбикен даже не сомневалась, что со временем Кассандра одумается, обуздает своё упрямство и сама попросится в отряд. Всё к этому шло: она сблизилась с некоторыми девочками, не оставляла попыток освоить покров... И вдруг такое! Ещё никто и никогда не убежал из лагеря. Это просто не укладывалось в голове.

* * *

Из-за выходки Кассандры Альфа Камила была сама не своя – Бимбикен не ожидала, что это так её расстроит. Камила лично проверила периметр, хотя обычно нечасто выбиралась из своего домика на окраине лагеря. Несколько ночей она провела наедине с воздухом, пытаясь выследить беглянку. Но куда там... В прежние

времена ей бы удалось это в два счёта, но теперь Камила была бессильна.

Через несколько дней после исчезновения Кассандры она пришла к Бимбикен, опустилась на скамью и стала ждать, пока Ляля обратит на неё внимание. Бимбикен проглядывала свежие письма и газеты, которые девочки достали накануне.

– Всё о Кассандре думаешь? – Бимбикен перевернула последнюю страницу тонкого журнальчика из Западного края и пододвинула к себе внушительный ежемесячный выпуск «Роттербургского репортёра».

– Не сходится что-то, – проронила Камила. – Не верю, что ушла без причины она.

– Понятно, была причина, но какая? – рассеянно спросила Бимбикен. Честно говоря, у неё сейчас не было времени на этот разговор. А может, просто надоело: Кассандра то, Кассандра это, Эльсона сокрушается, травники каются, что не бросились со всех ног лечить её мать...

– Как думаешь ты? – вопросом на вопрос ответила Камила. – Это странное чувство, будто что-то не разглядели.

– Я не... погоди! – Бимбикен зацепилась взглядом за объявление. – Ты только посмотри!

Она протянула журнал Камиле. Это был их излюбленный раздел «Разыскиваются в этом месяце»; Камила расправила страницу, откинула голову и прищурилась – возраст давал о себе знать, маленькие буквы она едва могла разобрать.

– Да ты не читай, на фотографию смотри. Подписано: Кассандра Клингер, – быстро сказала Бимбикен. – Разыскивается! Вот только это не Кассандра, разве не так? Похоже, она зря переживала за свою сестру?

– Может быть такое? – еле слышно прошептала Камила, рассматривая фотографию. На первый взгляд, изображённая девочка была похожа на Кассандру. Однако опущенные уголки губ, широко распахнутые, полные слёз глаза и даже форма лица – нет, никто из тех, кто знал Кассандру, не спутал бы её с сестрой.

– Думаешь, Кассандра узнала об этом и ушла её искать? – спросила Ляля.

Альфа покачала головой и сдвинула брови.

– Не могла знать... Новый выпуск.

– Да даже не зная. Она же всё время хотела уйти! И когда у неё не получилось разобраться с покровом...

– Но у неё получилось! – раздался голос с улицы, а вслед за ним – настойчивый стук.

– Эльсона? – хмуро спросила Бимбикен. – Заходи. Если ты снова про тот случай в лазарете, я уже объяснила, что это не мог быть настоящий по...

Эльсона распахнула дверь, и Бимбикен осеклась на полуслове. Вслед за ливьерой в дом вломились незнакомцы: молодая худощавая женщина и двое мальчишек – один висел в чём-то наподобие мешка за её плечами, а второй, постарше, стоял рядом. За ними появилась Кассандра собственной персоной: в разорванной куртке и с перевязанной головой. Альфа Камила впила пальцами в стол. Бимбикен сама не заметила, как вскочила на ноги.

– Ну, доброго дня! Меня зовут Призрак, и я хочу вступить в отряд ливьер, – так как все молчали, темноволосая незнакомка заговорила первой. – При условии, что эти мальчишки останутся со мной и тоже будут жить в лагере.

Бимбикен ошарашенно смотрела на Призрака.

– Исключено! – отрезала она. – Это женский лагерь. И с каких пор мне выдвигают ультиматумы? Быть вам ливьерой или нет – это мне решать.

– Разве? – вмешалась Кассандра. – Разве не покров является определяющим... хм, фактором?

Призрак легко повела рукой и развернула голубоватый щит.

– Во мне очень много вашей веры, Ляля Бимбикен, Альфа, – твёрдо сказала она и поочередно поклонилась обеим. – Я хочу быть с вами – ради своей страны и семьи. Я хочу и готова бороться. Поверьте, вы не пожалеете. Вопрос только один: остаются мальчишки или нет? Потому что я не могу их бросить.

Бимбикен перевела взгляд с Призрака на Кассандру тоже почему-то развернувшую покров – наверное, из солидарности. Бимбикен никогда не переставало удивлять, какими разными могут быть эти всплески энергии. Покров Призрака был гораздо более осязаемый, а Кассандры – почти совсем прозрачный, какой-то текучий, но зато огромный. Девчонка оказалась не так проста; в конце концов, Бимбикен в ней не ошиблась.

– Вы все можете остаться, – неохотно согласилась она. – Но прежде чем мы действительно примем вас в отряд, вам надо будет пройти курс базовой подготовки. Чтобы не думали, будто размахивать руками – это всё, что мы тут делаем. Вот Кассандра... – Бимбикен прищурилась, помедлила... и продолжила: – Кассандра завтра получит свою повязку, если захочет. Поздравляю.

Кассандра открыто улыбнулась и подмигнула, кивнув в сторону своей картины, которую Бимбикен повесила над столом.

Ляля прищурилась, внимательно разглядывая девушку. Похоже, Кассандра не знала, что её сестру разыскивают. Что же, сообщить ей об этом прямо сейчас?

– Не надо, – так, чтобы было слышно только Ляле, шепнула Камила.

θ

Отчего в жизни столько разочарований и боли? Ударов в спину, плохих новостей? Даже когда кажется, что поступаешь правильно, когда собственную душу отдаёшь на заклятие, не жалеешь для других – всё равно оказывается, что ты просчитался! Делал не то, не для тех и не там, где нужно.

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – мрачно сказал Ремко.

– Не говори так, – Стафис поставил перед ним чашку чая. – Осторожно, горячо.

Ремко посмотрел на своё крошечное мутное отражение в полупрозрачной жидкости.

– У тебя есть что-нибудь... Ром? Коньяк?

Стафис молча достал из шкафа бутылку.

– Я же просто хотел сделать им сюрприз, – в очередной раз повторил Ремко. Им, кому – им? Жене, которую он бросил и которая теперь в коме, потому что его не было здесь, чтобы её защитить? Пропадшим детям? Хорошо, что Роза не знает об этом. Она казалась такой умиротворённой в больнице, куда его рано утром через чёрный ход провёл Стафис. У Ремко до сих пор тряслись руки после этого визита, и он боялся, что разольёт чай, если возьмёт чашку.

– И Кассандра никому не сказала, куда идёт? И Лидии не сказала? Стафис покачал головой.

– Она хотела спасти сестру и мать.

– Конечно. – Ремко глотнул из бутылки – горько. Это, наверное, оттого, что правда горькая. – Видишь, она даже не подумала о том, чтобы обратиться ко мне. Да что ж я за отец такой?!

Стафис ничего не ответил. В самом деле, что он мог сказать? Ремко знал, что так оно и есть, и не требовал утешения. Он неправильно расставил приоритеты, и случилось это не вчера, не сегодня, а уже давно. Лет шестнадцать назад.

– Они ищут вас с Касси, – сказал Стафис. – Не советую тебе здесь задерживаться... Кто-нибудь наверняка проболтается, к нам засылают полицаев минимум дважды в неделю.

– А куда мне идти? – Ремко поднял глаза и посмотрел на Стафиса. Это был хороший вопрос, и никто из них не знал на него ответа.

* * *

Они были наедине: он и Бог. И, хотя Ремко чувствовал присутствие чужой жизни – люди в посёлке, миллионы растений и вездесущие ночные мошки, – всё равно единение с Богом в этот момент было совершенным, каким он уже не надеялся его испытать. Говорят, здесь другая религия, но пусть говорят что хотят. Бог – внутри. Ремко принёс его с собой из Поверхностного мира, и неважно, какие вокруг возводят храмы, мечети или синагоги. Или ничего не возводят, а лишь ломают? Это было больше похоже на правду. Ремко лежал на мокрой после дождя траве посреди бескрайнего поля и был пьян.

Стафис, конечно, зря оставил его одного, но Стафиса ждала работа. Ремко не решился обратиться к соседям – не следовало им знать, что он снова в посёлке. Он прихватил из дома Стафиса бутылку какого-то невероятно сладкого и крепкого ликёра, то ли из груши, то ли из персика, – пить его было противно, но необходимо, – и вышел к цветущим полям.

Цветы были, естественно, не вечны, но намекали, что вечная жизнь возможна. Если ты – всего лишь крошечная часть целого, то

целое никогда не погибнет. Как здорово, наверное, цвести и не бояться смерти, зная, что за тобой придут другие, такие же как ты. Люди – слишком сложные существа. Слишком долго длится одна жизнь, слишком много пространства для манёвра и ошибки. Как прожить свою жизнь без сожалений? Ну как?

Ремко ударил кулаком по земле и перекатился на спину. Ночь была спокойная, безлунная; небосклон усыпали звёзды. Никак, конечно. Он сожалел о стольких вещах, которые сделал, и вдвойне – о тех, что не сделал, и втройне – о тех, что касались его Розы. Может быть, он и не любил её никогда? Это была страшная мысль, и она глубоко ранила. Где грань между истиной и самовнушением?

Когда-то давно, в другой вселенной, они с Розой были счастливы. Встретились, понравились друг другу, арендовали домик на побережье, вдали от шумных пыльных городов. Мир сходил с ума, интернет диктовал, что, как и когда человек будет делать, дома разговаривали, на улицах играла музыка, ночью не гасли огни... Но им было хорошо и уютно вдвоём – у них были терраса, и закат над заливом, и собака, совсем как в прежние времена.

Он мог сколько угодно обманывать себя, притворяясь, будто не знал, когда всё пошло не так. Однако Ремко по меньшей мере догадывался. Прослышав, что существует другой мир, в котором можно скрыться от земной цивилизации, он потерял покой. Мир называли «новым», а иногда – «диким», но его это не пугало. И пока Роза носила под сердцем их будущее, маленьких двойняшек, а потом нянчила их, утирая детские слёзы вперемешку с собственными, Ремко был занят. Он искал способ перебраться в дикий мир всей семьёй.

Подолгу пропадая в разъездах, он едва успел заметить, что Роза не справляется одна. Она всё чаще плакала и отказывалась заботиться о девочках, заявляя, что они не её дети. Врач объяснил: это послеродовая депрессия, – и Ремко вынужден был на несколько месяцев задержаться дома, будучи в одном шаге от хорошего трудоустройства в Набреге. А потом пришёл ураган... И они таки попали в Новый мир. Но как беженцы.

Всё, что было, всё, что происходит сейчас, – его вина. Тогда, теперь и в будущем, которого больше нет, лишь он один виноват в том, что заставил Розу страдать. Однако человек способен вынести лишь определённое количество вины. И что остаётся ему, когда рубеж

достигнут? Когда сопротивляться уже нет сил? Ремко вовсе не планировал напиваться, но с непривычки иначе не вышло.

* * *

Больница серым пятном выделялась на фоне звёздного неба; лишь окно дежурного одиноко светилось у самого входа. Ремко, пошатываясь, залез по пожарной лестнице на карниз второго этажа. Неуверенно продвигаясь вдоль шершавой стены, он стал высматривать комнату Розы. Это было самоубийство, он знал, но говорят же, что дуракам везёт. А он... сегодня он возглавлял союз дураков – во всей стране не нашлось бы второго такого!

Безоблачная ночь подыграла ему: свет звёзд освещал палаты, хотя от луны было бы больше толку. Ремко прополз, наверное, не менее дюжины метров, прежде чем увидел спящую Розу. Окно было приоткрыто, и Ремко легко сбросил щеколду и спрыгнул с подоконника в комнату.

Она должна была знать, что он к ней вернулся, что он их не бросил. Ведь он всего лишь хотел как лучше! Ремко помотал головой и в отчаянии опустился перед женой на колени. Чувство вины, на мгновение притупленное страхом высоты, снова выпустило свои холодные скользкие щупальца.

– Что мне сделать, Роза? – прошептал Ремко, вцепившись в край её одеяла.

«Уходи», – послышалось в ответ, еле слышно, словно отголосок эха.

– Роза? Роза! – позвал Ремко.

Но Роза молчала.

Ремко потянулся за своей дорожной сумкой и вытряхнул содержимое на пол. Бутылка с ликёром была почти пуста, лишь на дне плескалась пара капель. Неужели это он выпил? Не может быть. Ремко вывернул сумку наизнанку и замычал в негодовании: подкладка была мокрая. Атлас тоже пострадал. Ремко перевернул несколько страниц – стыдно, надо бы просушить, но как?

«Уходи», – послышалось снова, и он понял, что говорит с ним не Роза...

– Что ты хочешь от меня? – пробормотал Ремко, захлопывая книгу.

Атлас лежал на полу, тяжёлый, словно камень, который повесили ему на шею. Ремко покачнулся, почти физически ощущая этот груз, и схватился за железный остов кровати. Стараясь держаться ровно, так, чтобы мир перестал кружиться, Ремко протёр влажную обложку рукавом и открыл. У Атласа не было названия, но внизу, там, где у обычных книг указано издательство, появилась надпись: «Издано во Флоре».

Флора – мёртвый город, погибший город. Атлас – древний, разодранный на части королевский артефакт... Ремко положил руку на обложку. Книга была на удивление тёплой, хоть мокрой и липкой с одного угла. Другой рукой Ремко коснулся щеки жены. Так, распятый между Розой и Атласом, он просидел на полу всю ночь.

* * *

На следующее утро дежурный медбрат не заметил в палате Розалии Клиндер ничего необычного – разве что окно оказалось распахнуто, но виной тому был, конечно, ветер, а пациентке и так и эдак всё равно. И лишь уборщица удивилась, обнаружив под кроватью пустую бутылку из-под грушевого ликёра.

1

Вилмор Госс переменялся в последнее время, и это заметила не только Мари. Допросы, которые он проводил, превратились в свободные беседы, и бог знает, что он записывал при этом в протокол. Он больше не расспрашивал Мари о Кассандре.

Почему-то она сразу почувствовала себя легче и стала сама рассказывать ему – конечно, всего лишь какие-то незначительные вещи, случаи из детства, и он всегда смеялся там, где она хотела, или качал головой, где это было уместно. Стыдно признаться, но Мари даже стала с нетерпением ждать его визитов. К ней приходил такой же, как она, человек, а не охранник. Одиночество ненадолго отступало.

А вот ночью было по-настоящему страшно. Заснуть не получалось часами, и Мари мучилась, вертелась на узком матрасе с открытыми глазами, с закрытыми глазами, то на спине, то на животе. Сколько прошло времени? Где сейчас Кассандра? Как там мама? Мари ничего не знала. Грудь разрывало изнутри, и хотелось плакать, но не получалось. Плачут от жалости к себе – а жалости не было. Только тупое отчаяние. Она в ловушке. Они её убьют.

Госс не появлялся почти целую неделю, и Мари заволновалась. Неужели он уехал? Последняя ниточка, удерживающая её от безумия. Может быть, его перевели? Почему он ничего не сказал, не попрощался? Мари сидела на постели, закутавшись в плед с катышками, и раскачивалась взад-вперёд. Свет за окном угасал, наступала ночь, и всё повторялось снова.

* * *

– Клингер, на выход.

Знакомый голос! Мари поспешно затолкала в рот остатки хлеба, выданного на завтрак, – он был хоть и жёсткий, но вкусный. Щелчок, звук отворяющейся решётки, скрежет металла... И вот он перед ней – в слегка помятой форме, с болезненной усмешкой на губах, с седыми висками. Мари испытала такое облегчение, что ей даже захотелось его обнять.

– О, Госс! – воскликнула она с набитым ртом и разрыдалась.

Он предусмотрительно придержал её за локоть. Охранник, выступивший из тени коридора, надел на Мари наручники.

– Без истерик попрошу, – сухо заметил Госс. – Пройдём в кабинет.

Её усадили на пластиковую табуретку. Госс, как обычно, расположился напротив и открыл журнал. Второй охранник кивнул и вышел. Мари вскинула глаза – он избегает её взгляда. Почему?

– Есть какие-то... – начала она.

– Здесь я задаю вопросы, – отрезал Вилмор Госс.

Она замолчала. Было слышно, как Госс стучит каблуком ботинка по полу.

– Куда сбежала твоя сестра Кассандра Клингер?

– Я не знаю!

Она сжала зубы. В глазах Госса плясали два дьявольских огонька: он смотрел на неё, но словно не видел. Почему, почему?

– Ты знаешь.

– Ну... в Ельну.

На мгновение огоньки погасли, и на его лице появилось недоумение. Да, таким она его знала! Но Госс тут же снова нахмурился и сжал губы в ниточку.

– Где ваш отец?

На этот раз удивилась Мари. Им было прекрасно известно, кто её отец, где он и чем занимается, и Госс давно уже о нём не спрашивал.

– Нет, он не в Алилуте, – отозвался Госс. – И не в посёлке. Он исчез.

– Одним больше, одним меньше... – пробормотала Мари.

И тут же вскрикнула от резкой боли, хлестнувшей по шее.

Мари обернулась – за её спиной, вытянувшись вдоль стены, стоял охранник, которого Мари боялась больше остальных. Но когда он успел зайти? Или он был здесь с самого начала? В своей серой униформе он почти сливался со стенами, да и лампа была поставлена для того, чтобы светить жертве в лицо, а не освещать углы.

Госс буравил её тяжёлым взглядом.

– Продолжай, – проронил он.

Она хотела спросить, куда продолжать, ведь ей нечего сказать, но её снова ударили, на этот раз по пояснице. Было больно, но Мари осознавала, что надо готовиться к худшему. Это только начало, только разминка... Страшнее было другое – что они сделали? Что они сделали с Вилмором Госсом?

– Я на этом за... завершу, – запинаясь, сказал Госс и вышел из комнаты. Мари осталась. Она чувствовала, что глаза наполняются слезами. Как назло, в такой момент! Она не хотела, чтобы они видели её слёзы.

* * *

Мари очнулась на полу в своей камере. Разве для того её лечил их местный врач, чтобы они снова ломали ей рёбра? Мари пошевелилась. В груди росло и крепло новое чудовищное ощущение, и оно не имело

ничего общего с физической болью, которая разливалась по всему телу.

Мари никогда не думала, что может кого-то ненавидеть. Она верила, что в каждом человеке и в каждом поступке есть доля хорошего и плохого, силы и слабости. Она взывала к разуму сестры, когда ту переполняли эмоции, и к её чувствам, когда Кассандра отказывалась идти навстречу другим. Мари была убеждена, что если ты честный, добрый человек, как их отец, то можно прожить всю жизнь, ни разу не испытав ненависти.

Но сейчас, сидя на полу, подтянув к себе озябшие ноги и подтирая подолом рубашки кровь из носа, Мари смотрела на закрытую дверь своей клетки и ненавидела этих людей! Ненавидела их средневековые методы! Ненавидела Роттера, ненавидела Федерацию – и ненавидела Госса. За то, что он подразнил её надеждой – и снова бросил одну!

Время то ли ползло, то ли стремительно несло – без часов Мари никогда не могла сориентироваться, и уж тем более в таком состоянии. Ей казалось, начало темнеть. Протянув руку, она сумела кончиками пальцев захватить плед на кровати и потянула его на себя. Встать не было сил, даже просто держать на весу руку было трудно. Мари замерла на мгновение, закрыла глаза, вдохнула, выдохнула и потянула снова. Что-то шлёпнулось на пол. Разлепив глаза, Мари попыталась разглядеть упавший предмет, но в камере было уже слишком темно. Мари неловко развернулась, вытянулась и стала ощупывать пол – вот же он, полиэтиленовый кулёк. Трясущимися пальцами она принялась разворачивать пакетик. Боже, как громко он шуршит! Или так только кажется из-за невыносимой пульсации в висках?

Последний узел не поддавался. Пошло всё к чёрту. Плед наконец соскользнул с тонкого матраса и накрыл половину её измученного тела. Мари забралась под плед с головой, прижала к себе кулёк и свернулась калачиком. Хотелось думать о хорошем, не падать духом, быть сильной, но у неё не осталось сил. Любой светлый момент отзывался в душе глубокой раной. Кассандра – она её больше не увидит. Была ли Кассандра всегда с ней честна? Смогли бы они остаться вместе в посёлке или судьба закинула бы их в разные концы страны? Что ж, она ведь ей даже не сестра! О родителях думать... Об отце! Который, верно, их вовсе не любит, иначе бы не бросил. О нет, возразила бы мама, он не бросал... Ложь! Когда они в последний раз

его видели? И мама... мама тоже хороша – запирала их дома одних, когда они были ещё совсем маленькие. В шкафу у неё всегда стояла бутылка виски, Мари это знала. И отец знал. Даже Стафис знал! Бедный Стафис, один с маленькой сестрой, теперь потерял её, Мари, навсегда... О, Стафис! Она ведь столько дней о нём не вспоминала, специально старалась не думать, чтобы не разбивать себе сердце, но теперь уже поздно, всё пропало, осколки, осколки, по осколкам голыми ногами...

* * *

Утро. Никто не пришёл, и хлеба не дали. Мари смогла вскарабкаться на матрас. Прислонилась было к стене – холодно. Закуталась в плед и лежала, тупо глядя на дверь. Казалось, прошли часы.

Вчерашний кулёк снова попался под руку. Мари потёрла ладони, подула на пальцы и занялась узлом. Он вовсе не был таким сложным и тугим, как ей показалось ночью, – вообще не было там, по сути, никакого узла. Мари развернула пакет и вытряхнула содержимое на кровать: небольшой блокнот и коробку с карандашами, десять цветов. Что это?

Она открыла блокнот и на первой странице прочитала: *«Подумал, это тебя приободрит. Карандаши акварельные. Нарисуй нам жизнь. Твой В.»*. «Твой В.» было зачёркнуто один раз, подчёркнуто снизу точечками и ещё раз выведено чуть ниже. Мари расплылась в улыбке. Это было так глупо, так по-детски – и всё же! Вилмор Госс подарил ей карандаши! Причём акварельные, что бы это ни значило. Мари совсем не разбиралась ни в карандашах, ни в красках, и художник из неё был так себе, но это не имело значения. Она перевернула страницу, закусила губу, задумалась на мгновение – и принялась рисовать.

ia

Удивительно, какое впечатление могла произвести на Нику одна короткая встреча. Алишер постоянно забывал, что людей, с которыми

девушка имела возможность общаться последние шестнадцать лет, можно было пересчитать по пальцам. Оттого каждое новое лицо, каждый взгляд и слово она впитывала, словно губка; вкушала, как гурман, которому на огромной тарелке с брызгами малинового уксуса подали неизвестное блюдо. Она читала эти лица, стараясь не моргать, боясь упустить мимолётную усмешку или хитрый прищур. И потому, пока Алишер был занят изучением литературы о пространственных переходах, Вероника гипнотизировала Маргарету и Джима. Они выдержали полчаса, а потом стушевались и сбежали. Алишер хотел отчитать Веронику, призвать держать себя в руках, но она заговорила первой:

– А ты заметил, что они оба от тебя без ума?

И началось! Обычно такая сдержанная и застенчивая, когда дело касалось её собственных чувств, Ника воодушевлённо принялась растолковывать Алишеру, почему не задалась его личная жизнь. Он не просил об этой консультации и, если бы девушка не была так забавна в этот момент, прервал бы её в самом начале. Но он не стал перебивать, и Вероника довела до конца свою мысль, а потом поспорила с ним на пакет мармелада, что он не решится пригласить симпатичную ему девушку на свидание. Ника была уверена, что он побоится сделать первый шаг. Но шаг куда – в бездну, в Бермудский треугольник, который образуют голова, душа и сердце девчонок?

Впрочем, Алишер знал множество способов обхитрить наивного оппонента.

– Куда пригласить? – уточнил он у Вероники, зная, что она не сможет ответить на этот вопрос.

Она пожала плечами:

– Ну, хоть... к вам домой, например.

После чего Алишеру оставалось лишь найти в словаре подходящее определение слова «свидание» – и вуаля! Ему безумно важно было выиграть этот спор, потому что он знал: на самом деле Ника права.

Он пришёл в колледж пораньше, но не стал заходить в аудиторию, а принялся ждать, закинув сумку на подоконник. Несколько парней прошли мимо, кое-кто поздоровался и перебросился с Алишером парой слов, и вот наконец он различил в толпе чёрные косы Маргареты. Крепкой фигуры Джима не было рядом – должно быть, он

не ходит с ними на черчение. Честно говоря, Алишер раньше не обращал на этих двоих особого внимания. До встречи в библиотеке он даже не знал, как их зовут.

Маргарета была всего в нескольких шагах от него, и Алишер махнул ей рукой. Девушка приветливо кивнула, но не остановилась, так что ему пришлось оторваться от подоконника и встать у неё на пути.

– Маргарета!

– Да? – она улыбалась, на удивление спокойно и открыто. Как будто совсем не удивилась, что он заговорил с ней.

– Доброе утро... Маргарета, – выдавил Алишер.

Какая глупая ситуация – наверняка все сейчас на них пялятся. Лучше бы он подловил её вместе с приятелем, а не одну.

– Я хотел пригласить вас с Джимом на вечеринку. Ко мне домой.

– Правда?

Алишер вдруг заметил, что Маргарета теребит концы косичек. Неужели она всё-таки нервничала? А так и не скажешь! Ему сразу полегчало.

– Ну да, было бы здорово, – кивнул он. – Я знаю, вы у меня ещё никогда не были, но мы же и не общались толком, а теперь как-то даже жаль... Ну, ты понимаешь.

– Да? – протянула Маргарета.

Она, конечно, не понимала. Если бы Алишер сам понимал, что несёт, это было бы уже неплохо для начала.

– Спасибо тебе за приглашение, я обязательно передам Джиму.

– Вот адрес, – Алишер протянул ей заранее подготовленную записку, – а точную дату и время я скажу завтра. Надо посмотреть расписание всех экзаменов.

– Конечно, – не отрывая сияющего взгляда от Алишера, Маргарета развернула и снова свернула бумажку несколько раз. – Хм, а скажи, та девочка из библиотеки тоже будет?

– Ни... Вика? Будет, – кивнул Алишер.

– Здорово. Тогда... до завтра! – Улыбаясь, она то ли кивнула в ответ, то ли полуприсела в реверансе – и направилась в аудиторию.

Рука Алишера твёрдо выводила на планшетке сечение сложной детали. Здесь всё было рассчитано, всё под контролем – сплошное наслаждение. Он из года в год включал черчение в своё индивидуальное расписание, хотя в выпускном классе это формально было запрещено – Алишер должен был придерживаться гуманитарных предметов, соответствующих его профилю. Однако парню позволяли делать что душе угодно. Он подозревал, что это как-то связано с особо внимательным отношением его родителей к колледжу. Ибо учебное заведение явно получало от них больше внимания, чем сын.

Из-за несовпадения профилей Алишер едва ли знал и половину студентов в этой группе. Маргарета сидела перед ним через ряд, и он мог наблюдать бесконечный цикл: тонкие чёрные косы падали ей на грудь и, наверное, мешали чертить; она откидывала их назад, склонялась над столом – косы скользили по спине и снова падали на грудь; Маргарета рассеянно убирала их за спину... Алишер закончил деталь, отложил карандаш и от души потянулся.

Госпожа Билих, полная, похожая на грушу немка с неисправимым акцентом, погрозила ему пальцем.

– У стола не тянутся, молодой челофек.

– Так это за обеденным, – отозвался Алишер.

Раздались отдельные смешки, пара человек с постными лицами – наверное, математики или физики – обернулись в его сторону, чтобы выразить своё недовольство. Маргарета тоже обернулась, но она улыбалась, причём улыбалась так здорово – глазами.

Алишер снова взялся за карандаш, когда дверь класса приоткрылась. Ему не было видно, кто там, и он не стал всматриваться – вместо этого обратился к следующему заданию.

– Полиция, – зашептали в первых рядах.

Алишер вздрогнул.

«За мной, – пронеслось в голове, – раскрылось».

Билих доплыла до двери, выслушала незнакомца, после чего нервно кивнула, сняла и сложила очки и посмотрела на класс. Двадцать три пары глаз, не отрываясь, буравили её. Алишер вдруг заметил, что невольно привстал со стула. Что он собирается делать? Бежать? А как же Кенжел, Ника? Да и куда бежать?

– Ма... Маргарета, – сказала госпожа Билих, – проходи сюда, пошалуйста. Это касаться о твоих родителях.

Маргарета, бледная, как лист планшетки, поднялась со своего места. Привычным движением она откинула косы назад, только на этот раз медленно, будто в трансе.

– Они... арестованы?

Билих дёрнулась и не ответила.

– Проходи сюда, обсудить.

– С вещами, – добавил полицейский, которого Алишер так и не увидел.

Алишер посмотрел на Маргарету. Девушка торопливо закидывала тетрадь, ластики и прочую мелочёвку в сумку. Взяв со стола последний карандаш, она замешкалась. Едва решаясь поднять голову, Маргарета исподлобья оглядела класс и встретилась взглядом с Алишером. Он видел: ей было страшно. Через долю секунды сумка полетела на пол, и содержимое вывалилось в проход между рядами. Никто не шелохнулся, только Билих двинулась в их сторону. Маргарета, опустившись на корточки, снова взглянула на Алишера глазами, полными отчаяния. Он понял, что ей что-то от него нужно, вскочил из-за стола и бросился собирать её вещи: папку с планшетками, линейку, яркий платок...

– Забери, – шепнула она, бросая сложенный листок с адресом, который он дал ей в перерыве. – И это...

Маргарета подтолкнула к нему жёлтенький кошелёк с полустёршейся картинкой. Видя недоумение Алишера, она сунула кошелёк ему под ноги. Всё остальное было тут же как попало закинуто в сумку, и Маргарета выпрямилась.

– До свидания, – дрожащим голосом сказала она госпоже Билих и, ни разу не обернувшись, вышла из класса.

* * *

Он достал проездной Маргареты из жёлтого кошелька и ещё раз сверил адрес на карточке с картой города. Прошло уже больше месяца с тех пор, как Алишер был в этом районе с Вероникой – салон «Колыбель Афродиты» находился всего в паре кварталов отсюда. Алишер даже вышел на той же остановке трамвая, только идти нужно было в другую сторону. Указатели на этих улицах отсутствовали, зато

здесь было много бетона, граффити, куцые газоны без единой клумбы – и это в июне! – да уродливые металлические скамейки на каждом углу. Скамейки не выглядели ни удобными, ни, если уж на то пошло, чистыми, однако пользовались большим спросом. Тут и там сидели люди всех возрастов и наружностей: светлокожие, темнокожие, закутанные в платки и полураздетые; они были увлечены беседой или играли в настольные игры с карточками и фишками. Алишер задумался: в его районе не было скамеек, и никто в них, кажется, не нуждался.

В доме, где жила Маргарета с родителями, домофон и консьерж отсутствовали. Алишер прошёл к лестнице – он не был уверен, на каком этаже она живёт, так что пришлось останавливаться на каждом пролёте и сверять номера. Наконец на пятом этаже он позвонил в сорок вторую квартиру. Тишина. Он позвонил ещё несколько раз и прижался ухом к двери. Почему-то казалось, будто в квартире что-то происходит, но, может быть, виной тому тонкие стены? Для верности он ещё раз постучал и тут услышал звук отпираемой двери.

Однако это была дверь соседней квартиры. Неопрятная женщина выглянула в подъезд и с укором воззрилась на Алишера.

– Ну ты ещё долго будешь колотиться? – устало спросила она.

– Я... Извините. Я искал Маргарету вы её знаете? Она сегодня забыла кое-что в школе... Да я просто хотел спросить, что да как. Кажется, у неё неприятности.

Соседка вскинула брови и не сразу нашлась, что ответить.

– А ты рыцарь на белом коне, что ли?

– Ну, мы вроде... друзья, – сказал Алишер и прикусил язык – так глупо это прозвучало. Надо было развернуться и уйти прямо сейчас, но вдруг соседка что-то знала? – Где она может быть? Просто в её кошельке я нашёл...

– Святая мать божья! – перебила женщина. – Ты здесь в первый раз, да?

Алишер кивнул.

– Тогда не надо незнакомых людей в друзья записывать!

– Да я же хотел...

– Катись отсюда! Их нет дома. А я ничего не знаю.

Женщина захлопнула дверь, и Алишер услышал удаляющиеся шаги. Хорошо хоть не стала в глазок следить, как быстро он покинет

здание. Вот ведьма!

Он сбежал вниз по лестнице, вышел на воздух и остановился у подъезда. Куда теперь? Какой-то безумный день... И вдруг что-то жёсткое ударило его по спине.

Алишер охнул, нагнулся и подобрал с земли яркий апельсин. Кусок шкурки держался на булавке – такого десерта Алишер ещё никогда не встречал. Вытащив булавку и отодрав шкурку, он выудил мокрую записку:

*«Не люблю хамить, но ты думай, прежде чем говорить!
Встретимся в соседнем продуктовом (за углом), расскажу о М.»*

Алишер никогда не покупал продукты сам – для этого у них была домработница. Если они с Кенжелом и оказывались в магазине, то лишь для того, чтобы разжиться мороженым, сухариками или газировкой. Сейчас, стоя посреди плохо освещённого зала, плотно заставленного стеллажами, он в который раз за последние несколько недель вдруг осознал, что далеко не все в этом городе – и, если уж на то пошло, в этой стране – вели столь же беззаботный образ жизни. Его семья была не идеальна, о нет, но ему хотя бы не приходилось тащить домой сумки с продуктами, когда за спиной и без того тяжёлый школьный рюкзак, как той девочке, которой он придержал дверь. На кассе женщина отсчитывала монетки, чтобы расплатиться. Она то и дело глядела на часы, нервничала, сбивалась и наконец и вовсе рассыпала мелочь. Кассирша скучающе оглядела помещение и заметила Алишера.

– Ну хоть бы помог женщине, что ли, бессовестный!

Он очнулся и подошёл к кассе. На полу уже почти ничего не оставалось. Алишер засунул руку в карман и, выудив несколько монет, положил их на пол, чтобы тут же поднять.

– Вот, держите, – сказал он, протягивая деньги женщине.

– Ой, да... у меня даже не было таких крупных.

– Ну, наверное, под стойку закатились, потерял кто-то. Так вы возьмите.

Она не стала отказываться. Смущённо улыбнувшись Алишеру, быстро расплатилась и ушла.

– Ты следующий? – спросила кассирша. – Что братъ-то будешь?

Алишер подумал о доме: о полках, заставленных пакетами с мукой и рисом, о мисках с овощами и фруктами... Он понятия не имел, что им нужно из продуктов. Наверное, у них всего было в изобилии – кроме, пожалуй, семейного счастья. Но его здесь не купишь.

– Я ещё посмотрю.

Он снова скрылся в глубине магазина. Сердитая соседка Маргареты не спешила появляться... А может, она его просто разыграла? Но нет: за очередным стеллажом он наконец её увидел – женщина спешила ему навстречу на ходу складывая в корзинку продукты.

– Это странное место для беседы, – заметил Алишер.

– Ты ещё странных мест не видел, – парировала она.

Алишер затруднялся сказать, сколько ей лет. За сорок?

Волосы неопределённого цвета, то ли русые, то ли седеющие, она собрала в тугий старушечий пучок, но на лице едва ли были морщины. Впрочем, женщины и возраст – кто их разберёт... Говорила она с лёгким акцентом, который казался знакомым, и всё же Алишер не мог его опознать. В Соединённой Федерации, конечно, каждый второй говорил с каким-нибудь акцентом, но в последнее время Алишер научился различать речь эмигрантов и тех, кто говорил на старом диалекте Флориендейла. Не зря он исследовал всю доступную литературу о королевстве, которой оказалось больше, чем полагала Джоан. Надо было просто уметь искать. Да и Вероника снабдила его кое-какими знаниями.

– Что вы хотели мне рассказать? – вежливо спросил Алишер. – Можно же было прямо там...

– О боже! – воскликнула соседка. – Дорогой мой, куда, думаешь, ты пришёл? Просто плохой район?

– Ну... – Алишер замялся.

– Я, может быть, спасла твою будущую карьеру, вышвырнув тебя из нашего дома, – продолжала соседка. – Там прослушивается каждая квартира, каждый лестничный пролёт! Я бы не рекомендовала тебе даже заходить туда, не то что беседы беседовать...

– Но почему? – спросил Алишер. – Вы что, сторонники... э-э... запрещённого режима?

Он оглянулся на всякий случай и подозрительно покосился на стеллажи, но соседка Маргареты усмехнулась и махнула рукой.

– Здесь безопасно. Это и правда бедный район, но они не будут слушать каждую лавку. Раньше, конечно, да... но уже не сколько лет всё тихо. Наш дом – исключение. Он для тех, кто был ближе всех... к режиму, – она задумчиво посмотрела на содержимое своей корзинки и выложила упаковку макарон обратно.

– Чем же вы раньше занимались? Если не секрет?

Соседка покачала головой.

– Не секрет, но это неважно, мой дорогой. Это было давно... Вчерашний снег, как говорится. А что до Маргареты... Её родители – я хорошо их знаю, хотя мы познакомились только... после. Они не хотят забывать.

Она помолчала.

– Я, может быть, тоже не хочу забывать, но надо же как-то жить дальше. Глупо мечтать о революции – её не будет. Вот и приходится мириться с новым миром.

– Но разве вы не с Земли? – спросил Алишер. Он ничего не понимал. – Ваше произношение... Почему вы не вернулись обратно?

– Они никогда меня не отпустят, – отозвалась соседка.

* * *

Она рассказала ему немного – о родителях Маргареты, которые словно бы что-то замышляли; о гостях, которые часто ходили к ним в последнее время. И хотя она не могла знать, о чём шла речь, гости в доме – это всегда не к добру. И вот сегодня утром мать Маргареты забрали в слезах, однако увезли её не в полицию, а в больницу. Соседка слышала разговор на лестничной клетке.

Алишер показал ей кошелёк Маргареты. Он заглянул внутрь после занятий и нашёл там значительную сумму и фальшивое удостоверение личности. К сожалению, соседка и этого не смогла объяснить. Алишер был разочарован – он так рассчитывал на неё, но ничего не прояснилось. Зачем Маргарета отдала ему кошелёк?

– Скорее всего, она просто не хотела быть пойманной с деньгами и новым паспортом, – пожалала плечами женщина. Они вышли из магазина, и она провожала Алишера до остановки. – Я советую тебе ничего не делать. Если сможет... и захочет, она сама тебя найдёт. Понимаешь, у них есть мечта... Если мы правильно следили за новостями, а мы все, даже я, внимательно смотрим и читаем между строк, можешь мне поверить, что Эстель... то есть бывшая королева и её дочь... они живы и находятся в тюрьме. Кое-кто по-прежнему верит, что их можно освободить, но я... я не буду в этом участвовать. Чепуха!

Алишер чуть не споткнулся и замер посреди улицы.

– Что такое? – спросила соседка.

– Я... – У него вдруг пересохло в горле. – Я об этом не знал. Есть конкретный план?

– Мне откуда знать, это Маргарету нужно спрашивать, – фыркнула женщина. – Они называют себя Сопротивление.

– Но... если они попытаются их освободить, они не найдут там Веронику! – выпалил Алишер.

– Что? – она посмотрела на него, и впервые лёгкое волнение отразилось на этом безразличном, унылом лице.

– Если вам такое ещё интересно, – он оглянулся по сторонам, но рядом никого не было, – принцесса – она сейчас на свободе. Мы с братом укрываем её в нашей квартире, здесь, в Роттербурге! Это же всё меняет, правда?

Соседка молчала, кусая губы.

– Как она сюда попала? – наконец прошептала она. – Не может быть...

– Ей удалось бежать по дороге из тюрьмы!

– Ах! Так это Вероника, которая была с Эстель в Алилуте? – в голосе женщины слышалось разочарование, и Алишер не мог понять почему. Он-то смотрел на неё с триумфом, ожидая, что сейчас женщина улыбнётся, бросит свою корзинку, поверит в светлое будущее и они вместе поедут к Нике.

Он кивнул. Соседка Маргареты покачала головой.

– Тогда это ничего не меняет.

– Но... – от волнения ему не хватало воздуха в лёгких. – Но... как же так!

– Ты действительно хочешь знать? – спросила она.

– Да, – твёрдо сказал он.

– И зачем?

Алишер задумался: может быть, женщина не в своём уме? Спятила от бесконечной слезки и давления властей? Но она не выглядела ненормальной, наоборот, казалась весьма убедительной, разумной, умеренно осторожной.

– Затем, что Вероника живёт в моей квартире, – он понизил голос. – Принцесса этой страны – шанс для Сопротивления! Вы же говорите, что это всё чепуха. И я хочу знать почему! Хочу знать то, что знаете вы.

Соседка окинула его внимательным взглядом и чему-то усмехнулась. Алишер видел, что она колеблется. Он вдруг вспомнил тот день, когда они нашли Веронику, и её спутанный рассказ о путешествии в автозаке и побеге. Ведь она была там не одна... Странная мысль посетила его.

– Это не та девочка? – похолодев, спросил Алишер. – Вероника – не принцесса?

– Бинго! – ответила женщина.

ιβ

– Даже пятилетний ребёнок стреляет лучше тебя.

– Смелое заявление, – Кассандра опустила пистолет и передёрнула плечами.

– Приходится быть смелой, когда в отряде такие бойцы, – парировала Ляля Бимбикен. – Ты же художница, где твой глазомер? Ты видишь цель?

– Я вижу цель, – мрачно подтвердила Кассандра.

Холодный пистолет оттягивал руку и ощущался как инородное тело, от которого хотелось скорее избавиться. Пересиливая себя, Кассандра выпрямилась, чуть наклонила голову, прицелилась, задержала дыхание и... медленно нажала на спуск. Раздался выстрел.

– Ты куда целилась? – недоумённо спросила Призрак, стоявшая рядом.

– Куда угодно, только не в мишень, – Бимбикен покачала головой и посмотрела на часы. – Так, мне надо идти, а вы продолжайте.

Кассандра застонала. Всё тело ныло, и хотелось лечь прямо здесь на тёплую землю и свернуться калачиком. Она снова плохо спала – то ли из-за изнурительных занятий, то ли оттого, что Мари опять снилась ей в кошмарах. Это были нечёткие туманные видения, наутро Кассандра не могла вспомнить ни слова, но ощущение, что сестре плохо, что она в отчаянии и в опасности, не проходило весь день.

– Как у тебя это получается? – спросила Призрак.

– Так косить, ты имеешь в виду? Это талант, он не каждому дан. Я бы тебя научила, но...

– Честно говоря, вообще не смешно, – Призрак только головой покачала. – Ты понимаешь, что это вой на? Будешь так стрелять, они не возьмут тебя во Флору. Оставят здесь огород поливать.

– Но я же стараюсь! – Кассандра бросила пистолет Призраку – та не ожидала этого, но, конечно, поймала и уставилась на Кассандру, округлив глаза.

– Ты меня угробить хочешь? – хрипло спросила Призрак. – Оружием не бросаются, алё!

Кассандра сжала виски и опустилась на землю.

– Прости... Я сама не понимаю, что делаю. Внутри всё узлом завязывается! Не могу сосредоточиться, не могу прицелиться, мои мысли далеко отсюда.

– И что теперь? – Призрак извлекла магазин – по счастью, он был пустой. – Сдаться, опустить руки? Может, вообще уйти из лагеря?

Кассандра пожала плечами.

– Это ты зря, – продолжила Призрак. – Если Мари действительно схватили по приказу Роттера, то ты на верном пути, пока остаёшься с ливьерами. По крайней мере, вносишь вклад в общее дело. У Бимбикен есть план, и ты – его часть. Так ты поможешь ей и сама станешь на шаг ближе...

– А если не стану? – Кассандра смотрела на Призрака снизу вверх. От частых тренировок у неё стал дёргаться правый глаз. – Я чувствую, что время уходит...

– Так не чувствуй! – отрезала Призрак. – Ради Ангела, ты думаешь, если бы я всё время чувствовала, мы с Томем и Рофи ещё были бы живы?!

Лицо Мари, глаза Мари – Кассандра ворочалась на койке, пытаясь стряхнуть с себя очередной кошмар.

«Твое лицо – моё лицо, твои руки – мои руки, твоя судьба – моя судьба!»

Мари была ей больше чем сестра, они были одним целым, им нельзя было разделяться, но...

Кассандра очнулась и села на кровати. В палатке было душно, и футболка промокла от пота. А за стенкой – такая спокойная, тёплая ночь: тихонько потрескивали насекомые, ухал филин, деревья перешёптывались с ветром. Кассандра опустила голову на грудь и впиалась руками в край постели. Хотелось взмыть в небо и наблюдать за миром сверху, издали, не чувствуя горя и не ведая забот.

Засунув голые ноги в ботинки, она выбралась из палатки. Где-то в этой синеватой мгле затаились дежурные, но Кассандра не хотела к ним идти. Она раскрывала покров, ходила на физподготовку, настраивала радио и училась стрелять, но, к сожалению, это не сделало её одной из них. Зато нелюдимая Призрак, оказавшись в лагере, сразу почувствовала себя как на давно забытой родине... И это было понятно, ведь родина была у них общая – у всех, кроме Кассандры. В который раз она убедилась, что Бимбикен была права, когда не хотела принимать в свой лагерь заблудшую девочку с Поверхности.

– Maar ik spreek Nederlands^[4], – пробормотала Кассандра себе под нос мантру, которой ещё в детстве научила их мать. Она объяснила им с Мари: если кто-то будет обижать их в школе, они должны помнить о том, что у них есть свой язык, своя культура и целый мир, куда они могут вернуться, если захотят. Но мама могла не волноваться: их не обижали. Они были не единственными детьми с Поверхности, вынужденными искать своё место под солнцем Нового мира. Они были в большинстве.

Сон быстро выветрился, а вместе с ним и кошмар о Мари, но возвращаться в палатку не хотелось. Неслышно ступая по тропинке и оглядываясь по сторонам, чтобы не попасться на глаза дежурным, Кассандра направилась к реке.

На берегу пылал костёр. Кассандра укрылась за деревьями и прищурилась, разглядывая знакомую фигуру у огня. Альфа Камила не таилась – она неподвижно сидела на земле, сложив руки на коленях. Кассандра вышла из тени и решительно направилась к ней.

– Не спится? – спросила Альфа, оборачиваясь на звук шагов. Она совсем не удивилась Кассандре, словно ждала её. Или ей было просто всё равно, кто прилетит на свет её костра.

– Кошмары, – сказала Кассандра, но не стала вдаваться в подробности.

– Могут сделать тебе настойку травники. Попроси.

– Нет, я не хочу...

– Присаживайся, Кассандра, – мягко попросила Камила. – Поговорим.

Кассандра опустилась на колени и только тогда заметила, что одежда на Альфе мокрая – и длинная юбка, и плащ, и даже свитер. Зачем лезть в воду в таком виде, да ещё и ночью? Кассандра поёжилась от резкого порыва ветра и снова пристально посмотрела на Альфу. Старушка не подстелила ни куртки, ни пледа; она сидела на голой земле, утопив пальцы в жиденькой траве и песке. Огонь, вода, земля...

– Скажите, вы – вода?

Камила поймала взгляд Кассандры и едва заметно улыбнулась. Кассандра стушевалась и пожалела, что спросила. И почему у неё вырвалась именно «вода»? Она много размышляла о том, кто такая Альфа Камила и что она значит для ливьер. Она была в лагере на особом положении, и многие относились к ней даже с большим уважением, чем к Ляле Бимбикен, а ведь последняя была для них кумиром и образцом для подражания! Спрашивать об Альфе у других девушек означало снова опозориться, и потому Кассандре приходилось по крупицам собирать знание, очевидное для всех остальных, включая Рофи и Томя. Ни на секунду ей не удавалось забыть, что она здесь чужестранка. Однако в последнее время, наблюдая за тем, как Призрак шушукается с девочками из Набреги и как Анель и Нириаль бережно, листок к листку, составляют книгу рецептов травников, Кассандра больше не стремилась подчёркивать неизбежную пропасть между ними. Она никому не признавалась, но теперь ей хотелось перекинуть

через эту пропасть мост. Альфа Камила была одним из его основных столпов.

– Нет, – отозвалась Альфа.

Жаль! Кассандра надеялась угадать с первого раза и почему-то в глубине души полагала, что это Камила помогла ей тогда на реке, когда она потеряла сознание.

– Значит, воздух.

– Альфа – воздух, Бета – огонь, Гамма – земля, Дельта – вода, – сказала Альфа, кивая в такт. – Как изменился мир, и как изменились с ним мы. Нет больше ни силы, ни старых друзей.

– Но вы ведь верите, что реставрация возможна, – возразила Кассандра. – Может, тех сил больше нет, но есть другие, новые силы. И вы с нами! То есть... это я с вами.

Альфа взяла ладонь Кассандры в свою. У неё были обыкновенные старческие руки, совсем не похожие на руки волшебницы. Кожа казалась прозрачной в свете луны и отблесках пламени.

– Рада, что с нами ты. Это большая честь.

Кассандра фыркнула. Вряд ли Ляля Бимбикен так считала.

– Почему?

– Прийти из Поверхностного мира и поверить во Флориендейл, поверить в нас – сложный путь. Втройне сложнее, чем у твоей подруги Призрака. Уважаю.

Кассандра покраснела. Ей было приятно, что Альфа оценила её усилия, и в то же время неловко: разве она достаточно старалась? Как долго она сопротивлялась, спорила с Бимбикен и отказывалась слушать! Альфа не стала и дальше нахваливать Кассандру и сменила тему.

– Сегодня ночью хочу почтить память погибших, – сказала старушка. – Днём будет скромная церемония, но хотела побыть наедине со стихиями я. Хоть и не чувствую их теперь... Конец июня – знаешь?.. Нет, не можешь знать. О народах стихийных, наверное, ещё не слышала.

– Стихийные народы? – переспросила Кассандра. Она до сих пор не привыкла к странной манере речи Альфы Камилы. – Почему же, я знаю, что во Флориендейле жили какие-то... э-э... существа, которые служили стихиям.

Альфа сжала руку Кассандры.

– Служили они, служили мы – нас питали, защищали в ответ стихии. Воздуха народ был эльфы. Маленькие, с полметра ростом, худенькие, крылатые, как... как стрекозы, наверное. Такие причёски носили... Так любили сладкое – бывало, достанешь леденец и воткнёшь в горшок, и прилетают мои малыши, и начинают осторожно подбираться к конфетке...

Камила опустила глаза.

– Их больше... нет? – тихо спросила Кассандра. – Ведь так?

– Конец июня, Кассандра. Знаешь такое – «ковровые бомбардировки»? Учат ещё этому в школах сегодня? Уничтожены были все: эльфы, саламандры... а с ними и травники, и Орили.

– Орили? – не поняла Кассандра. – И травники!.. Нет, как же так?!

– Тебе лучше спросить Эльсону об Орили, собирает их мифы она. Бедная, взвалила на себя невыполнимую задачу девочка. Далеко на севере были Орили. Об опасности мы предупреждали, но они не слушали, упрямы. Не выжил никто, – сказала Альфа. – У травников успели спасти детей. Их в детских домах укрыли, в приёмных семьях.

Кассандра подумала о Нириаль с её бледной кожей и раскосыми глазами. Так вот почему девочки составляют книгу рецептов – они пытаются сохранить крупицы того, что осталось от вековых знаний их народа... И быть может, они вовсе не знают, как помочь маме Кассандры и Мари. Нириаль с самого начала была готова попытаться, ей скажи – она хоть сейчас выступит в поход в Цветочный округ. Но для того в лагере и была Бимбикен, объективно смотревшая на вещи и запрещающая предприятия, которые не обещали успеха. Если кто-то узнает в Нириаль травника, её тут же убьют. Кассандра осознала это только сейчас.

– Ни-ри-аль, А-нель... – проговорила Кассандра. – Разве королеву... то есть... ну да, королеву Флориендейла – её не Эстель зовут?

– Эстель, – кивнула Альфа Камила. – Да, получила своё имя в честь травников королева Эстель. Было важно её родителям это.

Она закашлялась, замолчала и о чём-то задумалась.

– И вы действительно верите, что у нас получится освободить королеву и её дочь? – спросила Кассандра. – Вы не думаете, что их убьют при первой же нашей попытке?..

– Верю, что есть способ, – уклончиво ответила Альфа Камила. – Когда попадёте во Флору через неделю вы, самая главная будет задача – найти во дворце королевские регалии: короны Флоры и Ориендейла и символы стихий. Наш долг путь, и без регалий нам его не одолеть...

Уже на следующей неделе! Готовы ли они, эти женщины и девочки, которые борются за ныне забытое, втопанное в грязь прошлое? Отдают ли себе отчёт, как безмерно чуждо их дело для миллионов других в Соединённой Федерации? Для миллионов, которые не догадываются о размахе трагедии, постигшей этот особенный мир.

Альфа Камила продолжала говорить, и Кассандра с закрытыми глазами слушала плавный голос, пропуская через себя каждое движение мира. Ей грезилась скалы на севере Ельны и густые хвойные леса, простирающиеся от Ориенталя до самых Мраморных гор; огни Роттербурга слепили глаза, а пески вокруг Манолы дышали жаром в лицо; от развалин Флоры и разграбленных особняков Ангоры веяло глубокой старостью, древностью; город-сказка Алилут казался облаком, сотканным из миллионов цветочных ароматов; ей виделась индустриальная полоса вдоль моря Линчева – серая, пыльная, зловонная; грезилась бескрайние степи к западу от Набреги и сама Набрега с её узкими улочками и рыбными рынками; море Ласточки, глубокое и совсем не солёное, манило своей прохладой; стёртые в пыль заповедник стихийных народов и поселения Орили и травников пугали своей пустотой и кричащей тишиной. Поверх всего этого была река – уже не самая чистая, но всё ещё быстрая и полноводная, берущая своё начало от святого водопада Орили. Поверх всего этого были горы, куда не добрался даже Роттер. Кассандре грезился её Флориендейл.

* * *

Они просидели у костра всю ночь, и, когда Кассандра возвратилась обратно в лагерь, устало махнув рукой удивлённой дежурной, за лесом уже теплился рассвет. Пробираясь мимо палаток, где бунтари, повстанцы и бойцы группы «Центр» досматривали свои

сны, Кассандра думала обо всех тех людях, что несли в себе частицу Большого горя. Выпало оно и на долю Кассандры. Оно каждого хлестнуло по щеке, повсюду оставило свои грязные следы. Оно заставило магию Флориендейла забиться в угол, укрыться в подземных пещерах, затеряться в шумном потоке водопада Орили. Но магия не умерла, и Альфа Камила с Бимбикен каждый день доказывали это. Ливьеры доказывали это. От каждого по способностям, так сказала ей Альфа...

Кассандра повела пальцами в редющей темноте, скользнула сквозь неё к свету, к пламени, к каплям росы на траве, в которой билась живая энергия земли. Кассандра нашла то, что искала, и повернула ключ в невидимом замке.

* * *

Ляля Бимбикен уже час как встала – она всегда плохо спала в конце июня. Почувствовав вмешательство чужой силы, Ляля вскрикнула и бросилась к окну. Никто, кроме Альфы и Эльсоны, не знал, что она могла держать два покрывала – обычный, который Бимбикен разворачивала при необходимости, и ещё один, служивший защитным куполом для лагеря ливьер. Днём и ночью он прикрывал его с воздуха, не давая разведчикам Роттера обнаружить их и сбросить бомбы. Но купол был призрачно-тонким, он мог отвести любопытный взгляд, и не более. Сейчас же он окреп, словно кто-то вплёл в него тысячи невидимых нитей. Ляля судорожно глотала воздух, пытаясь совладать с собственной силой, которая снова вернулась к ней теперь, когда кто-то разделил с ней её бремя.

17

Он обязательно расскажет им всё, сегодня же! Надо было сказать ещё вчера, но он не смог себя заставить. Пропуская мимо ушей наставления преподавателя, Алишер рассеянно чертил на полях тетради и пытался принять решение.

Если верить соседке Маргареты, Авроре, – а ей, похоже, следовало верить, – Вероника вовсе не была принцессой Флориендейла, как она полагала. Соседка подменила девочку в колыбели, когда той было всего несколько месяцев. Аврора рассказала Алишеру, как она целый месяц искала подходящую семью, как дважды её план срывался. Она уже думала, что ничего не выйдет.

Подходящую женщину, внешне весьма похожую на Эстель, Аврора встретила случайно. Разговорилась с ней. Измученная мать новорождённых двойняшек с лёгкостью оставила ей своих детей на весь день. Аврора колебалась, ей было стыдно, но... в кармане лежало страшное письмо, извещавшее: «Флориендейл пал, король Николас казнён». И Аврора всё-таки решилась: она забрала с собой одну из маленьких сестёр, оставив принцессу в новой семье. Мать детей что-то заподозрила, однако её словам не придали значения. Двойняшки были отданы на попечение отца – его Аврора видела только мельком, но надеялась, что он сумеет о них позаботиться. Принцесса Флориендейла должна была вырасти на Поверхности, ничего не зная о своём происхождении, и если не в любви, то хотя бы в безопасности.

Что же пошло не так? Аврора оставила ребёнка там, где разыгралась стихия, с которой люди боролись веками. И семья девочки потерялась из виду: наследница погибла, или нашла приют где-то ещё... или же попала в Соединённую Федерацию, как и тысячи других беженцев со всех концов Европы в те годы. Кенжел и Алишер спасли от полиции Веронику, но что случилось с той, другой девочкой? Неужели...

– Алишер!

Он вздрогнул. Господин Хинкис у доски указывал на него маркером.

– Я к вам обращаюсь, молодой человек. Вы внимаете?

– Теперь внимаю, – Алишер сел на стуле ровно и потёр виски, пытаясь отвлечься от мыслей о двойнике Вероники. – Извините, голова разболелась.

– Тогда выйдите, обратитесь в медпункт. Что вы мне тут массовку устраиваете? Итак, пока Алишер удаляется, ещё раз повторю вопрос: «Душевная драма Джонни», на какие пункты мы можем опираться в этом сочинении?

Класс уныло молчал. Уровень мотивации в аудитории стремительно падал с каждой минутой: последний семинар в году, последняя пара в субботу... Неужели нельзя было обойтись без монотонного повторения? Алишер с облегчением подхватил портфель и выскользнул в холл.

* * *

Он вошёл в подъезд своего дома, привычно скользнув взглядом по объявлению «Разыскивается»: ребята давно перестали срывать их, чтобы не привлекать внимание. Взбежал по лестнице на третий этаж и позвонил в дверь. Вероника и Кенжел должны быть дома – наверняка ведут разговоры о высоком. Алишер надеялся, что они не начинали обсуждать план без него.

Однако никто не спешил открывать. Алишер позвонил ещё раз. Вот это дежавю: сейчас выйдет соседка и... Сообразив, что у него есть ключи, Алишер отпер дверь и вошёл в квартиру. Темно.

– Эй, Кенжел! – позвал он. – Ника?

Никого.

* * *

– До Манола один билет, пожалуйста, – протягивая деньги в окошко, сказал Алишер.

– Обратный? – не глядя на него, бросила кассир.

– Э... что?

– Вам туда и обратно или в одну сторону? – подсказала девчонка, стоявшая за ним в очереди.

Алишер благодарно кивнул. Смешно, но он ни разу ещё не ездил на поезде. Все, кто мог себе это позволить, пользовались автобусами, потому что железнодорожная ветка была старая, оставшаяся с прежних времён, и пассажирские поезда ходили по ней редко.

– Только туда.

– Пожалуйста, – кассир выдала сдачу и билет – бумажный квадратик, на котором уместилась целая таблица с множеством цифр.

Алишер уткнулся носом в этот фантик, пытаясь разобрать мелкие строчки. Какой умник придумал печатать такие билеты?

– Поезд на Манолу через три минуты, это вон тот серый. Вам надо на вторую платформу перейти! – выпалила девчонка.

Алишер крикнул: «Большое спасибо!» – и бросился к лестнице.

В вагоне он занял первое попавшееся место у окна и снова развернул обнаруженную у себя на письменном столе записку от брата.

Удалось поменять смены местами – мы выходим на Флору сегодня! Ребятам нормально. Когда второй заход – не знаю. Пожелай удачи! К.

Проклятье! Ведь он мог бы позвонить в колледж. Если у Кенжела было время писать записки и консультироваться со своей командой, то уж, наверное, он мог бы улучшить минутку и набрать один короткий номер телефона. Но нет – Кенжел наверняка не хотел беспокоить Алишера во время жизненно необходимой пары по литературе. Смешно! Что могло быть важнее, чем их миссия?

Кенжел сказал бы, что это импульсивно и глупо – вот так срываться с места. Однако теперь, когда Алишер узнал тайну Авроры, ему необходимо было увидеть брата прежде, чем тот рискнёт всем, что у него есть, ради Вероники. Пользуясь прикрытием в виде планового дежурства, Кенжел и два его лучших друга собирались исследовать заброшенный королевский замок и отыскать генератор пространственных переходов. Они хотели вывести его из строя, чтобы разорвать связь с Поверхностным миром – и подарить людям Флориендейла новую надежду.

Но, похоже, они размечтались: всё пошло наперекосяк. Кенжел должен был взять Алишера с собой. Следующий вылет должен был состояться в воскресенье. Вероника... Алишер покачал головой при мысли о девушке. Как теперь быть, как объяснить брату, что Ника – вовсе не наследная принцесса Флориендейла? А главное, как объяснить это самой Нике?

Сегодняшняя разведка Кенжела в случае неудачи могла обернуться тюрьмой для него и его команды. Нельзя, недопустимо

было отправлять туда ребят, если они не знают правды. Чёрт, ну почему он не позвонил?!

Алишер обхватил голову руками и откинулся на спинку кресла. Путешествовать на поезде оказалось здорово, однако этих новых впечатлений было всё же недостаточно, чтобы отвлечь его от тяжёлых мыслей следующие два часа.

В средней школе они с классом ездили в Манолу на экскурсию, но Алишер ничего из той поездки не помнил. Всё казалось незнакомым: крошечный, припорошённый жёлтой пылью вокзал; расходящиеся веером улицы, самая широкая из которых прямой стрелой вела в центр; пара-тройка машин с манольскими номерами, автобусы. Наверное, школьные экскурсии включали в свой маршрут только известные места: университет, святой источник, смотровые площадки с видом на Пустыню, – но никак не вокзал.

Алишер два раза по кругу обошёл все платформы, прежде чем наконец приметил в углу окошко кассы. В отличие от Роттербурга, на манольском вокзале касса была всего одна, и обслуживал её щупленький пацан чуть ли не младше, чем Ника. Местный студент, что ли?

– Не подскажете, когда следующий поезд на Индувилон? – спросил Алишер.

Он всё продумал ещё по дороге к вокзалу в Роттербурге. Понятно, что во Флоре поезда не останавливаются, но в Индувилон они идут по старой железнодорожной ветке. Если сойти на одной из ближайших открытых станций, можно добраться до аэродрома Манола-Флора на попутке или даже пешком и оттуда связаться с Кенжелом.

Паренёк за кассой развёл руками:

– Этот поезд ушёл сегодня утром.

– Ну а следующий когда?

– Следующий – в воскресенье, – ответил кассир.

– Что?! – воскликнул Алишер. – Почему?

– Ну... – паренёк пожал плечами и кивнул на пустую платформу. – Спрос не очень, и не хватает машинистов. Кассиров тоже.

– Ага, – пробормотал Алишер. – Так. А есть другая возможность попасть отсюда в Индувилон?

– Можно тут в отеле переночевать...

– Нет! Сегодня?

– Тогда нет. – Парень смотрел на Алишера, ожидая следующего вопроса. Но вопросов больше не было. Алишер отошёл от окна, нашёл скамейку в тени серой вокзальной стены, сбросил рюкзак, пиджак и сел рядом.

Тупик... Оставалось только надеяться, что Кенжелу, Ирке и Ли сегодня не повезёт. Что у них не будет возможности приземлиться и осмотреть замок. Пусть только вернуться, и Алишер сразу расскажет правду...

И пусть Кенжелу будет стыдно, что из-за него Алишеру пришлось тащиться в Манолу и полдня ждать на жаре обратного поезда. Хотя ему, скорее всего, не будет.

* * *

Через пару часов на Алишера всё-таки накатили детские воспоминания: он добрался до святого источника на центральной площади. Стоило увидеть воду, как сразу же захотелось пить, но Алишер вовремя заметил блестящую табличку и вспомнил, что из источника пить нельзя. Восемь лет назад один из его одноклассников вскарабкался на бортик фонтана и стал горстями черпать прохладную воду – учительница отчитала его и отправила сидеть в автобусе до конца экскурсии. Ещё Алишер припомнил, как они дурачились с друзьями и какой у него был шикарный ланч-пакет, который ему собрала няня. Там была даже жвачка! Смешно думать об этом теперь.

Повзрослевший Алишер мог по достоинству оценить архитектуру старого города: кубики домов из жёлтой глины, с деревянными резными ставнями, с потрескавшимися от жары расписными вазонами на лестницах, плоских крышах и широких подоконниках и вездесущими плющевидными пальмами. Удивительное явление эта Пустынная полоса и город-оазис, построенный здесь вопреки здравому смыслу – как будто других мест не нашлось.

В одной из прочитанных Алишером статей о Флориендейле речь шла о праздниках – наверное, она потому и сохранилась, что её сочли недостаточно политической, – и упоминался ежегодный Манольский фестиваль стихий. Он длился несколько недель и был чем-то средним между карнавалом и религиозным празднованием. В деталях Алишер

разобраться не смог: о стихиях не было никакой информации, и упомянутые в статье карнавальные персонажи – гномы, эльфы и прочие – тоже больше нигде не всплывали. Путаясь в паутине узких улочек и то и дело снова оказываясь на главной площади, Алишер пытался представить себе пёстрое фестивальное шествие по центральному бульвару.

Наконец он решил, что пора возвращаться к вокзалу. Жутко хотелось пить, так было душно; Алишер уже разделся до футболки, но это не помогло. Он слышал от кого-то, что в Алилуте на улицах стоят питьевые фонтанчики, а вот в Маноле, кроме святого источника, никаких фонтанчиков, к сожалению, не было. Зато в каждом переулке ютилось по бару. Алишер разглядывал их, проходя мимо: обычные студенческие клубы и кафешки, совсем как в Роттербурге. Один из них привлёк его внимание – вывеску было не разобрать, зато над входом висел прозрачный кристалл с множеством граней; в каждой из них, ослепляя прохожих, преломлялись лучи солнца.

Вытирая слезящиеся глаза, Алишер толкнул дверь и спустился по крутой лестнице в приятную прохладу и полумрак. В разгар студенческих каникул бар был пуст, стулья задвинуты, за барной стойкой никого.

– Извините... вы закрыты? – бросил Алишер в пустоту.

Из кухни выглянула женщина, спортивно одетая, с широкой жёлтой повязкой на руке и тугой косой с такой же жёлтой лентой. Она растерянно смотрела на Алишера – похоже, действительно не ждала посетителей.

– Открыты, – неуверенно отозвалась она, – в общем-то... А что вам угодно?

– Холодное пиво, если есть, – сказал Алишер.

Женщина прошла к совсем крошечному холодильнику и достала бутылку с синей этикеткой – «Роттербургское светлое». Она потянулась за стаканом, когда в помещение ворвалась худая рыжеволосая девица с сумкой наперевес.

– Какое пиво, Арита! – возбуждённо воскликнула она, вклиниваясь между женщиной и полкой со стаканами. – Поезд через сорок три минуты уже, закрывай тут всё, быстро, быстро!

Алишер примиряюще поднял руки.

– Да я могу и так взять, мне стакан не нужен.

Рыжая взглянула на него разъярённо, словно это была его вина, что он посмел отвлечь Арифу от предстоящего путешествия. Алишер расплатился, коротко глянул на часы, подхватил холодную бутылку и вышел на раскалённый воздух под сияние кристалла.

* * *

– Честное слово, через семнадцать минут здесь никакой поезд не останавливается, – в очередной раз повторил паренёк-кассир. – Ни на одной платформе. Ни в одном направлении. Нет такого поезда.

Алишер утёр пот со лба. Он как ошалелый спешил на манольский вокзал, чтобы узнать, что всё понял неправильно. Дамы из бара собирались куда-то... на поезде. Но поезда не существовало! Как так? Неожиданно его осенило.

– А нет ли... как это называется... грузового поезда в это время? – с надеждой спросил Алишер.

Пацан принялся перелистывать свои таблицы. Было ощущение, что он сидит не на крошечном вокзале в Маноле, а координирует весь транспорт какого-нибудь мегаполиса в Поверхностном мире – Сингапура там или Москвы.

– М-м... а, вот! – радостно воскликнул он. – Ну да, точняк. Товарняк едет в Индувилон и сделает здесь небольшую остановку, машинист смену передаст. А вы откуда про него знаете? Хотите договориться и в кабине до Индувилона доехать? Зачем так срочно-то? В кабине не разрешено...

Однако по его виду было понятно, что это, может, и не разрешено, но реализуемо. И Алишер ухватился за эту ниточку.

– Да, я попробую. Мне нужно в Индувилон как можно скорее. У меня там... э-э... любовь, – выдавил Алишер, так как не смог придумать ничего более здорового. Доверчивый пацан в окошке кассы воспринял его слова со всей серьёзностью. Он покивал сочувственно и даже любезно набросал на бумажке план, чтобы указать расположение сортировочных путей. Следуя схеме, Алишер со всех ног бросился в другой конец вокзала.

Он, конечно, не собирался ни о чём просить машиниста. Было бы трудно объяснить, почему Алишеру непременно нужно сойти у

Флоры. А вот попытаться проникнуть в один из вагонов – это стоило попробовать. В конце концов, кто может выдать его в товарном поезде?

* * *

– Что за тип?

Рыженькая девушка передёрнула плечами.

– Без понятия. Он был у нас в баре незадолго до... Услышал, наверно, как я говорю про поезд.

– Мне его задержать?

Девушка наблюдала, как темноволосый парень вскочил на подножку поезда и протискивается между вагонами.

– Ангел знает, что он делает... – пробормотала она. – Школьник. Оставь. Мы присмотрим одним глазом.

Она обернулась к собеседнику, посмотрела ему в глаза и коротко кивнула. Мужчина, облачённый в полицейскую форму со значком Манолы на груди, кивнул в ответ. Он махнул рукой людям на мосту, и по его команде они скинули вниз к поезду верёвочную лестницу.

– Ну, я пошла, – сказала девушка.

– Поцелуешь?

– Вернусь – и поцелую, – усмехнулась она.

Он хотел крикнуть ей вслед, чтобы она была осторожна, но почувствовал себя глупо и в последний момент передумал. Джамили бы его только высмеяла. И зря он спросил вообще, надо было молча взять и поцеловать... Эх!

Он проследил, как смотали и унесли лестницу на мосту, поправил фуражку и направился к зданию вокзала.

18

Ей повезло, что во дворе дома, где жили Кенжел и Алишер, были качели. Так Вероника могла хотя бы делать вид, что отдыхает на площадке, а не просто не знает, куда ей податься. Странное дело: она ведь выбежала лишь на пару минут, чтобы купить воды. Вот дура, не могла попить из-под крана! Теперь сидеть тут до ночи...

Вероника посмотрела на небо. До ночи, пожалуй, ещё далеко будет, но Алишер уже давно должен был вернуться из колледжа. И Кенжел тоже куда-то подевался. У Вероники не было ключей – они хотели сделать ей копию, но для этого требовалось удостоверение личности. Так что она могла поклясться, что не заперла дверь, когда уходила. Она рассчитывала потом попасть обратно, но, когда вернулась, дверь была закрыта и никто не отзывался. Вдруг с ними что-то случилось?!

Вероника проголодалась и выпила всю воду. Наверное, следовало пойти и на оставшиеся деньги купить какой-нибудь еды, но девушка боялась оставить подъезд без присмотра. Дед с длинной серебристой бородой выгуливал во дворе смешную собаку с приплюснутой мордой, компания подростков чуть младше Вероники гоняла на велосипедах. Вероника видела, как кому-то доставили диван, как разбил коленку малыш и, главное, как вернулась домой госпожа Андрис, мать Кенжела и Алишера. А братья всё не появлялись. Звонить в дверь теперь нельзя... Впрочем, если бы это что-то меняло! Звони не звони, они явно были где-то в другом месте.

Что, если... в библиотеке? Возможно, Алишер закопался в книжках, а Кенжел договорился, что присоединится к нему после тренировки с командой. Странно, что они забыли о ней. Или само собой разумеется, что она будет сидеть в комнате и терпеливо ожидать их возвращения? Вероника чуть не разрыдалась. Конечно, это само собой разумеется! Без ключей, без до кументов и без головы на плечах к тому же – такие, как она, должны делать только то, что им говорят!

* * *

То и дело утирая тыльной стороной ладони льющиеся слёзы, Вероника пристроилась в уголке трамвая и уставилась в окно на проносящиеся мимо остановки и перекрёстки. Она чувствовала на себе взгляды других пассажиров, но не могла перестать плакать. Жуткое одиночество навалилось со всех сторон, сдавило грудь, вырвало воздух из лёгких. В огромном чужом городе её судьба никого не заботит. Даже сейчас, в трамвае, она просто экспонат на потеху публике – плачущая девочка, у которой и платка-то нет.

Она купила билет и заняла место, зная, что должна будет уступить его, если войдёт пожилой человек, – так учил её Алишер. Она не выделялась из толпы, но в этот момент как никогда прежде чувствовала, что к ней не принадлежит. Хотелось убежать. Лучше всего – на юг, в Алилут, к маме. Мама!.. Бедная мама, что бы она сказала...

Вероника вздрогнула, услышав название своей остановки, и поспешила к дверям. Взгляды скользнули по спине и рассеялись. Люди всегда найдут, на что поглазеть.

* * *

В холле библиотеки Веронике бросились в глаза круглые часы над стойкой регистрации: без двух минут пять. Кажется, когда она вышла из дома, не было и часа. Неужели она всё это время просидела на улице? Если ребята действительно тут, она их убьёт!

А если нет, что делать дальше? Попробовать отыскать Джоан? Но Вероника не помнила дорогу в парикмахерскую...

Тобиас был на месте – слава Ангелу, хотя бы одно знакомое лицо. Он сразу заметил её и помахал одной рукой, другой одёргивая серую толстовку; Вероника направилась к нему, но её тихое «здравствуй» потонуло в бое часов. Пять часов!

– Новости, – сказал Тобиас вместо приветствия. Ника вскрикнула.

Формально это были, конечно, не новости, а скорее ежедневное обращение к народу со сводкой событий, но никто его так не называл. «Новости» было короче и понятнее. Дома их можно было не включать – по крайней мере, братья этого никогда не делали, – но в общественных местах, на предприятиях, в офисах и университетах это было обязательно. За всё время, проведённое с Кенжелом и Алишером, Вероника видела пятичасовые новости лишь однажды. Она гуляла с Кенжелом в городском парке, они заболтались и совсем позабыли о времени. Динамики ожили, как только часы Кенжела еле слышно пискнули и показали 17:00. Голоса диктора и Роттера заполнили парк, и Вероника уткнулась в плечо Кенжела. Он крепко обнимал её, защищая от страшного внешнего мира, пока голоса не утикли.

Здесь, в библиотеке, в дополнение к динамикам были ещё и экраны, а вот Кенжела рядом не было. В панике глотая воз дух и не в силах отвернуться от синей заставки с переливающимися звёздами, Вероника пошатнулась и чуть не упала. Тобиас подхватил её под руку. Вероника стеклянными глазами смотрела в телевизор. Она вспомнила, как в детстве её с кляпом во рту привязывали к стулу и целый день крутили перед ней новости, пока она не запоминала наизусть каждое слово. Били, если она отворачивалась или закрывала глаза. Нельзя было спать, нельзя было шевелиться. Она вспомнила, как включали новости в роттербургской тюрьме, где она провела несколько дней, и как огромная женщина удерживала её за волосы, чтобы Вероника смотрела в экран. Она вспомнила, как Кенжел шептал ей на ухо: «Это пройдёт...» Но новости всё шли и шли, они казались бесконечными, переходили из одного выпуска в другой, и в каждом был Роттер. Это никогда не пройдёт!

– Я не хочу!.. – простонала Вероника, а диктор тем временем начал:

– В эфире ежедневная сводка новостей в семнадцать часов. Здравствуйте. Для вас, как всегда, последние события, происшествия и итоги этого дня. На северо-западе города Набрега была обезврежена группа злоумышленников, собиравшихся взорвать старинный собор Святой Олии. Вход туристов в собор временно ограничен, глава банды признал себя виновным и находится в предварительном заключении.

От Манолы до Индувиллона: юг Соединённой Федерации накрыл мощный антициклон. Высока вероятность лесных пожаров. Мы рекомендуем жителям затронутых округов не выходить на улицу без лишней необходимости, занавесить окна и пить много воды.

Благотворительная организация «Общее дело» празднует сегодня пятнадцать лет со дня основания. Напомним, организация была создана после революции, чтобы помогать беженцам и семьям, пострадавшим от военных действий. В честь годовщины руководитель организации Кох возложил венок к памятнику Эдгару Линчеву на главной площади Роттербурга. По распоряжению правительства любое пожертвование в пользу «Общего дела», сделанное за неделю до и после празднования, будет удвоено за счёт государства. На этом у нас всё, и мы переходим к ежедневному обращению предводителя Роттера.

– Спасибо.

Голос Роттера звучал мягко, вкрадчиво и... властно. Бесстрастное лицо с густыми бровями спокойно глядело на неё с экрана. Веронику тошнило. В голове пульсировала единственная мысль: «Он хочет моей смерти...»

– Сегодня я хотел бы поговорить о важном. О том, что близко мне и каждому из вас. Можно сказать, расскажу о том, что у меня на сердце. Вот мы с вами слышим репортажи о террористах, о сепаратистах... И я никак не пойму: неужели эти люди считают себя лучше других? Как могут они так легкомысленно ставить под угрозу всё, чего мы добились тяжёлым трудом? Ведь мы все, каждый из нас, равны перед законом, перед международным и гражданским правом – и мы должны быть честны друг с другом и честно это право соблюдать. Не надо верить чужим байкам. Думайте своей головой, к этому я всегда призывал и буду призывать вас, дорогие сограждане. Если мы будем держаться вместе, тогда мы сила, тогда мы мощь! Если будем верить каждый в свою байку и распространять ложную информацию, тогда мы беспомощны и бессильны.

Разве вы забыли, как нас бросили на произвол судьбы на Земле? Как нас обманывали, и отказывались от нас, и прогоняли, как прокажённых? Скольким из нас не нашлось места в старом мире... Но для этого и был открыт мир новый, чтобы мы с вами своими руками смогли создать новое пространство для свободных людей и возвести – камень за камнем, шаг за шагом – великое государство, которому нет примеров в истории! Я верю, я искренне убеждён, что вы, граждане демократического государства новой эпохи и нового формата, точно знаете, какую мы преследуем цель и ради чего трудимся.

Здесь, на нашей земле, проживают более двенадцати миллионов человек, и за последние несколько лет мы сумели прочно утвердить нашу роль на международной арене. Мы больше не позволим унижать нас – это наш с вами общий успех. Я прошу вас помнить об этом, если вы вдруг услышите голоса недовольных в толпе. Понимаете, в мире всегда были и будут люди, которые не умеют или не хотят быть счастливыми. Наша задача – не дать им сломать то, что мы с вами создали вместе. Ибо мы не желаем ломать, мы желаем строить: для себя, для своих семей, для будущих поколений. Кстати, сердечно прошу поддержать организацию «Общее дело» в честь юбилея.

Сейчас, к сожалению, вынужден заканчивать. Но мы услышимся или увидимся с вами завтра. Я желаю вам замечательного вечера.

В зале раздались аплодисменты. Экран погас. Вероника медленно закрыла глаза.

– Хорошая тема с «Общим делом», – заметил Тобиас. – Вика... ты как себя чувствуешь?

Она вздрогнула и отшатнулась. Пусть он был к ней добр, но не следовало забываться. Он не Кенжел и не Алишер и вовсе не на её стороне.

– Мне душно, – хрипло выдавила она. В горле совсем пересохло.

Не решаясь снова приблизиться к ней, Тобиас указал в сторону своего рабочего места.

– Ты присядь, я дам воды.

Она кивнула. Он налил ей полный стакан из графина – вода была застоявшаяся, тёплая, слегка солоноватая, но Ника выпила всё залпом.

– Бедняга! – воскликнул Тобиас. – Ещё будешь?

– Спасибо, больше не надо, – Вероника вымученно улыбнулась и вытерла пот со лба. Она была вся мокрая. В кармане брюк нашлась резинка, и девушка собрала рыжие волосы в высокий хвост. – Скажи, Тоби... Алишер здесь? Может быть, вместе с Кенжелом?

Тобиас прищурился, подумал пару секунд и покачал головой.

– Нет, извини. Кенжел уже давно не появлялся, а Алишер был пару дней назад, с тех пор я вроде бы его не видел. У него же экзамены сейчас.

О Ангел! Вероника вцепилась ладонями в колени, стараясь унять дрожь. Куда же они пропали? Перед глазами всё плыло; Ника откинулась на спинку кресла и зажмурилась. Тобиас оставил её на минуту, чтобы помочь младшекласнице – девочка брала книги на лето. Вероника вполуха слушала, как она зачитывает ему список, и гадала, стоит ли спрашивать у Тобиаса насчёт Джоан. Вряд ли он что-то знал, но больше ей не к кому было обратиться.

– Добрый день, Джинич! – где-то далеко-далеко от неё сказал Тоби.

– Тобиас Госс?

– Ну да. Как у вас дела, как отец?

– Отец... Как тебе сказать... Тобиас, прошу пройти со мной в участок. Вилмор Госс обвиняется в государственной измене. Нам

необходимо тебя допросить.

Вероника распахнула глаза. Полиция! Полиция! Сердце бешено колотилось в груди. Что ей делать? Может, если она не будет шевелиться, они её не заметят... Вжавшись в кресло, она почти перестала дышать.

Тобиас растерянно перетаптывался с ноги на ногу, не зная, что сказать.

– Погодите, Джинич... что? Как же так?

Полицейский хмуро смотрел на парня. К своему ужасу, Вероника смогла разглядеть из-за стойки, что он не один. Ей хотелось убежать, но ноги были как желе.

– Вика... – Тоби внезапно обернулся к девушке и протянул ей руку. – Извини, тут... такое... Тебе уже лучше? Мне надо... отойти.

Она неохотно ухватила за его руку и позволила вытянуть себя из уютной безопасности кресла.

– Пока, – пробормотала она, избегая смотреть в сторону полицейских. Шаг за шагом она осторожно обошла стойку и направилась к выходу.

– погоди! – Джинич преградил ей путь. – Ну-ка, минуту. Тобиас, представишь нам свою подружку?

Слегка притянув её за локоть, мужчина чуть ли не дышал ей в затылок. Сквозь туман в голове Ника вдруг осознала, что забыла распустить волосы. Рыжие пряди скользнули по плечам, горячие пальцы коснулись шеи, и Ника зажмурилась, проговаривая про себя: «P4.03.832.АВЭ».

– Она... троюродная сестра... – неуверенно глядя на Веронику, начал Тобиас.

– Нет! – из последних сил крикнула Вероника. Если её корабль идёт ко дну, она не будет никого тащить за собой.

Часть IV

а

«Вокруг так много воды», – думала Призрак, свесив ноги с разбитых плит набережной Ангоры. Она обожала воду, хотя так и не научилась плавать – до революции была ещё слишком маленькая, а после стало не до этого. О бедных Томе и Рофи и говорить нечего. Они и реки-то прежде никогда не видели, только море, застроенное доками, замаранное, запрятанное под причалами Индувилона. Призрак посмотрела на ребят, пристроившихся под боком. Томь лежал на спине и рассматривал небо, а Рофи сидел, ноги под пледом, уткнувшись в книгу сказок. Он то и дело поглядывал на воду, задумчиво кивал и снова возвращался к чтению.

– Проверяешь, на месте ли речка? – усмехнулась Призрак. – Так не убежит от тебя.

Рофи дочитал абзац, закрыл книгу и серьёзно сказал:

– Там рыба. Поймаешь?

* * *

Эльсона резала овощи для салата и смотрела в окно. Странное ощущение – это был её город, вот только она едва ли что-то помнила из своего детства. Какие-то обрывки фраз, рынок, бидон с молоком, солнечные блики, детскую раскладушку... Потом они вынуждены были уехать. Группа «Центр» ни разу не обменялась корреспонденцией с западными провинциями за последние несколько недель, так что Эльсона не могла написать родителям, что возвращается в Ангору. Впрочем, даже будь у неё такая возможность, она бы, наверное, не стала писать. Родители только расстроятся. Ничего, главное – это пережить... Эльсона снова прокрутила в голове план Бимбикен, представила, как они рано утром выступают в сторону

Флоры, как пробираются в центр города и штурмуют тюрьму. По их данным, тюрьма находилась в здании бывшего городского правления.

– Ну, мои друзья-вегетарианцы, что сегодня на ужин? – Призрак ворвалась в кухню, а вместе с ней – запах каналов, цветов и плесени: странная смесь, одновременно притягательная и отталкивающая. Запах детства. Эльсона улыбнулась.

– Друзья-вегетарианцы предлагают вам овощи в ассортименте. Вот этот салат, такой и ещё вон тот, – она указала на три большие миски.

– А вот и нет! – воскликнул Томь, выныривая из-за спины Призрака. – Мы поймали огромную рыбу.

– Я поймала, – поправила брата Призрак. – Ну-ка подвинься, Эли, я почищу по-быстрому.

* * *

Нириаль и Анель закончили комплектовать полевые аптечки. Бинты и тампоны, порошки и пузырьки с лекарствами – казалось, всё было на месте.

– Одного жгута не хватает! – крикнула Ирель из соседней комнаты.

Нириаль осмотрелась по сторонам, но всё было убрано.

– Значит, без жгута будет, – она пожала плечами. – Да поможет нам Ангел...

Нириаль знала, что ждёт их завтра. Она хорошо помнила тот день, вскоре после того, как она присоединилась к ливьерам, когда Ляля Бимбикен с небольшой группой освобождали политзаключённых из тюрьмы в Набреге. Нириаль готовила ядовитые стрелы – тогда у них ещё не было пистолетов – и должна была ждать в укрытии. Но всё пошло не по плану. Она, неумеха, бросилась на помощь, и человек умер у неё на руках... в первый раз.

Конечно, с тех пор они стали сильнее и опытнее. Тем не менее Нириаль предчувствовала, что кошмар повторится вновь. В них будут стрелять, и особенно достанется тем девочкам, что должны штурмовать тюрьму, – отвлекающий манёвр, который позволит другой группе незаметно проникнуть в замок. По ним будут стрелять – и они

будут стрелять в ответ. Вот только вряд ли иглы с ядом искры сравнятся с настоящими патронами.

– Идите на ужин, – заглянув к ним на мгновение, сказала Эльсона. – У нас рыба!

– Рыба! – радостно воскликнула Анель. Травники могли питаться одной лишь растительной пищей, но девочки, выросшие среди людей, привыкли к разным вкусам. Их организм не испытывал нужды в мясе или рыбе, но как же они таяли во рту!..

– Перед смертью не надышишься, – заметила Ирель.

– Надышишься, – возразила Нириаль. – Мы на свежем воздухе будем.

* * *

Уже стемнело, когда Бимбикен наконец добралась до своей каморки в старом ангорском особняке. Тело, всегда такое гибкое и сильное, отказывалось подчиняться. Задеревенело от тревоги за ливьер. Бимбикен то и дело спотыкалась – и злилась на себя. Она ведь сделала что могла. Теперь всё зависит от них самих.

Бимбикен толкнула дверь и обнаружила в комнате Кассандру. Сидя на брошенном в углу спальном мешке, девушка рассматривала щели в полу при бледном свете фонаря.

– Ну и что это? – нахмурилась Бимбикен. На эту встречу в ночь накануне операции она не рассчитывала. Она полагала, Кассандра занята с Альфой.

– Я была у Альфы, – подтвердила Кассандра. Она подняла голову, откинула волосы с лица и посмотрела на Бимбикен. Сколько обиды, сколько огня в этих глазах!.. Эх, дети...

Бимбикен ждала. Кассандра встала со спального, чтобы быть с ней одного роста.

– Почему не я штурмую тюрьму? – спросила она.

Ага! Ну наконец-то. Этого действительно следовало ожидать.

– Потому что Альфа определила тебя в другой отряд. Поставила во главе этого отряда, заметь. Хотя я была против.

Обойдя Кассандру, Бимбикен расправила спальный мешок и села. Она устала, и смотреть на девушку снизу вверх для неё не было

проблемой.

– Я очень ценю мнение Альфы, – в Кассандре, казалось, всё кипело и клокотало, – но что это за задание такое – искать королевские регалии в замке? Разве это серьёзно, пока другие будут в опасности?

– Она же наверняка объяснила тебе, – терпению Бимбикен в этот поздний час не было предела. Всё уже решено, но, если Кассандре нужны дополнительные комментарии, она их получит. – Регалии необходимы, чтобы разыскать дочь Эстель Амейн и восстановить силу стихий. Это наша главная цель! Я думаю, вы быстро управитесь. В конце концов, нам ведь известно, где они спрятаны.

– Что? – поразилась Кассандра. – Нет! Откуда?

Бимбикен нахмурилась.

– Погоди... Камила не сказала тебе, где они?

– Конечно нет. Она говорит, никто понятия не имеет. Мы должны будем обыскать весь замок – ради короны и кристаллов? Может, их там вообще уже нет давно!

Странно. Альфа не раз упоминала при ней, что знает, где спрятаны короны Флоры и Ориендейла. Они давно уже не использовались и потому сохранились, в то время как корона Флориендейла была уничтожена Роттером после войны – переплавлена и утеряна навсегда.

– А в это время другие отряды... Что, если в тюрьме... – продолжала Кассандра.

– Нет, – прервала Бимбикен.

– Что – нет?

Бимбикен склонилась над своей сумкой и долго перебирала вещи, бумаги и пузырьки, пока наконец не достала сложенный листок бумаги.

– Извини, что не показали тебе раньше, – сказала она, протягивая листок Кассандре. – Твоей сестры нет в этой тюрьме. Да и ни в какой другой тоже. Твоя сестра в розыске.

Кассандра при свете фонарика пристально рассматривала чёрно-белый портрет девушки на странице «Роттербургского репортёра».

– Но тут написано «Кассандра Клингер»... – пробормотала она. – Они совсем запутались. Или она сказала им, что она – Кассандра. Но зачем?

Бимбикен пожала плечами.

– Она так странно выглядит, – нахмурилась Кассандра. – У неё другой... взгляд. Боже мой, что они с ней сделали?!

– Ты можешь оставить это себе, – сочувственно сказала Бимбикен. – А теперь иди-ка спать. Твоей сестры нет в этой тюрьме, так что завтра, пожалуйста, следуй нашему плану. Мы готовили эту операцию несколько месяцев. Нам нужно, чтобы ты была сосредоточена, чтобы ты держала покров. Хорошо?

– Я понимаю, – Кассандра осторожно сложила листок и прижала его к груди. – Спасибо тебе.

* * *

Камила сидела у разбитого окна и смотрела, как рассвет окрашивает в нежно-золотой и розовый осколки стёкол на террасе. Смеясь и что-то наперебой друг другу рассказывая, у входа собирались припозднившиеся ливьеры. Большинство уже выступили к границе города, раньше всех – те, кто постарше, тридцати- и сорокалетние. Им предстоял сегодня долгий путь. Альфе же некуда было спешить.

– Присядешь на дорожку? – не оборачиваясь, спросила она Лялю, которая уже с минуту молча стояла за её спиной.

– Откуда ты знаешь, что я здесь? – нахмурилась Бимбикен. – Впрочем... ладно, не отвечай. У меня мало времени.

Она сбросила рюкзак на пол и осторожно опустилась на шаткую скамейку рядом с Камиллой.

– Мы присаживаемся, чтобы подумать о предстоящем пути и проверить, что ничего не упустили.

Альфа кивнула.

– Подумать о пути, проверить – всегда полезно. На дорожку ли или просто так.

– Не сбивай с мысли, – Ляля помотала головой. – Мне важно спросить: зачем мы делаем всё это? Ведь весь план задуман ради чего? Давай конкретно. Мы собирались вынести из замка регалии и кристаллы силы, чтобы ты могла отыскать настоящую Веронику Амейн. В Поверхностном мире. Разве не так?

– Так, да не так, – Камила задумчиво смотрела на воду в каналах. Рыба, которую они съели на ужин, тяжёлым комом лежала в желудке.

Может быть, не стоило её есть? Возраст даёт о себе знать.

Камила глубоко вдохнула свежий утренний воздух, пытаюсь подавить приступ тошноты, – сколько же тут воды, сколько тины! – и повернулась к Бимбикен.

– Как собиралась сделать это я, понимаешь? Наследницу чувствует корона. И наоборот: корону чувствует наследница. Может, не нужно никого искать нам. Надобно проверить.

Бимбикен застонала.

– Так и знала, что ты что-нибудь такое выкинешь! Я думала... надеялась, что ошибаюсь. Ты хочешь сказать, Кассандра?..

– Не хочу сказать, а хочу удостовериться.

– И поэтому ты не сказала ей, где регалии? Ну конечно, – Бимбикен спрятала лицо в ладонях. – Ты давно это придумала?

– Давно, – кивнула старушка.

– Невероятно! Но откуда ты знаешь? Почему ты так уверена?

– *Agnosco veteris vestigia flammae*^[5], – загадочно сказала Альфа Камила.

* * *

– Сколько ещё? – протянула Гиория.

– Тебе в километрах или в минутах?

– В калориях! Я больше не могу. Как вас ноги держат?

– Странно, что они не держат тебя, – заметила Анель. – Плохо спала сегодня?

Кассандра не вслушивалась и не вмешивалась в разговор. Она берегла силы. Жаль, конечно, что они не могли разбить лагерь ближе к столице – Флора слишком хорошо охранялась. Зато Ангору службы безопасности патрулировали лишь раз в неделю, и то с воздуха: ливьеры знали расписание, а в крайнем случае можно было временно укрыться под покровом.

Внезапно Кассандра почти физически ощутила ответственность, которую Альфа и Бимбикен водрузили ей на плечи. Глядя на горизонт, шаг за шагом ступая по тропе, когда-то бывшей широкой дорогой, Кассандра сосредоточенно плела свой покров, делая его объёмнее и плотнее. Она видела впереди дома, сторожевые башни и даже,

кажется, один самолёт. Она уже видела – в то время как другие ещё ничего не заметили.

Что-то словно придавало ей силы, подпитывало изнутри. Кассандра держала в голове образ Мари, но не той измученной девушки с фотографии, а её Мари – живой, ласковой, улыбчивой. Газета была уже не новая, и всё-таки невероятно важно было знать, что сестра на свободе.

* * *

Они проскользнули в разрушенный город в ранних сумерках, чуть позже, чем планировали. Нужно было торопиться, но Кассандра едва могла заставить себя оторвать взгляд от сохранившихся зданий – с синей черепицей, эркерами и ажурными балконами.

– А почему крыши синие? – тихо спросила она у Призрака. – И здесь, и в Ангоре. Черепица – это же глина.

– Во Флориендейле добывают... добывали синюю глину, – пояснила Призрака. – Тс-с!

Они замерли в узком проулке. За углом слышались тяжёлые шаги и голоса охраны.

– Заходят на посадку? Серьёзно? – мужской голос.

– Пошли глянем. Туда, так короче.

– Ты уверен?

– Да, чёрт возьми! Чё ты спрашиваешь? Я тут три года торчу, невозможно уже. Не-воз-мож-но!

Голоса постепенно удалялись. Кассандра подсветила фонариком карту.

– Так, а нам направо, – она махнула рукой.

Осторожно, одна за другой, ливьеры выбрались из переулка на опустевшую улицу. Больно было смотреть на заброшенные дома, когда-то украшенные росписью и орнаментами, а теперь обшарпанные, выгоревшие; многие из них рухнули. Трава и невысокие деревца росли прямо на развалинах.

– Удивительно! Откуда здесь микка? – Анель прищурилась, рассматривая бурно разросшийся ярко-салатовый кустарник. Бережно

оторвав несколько заострённых листьев, она убрала их в сумку. – Я готова, Кесс. Идём?

Кассандра посмотрела налево, затем направо и не сдвинулась с места. Ноги вдруг перестали слушаться. Странное чувство... Можно было пойти и направо, конечно, только им туда не нужно! Кассандра сделала пару неуверенных шагов, но Призрак схватила её за рукав и потянула назад.

– Куда ты? Нам в другую сторону, ты же сама сказала.

Закрыв глаза, Кассандра пыталась в чём-то разобраться.

– Я хочу идти налево, – твёрдо сказала она.

– Эй, Кесс, мы же торопимся, – встряла Гиория. – Нам надо к замку.

Кассандра это знала. Она прикусила губу и с тоской посмотрела направо.

– Я не могу!

– Ну а я иду в центр, направо то бишь, – пожала плечами Гиория. – Кто со мной?

Анель быстро зашептала ей на ухо.

– Мне всё равно, что сказала Камила! – воскликнула Гиория. – Кассандра весь план угробит.

– Кассандра – часть плана, – выступила вперёд одна из женщин, которых Кассандра толком не знала – у них была своя компания. – Альфа сказала следовать за ней, Бимбикен назначила её командиром отряда, и ты будешь выполнять её распоряжения, потому что ты – ливьера.

– Спорим, ты так говоришь только потому, что отряд доверили какому-то подростку, а не одной из старших ливьер, – съязвила Гиория. Однако она развернулась и, пиная камушки на дороге, всё-таки пошла налево.

Несколько раз им приходилось останавливаться и пережидать, пока пролетит самолёт или по улице пройдёт патруль. Призрак совсем запуталась в карте и не могла больше сказать, где они находятся. Кассандра с каждой минутой становилась всё нетерпеливее и ускоряла шаг.

– Ты точно знаешь, что делаешь? – спросила Призрак.

Кассандра мотнула головой.

– Что это значит?

- Я чувствую. Мы почти на месте.
- На месте... каком ещё месте?
- Мари, – коротко ответила Кассандра.

Они вышли на треугольную площадь, посреди которой, как огрызок гигантского карандаша, высился обгоревший постамент, оставшийся от рухнувшего памятника. Внушительное трёхэтажное здание с лепниной и ажурными решётками на окнах по другую сторону площади, похоже, было обитаемо: мусор перед ним был убран, и у входа стоял автомобиль с роттербургскими номерами.

– Лицей, – вслух прочитала Анель высеченные над портиком буквы. – Но это же...

- Тюрьма, – мрачно сказала Призрак.

β

Они поднялись по широким каменным ступеням и упёрлись в тяжёлые двери. Одна створка была приоткрыта. Кассандра отступила в сторону, пропуская вперёд Призрака.

- Там кто-то есть, – шепнула она. – Я боюсь промазать.

Призрак коротко кивнула. Ей почему-то казалось, будто она здесь уже была. Детские воспоминания – самые яркие и самые невнятные; в голове всё смешалось за столько лет, и уже не различить, что было на самом деле, а что пригрезилось.

Она осторожно заглянула в просторный холл и тут же выстрелила – грузный мужчина осел на пол, не успев встать из-за стола. Он закрутился на месте, пытаясь подняться на ноги. Призрак считала про себя: три, пять, семь, девять... Мужчина замер с блаженной улыбкой на лице. Яд искры никогда не действовал так быстро сам по себе – обычно первые галлюцинации появлялись лишь через добрую дюжину минут после контакта. Однако травники научились ускорять реакцию.

Призрак опустила глаза на серебристый пистолет, как будто впервые его увидела. Кассандра положила ей руку на плечо.

- Ты в порядке?

– Конечно в порядке. Просто смешно стрелять этими дротиками вместо патронов, – отозвалась Призрак.

– А уж ему-то как смешно, – Гиория подошла к мужчине и помахала оружием перед его носом. Он смотрел на неё во все глаза и широко улыбался; изо рта текла слюна. Гиория забрала у него пистолет, дубинку и обшарила карманы.

Призрак последовала за Кассандрой вглубь здания. И почему всё кажется таким знакомым? Нет, она точно никогда не была с мамой и Томем во флорийской тюрьме. Может быть, их тогда тоже содержали в каком-нибудь лицее? После Передела все обычные тюрьмы были переполнены.

Пока что ливьеры не встретили никакого сопротивления: здание казалось полупустым. Девушки разделились. Одну за другой они распахивали двери классных комнат и кабинетов, но находили только пыльные парты и шкафы, сдвинутые в угол.

– На этаж ниже! – запыхавшаяся Анель прибежала со стороны лестничного пролёта. – Охрана там, они ранили Макаи. Царапина.

– Идём, – кивнула Кассандра.

Внизу было несколько комнат поменьше – вряд ли они использовались для занятий, как те, что на первом этаже. Узкие окна под потолком едва пропускали рассеянный вечерний свет в эти кельи. Кассандра зажгла фонарь. Макаи и другие ливьеры уже выводили в коридор ослабевших узников, поддерживая их под руки: бормочущего старика, исхудавшего мужчину лет сорока, женщину со сломанной рукой.

– Всего шесть камер, три были заняты, – отчиталась Гиория. – Остальные пусты.

Кассандра опустила глаза, помолчала.

– Макаи, ты как?

Ливьера молча указала на перевязанное плечо и махнула рукой.

– Хорошо, – кивнула Кассандра. – Очевидно, мы нашли какую-то дополнительную тюрьму, о которой не знала наша разведка. Уведите этих людей в безопасное место, как договаривались с Бимбикен, расспросите их... Возьмите пять человек из группы для охраны.

– Нас останется мало, – заметила Призрак.

– Нам надо найти... – Кассандра запнулась, – регалии. Нас останется достаточно.

Проходя мимо освобождённых заключённых, Призрак отвела глаза. Она была так близко, так невыносимо близко... Хотелось

кричать от вскрытых ран. Но она знала, что нельзя. К тому же она тут не одна такая с этой болью. Пускай Томь, как всегда, чувствует за них обоих. Она – не должна.

В комнате под номером пять было пусто, лишь на полу, словно опавшие осенние листья, лежали несколько блокнотных листков. Призрак собрала их, подсветила фонариком и покрутила в руках. Это были яркие рисунки карандашом; она затруднялась сказать, что на них изображено, – деревья? люди? Призрак вынесла картинки в коридор.

– Посмотри на это, – сказала она Кассандре. – Художество!

Кассандра скользнула взглядом по листкам и пошла было дальше на зов Анель, но вдруг резко обернулась к Призраку и выхватила у неё рисунки.

– Где? Где ты это взяла?!

Она сжала бумагу так сильно, что побелели костяшки пальцев. Призрак указала ей на комнатку с цифрой 5.

– Там никого нет, – тихо сказала она, положив ладонь на руку Кассандры. – Вдохни глубоко и выдохни. В чём дело?

– Это мои рисунки, – прошептала Кассандра. – То есть... попытка повторить мои старые картины, которые висели у нас дома... Только Мари могла сделать это! Господи, ну где же она?

* * *

На верхнем этаже они снова столкнулись с охраной, на этот раз более серьёзной: сияя синими звёздами на груди, трое вооружённых мужчин и одна женщина помахали им рацией. Призрак выругалась. Они наверняка не теряли времени и уже сообщили о нападении. Надо уходить немедленно, иначе ливьер обложат с двух сторон.

– Твари, – процедила Кассандра и раскинула покров на весь коридор.

– И что дальше? – Призрак оглянулась – позади была лестница. Там Анель перевязывала ногу Гиории. Гиория тихо постанывала.

– Перестань, это же просто вывих, – прошептала травница. – Ну чего ты? Выпей вот, один глоток только.

Призрак повернулась обратно к Кассандре – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кассандра толкнула покров и пустила его в

направлении охранников. Их улыбки сразу погасли, лица напряглись и скривились, женщина стала отрывисто выкрикивать неразборчивые команды.

– Что ты делаешь? – настороженно спросила Призрак. Она не знала, что покров может отделяться от человека.

– Понятия не имею, – рука Кассандры ходила ходуном от напряжения, но она не опускала её. – Смотри...

Охранники стреляли в покров, но пули запутывались в зыбком щите и оседали на пол. Покров неумолимо подбирался к ним и наконец достиг женщины, стоявшей ближе других. Она отшатнулась, столкнулась с мужчиной за своей спиной, но было поздно. Покров начал обволакивать её со всех сторон, залепляя глаза и уши, заставляя руки вязнуть в пространстве.

Нервы одного из охранников сдали: дрожащими руками он выудил из кармана ключ, otvorил боковую дверь и исчез. Его коллеги бросились следом. Надо было отдать им должное – они попытались втянуть женщину за собой. Но не смогли добраться до неё сквозь слои покрыва.

Как только дверь за ними захлопнулась, Кассандра сбросила покров, и Призрак выстрелила в беспомощную женщину из искры. Девушки побежали к ней – паника в глазах женщины быстро сменялась блаженством. Пять, семь, девять...

Гиория, прихрамывая вслед и не забывая охать, уже крутила ручки дверей.

– Заперто, заперто... Ну блин! Ключ есть у кого?

Призрак достала из-за пояса незаменимый набор отмычек, которые она смастерила за несколько лет своей непростой жизни в Индувилоне. Подойдя к ближайшей двери, она опустилась на колени перед замком.

– Кесси, а ты не можешь его... ну, покровом... как-нибудь? – взволнованно спросила Анель.

– Я вам что, волшебница, что ли? – Кассандра, похоже, ещё не до конца осознала, что только что произошло. Применять покров в качестве оружия, а не только как щит, – такому их Бимбикен не учила.

– Есть! – Призрак толкнула дверь и замерла.

С вывернутыми назад руками, привязанными за крюк на стене, перед ней была сестра Кассандры – она сразу её узнала. Призраку

часто доводилось видеть худых людей, но Мари была худой до безумия: ключицы, казалось, готовы прорвать бледную кожу. Синяки и пятна от ожогов покрывали руки и ноги там, где они не были скрыты длинной рубашкой в бурых пятнах. Анель ахнула за спиной Призрака и чуть не выронила фонарь.

Кассандра оттолкнула их и бросилась к Мари. Она не проронила ни слова: просто молча раскинула покров и бережно обернула его вокруг сестры, словно пуховое одеяло. Призрак перерезала верёвки, и вместе с Кассандрой они опустили девушку на пол.

– Го... Го... – попыталась сказать Мари. Она была на грани сознания и не открывала глаз.

– Это я, Мари, солнышко. Тихо... Всё будет хорошо. Всё будет хорошо! – Кассандра сделала знак Анель, но та и так уже была рядом. Травница откупорила пузырёк, который только что давала Гиории, и вылила всё его содержимое в рот Мари, пока Кассандра придерживала её голову.

– Тихо-тихо, тихо-тихо...

Гиория в это время подошла к окну и выглянула вниз.

– Дамы, пора валить, – сказала она. – Пока всё чисто, но думаю, это ненадолго.

– Гиория права. – Кассандра подхватила Мари под руки; Призрак осторожно приподняла её ноги; Анель передала фонарь Гиории, чтобы помочь девушкам. Они двинулись к выходу. – Другие комнаты... – вдруг вспомнила Кассандра. – Призрак?..

– Верно. Не ждите, я догоню. – Призрак передала Мари в руки ливьер и исчезла в темноте.

– Ей не нужен свет? – удивилась Гиория.

– Нет. На то она и Призрак, – отозвалась Анель.

?

– *«Ты снимаешь вечернее платье, стоя лицом к стене. И я вижу свежие шрамы...»*

– Прекрати этот вой! – прервал Кенжел по радиосвязи.

– *«Где... твои крылья... которые нравились мне...»*^[6] – заунывно продолжал голос.

– Немедленно перестань, Рой! Я сейчас отправлю тебя на базу.

– Кенжел? Кенжел, приём. Слышишь меня?

– Я слушаю, Ирка.

– У нас тут помехи в связи были. Что это за древний музон? Опять Рой, что ли?

Кенжел нахмурился. В последнее время с Роем что-то творилось, но он не признавался, в чём дело. Впрочем, сегодня это даже на руку: появилась естественная причина сослать певца на базу прямо сейчас. Кенжел с парнями заранее слил бензин после дозаправки у нескольких машин, чтобы не посвящённые в их план пилоты вынуждены были возвратиться на базу раньше времени. Кенжел, Ирка и Ли в это время собирались сесть в городе и осмотреть замок.

Кенжел нажал на кнопку и твёрдо сказал:

– Ноль три пять, Рой, разворачивайся и бери курс на базу Манола-Флора. К нашему возвращению машина должна быть приведена в порядок и составлен предварительный план вылетов, тренировок и оргсобраний на два месяца вперёд.

Пауза. Раз, два... Ну, сколько ещё ждать?

– Принято, – сухо сказал Рой.

Снова включился Ирка.

– Эй, Кенжел? Вы где?

– Ноль три один, ноль три семь, приближаемся к Флоре с севера. Отправляю координаты, – проговорил Кенжел. – Что у тебя? Что видите?

– Мы над Флорой, – голос Ирки звучал как-то странно. – Тут... внеплановая активность. Вижу группу людей, и это не местное подразделение.

– Ребят, – подключился ноль три семь. – У меня топлива мало... Но мы же были на дозаправке!

– Почему не проверил перед стартом? – усмехнувшись про себя, строго спросил Кенжел.

– Так это... механики ж проверили. Да я даже не подумал... Не знаю, как так вышло, Кенжел, извини...

– Николай, давай на базу тогда, – скомандовал Кенжел.

– Ну и денёк, – прокомментировал Ирка. – Так что нам делать?

– Кто эти люди? Ты можешь переслать мне изображение?

– Момент... Если сигнал пройдёт. Загружаю.

Кенжел вёл машину прямо по курсу, периодически поглядывая на экран.

– Всё ещё ничего. Ты передаёшь? – спросил он Ирку.

– Что-то экранирует, – пожаловался тот. – Сейчас-сейчас...

Дисплей Кенжела замигал и переключился на картинку с камер самолёта Ирки.

– Странно, – пробормотал Кенжел. – Одни девчонки, какая-то толпа...

– Во-от! Ты тоже ничего не понимаешь? – воскликнул Ирка.

– Ребята, – вдруг подключился Ли. – Ноль пять три ушёл на базу – проблемы с топливом и двигателем...

Двигателем? Это ещё откуда?

– ...а я только что проконтролировал периметр, у меня тут тоже девочки, есть раненые. Ловите фотку.

Кенжел нетерпеливо уставился на монитор. Давай же, ну давай... Экран сверкнул. Ли сумел поймать значительно более крупный план, чем Ирка. Было очевидно, что девушки не на прогулку по Флоре вышли. Некоторые были вооружены – они шли впереди. Остальные поддерживали раненую подругу. Кенжел моргнул. Изображение на экране уже сменилось следующим. На этой фотографии раненую было видно ещё лучше. Кенжел чуть ли не уткнулся в экран носом.

– Увеличь эту!

– Ноль три один, ты отклоняешься от курса, крен вправо.

– Я вижу, – Кенжел откинулся в кресле и крепче сжал штурвал. – Так... Не трогайте девушек, ни в коем случае не стреляйте. Посмотрим, что они будут делать. Продолжайте патрулирование по заданным маршрутам.

Кенжел подумал о Веронике: что-то она делает сейчас? Ники почему-то не было в квартире, когда Кенжел заскочил домой, чтобы передать сообщение Алишеру. Наверное, вышла с братом на прогулку... Из-за этого они даже не попрощались, и Ника впервые не пожелала ему удачи перед вылетом. Кенжел потёр колючую щёку и нахмурился.

Раненая девушка на снимке была один в один похожа на их Нику, какой они нашли её у магазина в тот майский день. А может, Кенжелу просто показалось, ведь он давно уже не видел Нику в её прежнем обличье. К тому же Вероника – принцесса Флориендейла,

единственный ребёнок королевы. У неё не могло быть сестры. Он обознался.

Алишер не любил воду. Смотреть на неё – ещё куда ни шло. Но находиться в воде ему не нравилось, и плавал он, по собственному мнению, чуть лучше, чем топор. Иногда, например на занятиях спортом в колледже, избежать воды было невозможно. Или вот сейчас...

Выбравшись на песок и не переставая отплёвываться, Алишер бросил взгляд на оставшийся далеко позади железнодорожный мост. Поезд, конечно, уже давно исчез из виду. Алишер затруднялся сказать, сколько ему пришлось добираться до ближайшего берега. Думал, что не доплывёт: в конце концов, он невероятно устал.

Но день даже не собирался заканчиваться, хотя солнце уже клонилось к горизонту. Если вначале Алишер просто хотел связаться с Кенжелом, теперь его больше занимал вопрос, что задумали те люди, которые, как и он, тайком пробрались в товарняк. Скрючившись в углу вагона между деревянными ящиками и канистрами, Алишер всю дорогу ломал голову над неразрешимыми загадками: кто были те женщины в баре? Неужели то самое Соппротивление? И как ему теперь сойти с поезда?

Через час или два товарняк внезапно замедлил ход, словно услышал молитвы Алишера. Парень взобрался по лестнице наверх и приоткрыл люк, чтобы посмотреть, где они. Кажется, поезд сбросил скорость, чтобы пройти по узкому мосту. По обеим сторонам от моста раскинулось озеро, и на правом берегу виднелся город... и замок на холме! Алишер вцепился руками в металлические поручни и постарался детально вспомнить карту – по всему выходило, что это должна быть Флора. Мост был невысокий и проходил почти над самой водой, метра три от силы. Можно было бы рискнуть и прыгнуть...

Примериваясь к этой рискованной мысли, Алишер заметил, как в дальнем конце грузового состава тоже откинулся люк. Один за другим на плоскую крышу вагона поспешно выбирались люди – и тут же бросались в воду. Сквозь слёзы в глазах от встречного ветра Алишер

насчитал двадцать человек, потом сбился. Надо было решать: сейчас или никогда. Кенжел – или загадка Флоры. Балансируя на предпоследней ступеньке лестницы, Алишер наконец убедил себя, что он всё равно вряд ли сможет сойти с состава в другом, более безопасном месте. Скорее всего, поезд так и пронесётся через полстраны, ни разу не остановившись. Тогда Алишер резко втянул воздух в лёгкие и последовал примеру незнакомцев. День, казалось, уже не мог стать более безумным.

Алишер плыл, сжав зубы и проклиная всё на свете: свой авантюризм, Кенжела, дурацкий план, барменшу... Последние метры до берега были просто невыносимы. Алишер уже видел серую каменную кладку на набережной – до неё было рукой подать, – но он не мог вдохнуть, и левую ногу свело судорогой...

Закрыв глаза, он сделал последний рывок. Не хватало ещё утонуть у самой цели! И наконец ощутил под ногами землю и позволил воде вытолкнуть себя на песчаный берег. Флора!

* * *

Отдышавшись, Алишер поднялся по разбитым ступеням с пляжа на заброшенную набережную. Высокая трава проросла между плитами мостовой, разбив набережную на тысячу ровных квадратов; казалось, он стоит посреди зелёного моря. Он был здесь один: загадочные люди из поезда бесследно исчезли. Наверняка они гораздо быстрее добрались до города, ведь для них это путешествие не было сюрпризом; и плыли они, скорее всего, к какой-то конкретной цели, и помогали друг другу. Алишера, неумело боровшегося с подводным течением, сильно отнесло к югу.

Он направился в глубь дремучего парка. Едва угадывающиеся дорожки уводили всё выше и выше в гору, и заросли никак не кончались, хотя за тёмными деревьями уже проглядывало что-то светлое, почти белое. Алишер карабкался вверх, с трудом продираясь через дикие кустарники и то и дело вздрагивая от порывов ветра – парень был насквозь мокрый. И как его только сюда занесло? Как он найдёт Кенжела? Как попадёт домой? Вот к чему приводит отсутствие чёткого плана...

Наконец он выбрался к останкам деревянной беседки на мощёной площади. И понял, что скрывалось за парковыми зарослями и кто раньше чинно гулял по набережным вдоль озера. Перед ним возвышался королевский замок – тот самый, что был виден с железнодорожного моста.

Замок представлял собой ансамбль из белокаменных зданий, башен, террас и галерей, соединённых между собой воздушными мостиками и переходами – там, где они не рухнули под напором разросшегося леса. За строениями пониже виднелась закрывавшая половину вечернего неба громада – с высокими окнами и фасадом, испещрённым выбоинами и трещинами. Запрокинув голову, Алишер в изумлении разглядывал редкие сохранившиеся витражи, в которых отсвечивали последние лучи солнца. Это было чертовски прекрасно! Он никогда прежде не видел ничего даже близко похожего на это место – ни в жизни, ни на фотографиях.

В отдалении послышался гул, и с каждой секундой он нарастал. Неужели самолёт? Значит, это Кенжел или кто-то из его команды. Жаль, что темнеет и плохо видно опознавательные знаки. Алишер знал, что у патрульных снизу на крыльях есть синие звёзды – каждый сам должен был нарисовать на своей машине после назначения. Кенжел так волновался, что случайно нарисовал звёзды с шестью лучами вместо пяти, как на флаге.

Изо всех сил Алишер всматривался в фиолетовое небо, ожидая появления самолёта. Что, если это его брат? Как подать ему знак? Однако разглядеть ничего не удалось – самолёт пролетел с другой стороны от замка. Грохнул взрыв, и небо разорвала яркая вспышка. Алишер инстинктивно втянул голову в плечи и прижался к стене.

ε

– Какого чёрта! – Гиория бросилась на землю, прикрывая Мари.

– Они нас засекли, – отплёвываясь, сказала Кассандра. – Мари в порядке?

– В порядке, – пробормотала Анель, посветив фонариком в глаза Мари. Она была под действием искры и лишь иногда произвольно

дёргала руками и ногами и бормотала что-то неразборчивое. – Но мы так далеко не уйдём. Это небезопасно.

– Понятное дело, что небезопасно, – Кассандра поднялась и раскинула покров. Она не могла держать его, когда несла Мари. – Вы должны вернуться назад, к Макаи и остальным.

– Вы? – переспросила Гиория.

– Да, вы! Ты видишь, что происходит? – Кассандра ткнула пальцем в небо. – Они прислали авиацию, они так разбомбят весь город! То, что ещё от него осталось. Нам надо спрятаться и переждать...

– Что-то я не припомню, чтобы ты у нас командовала всей операцией, – перебила Гиория.

– Что-то я не припомню, чтобы ты умела создавать покров, который бы прикрывал тебя с воздуха, – парировала Кассандра.

– Девчонки... – вздохнула Анель.

Кассандра прикусила губу. Не время и не место для идиотских пререканий, Анель права.

– Серые самолёты со звёздами, которые мы видели до этого, наверное, просто патрулировали, – уже спокойнее сказала Кассандра. – И подняли тревогу. А эти самолёты – они другие, вы заметили? Чёрные с синими полосками. Патрульные не стреляли.

– Почему они вообще патрулируют сегодня? – проворчала Гиория. – Бимбикен наверняка знает...

– Именно. В чрезвычайной ситуации мы должны собраться в условленном месте и получить от Бимбикен новые указания, – сказала Кассандра. – Об этом я и прошу вас – я прошу а не приказываю, хоть я и во главе этого отряда. Мне доверили вас, а я доверяю вам. Доверяю каждой из вас, – она посмотрела на Гиорию. – Помогите моей сестре и обсудите ситуацию с Бимбикен. Мы многого не знали: о второй тюрьме, о патруле... Нам нельзя терять время.

– Почему ты так говоришь, как будто не идёшь с нами? – спросила Анель.

– Потому что я не иду, – Кассандра отвернулась и посмотрела на площадь, уже видневшуюся за последним рядом покосившихся руин. Они достигли цели... От площади к замку вела лестница с множеством ступеней. По крайней мере, вела когда-то, сказала Альфа Камила. Ещё неизвестно, что осталось от этих ступеней. – Я пойду дальше. Одна.

Мы не можем лезть наверх вместе с Мари. Альфа поручила мне во что бы то ни стало найти регалии, и я попробую. Я должна хотя бы попытаться...

Гиория была недовольна, но не из-за решения Кассандры – ему она, в отличие от Анель, совсем не удивилась. Их взгляды встретились, и Кассандра прочитала в её глазах беспокойство.

– Страшно оставлять тебя здесь, – призналась Гиория. – Но я понимаю, что иначе никак... Анель должна быть с Мари, и в одиночку она её не унесёт. Держи, – она достала из сумки сложенный в несколько раз листок бумаги. – Это примерная схема замка, ты чуть не забыла.

Кассандра взяла план и кивнула. Она хотела нагнуться к Мари... Но осознала, что если дотронется до неё сейчас, заглянет в глаза, вслушается в шёпот, то никогда уже не сможет подняться и продолжить путь. А ей нужно было идти дальше.

– Гиория, Анель... Мы увидимся на рассвете, – твёрдо сказала Кассандра, развернулась и исчезла в темноте.

Лишь одна длинная лестница отделяла королевскую резиденцию от остального города. Взираясь по расшатанным ступенькам и обливаясь потом, Кассандра не задумывалась о том, что ждёт её наверху. Поначалу она считала ступени, но потом сбилась и просто продолжала идти, тяжело переставляя ноги, – как вдруг лестница кончилась. За сохранившейся аркой виднелись открытая площадка и заросший сад; ворот не было. Кассандра прошла под аркой, невольно затаив дыхание. Почему именно ей выпал шанс подняться сюда, тогда как для любой ливьеры это место значило в тысячу раз больше? Парадокс!

Первое же здание на её пути лежало в руинах. Наверху по-прежнему было довольно светло, так что не нужен был фонарь, чтобы разглядеть искорёженный, обезображенный взрывами ансамбль дворца – или замка, как называла его Альфа. Кассандра не видела разницы.

Она направилась к ближайшему сохранившемуся строению; почему-то так и тянуло дотронуться рукой до белых, синевато-сиреневых в сгущающихся сумерках каменных плит. Здесь было пусто, одиноко. Тихо. Конечно, она слышала гул самолётов, круживших над

городом, но это была другая тишина, не та, что воспринимается на слух. Здесь время остановилось, когда погибла эпоха.

Кассандра обошла вокруг здания и двинулась дальше. За коренастой белой башенкой вдруг открылся вид на несколько внушительных павильонов. Витражные окна самого высокого переливались на свету волшебной мозаикой. Кассандра несколько мгновений разглядывала их, жалея, что для зарисовки нет ни времени, ни карандашей.

Наконец она решилась зайти внутрь. Еле сдвинув с места одну из тяжёлых, разбухших от влаги парадных дверей, Кассандра шагнула под своды замка. Это крыло казалось почти нетронутым. Освещая путь, она медленно пошла вперёд по пустым коридорам. Чего ожидала от неё Альфа? Как она должна понять, где спрятаны королевские регалии? Магистр сказала, Кассандра должна верить, что найдёт их. Не думать, во что она верит, не обсуждать – просто верить. Практичный совет, ничего не скажешь! Совсем некстати разболелась голова, и безумно отвлекали мысли о Мари. Наверное, не стоило оставлять её одну, пусть даже и под крылом других ливьер. Что, если она очнётся и испугается незнакомых лиц? После всего, что с ней произошло за эти месяцы, скорее всего, так и будет!

Кассандра миновала несколько лестниц, крытый переход, бесчисленные холлы заброшенного замка. Она скользила взглядом по расписным стенам, старой мебели, пыльным подсвечникам. В свет фонаря попала металлическая табличка возле одной двери; Кассандра смахнула пыль и прочитала: «Магистрат». Вспомнив Альфу, она остановилась и потянула дверь на себя. Ужасный скрип...

Посреди просторного зала стоял длинный овальный стол, а вокруг него – незадвинутые стулья, словно всего час назад здесь было собрание, а потом все встали и поспешно ушли. Кассандра прошла мимо стола, стараясь светить себе под ноги, чтобы свет не мелькал в окне. В другом конце зала мебель была опрокинута, ящики выдраны из шкафов и свалены в углу. Кассандра направила фонарь на огромное панно на стене, всё в бурых пятнах и разводах, и вздрогнула. Когда-то это, похоже, была изысканная мозаика, но она частично осыпалась, и теперь было непонятно, что на ней изображено.

– Это ода четырём стихиям Флориендейла, – раздался голос за спиной Кассандры.

Она подпрыгнула от неожиданности и выронила фонарь. Он мигнул и погас. Наклонившись, Кассандра стала шарить по полу и недовольно спросила:

– Это было обязательно? Ты как здесь оказалась?

Призрак посветила на неё сверху вниз. Вместо фонаря Кассандра наткнулась на кипу бумаг, выпавших из секретера. Она подняла их и бросила на стол.

– Я выполняю задание, как и было условлено, – заявила Призрак. – А вот остальные-то где? Ты почему одна? И даже покров не раскрыла.

– Одна, потому и не раскрыла, – пожала плечами Кассандра.

– В темноте никогда не знаешь, один ты или нет. Ты меня не слышала, а я уже минут двадцать иду за тобой по пятам, между прочим, – Призрак заметила, что Кассандра не слушает. – Что тут у тебя?

Кассандра перебирала бумаги. Почти все они выцвели, стёрлись, ничего не разберёшь. Протоколы собраний, проекты какие-то, конспекты... Между страницами попались две-три блёклые фотографии.

– Это кто? – Кассандра ткнула пальцем в улыбчивую светловолосую женщину. Женщина стояла между двух мужчин, держа их под руки. Один из них был совсем молодой, со смешной бородкой. – Ты её знаешь?

– Откуда, интересно? – Призрак взяла фотографию и поднесла ближе к глазам. – Я не уверена. Старое фото. Может быть, это Венда Амейн? Смотри, а на другой фотографии Камила!

– Да, точно, – кивнула Кассандра. – Такая молодая, но уже, кажется, седая, – она забрала у Призрака первую фотографию и посмотрела ещё раз. – Просто эта женщина тоже кажется знакомой... Странно. У тебя случайно нет таблетки от головы?

Аккуратно сложив фотографии и несколько листов в сумку, Кассандра махнула рукой в сторону двери. Теперь, когда рядом была Призрак, она сразу почувствовала себя увереннее. Нужно было сосредоточиться и искать регалии. Если бы только она знала, во что именно ей нужно верить и, главное, как!

Сначала он подумал, что ему померещилось, но в башне и вправду горел свет. Алишер протёр глаза и огляделся. Темнота, разруха, он стоит на территории дворца, заброшенного шестнадцать лет назад, в городе, который, по слухам, отравлен химическим оружием. Здесь никто не живёт! Так откуда же этот свет в окне?

Алишер приблизился к башне и подёргал дверь – глухо. Заперто или заклинило. Он обошёл вокруг: на уровне четвёртого этажа башня через узкую галерею соединялась с основным зданием; других окон или дверей не было.

Эх, если бы он мог связаться с Кенжелом! Брат бы помог ему выбраться отсюда. Однако у Кенжела, похоже, сейчас были другие заботы: Алишер разглядел в небе чёрные машины штурмовиков. Он не знал, по какой причине их вызвали во Флору, но понимал, что это чрезвычайная ситуация.

Неожиданно за дверью послышались шаги. Алишер отпрянул и укрылся в ближайших зарослях, провалившись мокрой ногой в канаву. Дверь открылась, и человек сделал два шага за порог. Он отбрасывал длинную кривую тень.

– Пусто, – сказал мужчина в рацию. – Может, показалось.

– Креститься надо, когда кажется, – недовольно ответили по рации. – И без тебя хватает проблем.

– Так что у вас там?

– Ничего нового. Штурмовики выслеживают ливьер, но основная масса где-то укрылась. Продолжаем искать с воздуха, подключили патрульных.

– Значит, ожидать новых взрывов? Меня-то хоть не тронут?

Мужчина вынул из кармана зажигалку и сигареты. Алишер чуть сдвинулся в сторону и теперь хорошо видел его профиль.

– Прикуси язык, Амар, – отозвался голос из рации. – Возвращайся на пост и следи, чтобы у тебя всё было тихо. Мы не знаем, какую цель преследуют ливьеры. Генератор должен быть в полной сохранности. Мы уже сообщили в Роттербург.

Алишер затаил дыхание.

– Слушаю, – буркнул Амар.

– Конец связи, – сообщил голос.

Амар повесил рацию на пояс и зажёл сигарету. Топчась у входа, он процедил сквозь зубы что-то про унылую работу паршивую зарплату и

несколько нелестных предложений в адрес оператора на другом конце линии. Алишер наблюдал за ним из тени кустов и судорожно пытался разработать план – несмотря на жуткий голод, холод и вопреки усталости.

Мужчина бросил недокуренную сигарету в сторону и удалился в башню. Алишер выждал несколько мучительных секунд и рванул вперёд, чуть ли не взрывая носом землю, однако дверь успела захлопнуться. Впрочем, даже будь она открыта, Амар сейчас внутри, и Алишер вряд ли бы вышел победителем из потасовки с профессиональным охранником. Нет, сначала надо выкурить его из укрытия.

Алишер пнул стену башни и отвернулся. Взгляд зацепился за оранжевый огонёк не до конца потухшей сигареты. Сигареты, зажигалки... Он вдруг вспомнил, что у него есть с собой зажигалка – Алишер на днях отобрал её у младшекласников, поджигавших ветки за колледжем.

Мысленно поблагодарив мальчишек-раздолбаев, Алишер отошёл от башни на несколько метров и присел на корточки. Отсюда было хорошо видно окно, за которым двигалась какая-то тень – наверное, Амар ходил по комнате. Что ж, если всё получится, скоро его ждёт сюрприз... Правда, Алишер не возлагал на свою зажигалку особых надежд – маловероятно, что она пережила его любительский заплыв в озере. Вытащив её из внутреннего кармана рюкзака и повертев в руках, Алишер откинул колпачок и крутанул колёсико. Раз, другой, третий... Вот чёрт! Однако с четвёртого раза маленькое пламя всё-таки вырвалось наружу.

Ликуя, Алишер сгрёб в кучу листья, поджёт их и вытянул руки, чтобы хоть чуть-чуть согреть онемевшие пальцы. Несколько секунд он пристально следил за жёлтым огоньком, затем поднялся и отправился на поиски сухих веток.

* * *

Огонь быстро окреп, и Алишер даже успел согреться, прежде чем наконец заметил силуэт в окне. Благоразумно спрятавшись в нескольких шагах от костра, Алишер наблюдал, как Амар силится

рассмотреть сквозь стекло, что происходит внизу. Ну смотри, смотри! Темень же.

Силуэт исчез, и спустя пару минут дверь башни отворилась. Амар вышел из тени, сжимая в левой руке пистолет. Ветки в костре всю потрескивали. «Шикарно горит», – с гордостью подумал Алишер.

– Кто здесь? – крикнул Амар, направив пистолет в темноту.

Где-то у реки ухнула сова.

– Немедленно покажитесь. Вы окружены! Я уже вызвал подкрепление.

Вряд ли он врал, конечно. Но зачем тогда выходить из башни? Алишер едва сдержал нервный смех. Мужчина покрутил головой и двинулся в сторону костра. Если он собрался его тушить – прекрасно, пусть плянется на горящее пламя, и чем дольше, тем лучше. Алишер тем временем выскользнул из тени, прижался к холодной шершавой стене башни и, стараясь не делать резких движений, подобрался к распахнутой двери.

Винтовая лестница не освещалась, но ступеньки были ровные, одинаковой высоты, так что взбираться по ним было нетрудно. Алишер карабкался, нашаривая каждую следующую ступеньку руками. Наверху уже маячил свет – башня была широкой и не слишком высокой.

Комната дежурного охранника выглядела весьма скромно: из мебели только стол со стулом, узкая кровать и холодильный бокс. На столе под лампой лежал кроссворд на неизвестном Алишеру языке. Часть комнаты была отгорожена ширмой; Алишер заглянул и туда. Ну ясно, электричество провели, а канализацию забыли. В одну из стен была вделана металлическая лестница с тонкими перекладинами, ведущая на следующий этаж. Алишер чуть было не пропустил её – когда он поднялся в комнату, перекладины оказались у него за спиной.

Молясь про себя, чтобы Амар нашёл чем занять себя у костра, Алишер полез дальше. Какой спортивный у него сегодня выдался день, однако! Рассказать Кенжелу – не поверит. В потолке был железный люк, который не желал поддаваться, сколько ни толкай. Алишер боролся с ним, пока не затекли руки, потом сдался. Лишь тогда, опустив голову, он увидел перед собой нарисованную стрелку. Выругавшись, Алишер подцепил люк за выемки сбоку и легко сдвинул его в сторону.

Он выбрался на пол в совершенно ином помещении – как будто не поднялся на этаж, а пролез прямо в Поверхностный мир. Отделанная гладкими металлическими панелями, комната освещалась приглушённым голубоватым светом – казалось, что светились сами панели. Это были самые современные технологии Земли, и, насколько Алишер знал, они не использовались в Соединённой Федерации. Быстро подтянув ноги и задвинув люк, Алишер в изнеможении распластался на полу и снизу вверх уставился на генератор пространственных переходов.

Похожее на гибрид двигателя, обогревателя, принтера и древнего компьютера, огромное устройство занимало всё свободное пространство. Оно размеренно жужжало, и время от времени та его часть, что напоминала принтер, выводила новую строчку на длинной бумажной ленте. Может, Амар вовсе не охранял генератор, а просто обслуживал его: менял ленту, чистил? Или и то и другое – всё-таки у него был пистолет.

Амар вернулся в комнату, но, кроме его глухих шагов, в бронированном помещении ничего больше не было слышно. Наверное, сейчас будет жаловаться в рацию. Алишер заставил себя оторваться от пола и вплотную приблизился к генератору. Удивительно: всего лишь одно устройство, но как много оно значит для Соединённой Федерации. Для Флориендейла! Как мог человек создать такую машину? Впрочем, придумали же люди двигатель внутреннего сгорания, антибиотики, растительное мясо... А Эдгар Линчев придумал генератор.

Алишер рискнул нажать несколько клавиш на странной клавиатуре без букв, с непонятными символами и формулами, но устройство не реагировало. Маленький экран показывал синюю заставку, и всё. Бросив затею, Алишер обошёл генератор по кругу. В помещении была ещё одна миниатюрная дверь, ведущая, должно быть, в ту самую крытую галерею, которую он видел снизу, но она была заперта. Прислонившись к ней спиной, Алишер сполз на пол и уставился на генератор. С одной стороны, замечательно, что он его нашёл. С другой – он своими же руками запер себя в идеальной ловушке и вряд ли теперь сможет поделиться этим ценным знанием с миром...

На какое-то время Алишер задремал, и ему даже приснился сон – что-то про Кенжела, – но скоро снова очнулся. В помещении ничего не изменилось. Как часто Амар вообще сюда поднимается? Может, Алишеру суждено просидеть тут, пока он не отбросит коньки от голода.

Пошарив в рюкзаке, Алишер разложил на полу свои богатства: разбухший учебник – в таком состоянии его теперь и в библиотеку не сдашь, – потёкшую ручку, ошмётки тетради, нож для бумаги, несколько монет и жвачку. Похлопав по карманам, он добавил к ним зажигалку. И крепко задумался.

Что ему оставалось? Ничего. Ничего хорошего...

Сначала он попытался поджечь книгу, но она не загоралась как следует, только дымила. Тогда Алишер взялся за нож. Можно перерезать пару проводов, если нож их возьмёт. Затем... затем поджечь что-то другое, например ленту с цифрами. Или подпалить пиджак... Алишер подумал о своём сне. Жаль, что не удалось ничего запомнить. Возможно, это был последний раз, когда он видел брата.

ζ

Призрак раздражённо трясла фонарик, который отказывался зажигаться. Кассандра ждала, то и дело оглядываясь через плечо. В замке стояла мертвенная тишина, но со стороны города доносился шум. Они могли только догадываться, что там сейчас происходит.

– Ну как? – спросила Кассандра.

– Всё, – Призрак сунула фонарь в сумку и раздражённо захлопнула клапан. – Сел, батареек нет. Так пойдём.

– Темно, – заметила Кассандра.

– Неважно. Я хорошо вижу в темноте.

Призрак сердилась на себя за то, что не взяла запасные батарейки. Сейчас им нужно больше, больше света!

– Нам сюда, – пробормотала Кассандра.

Они свернули в узкий коридор, где в высоких окнах ещё сохранились стёкла. Пока Кассандра внимательно обшаривала лучом единственного оставшегося у них фонарика стены и щели в полу, Призрак выглянула наружу.

– Дымит, – удивилась она. – Там, ты видишь?

Кассандра развернула план замка.

– Что это за башня? Её нет на карте.

– Да в этой карте сам чёрт ногу сломит, – бросила Призрак.

Она попробовала, но не смогла разобраться, что к чему на плане Альфы. Невозможно было представить себе разнокалиберные помещения замка в двухмерном изображении, со всеми лестницами, этажами и полуэтажами в придачу. Кассандре это давалось на удивление легко. Художница...

– Я тебе говорю, её на карте нет, – повторила Кассандра. – Смотри, мы вот тут, – она возбуждённо ткнула пальцем в план, чуть не порвав тонкую бумагу, – вот здесь начинается галерея, она доходит до угла... Но дальше ничего нет. Пойдём!

– Но зачем? – Призрак попыталась высвободить свой рукав из крепкой хватки Кассандры, но та была словно одержима. – Там нет наших, Кесс. Только не со стороны озера. Ты же знаешь! Мы теряем время.

– Но что-то же горит!

Они остановились в конце галереи перед запертой дверью. Кассандра подёргала ручку.

– Нам туда... – начала она.

– ...не нужно, – закончила Призрак.

Кассандра взглянула на неё и упрямо прищурилась.

– Как вам будет угодно, ваше величество, тоже мне, – Призрак покачала головой, доставая отмычки.

Дверь была закрыта на древний хитроумный замок, который спустя столько лет отказывался поддаваться. Призрак возилась долго, то сидя на корточках, то стоя на коленях прямо на холодном камне. Камила наказала Призраку внимательно слушать Кассандру и ни в коем случае не оставлять её одну, что бы та ни придумала.

Когда замок наконец щёлкнул, Кассандра рванула дверь на себя и ринулась в проход, вверх по винтовой лестнице, ведущей к переходу в башню. Призрак поморгала, чтобы глаза привыкли к наступившей темноте, собрала инструменты и последовала за Кассандрой.

Наверное, она слишком резко поднялась – Призрак не успела сделать и пяти шагов, как у неё вдруг закружилась голова, да так, что оставалось только схватиться за стенку и прижаться к ступенькам.

Скрючившись в узком пространстве, она пыталась побороть странный приступ и поняла, что слышит далеко внизу шаги и голоса... Казалось, спорят парень и девушка, но Призрак не могла разобрать ни слова. Уши словно забило ватой.

– Кто тут? – крикнула Призрак и чуть не оглохла от собственного эха.

Никто не отозвался. Голоса множились, смеялись и всхлипывали... Впервые за много лет Призрака охватила паника. Она потерялась в пространстве, утратила всякое ощущение места и времени. Она подумала о Томе, Рофи, о своих родителях. Что-то шевельнулось в груди. Какого чёрта! Они учили её не сдаваться. Пока есть куда идти – надо идти!

Призрак нашарила ступеньки и ползком стала карабкаться вверх. Постепенно к ней возвращались и слух, и зрение. Руки Кассандры подхватили её и помогли подняться.

– Твою мать! – выругалась Призрак, протирая глаза.

– Ты чего? – Кассандра непонимающе смотрела на неё. – А-а, я тебя без фонарика бросила? Прости!

Призрак была уверена, что дело не в фонарике, но только пожалала плечами. Она всё равно не смогла бы объяснить, что только что произошло на лестнице.

– Пойдём уже, – пробормотала она.

Они прошли в задымлённую галерею. Кассандра раскрыла покров и заключила их обеих в подобие купола, под которым можно было свободно дышать. Пока они бежали вперёд, Призрак успела рассмотреть в противоположной стене дверь – неужели опять придётся возиться с отмычками? Но Кассандра дёрнула за ручку, и дверь поддалась.

Призрак ахнула, когда фонарик вырвал из темноты гладкие металлические стены. Дым скопился под потолком и через невидимые глазу щели проникал наружу. Тут же посреди комнаты был и источник этого дыма: огромное устройство искрилось и полыхало в нескольких местах, издавая пронзительный писк. Призрак во все глаза уставилась на него. Она знала! Знала, что это такое! Но как же это? Кто обнаружил генератор? Ни её друзья в Индувилоне, ни ливьеры так и не смогли выяснить, где он находится. Ливьеры полагали, что устройство спрятано в ельнской лаборатории.

– Помоги мне! – Кассандра указала на тело у двери, которое Призрак сначала даже не заметила – генератор захватил всё её внимание. На полу неподвижно лежал парень, уткнувшись лицом в тёмную тряпку. На нём была форма, похожая на школьную, что никак не вписывалось в обстановку. – Посмотри, что с ним? Я без рук...

Призрак втащила парня под купол покрова, приподняв плёнку, словно полупрозрачное покрывало, и нагнулась прощупать пульс. О Ангел, сколько же он тут провёл, в этом аду? Пульс вроде был, но парень оставался без сознания.

Вдвоём они поволокли его по галерее в сторону замка. Добравшись до лестничной площадки, Кассандра отдала Призраку фонарь и опустилась на колени перед незнакомцем. Заметно смущаясь, она похлопала его по щекам сначала слабо, потом сильнее, достала из сумки фляжку с водой и смочила лицо и губы. Призрак покосилась на тёмный лестничный проём – ей не хотелось идти туда снова.

Парень издал слабый стон, глубоко закашлялся и разлепил глаза.

– Со спичками играл? – спросила Кассандра. Она, очевидно, не понимала, что произошло в башне и что за устройство горело там сейчас, осыпая искрами блестящие полы.

Парень скривился и хотел ей ответить, но не смог. Кассандра снова дала ему воды.

– Ты можешь идти? Мы же не потащим тебя по лестнице вниз, – сказала Призрак.

– По лестнице вверх, – поправила Кассандра. – Ещё один этаж.

η

Алишер постепенно приходил в себя. Незнакомые девушки целую вечность тянули его за собой по коридорам и лестницам, прежде чем позволили сесть и оставили в покое. Он не мог, не хотел ничего видеть – просто сидел, уронив голову на грудь, пока одна из них перевязывала ему обожжённую руку. Он чувствовал себя так, словно уже умер.

– Ладно, ты лучше ляг, – сказала девушка и помогла ему опуститься на пол.

Алишер открыл глаза и уставился в потолок. Когда-то там был стеклянный купол, но он разбился. Значит ли это, что Алишер сейчас лежит на груде осколков? Очень холодных осколков после обжигающей близости пожара...

– Генератор, – пробормотал он.

Вторая девушка вдруг склонилась над ним и загородила вид на купол. Лицо перемазано, светлые волосы растрепались.

– Ну, ты как? – спросила она. – Меня зовут Кассандра. Отличное место выбрал для прогулки, ничего не скажешь. Ты же не отсюда?

– Нам надо торопиться, – заметила её напарница. – Ты сама говорила, что Мари будет ждать.

– Я знаю, – Кассандра кивнула и хотела встать, но Алишер непроизвольно схватил её за руку. Девушка вздрогнула.

– А... ты? Сама ещё... школьница... – Алишер закашлялся. – Шестнадцать лет... день рождения в мае...

Кассандра нахмурилась. Другая девушка незаметно выхватила пистолет и теперь держала Алишера на прицеле. Алишер едва не расхохотался, вот только дышать было трудно.

– У меня день рождения в июле. Шестого июля, – сухо сказала Кассандра, высвобождая свою руку.

– А вот... и нет, – отозвался Алишер.

Её напарница сделала шаг вперёд, и лицо у неё было страшно недовольное.

– Призрак! – жестом остановила её Кассандра. – Брось, очевидно же, что он бредит.

Она ушла в другой конец зала. Алишер протянул руку в её сторону – и опустил. Боже, как он устал. Каким чудом он спасся? Когда уже думал, что всё, кранты... А теперь эта Кассандра. Кассандра и Мари, Мари и Кассандра – так звали двойняшек, сказала ему Аврора, которых она разлучила в Поверхностном мире. Но он мог ошибаться.

Призрак опустила оружие, но всё равно стояла рядом начеку. Алишер попытался подняться – секунду она колебалась, но потом всё-таки подхватила его под локоть.

– Эй, Кассандра! – Алишер старался говорить громко, но получался лишь хриплый шёпот. – погоди! А Мари тебе кто? Ты откуда?

– Не слышу тебя! – прокричала Кассандра. Она обходила стены зала по периметру, иногда останавливаясь и осматривая каменную кладку.

– Помоги мне... Призрак? – попросил Алишер вторую девушку. Она скептически посмотрела на него.

– Ты чего хочешь? Тебя ноги не держат.

– Плевать, – Алишер мотнул головой. – У тебя есть вода? Дай глотнуть... Мне нужно поговорить с ней.

Призрак достала из сумки флягу, отвинтила крышку и протянула ему. Вода была холодная. Божественный, божественный напиток! Алишер даже не заметил, как выпил всё.

– Извини, – сказал он.

Призрак только хмыкнула.

– Что вы здесь делаете? – спросил Алишер.

– А это не твоё дело.

Проклятие! Алишер отвернулся и заковылял к Кассандре. Однако, не дойдя до неё всего нескольких метров, был остановлен Призраком, снова наставившей на него пистолет.

– Будь добр, не отвлекай её сейчас. Она занята.

– Но что...

– Призрак! – позвала Кассандра. Она стояла на цыпочках с фонариком в самой узкой части зала у полукруглой стены. – Мне кажется, тут что-то есть! Как будто сердце бьётся...

– Это же ты была в тюрьме в Роттербурге? Или твоя сестра, да? – успел вставить слово Алишер.

– Не сейчас! – рявкнула Призрак.

Алишер покачал головой. Перед глазами расплывались цветные пятна, ослепительно яркие в темноте помещения. И чего он пытается добиться? Они не желают с ним разговаривать. Он снова опустился на пол и уронил голову на руки. Пусть делают что хотят.

Кассандра прикоснулась к стене и провела по ней пальцами, словно повторяла невидимый узор.

– Здесь буквы, – сказала она. – Есть где записать?

– Писать нечем, – отозвалась Призрак. – Эй, у тебя нет ручки?

– В башне... осталась, – пробормотал Алишер. – Хочешь – сходи.

– Остряк, – фыркнула Призрак. – Негде писать, Кесс, давай так говори.

– Ну ладно... – Кассандра замерла. – Е, Х. Потом... потом другое слово.

Она сосредоточенно перебирала пальцами по стене. Кажется, буквы были выточены в светлом камне. Призрак помогала ей, освещая стену крошечным фонариком. Алишер вяло наблюдал за ними с пола.

– А-Е-О... Нет, это Q. AEQUO! Теперь следующее слово... короткое, просто ET. А дальше...

«Это не слово», – подумал Алишер.

– Четыре буквы, В-О-N-О. Всё, больше ничего нет.

– EX AEQUO ET BONO, – повторила Призрак. – Ну ладно, и что это такое?

– Я не знаю, – пожала плечами Кассандра. – Жаль, мне казалось...

– Это латынь, – перебил Алишер, оторвав тяжёлую голову от колен. – Известное латинское выражение, переводится: «По добру и...»

– Справедливости! – воскликнула Призрак. – Ты гений!

– Стоп-стоп-стоп! – замахала руками Кассандра. – Что, почему?..

– «По добру и справедливости» – это девиз королевского дома, – пояснила Призрак. – Но я не знала, что они использовали латынь. Спасибо! – она взглянула на Алишера.

– Тебе интуиция подсказывает, – он обратился к Кассандре. – Я думаю... ты...

Но Кассандра уже отвернулась и снова впиалась пальцами в стену, как будто могла что-то пропустить. Алишер замолчал, глядя на неё. Вдруг он неправ?

Словно в опровержение его мыслей, Кассандра ударила кулаком по камню и чихнула от облака пыли – из стены тоненькой струйкой посыпался песок. Тогда она ударила снова, уже сильнее. Буквы королевского девиза вдруг проступили отчётливее.

– Давай ещё! – выпалила Призрак. Она бросилась на помощь Кассандре, и вместе они колотили по камню – Кассандра даже разбила кулак – до тех пор, пока в стене не открылись пять глубоких ниш. Алишер был ещё слишком слаб и не помогал им, но подошёл ближе, чтобы заглянуть в тайник. Недоверчивая Призрак тут же ринулась к нему, будто боялась, что он сейчас схватит сокровища и убежит. Алишер без слов уступил ей место, и Призрак вытащила из ниши

пыльный свёрток, перевязанный тонкой бечёвкой. В двух шагах от них Кассандра достала из другой ниши точно такой же кулёк.

Призрак сунула фонарь Алишеру и принялась за свёрток. Алишер угадал, что скрывается под тканью, прежде чем девушка развернула предмет и смахнула с него пыль. Небольшой, размером с кулак, тёмно-синий кристалл с множеством правильных граней безумно напоминал стекляшку над входом в бар в Маноле. Вот только манольский кристалл преломлял солнечный свет во всех направлениях, а этот словно впитывал луч фонаря и светился изнутри, не отбрасывая бликов на тёмные стены.

Алишер посветил на кристалл Кассандры – красную пирамидку. Девушка лишь мельком взглянула на неё, передала Призраку, а сама вернулась к стене: погрузив руку по самое плечо в следующую нишу, она с усилием вытягивала оттуда мешок побольше. Внутри раздавался металлический звон.

– Монеты? Оружие? Медали? – предположил Алишер.

– Сразу видно, что ты парень, – усмехнулась Призрак. Она явно знала, что внутри.

Кассандра развязала мешок, и Алишер досадливо поморщился: как он сразу не догадался? Девушка извлекла на свет две короны. Одна была тяжёлая на вид: широкий серебряный обруч с витиеватым орнаментом. Вторая – золотая – представляла собой веночек из переплетённых цветов. Обе выглядели очень просто, никаких драгоценных камней, никакого блеска.

– Короны Венды! – Призрак с трепетом провела рукой по золотистым лепесткам.

– Если это для королевы, то как-то небогато, – заметил Алишер. – И почему их две?

– Флоры и Ориендейла, – объяснила Кассандра. – Ты что, из Поверхностного мира?

Где-то снаружи прогремел взрыв. В зале с разбитым куполом это было отчётливо слышно – будто взорвали крыло замка.

– Проклятье... – пробормотала Кассандра. – Все давно должны быть в укрытии! Давайте выбираться отсюда.

– Давайте, – Алишер бросил взгляд на стены тронного зала, на которых давно уже нельзя было разобрать изящной росписи, на сорняки и плющ по углам, на разбитый купол. Когда-то здесь всё было

потеряно – и вот найдено вновь. Сердце Флориендейла по-прежнему билось, ведь так сказала Кассандра, а она должна знать. И он, песчинка в этом сложном механизме, смог внести свой вклад, сам того не ожидая. Всего два месяца прошло с тех пор, как они с Кенжелом встретили Веронику, но как изменился мир...

И как ему ещё предстоит измениться – если им, конечно, повезёт.

θ

Бескрайнее тёмное небо. Бесчисленные маленькие звёзды. Долететь до звёзд... Почему они до сих пор не построили здесь космические корабли? У Роттера наверняка есть космическая программа, но он не говорит. Он много чего не говорит.

– Ли? – нарушил Кенжел тишину.

– Да? – отозвался Ли.

Их смена кончилась, но по закрытому каналу Кенжелу приказали продолжать патрулирование с одним напарником. Кенжел добился разрешения оставить двух. Они с Иркай и Ли через столько прошли вместе, начиная с лётной школы. Он не мог выбирать между ними.

– Есть что-нибудь новое?

– Нет, никого не вижу. Они где-то спрятались. Только башня горит в пятом квадранте.

– Где? Я не заметил, – подключился Ирка.

– Не отклоняйся от курса, Ирка, – предупредил Кенжел. – Если будет нужно, нас перекинут. На данный момент наша задача – выслеживать девушек. Но я тоже их не вижу...

– Кенжел, они правда ливьеры?

Что значит «правда»? Когда они успели это обсудить?

– Это пока ты с генералом шушукался, – словно прочитав его мысли, объяснил Ирка. – Ли смешной, мне даже пришлось объяснить ему, кто такие ливьеры.

Ничего особенного в этом, конечно, не было. Кенжел тоже не знал, пока Алишер не раскопал эту информацию. А уж Ли откуда, с его семьёй... Ходили дикие слухи, что мать Ли – любовница Роттера, хотя сам Ли это отрицал.

– Думай, что говоришь, – предупредил Кенжел в микрофон.

На приборной панели замигала синяя лампочка закрытого радиоканала.

– Ноль три один слушает, – сказал Кенжел.

– Ноль три один, – сухой голос генерала звучал напряжённо. – Горящую башню видишь?

– В пятом квадранте? Отсюда не вижу, но слышал.

– Так вот... Эта информация не для разглашения сейчас. Ребятам не говори. – Генерал помолчал несколько секунд, вздохнул и продолжил: – Индикаторы показывают, что пространственные переходы нестабильны. В этой башне, которая полыхает... там генератор, понимаешь?

– Генератор? – глухо переспросил Кенжел.

– Он самый... пространственных переходов! У вас на борту в порядке огнетушители? Садитесь как можно ближе к башне и тушите, тушите! Мы вызвали пожарных, но состояние критическое.

– А откуда пожар? – спросил Кенжел. – Замыкание?

– Да чёрт его знает, – генерал выругался. – Понимаешь... пассажирский лайнер зашёл только что в переход у Ельны! Мы не знаем, что будет, если он схлопнется. Показатели зашкаливают, полная дестабилизация, 146 процентов!

– А в норме сколько?

– До 85, твою ж...

У Кенжела вспотели ладони. Обычно самолёту требовалось минут пятнадцать-двадцать, чтобы преодолеть коридор между мирами.

– Информацию принял, – сказал он. – Держите нас в курсе... если возможно. Насчёт лайнера.

– Конец связи, – буркнул генерал.

Кенжел вытер руки о штаны и отключил автопилот. Конечно, он всё расскажет Ли и Ирке, пусть даже это прямое неповиновение приказу. О, если бы там, наверху, знали, что они затевали, прежде чем началась эта неразбериха с ливьерами... Теперь Кенжелу было невероятно стыдно: идиоты, они и не подумали о лайнерах, проходящих границу! У них не было доступа к этой информации, и приходилось полагаться на данные центра управления. Сколько осталось времени?..

Ли первым достиг башни, выхватил из кабины огнетушитель и побежал к суетившимся на поляне военным. На безопасном расстоянии от горящей махины два щуплых санитаря оказывали первую помощь человеку в штатском.

– Я не помню... – громко сетовал он. – Меня столкнули с лестницы. Там кто-то был, мужик какой-то.

Ли вытер пот с лица, включил рацию и сообщил:

– Хреново тут всё... Пожарка когда будет? Что с лайнером, есть новости?

Но прежде чем Кенжел успел ответить, военные вокруг Ли вдруг засвистели и зааплодировали. Один из них поманил его к себе, и Ли поспешно зажал кнопку рации.

– Слышь, капитан! Перешли, перешли они! – хохотнул военный. – Матерь божья, какая ж-жесть!

– Может, стабилизируют ещё, восстановят сейчас, – сказал кто-то в толпе. – А вы тушите, чего встали!

– Кенжел, Ирка, вы слышали? – сказал Ли в рацию. – Пронесло!

– Сейчас как пронесёт! – раздался бешеный крик Ирки. – Уходи оттуда, Ли!

– Ты о чём?

* * *

– Ирка, ты о чём?! – повторил Кенжел, но Ирка не отвечал.

Кенжел был уже почти на месте. Он прошёл над железнодорожным мостом и летел над озером так низко, что можно было разглядеть отражения звёзд в мутной воде. Вдруг яркая вспышка, одна, другая... Это в небе или в озере? Отражение или нет?

Огонёк на панели мигнул и погас. Помехи.

– Ирка? – спросил Кенжел. – Ли?..

Истерически заморгала синяя лампочка.

– Ноль три один слу...

И снова вспышка. «Долететь до звёзд», – подумал Кенжел. Он успел досчитать до двух, когда звёзды погасли.

Мари осторожно затянула повязку на мужском плече, как показала ей худенькая девушка с раскосыми глазами, и отрезала бинт. Мужчина тут же вскинул руку, чтобы осмотреть перевязку, и Мари отшатнулась.

– Ты не травница, – удивлённо сказал он, не заметив её беспокойного движения. – Но сойдёт... Спасибо.

– Конечно нет, Рео. Если бы все так же плохо отличали травников от людей, как ты, насколько счастливее нам бы жилось, – травница мягко погладила Мари по плечу. – Не бойся, ты с друзьями. Всё в порядке. Здесь никто тебя не обидит.

Мари сжала губы и кивнула. Но не прошло и минуты, как где-то снова раздались выстрелы, и она бросила бинт и зажала уши.

– Слушай, ты уверена, что она в порядке... – встревоженно заговорил мужчина.

– Нириаль!

Мари обернулась на знакомый голос и едва устояла на ногах от нахлынувших чувств: любви, тревоги и смятения. Кассандра пробилась сквозь толпу и замерла в двух шагах от сестры, переводя беспокойный взгляд с Мари на Нириаль и обратно. Мари была не в силах пошевелиться и не знала, что сказать. Тогда Кассандра молча взяла Мари за руки, притянула к себе и обняла – так, словно никогда больше не собиралась её отпускать. Мари уткнулась в тёплое плечо Кассандры и закрыла глаза. На мгновение она поверила, что теперь всё будет как раньше. Но лишь на мгновение.

Минутой позже Кассандра отстранилась и тут же накинута на Нириаль.

– Как тебе пришло такое в голову?! – рявкнула Кассандра, удерживая Мари за руку. – Ей покой нужен, она же только что!..

Нириаль нервно расправила свой белый передник, вымазанный в крови.

– У меня нет на это времени, – тихо отозвалась она. – Во-первых, Мари сама попросила – хотела помочь. Во-вторых, мне нужны руки. Да, она слаба, но – и это в-третьих – она ещё лучше многих держится на ногах. Кесс, приди в себя и посмотри сама!

Под конец Нириаль почти кричала. Подняв упавший бинт, она вручила его Мари и поспешила прочь, не дожидаясь ответа Кассандры.

Кассандра обвела взглядом крытую галерею, подсвеченную фонарями ливьер и первыми лучами солнца. На разбитых плитах

темнели влажные пятна крови; несколько тел были укрыты с головой; легко раненые отдыхали у колонн, и кое-кто из них поднимался, чтобы вернуться на улицы Флоры. Ливьеры заранее договорились, где встретятся, но солдаты Федерации их выследили и сбросили на здание бомбы. Бежавшие под плотным покровом Бимбикен смогли разместиться в квартале от первоначального убежища и теперь созывали туда остальных – под непрерывным обстрелом с воздуха и с земли, где курсировали вооружённые патрули.

Кассандра опустила глаза и закусила губу. Это не укрылось от Мари, и она наконец пришла в себя и ободряюще сжала руку сестры. В первый раз в жизни ей казалось, что Кассандре страшно.

– Я всегда с тобой, – прошептала Мари.

– Я знаю, – Кассандра расправила её ладонь. Пальцы Мари были перепачканы изумрудной мазью.

– Но тебе нужно идти... – сказала Мари. – А мне нужно остаться.

Она заглянула в ореховые глаза Кассандры. Если смотреть долго, можно утонуть. В детстве они иногда дурачились, подолгу изучая зрачки друг друга, даже рассматривали их под лупой. Кассандра нарисовала тогда целую серию картинок о глазах. Удивительно, как сложно всё устроено: глаз, человек, общество, мир... Чем старше становишься, тем больше замечаешь оттенков, слоёв и граней. Тебе как будто подсовывают новые детали пазла, не успел ты разобраться с теми, что уже на доске.

– Папа говорит, бог не посылает нам испытаний, которых мы не в силах вынести, – произнесла Мари. – Я много думала об этом... там.

Кассандра кивнула и почему-то отвела глаза.

– Тогда я пойду, Мари. Но я вернусь!

Она кивнула ливьеру с короткими тёмными волосами и указала на мешок, который они принесли с собой.

– Ну уж нет! – запротестовала та и сунула мешок странно одетому парню. Кажется, на нём была школьная форма. – Ну-ка, ты... последи за этим.

– Я Алишер, – возмутился парень. – Никак не запомнишь? Я пять раз уже представился.

– Очень приятно, – пробормотала девушка и бросилась за Кассандрой.

Мари поджала губы и внимательно осмотрела Алишера, обдумывая, нужна ли ему помощь. Его правая рука уже была перевязана, и на ногах он держался не слишком твёрдо.

– Ты как? – спросила Мари. – Что случилось?

– Дымом надыхался, – Алишер зашёлся кашлем и сел у стены. – Нормально, жить буду. Но голова раскалывается, в ушах звенит... Или это не только у меня?

– Я позову Нириаль, – торопливо сказала Мари. – А что... в этом мешке?

– Похоже, причина, по которой они все здесь, – Алишер кивнул в сторону раненых. – Я прилягу, ладно... Мари?

Мари отодвинула мешок с прохода и поспешила на поиски кого-нибудь из травников.

ia

Кассандра вырвалась на улицу и застыла. На площади, казалось, наступил конец света. С Призраком и Алишером они подошли к зданию с другой стороны, и Кассандра слышала крики и выстрелы, но не думала, что всё выглядит именно так.

Ливьеры возвели баррикады и обороняли дом и галерею от подступающих с другой стороны площади войск Федерации – не патрульных, а настоящих военных с синими звёздами на груди. Они были прекрасно вооружены, и, конечно, их было значительно больше, чем всех ливьер вместе взятых. Кассандра заметила не только зелёные, но и жёлтые, и белые повязки на руках ливьер – цвета Манолы и Алилута. Она вспомнила, как впервые услышала от Бимбикен, что во Флоре у них будет подкрепление. «Зачем, ради одной операции?» – подумала она тогда. И лишь теперь поняла, насколько заблуждалась.

Кассандра долго искала глазами Бимбикен. Командир группы «Центр» держалась у края площади, там, где булыжная мостовая переходила в заросший сквер. Чтобы силы Федерации не прорвались к воде и не смогли их окружить, догадалась Кассандра. Возможно, Бимбикен планировала отступить через реку, но как? У них даже лодок нет!

Было страшно, страшно до безумия, но Кассандра лишь крепче сжала серебристый пистолет, раскинула покров и двинулась к Бимбикен. Она не решалась, как прежде, укрыть покровом всех ливьер, чтобы не заключить вместе с ними под купол и солдат.

– Слава Ангелу! – крикнула Ляля, увидев Кассандру. – Это вы устроили взрыв?

– Нет, мы уже оттуда ушли, – Кассандра встала рядом, и вдруг их с Бимбикен покровы слились.

У Кассандры мурашки пробежали по коже, но командир, на мгновение обернувшись, одними глазами высказала ей своё доверие и заботу. Это что-то новенькое!

– Наверное, рухнула башня, которую Алишер подпалил, – добавила Кассандра.

– Кто?

– Один парень... Скажи, почему мы в засаде? Нас кто-то выдал?

– Мы напоролись на патруль, – мрачно сказала Бимбикен. – Я не знаю, что они сегодня здесь забыли. Внеплановых патрулей уже несколько лет не было.

Кассандра сощурилась и старательно прицелилась. Ей хотелось быть полезной, но стреляла она по-прежнему плохо. А тут ещё под ногами оказался поражённый искрой солдат. Извиваясь и неконтролируемо подхихкивая, он полз по земле и пытался схватить Кассандру за щиколотки. Она споткнулась, рухнула на него, выронила искру и сложила покров. Кое-как поднявшись на ноги и не без труда вытащив своё оружие из-под тела мужчины, Кассандра с негодованием увидела, что, пока она тут кувыркалась, Бимбикен ранили в левое плечо.

– Забудь! – Бимбикен махнула рукой в сторону сквера. – Помоги там!

Укутавшись в покров, Кассандра ринулась в сторону сквера, завернула за угол и остолбенела. В траве неподвижно лежала Эльсона. На одно пронзительное мгновение Кассандре подумала страшное, но тут Эльсона шевельнулась и подвинулась. Она плакала над девушкой со спутанными рыжими волосами и смятой жёлтой повязкой. Всё, кроме этой повязки, было в крови.

– Джамиль... – хрипло шептала Эльсона. – Джа-ми-ли...

Кассандра присела рядом и какое-то время сочувственно гладила Эльсону по спине и по запачканным кровью светлым локонам. Затем поднялась и решительным шагом направилась к извивающемуся на земле солдату. Она пнула его ногой в живот, в бок, в пах, неловко занесла ботинок для удара по лицу, но... Человек у её ног безвольно хихикал. Кассандра чуть не задохнулась от ярости: даже этот дикий акт агрессии – самое жестокое, что она совершала в своей жизни, – не принёс облегчения.

Они убивают их друзей, родных, методично уничтожают травников! Стёрли с лица земли стихийные народы, которых Кассандра никогда уже не увидит! Они принесли в этот мир всю боль Земли, всю несправедливость, алчность, снобизм и лицемерие. Они нагадили... А ливьеры что? Повстанцы? Стреляют в них искрой, чтобы пару часов солдаты лишь улыбались и пускали слюни. Чтобы потом они вернулись в строй и продолжили убивать! Но что, если...

Бимбикен схватила Кассандру за шкуру и отшвырнула в сторону. Кассандра не успела подняться, как Бимбикен села сверху и прижала её к земле. Она отняла руку, которой зажимала кровоточащую рану в плече, и дала Кассандре пощёчину. Кассандра почувствовала липкий и тёплый след.

– Скажи, ты бы хотела стрелять не иглами с отравой, а настоящими патронами? – прорычала Ляля Бимбикен. – Может быть, ещё пару бомб в толпу кинуть?!

Кассандра молчала, плотно сжав губы.

– Говори сейчас! – словно разъярённая кошка, прошипела Ляля Бимбикен. – Немедленно! Здесь!

– Я бы хотела избавиться от них навсегда, да, – выпалила Кассандра. – Немедленно! Здесь.

– Я понимаю тебя как никто, – прошептала Бимбикен, – но ты обязана собрать силу воли в кулак и держать себя в руках. Ты должна быть примером! Справедливость без добра не имеет смысла, Кассандра. Эти люди – они не отдают приказы, они солдаты, и многие из них – мальчишки. Ты только посмотри на их лица!

Кассандра добросовестно повернула голову, но с этой перспективы ей не было видно ни одного военного.

– Им сказали идти – они пошли! Ни сном ни духом, что такое Флориендейл и что мы тут делаем, понимаешь? У тебя-то давно был

последний урок истории? В новостях рассказали байку – вот и весь урок! А ты, ты...

Бимбикен покачала головой.

– Если кто и заслуживает смерти, то это дрянь Роттер, этот...

Она резко дёрнулась и в последний момент успела раскинуть покров и укрыться за ним от выстрела. Бросив на Кассандру ещё один пылающий, полный негодования взгляд, Бимбикен оставила её и исчезла за углом здания.

Было больно сознавать, что Ляля права. На вой не как на войне, солдаты лишь исполняют чужую волю. Они не знают правды, и все их убеждения основаны на мифах. Тех самых мифах, которые так охотно плодит Соединённая Федерация... Но зачем? Кассандра закрыла глаза и попыталась представить себе картину мира глазами Роттера... Немыслимо! Можно многое перевернуть и поставить с ног на голову, но чем оправдать уничтожение целых народов?!

Открыв глаза через несколько секунд, девушка уставилась прямо в дуло пистолета. Ей было видно только руку с оружием. Кассандра замерла.

– Четвёртая будешь, – противно растягивая слова, произнёс женский голос. Кассандра попыталась двинуть рукой и раскинуть покров, но женщина молниеносно придавила тяжёлым ботинком её запястье. Тянуть она явно не собиралась.

Кассандра зажмурилась, и раздался щелчок.

– Да блин! – воскликнула женщина и засунула пистолет в кобуру на поясе. Не успела Кассандра обрадоваться своему везению, как почувствовала мощный удар в грудь, и горячие ладони сомкнулись на её горле.

ιβ

Мари пошатнулась и схватилась за стену. Бутылка с водой, которую она только что наполнила в ручье за домом, расплескалась. Руки Мари дрожали, ещё несколько секунд – и бутылка упала и откатилась к Алишеру. Он лежал на полу, прижимая к носу большой пушистый лист неизвестного ему растения, как велели лекари, чтобы очистить лёгкие.

Мари трясло. Она опустилась на корточки и обхватила себя руками.

– Ира... как там тебя?! – позвал Алишер, стараясь подавить кашель. – Девчонки!

Но как назло, рядом никого не было. Тогда, стараясь не обращать внимания на головокружение, Алишер подобрался к Мари и встретил её взгляд. Паника!

– Что, что такое?! Тебе плохо?

Мари беспорядочно цеплялась за него и пыталась что-то сказать.

– Кассандра? – разобрал Алишер. – Найти Кассандру? Но где она?

Мари кивнула головой в сторону арки. Слезы блеснули в глазах и одна за другой побежали по щекам. Она выглядела беспомощной, отчаявшейся, испуганной – даже больше, чем её двойник Вероника.

Алишер оставил Мари ливьерам, а сам бросился на улицу. Чёрт, ну и как тут её найдёшь, в этом хаосе?

– Куда ты вылез, прячься! – крикнули ему.

Перед глазами всё кружилось.

– Где Кассандра? – твердил Алишер. – Ваша подруга Кассандра?! Куда она пошла? Видел кто-нибудь, ну?

– Туда, – махнул кто-то рукой.

* * *

Сначала Алишер заметил рослую тётку в форме Федерации, перезаряжавшую пистолет, и лишь потом – бесчувственную Кассандру у её ног.

– Эй! – крикнул он, продираясь сквозь густые заросли.

Тётка тут же навела на него оружие и замерла.

– А ты кто такой? Это что, школьная форма?

– Роттербургская, – кивнул Алишер.

Что делать? Ему никогда ещё не угрожали оружием солдаты Федерации. С другой стороны, он только что поджёг их драгоценный генератор, пырнул Амара канцелярским ножиком и прибил к отряду ливьер... Федерации действительно было за что его недолюбливать.

– Колледж Эльвиры Маресы, – добавил он, чтобы потянуть время, хотя, возможно, как раз времени у него и не было.

– И что тебе...

Она не успела договорить. Ни с того ни с сего тётка выронила пистолет, прижала руки к животу и стала заваливаться набок. Алишер уловил мимолётное движение – на поляну ворвалась Призрак. Повалив женщину на землю, разъярённая девушка связала ей руки и вцепилась в волосы.

– Я ливьера без году неделя, – прошипела она, – и не стану соблюдать их дурацкий кодекс чести. Вы убили моих родителей! Я вам этого никогда не прощу, ни одному из вас!

Алишер опустился на колени перед Кассандрой: шея девушки была малиновая, губы пересохли, щёки в ссадинах. Он склонился к её лицу и посмотрел на живот, чтобы понять, дышит ли она, но не мог ничего разобрать, тем более когда тут же рядом Призрак расправлялась со своей жертвой. Алишер осторожно взял Кассандру на руки и поспешил назад, на ходу пытаясь сообразить, в какой стороне находится укрытие.

Призрак вскоре нагнала его и держалась рядом, прикрывая от случайных выстрелов. В какой-то момент Алишеру показалось, что Кассандра очнулась и обняла его за шею. Но, может, ему померещилось: он с трудом переставлял ноги, сознание путалось, и было трудно дышать. В голове всё настолько смешалось, что он не помнил, как проделал последние шаги, обогнул массивную стену и опустил Кассандру в лазарете ливьер.

17

– Что с ней случилось? Она упала? – Мари сжала ладонь Кассандры и посмотрела на Алишера.

– Упала?! – воскликнула Призрак. – Да эта дрянь её чуть не задушила! Я думала, она... Нириаль, ну как?..

Нириаль лишь мотнула головой, осторожно ощупывая горло Кассандры, ключицы и шею. Закончив, она обернулась к Призраку и пожала плечами.

– Ничего серьёзного. Даже синяков не останется.

– Не может быть, – пробормотал Алишер.

Кассандра открыла глаза и оглядела склонившиеся над ней лица.

– Я что, потеряла сознание? Опять ты тут?..

– Да я тебе жизнь спас! – заметил Алишер. – По крайней мере, я так думал...

Кассандра зашевелилась, пытаясь подняться. Призрак запротестовала, но Нириаль заверила их, что в таком состоянии Кассандра может и сидеть, и стоять, и даже бегать.

Мари смотрела на Кассандру, закусив губу. Она хотела, но боялась поверить собственным глазам: только что Мари словно су дорогой пронзило одно из тех безумных, отвратительных, мучительных видений, что преследовали её в тюрьме. Мари видела, как сестра упала, заливая землю алой кровью, как её безвольная рука выронила искру, как к ней бросились другие ливьеры. Это было так реально, так близко – но в очередной раз оказалось миражом. Какое счастье!

Она держала руку Кассандры, боясь выпустить её даже на мгновение. Кассандра не возражала.

«Мы сёстры Клингер, – сказала себе Мари. – И так будет всегда. Неважно, кто мы на самом деле».

Кассандра вытерла лицо и оглядела галерею, словно кого-то высматривала.

– Найди Лялю, пусть даст команду всем отступить под крышу, – обратилась она к Призраку.

– Под крышу – сюда? – не поняла Призрак. – Но Бимбикен прокладывает коридор для отхода на Ангору.

– И сколько ещё? – Кассандра кивнула за окно. – Сколько ещё жертв? Мы так никогда не доберёмся до Ангоры! И как быть с ранеными?

– Но они замуруют нас здесь заживо, – возразила Призрак. – Может, даже взорвут здание.

Мари вздрогнула.

– Я накрою здание покровом, – отозвалась Кассандра. – Это лучшее, что мы сейчас можем сделать... Ну, мне так кажется... Передай Бимбикен.

* * *

Призрак явно этого не ожидала, но Ляля согласилась с Кассандрой и немедленно дала приказ отступать. Она отозвала даже тех, кто уже контролировал проход через соседние улицы. Ливьеры стянулись к маленькому госпиталю травников. Они зализывали раны, делились друг с другом бутербродами и яблоками, дремали и ждали новых указаний. Во внутреннем дворе, где было спокойнее всего, несколько человек принялись копать могилы для погибших.

Кассандра сидела у пустого оконного проёма и держала плотный купол покрова. Кажется, она даже лагерь ливьер никогда не охраняла столь тщательно. Впрочем, что там было охранять... Так, прикрыть с воздуха, чтобы их не засекли пролетающие мимо самолёты. Сейчас же она знала, что за ними пристально следят десятки людей, которые хотят их уничтожить и в чьём распоряжении всё оружие Федерации.

– Невероятно, – покачала головой Кассандра. – Как можно было дойти до такого...

– Что ты имеешь в виду? – отозвался Алишер, устроившийся в шаге от неё на перевёрнутом ведре. Огромный зелёный лист, прижатый к лицу, несколько приглушил его слова.

– Никакой справедливости. И никакого добра. Помнишь тот слоган на стене в замке? Так вот, ничего этого больше нет... Ливьеры и все те люди, которые стоят за ними, – им же всего лишь хочется, чтобы их услышали. Но система не желает слушать! И не оставляет им другого пути, кроме вот этого... – девушка скривилась и кивнула на окровавленный пол.

– Ну, и поэтому с точки зрения Федерации ливьеры – повстанцы и преступники, – заметил Алишер. – Они против Роттера и против власти, а власть – опять же с точки зрения Федерации – хочет для всех только добра. Как это всегда было и будет...

– Но это их страна, – упрямо сказала Кассандра.

– Значит, больше не их, – Алишер испытующе смотрел на неё.

– Да нет же, – воскликнула Кассандра вполголоса, чтобы не разбудить спящую подле неё Мари, – ты не понимаешь! Что она значит для нас, эта страна? Просто земля, на которой нам дали возможность что-то построить, что-то посеять и, может, продолжить род. Какая нам разница, где это делать? В то время как для них... для них каждый камень Флориендейла, каждый ручей – это родина. Представь, что я приду к тебе, отберу твой угол, всё переделаю и стану сама там жить!

А тебя выгоню на улицу. Ведь ты никогда не сможешь забыть, что это был твой дом.

– У меня не угол, у меня целая комната есть, – заметил Алишер. – Хочешь? Забирай!

Кассандра усмехнулась и покачала головой.

– Дурак.

Алишер не ответил. Они молчали, и Кассандра чувствовала на себе его пристальный взгляд. Несколько раз она встретилась с ним глазами, надеясь, что ему станет неловко и он отвернётся, но этого не произошло. Неловко было только ей. Она поёжилась и сосредоточилась на покрове.

За окном уже совсем рассвело. Кассандра устала – пока ещё терпимо, но что будет через пару часов? Она не может передать покров другому человеку, даже Бимбикен, это же не эстафетная палочка. И что делать?

– Вымоталась? – спросил Алишер.

Кассандра кивнула.

– Ты тоже, – сказала она. – Я же вижу. Кстати, ты так и не объяснил, как вообще здесь оказался.

– Сложно сказать, – Алишер потёр лицо. – Судьба, наверное.

Кассандра тихо рассмеялась и оглянулась на Мари.

– Судьба, точно... – пробормотала она.

Кассандра не понимала, почему Алишер не ляжет спать, как другие. Вот если бы она могла!.. У неё слипались глаза и голова сама собой склонялась на грудь. Опасаясь, что сейчас заснёт, Кассандра потянулась одной рукой, расправила плечи и принялась считать радужные переливы своего покрова – из синего в красный, из оранжевого в изумрудный. Переливы было видно только под определённым углом, и Кассандра наклоняла голову то вправо, то влево. Пока не заметила, что тёмная точка, только что появившаяся на горизонте, с каждой секундой становится всё крупнее.

– А вблизи заметно, что у тебя глаза другого цвета, – внезапно сказал Алишер. – И вообще, совсем другие глаза. Не как у Ники и...

– Что? – рассеянно бросила Кассандра, вскакивая с места. – Ребята, тревога! – крикнула она. – Над нами вертолёт Федерации!

Вертолёт опустился посреди разбитой площади, лопасти застыли, и наступила тишина. Он пытался сесть ближе к зданию, но помешала полупрозрачная броня, которой управляла Кассандра. Командир ливьер, Призрак и другие молча ждали, стоя на крыльце и прильнув к аркам галереи. Вертолёт казался огромным, но, справедливости ради, Алишер никогда прежде не видел такую машину вблизи.

Наконец дверь отворилась. Бимбикен еле слышно выругалась и отступила в тень. Человек в сером костюме, вскинув обе руки в воздух, как бы показывая, что он не опасен, спустился по трапу на площадь. Громко цокнули каблуки. Он поправил красные перчатки, поглядел налево, направо и, наконец, на ливьер.

– Ну что, каково чувствовать себя проигравшей стороной... снова? – громко спросил Роттер, ни к кому конкретно не обращаясь.

Алишер впервые видел Роттера вживую. Предводитель казался ещё выше, чем на экране; лицо мертвенно-бледное, как у покойника. Его охрана, плечистые мрачноватые мужчины в бронежилетах и касках явно не собирались бросать оружие. Так что смысла в демонстративном жесте якобы безоружного Роттера не было никакого.

– Мы не проиграли, – выступая вперёд, сказала Призрак.

Алишер заметил, как напряглась Кассандра. Держась в стороне от остальных, она вытянула обе руки и подпитывала броню.

– Вы загнали себя в угол, – добродушно сказал Роттер. – Сидите под колпаком – отличная звукопроницаемость, кстати. Я не был уверен, как это работает: понадобится ли нам для связи интернет, азбука Морзе или там... почтовый голубь.

– Ха, ха, ха! – бросила Призрак. – Зашибись как смешно, клоун.

Роттер вскинул брови. Демонстративно отвернувшись от девушки, он обратился к другим ливьерам:

– Кто-нибудь может объяснить мне, для чего вы затеяли эту бессмысленную бойню?

Большинство промолчало, но вдруг кто-то выкрикнул:

– За Флориендейл!

– За королеву, – тут же раздались голоса.

– За нашу принцессу, – заявила Гиория.

Одобрительный ропот. Алишер завертел головой по сторонам. Неужели они знали о Кассандре? Но как? Судя по тому, что он увидел и услышал за эти несколько часов, ливьеры ни о чём не догадывались!

Снова взглянув на вертолёт, Алишер потерял дар речи и едва не ринулся вперёд. Лишь в последний момент он удержался.

– Принцесса Вероника, – торжественно объявил Роттер, за руку вытягивая из вертолёта несчастную Нику.

Алишеру хотелось кричать во всё горло. Господи, когда же он видел её последний раз? Вчера? Как можно было за один день превратить человека в столь замученное, забитое существо?! Ника плакала, уставившись в землю. Волосы ей обрезали, чтобы не мешались, а может, чтобы лучше было видно проклятый тюремный номер. Алишер сжал зубы. Если бы он мог... Если бы Кенжел знал об этом! Но где он, Кенжел?..

Роттер ухватил девочку за подбородок и вздёрнул голову чтобы она смотрела на ливьер.

– Давайте не будем больше тянуть, ждате предлога и удобного момента и прямо сейчас наконец-таки попрощаемся с принцессой Вероникой. Принцесса Вероника, по моему скромному мнению, несколько зажилась на этом свете.

Мари сделала неловкое движение вперёд. Алишер схватил её за рукав, но она вырвалась, прошептав: «Я уже знаю, я знаю всё. Следи за Кассандрой».

Кассандра подошла ближе к окну и безумными глазами уставилась на Веронику, в которой сейчас, впрочем, довольно сложно было узнать Мари. Но она узнала. В конце концов, она провела с Мари всю жизнь. Как в тумане, Кассандра обернулась, не отпуская защитную броню, и стала искать в толпе ливьер сестру.

Но Мари уже была впереди. Отстранив Призрака, она вышла на крыльцо, где лучи солнца освещали её всю: коротко остриженные светлые волосы, тонкие руки в синяках, несуразная тюремная рубашка, которую Мари укоротила и заправила в одолженные ей кем-то штаны.

– Роттер... – дрожащим голосом сказала она. – А вот и я... Ведь ты почти поймал меня... а теперь снова упустил. Они пришли спасать меня, потому что я... настоящая принцесса Флориендейла. А ты – как же ты всё это прошляпил?

Алишер спохватился, но было поздно: Кассандра опустила руки и рванулась к Мари, яростно продираясь через толпу ливьер. Бимбикен бросилась за ней. Роттер выглядел довольным собой; отшвырнув

Веронику в сторону, он приказал охране стрелять. Кассандра с невероятной силой оттолкнула Алишера и Призрака с дороги и в один прыжок оказалась на крыльце.

С головы до ног Мари окутала едва заметная нежно-зелёная плёнка защитного щита. Кассандра раскрыла его, не добежав до Мари и даже не касаясь её. Плёнка дрогнула, отражая патроны, но поддюжины выстрелов всё-таки нашли свою цель.

– Не-е-е-ет! – закричала Мари, пытаясь подхватить оседающую Кассандру.

– Я... та самая... это я... настоящая, – успела выдать Кассандра, сползая вдоль собственного щита, как вдоль стены. Кровь полилась у неё изо рта, и девушка упала на плиты Флоры. В то же мгновение зелёный щит растворился в воздухе, раздался ещё один, последний выстрел, и Мари покачнулась, склонилась над Кассандрой и рухнула на колени.

Едва ли кто-то смотрел на Роттера. Несколько охранников из его свиты скорчились на земле, поражённые отравленными дротиками ливьер, но с остальными Роттер успел забраться в вертолёт. Машине было всё равно, сколько в неё ни стреляй, – вертолёт поднялся в воздух и вскоре растворился в сером небе. На земле осталась лежать связанная Вероника Амейн из Роттербурга – Роттеру она была больше не нужна.

Алишер пытался протолкнуться к Кассандре, однако между ними было слишком много людей. И потому он просто кричал склонившимся над её телом Нириаль и Бимбикен поверх голов остальных:

– Ей лучше? Она сама себя вылечит! Я знаю, я видел, она может! Кто-нибудь, скажите, как она?

Но поднявшийся ветер заколыхал траву и деревья, взметнул опавшие листья, и Алишеру показалось, будто кто-то шепчет ему на ухо голосом тихим и скорбным, сломленным и утомлённым: «Не заживают... смертельные раны...»

Пошёл дождь.

Часть V

α

Это был бесконечно долгий путь, и лучше бы он по нему не шёл. «Нельзя так думать», – укорил себя Ремко. Он ведь нашёл Мари... и поклялся больше никогда не оставлять её одну. Дочь сидела рядом с ним на развалинах Ангоры, прислонившись к его плечу, неподвижная, опустошённая. Оба не знали, что теперь делать.

Атлас несколько дней вёл Ремко дикими тропами через ровно расчерченные пёстрые луга и безымянные деревни Цветочного округа. Ремко спал прямо в поле, опасаясь сходить с людьми. Лишь один раз, устав от пеших переходов, он обратился к фермеру на окраине крошечного посёлка и купил у него лошадь. Фермер дал ему в придачу карту Соединённой Федерации, и Ремко из вежливости не отказался, хотя понимал, что карта ему не нужна: у него был Атлас. Ремко просто клал руку на жёсткую обложку и выбирал направление. Вероятно, иногда он ошибался – иначе почему его дорога пролегла таким странным зигзагом?

Сегодня после полудня он добрался до заброшенного города на реке. Ремко сверился с картой: это была Ангора. Атлас молчал, и Ремко устремился в центр, игнорируя предупреждения о химической угрозе, минуя руины и скелеты домов, разграбленные магазины и дикие заросли. Он не знал, что ждёт его впереди – объяснение, награда? Указание, как вылечить Розу? А может, засада?

Сначала Ремко увидел Кассандру – её неподвижное, укрытое до груди тело. И лишь потом заметил людей с повязками на руках. Стоило ему приблизиться, как они отгородили от него дочь и создали в воздухе полупрозрачную плёнку, непроницаемую, как стекло.

Он не отшатнулся. Он сразу всё понял. У Ремко тряслись губы, когда он попытался объяснить им, кто он, – эти люди, наверное, не могли разобрать ни слова. Но тут из толпы вырвалась Мари. Ремко с трудом узнал её. Она плакала, протягивая к нему руки, он обнял её и заплакал сам.

– Они её убили, – прошептала Мари. – Мою... мою... Я не верю, папа... Папа!..

Ремко тоже не верил. Защитники свернули щиты, пропуская его к дочери. Он сказал, что этого не может быть.

* * *

Пожилая женщина представилась, но он не разобрал имя. Она мягко взяла его под локоть и повела к зданию. Ремко кое-что понимал в строительстве после стольких лет на стройках Алилута. Если бы его спросили, он бы, глядя на уровень стен и проёмы дверей, рекомендовал им остановиться в другом месте. Но его не спрашивали, и ему было всё равно. Кажется, впервые в жизни ему было абсолютно наплевать! Наплевать, кто были эти люди, наплевать, что они делали здесь. Всё слилось в одно. Только боль обжигала.

– Как это случилось? – голос звучал глухо и отдавался эхом.

– При исполнении боевого задания, – сказала женщина.

– Боевого? Задания?!

Она спросила его, слышал ли он о ливьерах, и коротко рассказала об их повстанческой группировке. Ремко плохо её понимал: женщина говорила тихо, неуклюже переставляя слова местами и сбиваясь с мысли. Он хотел прервать её, когда Мари дотронулась до его руки.

– Не мы это начали, папа, – проронила она. – Они пришли за нами... солдаты. Ка... – Она зажмурилась, сморщила лицо, пытаясь удержать слёзы, и продолжала: – Касси не было дома. Они что-то сделали с мамой, а меня арестовали. Они не знали тогда, что нас двое!

– Трое, – поправила женщина.

Ремко дико посмотрел на неё. С ума они тут все посходили, что ли? Он желал знать, кто в ответе за смерть его дочери, а не выслушивать бред.

– Трое? – переспросил он.

Мари отвернулась, но Ремко успел заметить слёзы на её щеках – и то, что она не удивилась этим словам. Она снова знала что-то, что он упустил.

– Не ваша дочь Кассандра, – сказала женщина.

Разве можно было шестнадцать лет воспитывать двух дочерей и не заметить, что одна из них – не твой ребёнок? Ремко снова и снова задавал этот вопрос себе, потому что он не мог задать его Розе. Жены не было тут, чтобы держать ответ, но пожилая женщина сказала, что Роза подозревала. Именно поэтому она и вбила себе в голову, что это «не её дети». «Конечно, это твои дети – твои и мои, – приговаривал Ремко, укачивая Розу на коленях, словно маленькую девочку. – Не надо так говорить, они же слышат тебя...»

Мари смотрела на него – его дочь, прошедшая через тюрьму, голод и пытки, потому что пятнадцать лет назад он не смог отличить одного ребёнка от другого. Своего ребёнка от чужого! Да, они всегда были разными, но ведь это нормально для двойняшек. Ремко гордился, что Кассандра унаследовала рыжеватый цвет волос его отца. Роза радовалась, что Кассандра рисует, как она сама когда-то мечтала. У них была нормальная, дружная семья – так Ремко думал, утешая себя воспоминаниями о редких, но уютных семейных вечерах в течение долгих месяцев, которые он проводил вдали от дома.

Но сейчас Мари смотрела на него, и он читал в её глазах вопрос.

– Неужели ты совсем ни о чём не догадывался? – сказала она. – Мне кажется, какая-то часть меня всегда это знала. И всё равно... она моя Кассандра.

Устроившись на камне рядом с наскоро сколоченным деревянным ложем, Эльсона методично, стиснув зубы, расправляла волосы Кассандры. Мир казался пустым, будто всё, что в нём было живого, разом исчезло. Расчёска скользила по волосам Кассандры, то и дело запутываясь в них, и тогда Эльсона вздрагивала и принималась за узелки.

Шорох шагов по земле – Эльсона подняла глаза и увидела тяжёлые ботинки Призрака. Девушка всегда передвигалась беззвучно и быстро, как саламандра. Призрак покосилась на тело Кассандры, скривила лицо и скинула с плеч мешок.

– Дура я, – сказала она, пряча руки в карманах. – Знала же, что нельзя привязываться. Жила бы себе сейчас в Индувилоне...

Эльсона не отвечала.

– И ничего бы этого не было, – продолжила Призрак. – Глаза бы мои вас не видели, скажу я тебе. Ну? Чего молчишь?

Эльсона покачала головой и отложила расчёску.

– Ну как хочешь.

Призрак развязала мешок и достала трофеи, добытые в замке: четыре кристалла и короны. Ещё вчера Эльсона бы бросилась разглядывать регалии, словно ребёнок – подарки к солнцестоянию, с любопытством, с интересом, с надеждой. Но надежда умерла – в лице Кассандры, к чему Эльсона оказалась не готова. Бимбикен посвятила её в тайну подмены, но, как и Бимбикен, Эльсона полагала, что наследница Флориендейла, ни о чём не ведая, живёт где-то в Поверхностном мире и что им нужно найти регалии, чтобы установить с ней контакт. Теперь регалии были тут, перед ней. Но какой в них прок?

Призрак перевернула обе короны вверх ногами и положила сверху меч. Эльсона видела его впервые. Незаметно подошедшая Альфа Камила наблюдала за Призраком, стоя в стороне.

– Хорошо, – уставшим голосом сказала она. – Блокировала источник силы ты. Очень хорошо...

– Это как?

Альфа указала на регалии.

– Старые Флоры и Ориендейла короны, но всё ещё несут в себе свою силу. На перевёрнутом символе власти блокирует источник силы оружие – так нас учили.

– А где корона Флориендейла? Уничтожена? – спросила Призрак.

Эльсона молчала и никак не реагировала на слова Альфы, но тоже слушала.

– Да... как и многое другое, нужное нам сегодня. Не могла бы разложить кристаллы по сторонам света ты, Эльсона?

Эльсона передёрнула плечами, соскользнула с камня и бережно взяла в руки ближайший кристалл. Это был зелёный куб – полупрозрачный, словно плёнка покрова. Эльсона погладила холодные грани, пытаясь понять, что это за материал. Раньше она бы

обязательно спросила, но теперь её сдерживал обет молчания – до похорон Кассандры, на год, а может, и до конца жизни.

Эльсона колебалась, не зная, куда положить кристалл, какое направление выбрать.

– Не имеет значения, – сказала Альфа, заметив её замешательство. – Подойдёт любое.

Эльсона решила в пользу севера. Красную пирамидку она положила с южной стороны. На очереди был серебристый восьмигранник. Альфа Камила невольно протянула к нему руку, но тут же отдернула.

– Почему ты не возьмёшь его? – спросила Призрак. – Это же воздух. Октаэдр.

– Слишком больно здесь, – Альфа приложила руку к груди, – когда то, что любишь ты, больше не живёт. Сегодня это понимаем все мы.

Эльсона положила кристалл на место и развернула последний, синий, с множеством треугольных граней.

– Икосаэдр, кажется. Вода, – проронила Призрак.

– Молодец ты, Ома, – рассеянно заметила Альфа Камила, с видимым усилием отворачиваясь от кристалла воздуха.

Призрак вскинула голову и хотела что-то сказать, но Эльсона похлопала её по плечу. К ним стремительно приближался Алишер. Похоже, травники всё-таки выпустили его из лазарета. Прищурив глаза и сложив руки на груди, за ним следовала Бимбикен. Она не бежала.

– Сейчас и вам будет проповеди читать! – крикнула она издали.

Алишер решительно направился к Альфе.

– Кто вы? – тихо спросила магистр воздуха.

– Добрый день! Алишер, студент из Роттербурга...

– Младший брат одного из тех лётчиков, что загубили нам операцию, – заметила Бимбикен.

– Какая ещё операция? – взвился Алишер. – Вернее, нет, не отвечайте, я всё видел. Но вы можете понять наконец, что и у нас... у них была своя операция?! Что вы не одни такие, великие партизаны и революционеры?

Альфа Камила слушала. Призрак и Эльсона подошли ближе. Эльсона заметила, что Призрак согласно кивает.

– Вы, ливьеры... да вы же вообще не в курсе, что происходит в реальном мире! – парень почти кричал. – В Роттербурге преследуют людей за то, что те пытаются связаться с Алилутом. И они, в отличие от вас, в курсе, что принцесса сбежала из алилутской тюрьмы. Но они не знают всей правды! Да что там... – он запнулся на мгновение, посмотрел на тело Кассандры и яростно продолжил: – Зачем вы *скрываете* правду? Вероника жила у нас два месяца – два долгих месяца, блин! Она всю жизнь тащит на своих детских плечах огромный груз ответственности – вы что, не понимаете этого? Ответственности, которой у неё нет и не будет. А вот она, Кассандра, должна была умереть из-за того, что вы не нашли и минуты, чтобы рассказать ей, что она – оп-па, вот это сюрприз! – наследница целой страны!

Бимбикен подалась вперёд и примиряюще подняла руки, но Алишер не собирался останавливаться.

– Вот эти «лётчики», которые всё типа загубили, – мой брат и его друзья, они ведь пытались помочь вам же, этому вашему Флориендейлу, и им бы дела до этого не было, если бы не Вероника! Мы искали генератор пространственных переходов, чтобы вывести его из строя, и – таки да, – Алишер обратился к Призраку, – спасибо, что вытащили меня из горящей башни. Надеюсь, я его повредил.

– Искрыло хорошо, – признала Призрак, – но не думаю, что он сгорел...

Эльсона распахнула глаза. О чём они говорят? Ливьеры столько лет вели наблюдение за крупными лабораториями в Роттербурге, Ельне и даже на острове Линчева, собираясь однажды захватить генератор, – а он всё это время был во Флоре?!

– А можно я скажу наконец? – рявкнула Ляля Бимбикен. И все замолчали, даже Алишер.

– Да, действительно, эти ребята обнаружили генератор. Судя по всему, один из патрульных увидел горящую башню... и протаранил её – скорее всего, намеренно. Самолёт разбился, и башня в руинах. Генератора пространственных переходов больше нет, друзья мои! Мы отрезаны от Поверхностного мира на неизвестный срок. Может быть, если повезёт, навсегда.

Эльсона, весь день старавшаяся оставаться безучастной, чуть не задохнулась от восторга. Впервые за столько лет их мир снова

свободен! Новость была несоизмерима с потерей наследницы, и всё же это была ложка мёда – щедрая ложка очень густого, сладкого мёда.

Её улыбка погасла, когда Эльсона взглянула на Алишера. Он побледнел и явно не собирался продолжать спор. Вскинув ладони, он прижал их к лицу, как будто сдерживал крик.

’

Вероника не знала, куда податься. Она чувствовала себя лишней у ложа, где тело Кассандры готовили к похоронной церемонии, не могла заставить себя приблизиться к Ремко и Мари, хотя ей так этого хотелось, боялась обратиться к Ляле Бимбикен. Алишер тоже куда-то пропал. Веронике казалось, она всех подвела. И что ещё хуже – теперь, отыграв свою роль, она стала никому не нужна.

Забравшись на открытую всем ветрам террасу на крыше двухэтажного дома, Вероника опустилась на пол у самого края. Перила ограждения давно разрушились, и ничто не отделяло девушку от бесконечного неба её Флориендейла... Но ведь это теперь не её – это Кассандры, принцессы Амейн. А кто же тогда она, Вероника? Зачем она здесь? Как так вышло?! Ника крепко зажмурилась, стараясь подавить рыдания, но не выдержала.

Она плакала долго, даже с каким-то болезненным наслаждением. Захлёбывалась слезами, утиралась рукавом, корчилась в судорогах под палящим солнцем. Вероника не знала, сколько прошло времени. Какая разница? Лишь когда внизу послышался рокот мотора, она вскинула голову. У ливьер не было машин.

Осторожно выглянув во двор, Вероника не поверила своим глазам. Она поспешно смахнула слёзы, чтобы рассмотреть номер. В самом деле: внизу стоял автомобиль Холланда, за которым она столько раз, столько лет своей жизни наблюдала из окон тюрьмы. Уильям Холланд выбрался с пассажирского сиденья, открыл заднюю дверь... и протянул руку сидящей женщине. Веронике хотелось кричать во всё горло, но она смогла выдать лишь слабый писк.

– Всего на час, Эстель, – разобрала она слова Холланда. – Я говорю, это очень, очень опасно. Ты меня слышишь? Слышишь?

– Я поняла! – отмахнулась Эстель. Она стремилась в дом, прямо сейчас, немедленно, но Холланд по-прежнему держал её за руку.

– Ровно через час мы уезжаем, – повторил Уильям. – Пока Роттер не прознал. Я буду здесь тебя ждать. Если не выйдешь сама, уведу силой.

Она ответила, но так тихо, что Вероника не расслышала, а потом мягко высвободилась и поспешила к дверям. Холланд, прикрыв глаза от солнца, поглядел по сторонам. Наверняка от него не укрылось, что дюжина ливьер держали его под прицелом искры. Сверху Веронике это было отлично видно. Передёрнув плечами, Холланд сел обратно, и водитель вырулил со двора.

Вся дрожа, Вероника поднялась, вытерла лицо, поправила волосы и бросилась к лестнице. Она догадывалась, куда направилась Эстель.

* * *

Они стояли друг против друга – Эстель и Альфа, – когда Вероника ворвалась в комнату, где собирались провожать Кассандру. Кажется, все слова уже были сказаны, а может, они понимали друг друга без слов? Вероника скользнула взглядом по присутствующим и остановилась на маме... Нет! На королеве Флориендейла!

Эта мысль поразила девушку и она застыла всего в одном шаге от Эстель. Но Эстель сама подалась ей навстречу. Она мягко дотронулась до обрезанных волос Вероники, до синяка на её плече, улыбнулась так грустно и понимающе... и перевела взгляд за спину – туда, где лежала та, другая. Её настоящая дочь. Вероника видела, как погасла улыбка и изменился взгляд. В этом новом взгляде не было жалости. В нём были только страдание и любовь. Любовь!.. Вероника смотрела сквозь огромную рваную рану прямо в душу Эстель.

Эстель обошла вокруг Вероники и упала на колени перед ложем Кассандры. Она провела ладонью по её закрытым векам, волосам, рукам с такой нежностью, что глядеть на это было невозможно. Вероника торопливо отвернулась, чувствуя, как что-то тёмное засасывает её в пучину; она туда не хотела. На воздух! Не оборачиваясь, она прошла мимо Альфы, мимо ливьер и Алишера, которого даже не заметила, к выходу.

Час – это вроде бы немного, но ей он показался вечностью. Вероника считала минуты, наворачивая круги по площади. Жизнь потеряла всякий смысл. Если смысл вообще был. На самом деле – нет, конечно же нет... Неужели она возомнила, что в пожизненном прозябании в алилутской тюрьме мог быть смысл? Смешно, право слово.

Наконец раздался долгожданный звук – шорох шин по гравию, и автомобиль выкатил из-за угла. Холланд, казалось, не ожидал увидеть здесь Веронику. Она подбежала вплотную к двери, не давая ему выйти из машины. Ей вовсе не хотелось стоять с ним рядом и смотреть снизу вверх в его обеспокоенное – но такое самодовольное! – сморщенное лицо. Вопрос был срочным, и, чтобы задать его, можно было обойтись без рукопожатий, реверансов и обмена любезностями.

– Что вчера случилось с патрульными? С пилотами из Роттербурга? – выпалила Вероника.

Холланд вскинул брови.

– И тебе здравствуй... – пробормотал он. – Кого-то взяли, кто-то погиб. А ты чего ожидала?

– Взяли? – растерялась Вероника.

– Ну конечно, за диверсию. Неповиновение приказам, измена Федерации. Полный набор. Они генератор... – он прикусил язык.

– А сколько погибло? Кто?!

– Я не могу сказать тебе кто, у меня-то откуда эти списки? Двое вроде. Их всего пятеро было, если не ошибаюсь.

Двое из пяти... Промычав нечто далёкое от выражения благодарности, Вероника отошла от машины и тяжело опустилась на камень в тени. Сорок процентов вероятности, что Кенжел погиб из-за неё. Шестьдесят процентов, что ещё не погиб, но будет приговорён и убит – в смертной казни за измену она даже не сомневалась. А всё ради чего? Ради бредовой мечты одной дуры, вся жизнь которой была ложью! И пусть она тогда об этом не догадывалась, всё равно это её вина, её крест, навсегда!

Ремко увидел, как девочка на камне плачет и чуть ли не рвёт на себе волосы от горя. Он подошёл ближе, чтобы утешить её. Им всем

сейчас плохо, и в такие моменты нужно помогать друг другу. Несмотря ни на что.

– Ну, ты чего? – он присел перед ней на корточки, заглянул в лицо и вздрогнул.

Надо было быть идиотом, слепцом, чтобы не заметить сходства между ней и Мари. Не говоря ни слова, Ремко прижал ничего не понимающую, потерянную девочку к груди и сказал ей: «Всё пройдёт».

– И это тоже? – всхлипнула Вероника. – Это никогда не пройдёт! Никогда!

– Всё пройдёт, – повторил Ремко. – Но если ты хочешь плакать, то плачь. Станет легче.

Из дверей вылетела Мари и застыла, увидев Ремко. Он поманил её к себе одной рукой. Дочь подошла, взъерошенная, как воробей. Глаза Мари были сухие, но лицо перекошено от боли.

– Они ссорятся из-за Кассандры! Я не выдержу этого! – крикнула она. – Пойди скажи им, что они все... Да они ничего о ней не знают! О боже, – Мари вздрогнула, когда Вероника обернулась. – Это ты!

– Вы можете помочь друг другу, – едва сдерживая дрожь в голосе, сказал Ремко, оставил своих детей и направился к зданию.

δ

Ляля Бимбикен давно не испытывала такого обжигающе горького отчаяния, как сегодня. Она знала, что без наследницы Флориендейл не вернуть. Только настоящая Амейн несла в себе искру ангельской силы. Только с ней возможно было возродить стихии и выдавить Роттера обратно на Поверхность.

Камила терпеливо растолковывала эти истины разгорячённому Алишеру пытаясь его утихомирить.

– Для того и отправили Кассандру в замок, – подытожила она. – Узнать чтобы.

Алишер вертел в руках кристалл огня.

– Да, – мрачно сказал он, – она почувствовала, как бьётся сердце Флориендейла, когда нашла тайник.

– И всё равно, – вмешалась Призрак, – проверка или нет, надо было сказать ей до операции! Любая информация могла нам пригодиться, а тем более такая!

Бимбикен усмехнулась. В самом деле, это был бы прекрасный инструктаж: «Знаешь, Кесс, ты, возможно, принцесса страны, которую мы тут спасаем. Это ничего, что ты не умеешь стрелять и не знаешь нашей истории, что всю твою семью и половину подданных истребила Федерация, когда ты только по явилась на свет, да и родители твои и сестра вовсе тебе не родные. Так что соберись, выкинь из головы эту свою Мари и найди в пустынном замке шесть маленьких предметов. Мы знаем, где они спрятаны, но тебе не скажем – а вдруг у тебя не получится? Если так, то, скорее всего, мы ошиблись. Тогда ты сможешь вернуться к своей обычной жизни, не вопрос».

– Любая информация, Ома? – произнесла Альфа Камила.

Призрак развела руками.

– Какая разница, как меня зовут? – поразились она. – Я же не принцесса Флориендейла!

– Ома? Дочь Оливера?! – Бимбикен уставилась на Призрака, как будто впервые её видела. Нет, всё-таки Ома не была похожа на герцога Алилутского, а вот её брат... – Как ты догадалась, Камила?

– Кулон, – кивнула Альфа, и Призрак вспыхнула и спрятала украшение со стрелой за воротник.

– Что вы будете делать? – Алишер всё ещё был напряжён. Кажется, он ничего не понял из их разговора с Призраком.

– Нужно достучаться до стихий и усыпить их, – Ляля Бимбикен поправила кристаллы вокруг ложа, небрежно сдвинутые Алишером. – Дать знать, что наследницы... что Кассандры... больше нет. Так положено, когда король или королева умирают.

– И будет другая наследница? – спросил Алишер. – Наследник?

– Я не знаю. Это не первый раз, когда ветвь дома оборвалась, конечно... и раньше всегда находился кто-то.

– В последних поколениях нет других наследников, – качнула головой Альфа. Она подошла к ложу и прижала ладони к вискам Кассандры. – Пора начинать.

Камила закрыла глаза, сосредотачиваясь. Она не имела опыта замораживания стихийных сил: когда умерла Венда Амейн, им было не до обрядов. Но сегодня Камиле хотелось проститься по всем правилам, пусть даже это будет последняя церемония на её веку. Кассандра должна отыскать свою дорогу к Ангелу! Для этого её тело, слепленное из земли и воды, следовало сжечь в огне и развеять по ветру.

Наконец Альфа поймала состояние стихийного равновесия. Она отреклась от своего воздуха и заговорила сразу за всех четырёх:

Аквилон, борей и норд,
Зюйд, зефир, сивер и ост –
Замрите!
Боль ожогов, солнца жар,
Вспышки молнии, пожар –
Остыньте!
Пыль песка и шёлк листвы,
Шёпот молодой травы –
Усните!
Перезвон ручья весной,
Штормового моря вой –
Молчите!

– Заклинаем вас, силы четырёх стихий, мощь воздуха, огня, земли и воды! Заклинаем вас: остановитесь на мгновение и позвольте душе Кассандры, наследницы Амейн, в покое соприкоснуться с Ангелом. Заклинаем вас мы, – она запнулась на мгновение, – Альфа Камила, Бета Анна Магдалена, Гимель Лукос и Далет Осцельс!

Это было нарушением всех правил. Камила это понимала и потому добавила от себя:

– Льются из разных миров наши голоса, есть среди нас и живые, и мёртвые, неужели не поможете нам?

Стихии выслушали её, но не желали подчиняться. Она не была их магистром, она пришла одна спустя столько лет – чужой голос, чужая сила. Камила терпеливо ждала, сложив пальцы в стихийном жесте. И постепенно что-то начало происходить. Камила напряжённо следила,

как один за другим кристаллы мутнеют и теряют цвет. Всё те же правильные многогранники, теперь они стали похожи на обычные серые камни.

Она опустила дрожащую руку и огляделась. Алишер тёр глаза, Призрак на всякий случай отошла от стены. Мир потерял краски, запахи, звуки – всё исчезло. Эльсона ковырнула пол, ставший похожим на мокрый песок. Вода в ведре застыла плотной плёнкой; листья на деревьях за окном подтаяли, словно масло. Лишь когда границы между предметами начали стираться, всё снова замерло. Мир был в трауре.

* * *

– Это сложно? – спросил Алишер у Альфы. Скорость звука замедлилась, и его губы шевелились прежде, чем Альфа слышала слова. – Почему королева Эстель не удержала стихии?

– *Credendo vides.* – Камила по очереди прикоснулась к окаменевшим кристаллам, проверяя их температуру. – Верит кто – видит. Не верила больше ни себе, ни своей стране Эстель.

– Я слышал другую теорию, – в комнату вошёл невысокий светловолосый мужчина. Ремко. Альфа до сих пор не знала, как он очутился в Ангоре, – она забыла спросить.

– Вы отец Ка... девочек? – спросила Бимбикен.

Он кивнул.

– Я сомневался, говорить ли вам. Всё это очень странно... звучит, – мужчина перескакивал взглядом с пола на потолок, избегая смотреть на Кассандру. – Но вы назвали имя Осцельс во время своей... церемонии, и мне кажется, что я... с ним встречался.

Альфа внимательно слушала Ремко. Она полагала, что Осцельс Сэптен давно погиб. О его судьбе ничего не было известно, и для магистров это обычно означало самую печальную участь.

– Наши с ним пути пересеклись... ненадолго, – Ремко было трудно говорить из-за ставшего плотным воздуха. – Он умер, к сожалению. Но перед тем как уйти, сказал мне, что он вроде как... предал стихию. И выдал королеву.

– Далет Осцельс, магистр воды, – обескураженно прошептала Альфа.

– Но он раскаялся, прощения просил! – торопливо добавил Ремко. – Ещё сказал мне, что я должен найти Атлас... Я и нашёл.

Ремко протянул ей квадратную книгу, но Камила невольно отшатнулась. Она сама не могла объяснить почему. Новость о Далете слишком больно её ранила. Как можно предать стихию, которая часть тебя? Которая составляет тебя всего, каждую частицу тела и души? И предать Эстель! Нет, она отказывалась верить.

Атлас выскользнул из рук Ремко, но Алишер успел подхватить его прежде, чем книга коснулась песчаного пола.

– Она порвана, – разочарованно сказал Алишер, глядя на переплёт.

ε

Бимбикен выгнала всех прочь, позволив остаться лишь Призраку, чтобы та приглядывала за Мари. Теперь, когда в комнате стало тихо и никто не ругался, Мари вернулась к телу Кассандры и больше не желала отходить от него. Она пристроилась на хлипкой табуретке, упёрлась в деревянное ложе локтями и не отрываясь смотрела в лицо сестре. Её глаза блестели, но Мари не плакала. Наверное, есть такая боль, которую слезами уже не выразишь, не выплачешь. Призрак тоже не плакала, когда казнили её маму. А вот Томь ревел... Ничего не понимал, а всё равно ревел.

Сидя на мягком полу в углу комнаты, Призрак рассеянно поглаживала книгу. Алишер хотел унести её, но она попросила оставить, и он не стал спорить. Глядя на Атлас, легко было думать о хорошем. Интересно, это ей кажется или действительно так? Если она поделится с Ремко, сможет ли он подтвердить?

Взрослая Ома, мечтательно откинувшись на застывшую пористой массой стену, представляла себе Алилут её детства. Она мало что помнила: фрагменты каких-то малозначимых событий; солнечные блики на стене – солнца в их доме с высокими окнами всегда было предостаточно; людные рынки на узких улочках... Как её выводили гулять в мягких ярких платьицах и белых гольфах. Платья рвались, и гольфы безнадежно пачкались: маленькая Ома не желала чинно ходить за ручку по проложенным тропам. Однажды она шутики ради

спряталась от мамы в одном из алилутских дворов. Там были фонтан, скульптуры, скамеечки и много-много деревьев – настоящее раздолье для ребёнка. Мама всё обыскала, но так и не смогла найти Ому в её зелёном платье. Дочь вышла к ней сама – грязная, как последняя оборвашка.

Это умение пригодилось Оме после Передела, когда они с родителями бежали в Набрегу. Там не было больших окон и солнца – наоборот, чем темнее угол и чем неприметнее одежда, тем лучше. Так и жили. Отец, бывший герцог Алилутский, работал на рыбной барже. Он вставал до рассвета, возвращался рано вечером и приносил деньги: не монетки Флориендейла, а новые бумажные купюры Федерации. Он пил только воду и ел только мясо; говорил, что от рыбы его воротит. Часто ругался на кого-то, сидя на кухне. А мама ждала ребёнка... Отец заметил: «Самое время детей делать».

Всё изменил нелепый случай. То ли Ангел их за что-то наказывал, то ли судьба такая. Отец спас утопающего: вытянул его из пучины, откачал, а тот оказался одним из бывших слуг в их алилутском поместье. Он бежал, когда они обороняли город, но отец не стал ему этого припоминать. Отец дождался, пока мужчина придёт в сознание, и проводил его до дома. А тот на следующий же день донёс на него... Тогда ещё щедро вознаграждали за доносы, а уж тем более на герцога. Полиция пришла за ними днём, и всех арестовали: и маму, и новорождённого Томира, и Ому. Ома как раз выучила все буквы.

До сих пор стоило закрыть глаза, и Ома снова видела перед собой затянутое плотными серыми тучами небо, чувствовала, как ледяной ветер кусает её за щёки, слышала, как лодки стучат друг о друга на беспокойных волнах. Их вели к полицейскому участку по набережной, у всех на виду; маме и Оме сковали руки – не убежишь, не спрячешься. Ома спрашивала себя: за что так? Ведь мама учила её, что Ангел справедлив, что Ангел всё видит и помогает! А папа сказал как-то раз: «Один раз предал – слаб человек, пожалей его. Два раза предал – подонок, значит. Таким не прощают». Ома запомнила, но подумала тогда: если один раз предал, на полшага подонок уже.

Прощать она никому ничего не собиралась, и жалеть тоже. Зато пожалели её: однажды сутулый охранник, который часто отирался возле их камеры, принёс ей старую книжку. Сказал, что теперь Ома может учиться читать. Непонятно, где он нашёл её, такую рваную, но

какая разница? У Омы появилась книжка! А Ома даже спасибо ему не сказала – это она навсегда запомнила. Она поклялась никогда не говорить спасибо людям по другую сторону решётки.

Ома читала сказки из этой книжки вслух, одни и те же, снова и снова, пока во рту не пересыхало, так что приходилось ждать следующей кормёжки, чтобы глотнуть воды. Она уставала, но читать было необходимо – Томир затихал только при звуке её голоса. Отец пропал, и его не могли найти, а маму часто уводили на допросы, длившиеся иногда по несколько часов. Ома теперь была старшая в семье и заботилась о брате.

Одно только расстраивало в этой книжке – она начиналась с середины. Ома всегда мечтала прочитать сказки из первой половины, которая была безжалостно оторвана и, наверное, утеряна навсегда. Что за истории там спрятались? Что за персонажи? В детском доме Ома достала клей, выдрала листы из школьной тетрадки и как могла переплела книгу, чтобы не растерять оставшиеся странички. И постепенно мысль о том, что книга неполная, забылась, хотя и осталась где-то в закоулках подсознания. Девочка Ома выросла, и Призрак в сказки уже не верила.

Сейчас, держа на коленях Атлас всех времён, первую часть своей книги, Призрак бережно поглаживала жёсткую обложку. Так вот она какая на самом деле: кожаная, а вовсе не из тонкой бумаги в клеточку... Призрак перелистывала страницы в поисках историй, но там ничего не было. Невероятно: она столько лет ждала этого момента, а внутри оказалось пусто, одни лишь голые серые листы! Почему? Призрак вертела обе части в руках и так и эдак. Её книга и Атлас идеально подходили друг другу, они должны были быть единым целым, но содержание не совпадало.

Призрак вздохнула и отложила книги. Она вспомнила, как говорил отец, когда они играли в пазлы: «Если не складывается – не торопись. Поищи, какой детали тебе не хватает?»

В комнате было тихо и темно. Закрыв глаза, Мари представляла, будто они с Кассандрой снова маленькие и дурачатся, не желая

ложиться спать. Сейчас войдёт мама, вот им влетит... Придётся уgomониться. Мари обнимет Кассандру, уткнётся ей в плечо, и потихоньку они всё-таки заснут. А потом... наступит рассвет.

– Свет зажечь?

Мари вздрогнула. Она забыла, что они с Кассандрой не одни и эта странная девушка, Призрак, тоже осталась в комнате.

– Да, – неохотно сказала Мари. Она поспешно встала и отвернулась, не желая видеть бледное лицо Кассандры, когда Призрак зажжёт лампу, или фонарь, или что там у неё. Призрак чиркнула спичкой, и Мари с горечью разглядела в её руках короткую толстую свечку, какие ставили на могилах.

– Ничего другого нет, Мари, уж прости, – пробормотала Призрак, поджигая ещё несколько свечей и расставляя их по комнате.

Мари опустила на широкий подоконник. Внизу плескалась вода, окна выходили на канал. Темень жуткая – небо вроде бы чистое, но луны не видно. Наверное, это из-за колдовства Альфы. Ещё вчера у Мари не было окон, не было неба и не было будущего. Ещё вчера ей казалось, что она достигла дна и готова умереть. О, как она ошибалась!

Мари провела рукой по оконному стеклу: тёплое... Размахнувшись, она ударила кулаком по своему отражению. Осколки брызнули во все стороны, сверкнули и ухнули вниз; с опозданием раздался звон.

– И зачем это?! – Призрак подскочила и схватила Мари за запястье. – Так же можно вены порезать!

– Правда? – Мари наблюдала, как Призрак перевязывает ей руку.

Жаль, что не порезала. Лежала бы сейчас вместе с Кассандрой... Но Мари тут же одёрнула себя. Отцу-то за что такое? Надо учиться жить дальше без Кассандры, хотя бы ради него. Он обещал, что боль пройдёт. Хотя Мари не до конца верила – отец многое обещал...

– Потерпи ещё немного, Мари, – уговаривала Призрак, завязывая узел. – Одну ночь продержись! Мне тоже сердце рвёт, но утром Альфа обряд закончит, и всё... Может, поспишь немного? Я, Нириаль, другие девочки – мы можем побыть с Кассандрой, чтобы она не оставалась одна. Или ложись здесь. Хочешь? Я принесу...

Краем глаза Мари заметила отворяющуюся дверь. Призрак мгновенно вскинула серебристый пистолет. Пламя свечей выхватило из темноты сторбленную фигуру в плаще.

– Ты кто? – бросила Призрак. – Сними капюшон!

Морщинистые руки послушно взмыли вверх и открыли лицо. Мари отшатнулась: она никогда ещё не видела таких древних стариков. Волос на голове старухи почти не осталось – это были отдельные седые пучки, тонкие, как паутина. Среди обвисшей кожи едва угадывались глаза и рот. Руки тряслись – и указывали на Кассандру.

Мари выступила вперёд, заслоня собой сестру.

– Моё имя Лемери, – прохрипела старуха.

– А дальше? – нахмурилась Призрак.

Старуха ответила не сразу. Пожевала губами и произнесла, странно выговаривая слова, чуть ли не по слогам:

– Я пришла, так как... что-то случилось.

Мари не нашла, что ответить. Призрак нервно засмеялась. Она по-прежнему держала старуху на прицеле, хотя большой опасности та, кажется, не представляла.

– Да тут невооружённым глазом видно, что что-то случилось, – заметила Призрак. – Стихии...

Лемери вздохнула – всё её тело вздрогнуло, обвисшие щёки затряслись, всколыхнулся ореол белых волос.

– Я это уже видела. Королева умерла. Нет... Я пришла, потому что здесь смерть девочки с кровью Жениса.

Мари и Призрак переглянулись.

– Это моя сестра! – крикнула Мари. Получилось громче, чем она ожидала.

Но Лемери покачала головой. Она подошла совсем близко, и Мари замерла от ужаса и отвращения. Старуха внимательно осмотрела порезанную ладонь Мари и сказала:

– Нет.

Мари зажмурилась. Она могла слышать теории Госса, признания Альфы о подмене принцессы, могла сравнивать глаза свои и Вероники – всё это не означало, что она примирилась с истиной. И вот пришла эта старуха и сказала всего одно слово – «нет», но этого оказалось достаточно.

– Всё равно, – вдруг заплакала Мари и сжала холодную ладонь Кассандры, словно пыталась её согреть.

Старуха обошла ложе, покосилась на безжизненные серые кристаллы и задержала взгляд на Призраке. Та опустила искру и оценивающе разглядывала Лемери.

– Есть пистолет? – спросила она напрямую.

– Не знаю, что это, – отозвалась старуха.

Призрак вскинула брови и повернулась к Мари.

– Я оставлю вас на секунду. Держись! – и, протиснувшись между Лемери и расплывшейся стеной, Призрак выскользнула из комнаты.

* * *

Мари не успела возразить. Она надеялась, что Призрак побежала за помощью. Что ей делать, если старуха сейчас слетит с катушек и натворит что-нибудь? Схватит кристаллы? Нападёт на неё или, ещё хуже, на Кассандру?

Лемери припала мешковатой щекой к запястью Кассандры и принялась бормотать себе под нос.

– Что вы творите? – обомлела Мари.

Лемери оторвалась на мгновение и посмотрела ей в глаза.

– Жениса чувствую. Он тут. Все духи близко. И я хочу, но я не могу... Девочка – последняя кровь от Жениса. Её кровь остынет, на рассвете остынет, сгорит, и... не останется больше Жениса.

– Кто это – Женис? – спросила Мари, но старуха не потрудилась объяснить. Она была как в экстазе и вдруг – заплакала... – Ну-ну – пробормотала Мари.

– Я сумасшедшая, – со свистом выдохнула Лемери. Блестящие крупные слёзы капали на тело Кассандры. – Я не хотела жить, не хотела... И Ангел наказал меня... А потом... – она, кажется, не знала, как выразить мысль. Перешла на незнакомый Мари язык и продолжила бормотать быстро и неразборчиво.

Мари было жаль её в этот момент – неважно, кто она и откуда. Просто по-человечески было жаль старую отчаявшуюся женщину. Маленькое сгорбленное тело сотрясли рыдания. Мари подхватила старуху под локоть, и та, почувствовав опору, тут же ослабла и обмякла в руках Мари. И неожиданно Мари ощутила в себе силу – вот так, просто утешая кого-то, кому ещё хуже, чем ей.

– Давайте присядем, – пробормотала она, с трудом удерживая старуху. Она поискала глазами табурет, но он был слишком далеко. – Или приляжем, чего уж...

Бережно опустив Лемери на песчаный пол, Мари подложила ей под голову брошенные Призраком книги.

– Так лучше? – спросила она.

– Très bien, – пробормотала Лемери. – *Enfant, j'avais un rêve... Enfin, la fin*^[7]

Теперь, когда старуха больше не прикасалась к Кассандре, у Мари отлегло от сердца. С минуту она разглядывала Лемери – та, казалось, заснула. Мари выдохнула, потёрла глаза и поняла, что её тоже клонит в сон. Призрак была права, ей нужно вздремнуть. Но ведь не сейчас же! Не сейчас...

Не сегодня.

* * *

Мари вздрогнула и с усилием разлепила веки. Они по-прежнему были одни: она, Кассандра и... Мари ахнула и в недоумении отшатнулась от Лемери, больно ударившись плечом о деревянное ложе. Куда подевалась древняя старуха?! Морщины разгладились, спина и плечи выпрямились, длинные, бронзового цвета волосы разметались по плечам и полу. Перед Мари лежала не старуха и даже не женщина, а худая девочка-подросток. И Мари была уверена, что девочка не дышит, что она мертва, но проверить это у неё не хватало духа. Это было безумие! Безумие! Мари закричала.

За спиной раздался ответный крик – полный боли и отчаяния возглас, разрывающий душу. Так кричат, вырываясь из кошмарного сна, – или думают, что кричат. Мари зажала уши. Наверное, это только у неё в голове... Наверное, она сошла с ума!

И всё-таки, даже не оборачиваясь, Мари знала, что это не так. Она затылком чувствовала обращённый на себя взгляд. Железной хваткой сомкнулась ледяная ладонь на её плече.

Оторвав трясущиеся руки от ушей, Мари положила их на ладонь Кассандры. Нужно скорее её согреть... Обнять и не отпускать. А потом они встретят рассвет – вместе.

* * *

Часть VI

а

Когда первые лучи августовского солнца коснулись острого шпиля собора Святого Горальта и ночь отступила, оставив ключья тьмы лишь в узких проулках да в кельях научных работников, у чёрной кладбищенской ограды остановился автомобиль Холланда.

– С божьей помощью, – кивнул Холланду выбежавший навстречу охранник. – Я отгоню машину, а вы идите. Предводитель уже ждёт.

Уильям Холланд мрачно вдохнул свежий ельнский воздух. Тут не помогут ни боги, ни танцы с бубном... Вот Эдгар Линчев мог бы, но... Холланд передёрнул плечами, отгоняя воспоминания.

Бросив машину, он прошёл через калитку. В полумраке белели надгробные колонны – «пеньки», как он их называл. Выточенные из светлого камня и украшенные узорами и текстами, пеньки были разной высоты, от нескольких сантиметров до, наверное, полутора метров – тем выше, чем дольше жил человек. Верхушка у пеньков была скошена: там гравировали имя и годы жизни и туда же ставились свечи, для которых делались специальные выемки. Быстро шагая мимо старых могил, Холланд подумал об умершей дочери Эстель. Наверное, они и для неё такой столп соорудят, с них станется. А где поставят? Неужели обратно во Флору полезут, на королевское кладбище? После разрушения башни и генератора там почти не осталось охраны, но они-то этого не знают.

Полукруглый вход в собор был отреставрирован, но двери в главный зал заколочены досками. Этот собор не стали сохранять для туристов – какие туристы в Ельне? Однако просторные подземелья решили переоборудовать в секретную лабораторию: подальше от чужих глаз и в то же время в одном из самых благонадёжных городов Федерации.

Холланд сбежал по широким ступеням к бронированной двери, ввёл код, приложил палец к сканеру и наконец был допущен в залитый искусственным светом стерильный коридор. Холланд чертовски

опаздывал. Из-за бессмысленного визита в Ангору, на котором настояла Эстель, Роттер не смог дозвониться до него в Алилуте. Приказ срочно направляться в Ельну застиг Холланда на обратном пути в тюрьму. Пришлось переиграть: оставить Эстель с водителем, а самому немедленно отправиться в Ельну. Он ехал всю ночь и понимал, что теперь и Роттер будет недоволен, и Эстель – из-за того, что он даже не взглянул на труп Кассандры. А что ему было делать? Разве он в этом виноват?

Щуплый мужчина в нелепой рубашке в полоску выглянул из кабинета и окинул Холланда подозрительным взглядом.

– Майор Холланд, – доставая удостоверение в синей кожаной обложке из внутреннего кармана, устало вздохнул Уильям.

– Вас ожидают, – пробормотал сотрудник и повёл Холланда вперёд по коридору.

* * *

В просторной лаборатории в глаза прежде всего бросалось огромное электронное табло на стене, повешенное неровно, словно в спешке. Шесть цифр, разделённых двоеточиями: двадцать восемь, одиннадцать и тридцать три... тридцать четыре... тридцать пять. Холланд поспешно отвернулся от сменяющих друг друга секунд. Он не хотел видеть эти страшные цифры, которые означали, что Соединённая Федерация уже более суток отрезана от Земли.

Несмотря на ранний час, несколько учёных сидели на местах, уткнувшись в мониторы. По экранам ползли цифры, трёхмерные модели генератора вращались вокруг своей оси, многоярусные формулы выводились прямо на стены. Редкое зрелище для Соединённой Федерации, где почти не было со временной техники: «умные» устройства не вписывались в идеологию Роттера-Линчева. Впрочем, Холланд догадывался, что на самом деле технологический дауншифтинг и отказ от интернета и искусственного интеллекта были вынужденной мерой. Хорошей миной при плохой игре. Новый мир безнадежно отстал от Земли, импорт готовых устройств и редких металлов стоил слишком дорого. Приходилось кичиться тем, что есть, и делать вид, что так и было задумано.

Оторвав взгляд от сосредоточенных сотрудников, Холланд наконец заметил в другом конце лаборатории предводителя. Отделённый от общего зала стеклянной перегородкой, Роттер, похоже, отчитывал мужчину в белом халате и очках. Из-под халата виднелся хороший серый костюм с галстуком. На мгновение остановившись перед прозрачной дверью и постучав – хоть его и было видно, приличия ради, – Холланд вошёл в кабинет и хлопнул себя по груди.

– А ты как раз к чаю, дорогой! – воскликнул Роттер. – К десерту. Садись, садись.

Ни чая, ни десерта на столе, конечно же, не было, лишь пустая чашечка из-под эспрессо перед Роттером, но Холланд догадывался, что имеет в виду предводитель. Не ожидая ничего хорошего от этого разговора, он сел на единственный свободный стул.

– Что, есть какие-то подвижки? – спросил Холланд.

– Мы делаем всё, что в наших силах, – пробормотал мужчина в халате, поправляя очки, но Роттер только головой покачал.

– Дурак вы, профессор.

Роттер встал, подтянул красные перчатки и подошёл к прозрачной стене, наблюдая за залом. От Холланда не ускользнуло, что профессор едва заметно пожал плечами, будто ему всё равно. Да уж, зажрались они тут, в федеральной лаборатории, за эти годы... Холланд одёрнул себя. Как будто ему своих проблем не хватает.

– Можете идти, – сухо бросил Роттер, обращаясь к профессору. – Подготовьте личные дела на всех сотрудников для майора Холланда – с сегодняшнего дня вы отчитываетесь перед ним.

Кивнув и коротко поклонившись сначала предводителю, затем Холланду, мужчина подхватил со стола свои заметки и вышел. Роттер обернулся к Уильяму, пожал ему руку и похлопал по плечу.

– Что ты такой рассеянный? – спросил он. – Где пропадал?

– Да Эстель... – пробормотал Холланд, совсем не желая вдаваться в подробности.

Роттер кивнул.

– Женщины, – сказал он многозначительно, будто со знанием дела, хотя Холланд ни разу не слышал о связях Роттера с женщинами с тех пор, как много лет назад умерла его жена. – Ничего, как раз отдохнёшь от неё. Ты остаёшься здесь до решения проблемы с генератором и лично всё контролируешь.

– Но... – Уильям растерялся. – Я же ничего в этом не понимаю. Как?..

– Тут умников и без тебя хватает, – прервал Роттер. – Но им нужен кнут! В стране сейчас чрезвычайное положение, и мы переводим лабораторию на особый режим, пока они не соберут нам новый генератор. На этот раз – прямо здесь, в Ельне. Покрытие пострадает, но так надёжнее, учитывая обстоятельства. – Роттер дождался, пока Холланд кивнёт, и продолжил: – Ты, Уильям, лучше других знаешь, с какой стороны подойти – где надавить, где через семью воздействовать...

Холланд молчал, стоя перед Роттером. Сердце билось ровно, спокойно. Он понимал, чего тот ждёт, и был готов выполнять. Роттер видел своих солдат насквозь, этого у него не отнять.

– Мы же не хотим, чтобы всплыла та история с Линчевым, – как бы между прочим добавил Роттер. – Нехорошо выйдет.

У Холланда язык чесался спросить, как можно представить обстоятельства гибели Эдгара Линчева и его дочери так, чтобы обвинить Холланда, но при этом не запятнать репутацию Роттера, но он промолчал. Федерация найдёт способ. Роттер будет «безутешным вдовцом, не ожидавшим удара в спину», а Уильям – «хладнокровным мерзавцем»... Да что уж там. Срока давности здесь нет, и жить ему с этим дамокловым мечом над головой до самого конца.

– Не хотим, конечно, – отозвался Уильям.

* * *

В единственном ельнском отеле, где его разместили на неопределённый срок, Холланд скинул опостылевшую форму и залез под душ. Струи холодной воды ударили в затёкшие мышцы. Сменной одежды у него с собой не было, но ничего, Маньяна вышлет с первым поездом.

Против ожидания, усталость после душа никуда не ушла и расслабиться не получилось. Холланд был напряжён и взвинчен. Но не ложиться же сейчас спать? Нужно составить инструкции для заместителя в Алилуте, а к полудню снова наведаться в лабораторию.

Да он и не уснёт в таком состоянии, а если всё-таки уснёт – весь день коту под хвост.

Уильям снял телефонную трубку и вызвал ресепшен.

– Хочу закрыть телефонную линию, – сказал он.

– Для всех? – спросил консьерж.

– Для всех, кроме предводителя Роттера и... – Холланд колебался.

– Я вас слушаю?

– Да, для всех, кроме Роттера, – и Холланд положил трубку.

Он спустился в бар, прихватив с собой блокнот и ручку.

Может, получится набросать черновик инструкции, а если нет... хотя бы не подумают плохого: всё-таки не алкоголик пришёл, а деловой человек. Бармен разулыбался при виде Холланда. Он явно не ждал посетителей в столь ранний час.

– Виски есть? – спросил Уильям, присаживаясь.

– Только «Муншайн».

– А... – Уильям скривился. Этого следовало ожидать: бар был тесный и жалкий, так, скорее для виду, чтобы упомянуть в рекламке. – Нет, не надо. Водки тогда, будьте добры.

Бармен налил полную стопку. Выпив залпом, Уильям открыл блокнот и начал писать. Господи, как же он устал...

β

«Вот место, где смерть рада помочь жизни», – прошептала Альфа Камила, когда увидела Кассандру. Все сбежались на крик Мари и теперь толпились у двери. Мари, уже оправившаяся от первого шока, не позволяла им переступить порог.

Кассандра не желала ни с кем разговаривать и даже травников к себе не подпустила. Лемери, это загадочное видение из прошлого, кем бы она ни была, смогла сотворить чудо. Кассандра закрыла ей глаза, сложила руки на груди и вытащила из-под головы толстую книгу. Что это за книга и как она оказалась в комнате, Кассандра не знала. Она вообще ничего не понимала – ни где она, ни сколько прошло времени.

Мари прочитала это по её глазам; сама Кассандра не могла связать и двух слов. Обхватив книгу, она сидела на полу у тела Лемери и раскачивалась из стороны в сторону. Альфа хотела подойти, но Мари

воспротивилась, словно всё упрямство Кассандры вдруг передалось ей. Наверное, она прежде была так резка только с Госсом.

– Нет, – сказала Мари, продолжая стоять, раскинув руки в стороны. – Уходите. Ей нужно время.

Она выждала, пока они уберутся, и вывела Кассандру на свежий воздух. Они прошли мимо окон, откуда на них глядели ливьеры – ошеломлённые, испуганные, серьёзные, – мимо Призрака и мимо уже готового кострища, на котором на рассвете собирались сжечь тело Кассандры.

Краски быстро возвращались в мир, и текстуры восстанавливались: вместе с Кассандрой пробудились и усыпленные Альфой силы. Жёлтая пыль проступила на разбитых плитах и булыжных мостовых, зазеленели трава и кустарники. На востоке проблёскивали первые лучи солнца, и река то и дело вспыхивала яркими искрами.

Однако было ветрено и неудобно. На щёки Мари упали несколько капель, и она подняла голову к затянутому тучами небу. Вспомнила, как пошёл дождь, когда Кассандра упала у её ног, и вздрогнула. Мари оглянулась по сторонам, словно ожидая обнаружить затаившихся убийц. Что, если кто-то из ливьер нападёт на Кассандру, посчитав её воскрешение чёрной магией или бог знает чем ещё? Мари им не доверяла, не всем из них. Впрочем, ливьеры вряд ли смогут убить с их оружием... Эта мысль немного успокоила.

Они остановились, достигнув вершины холма, откуда открывался вид на покинутый город, на каналы и реку. Дождь зачастил, стало мокро и зябко, но Кассандра даже не пыталась укрыться, хотя могла бы, наверное, создать свой щит. Они долго молчали.

* * *

– Я к этому не готова, – сказала наконец Кассандра, когда обе уже промокли до последней нитки. Мари трясло от холода, она втянула голову в плечи, чтобы не задувало под воротник, и переминалась с ноги на ногу.

– Даже не знаю, что я бы на твоём... – Мари нахмурилась. – Хотя знаешь, я ведь почти была на твоём месте. Когда они меня

допрашивали.

Кассандра обернулась и посмотрела на неё всё тем же мутноватым взглядом.

– Я сказала им, что я принцесса, – объяснила Мари на всякий случай, – и пыталась вжиться в роль... Ты знаешь, какая из меня актриса. Но я старалась!

Губы Кассандры дрогнули.

– Так вот, я пыталась представить себе, каково это, и не могла, – Мари подалась навстречу Кассандре. – Обними меня, я совсем замёрзла. Неужели тебе не холодно?

Кассандра моргнула и словно опомнилась. Она обняла Мари одной рукой, а другой принялась крутить в воздухе.

– Что ты делаешь? – не поняла Мари.

Кассандра была в замешательстве.

– Создаю покров... но... не выходит. Чёрт, это что, из-за меня? Я сломала покров!

Наверное, для ливьер это была плохая новость. Однако Мари прошла через такие круги ада за последние сутки, что смущённое лицо сестры – её живой сестры! – и нелепые потуги что-то начертить в воздухе вызвали только истерический смех. Мари захохотала, из глаз брызнули слёзы. Всё её тело сотрясилось от почти беззвучного, но сокрушительного смеха, и она не могла остановиться. В обнимку они повалились на мокрую траву.

Когда обе успокоились, Мари нащупала и сжала ладонь Кассандры.

– Пусть мы с тобой не сёстры. Ну и что? Есть же понятие «родственные души». Ты – моя и от меня никуда не денешься. Ваше высочество! – она фыркнула.

– Величество, – поправила Кассандра.

Она больше не смеялась. Поднявшись с земли, Кассандра отряхнулась и снова уставилась на горизонт, на белое пятно солнца, увязшего в облаках.

– Я не могу.

– Касси... за то время, пока... тебя не было, я поняла, что ты им... нам нужна. Это то, от чего ты не убежишь.

– Кто сказал? Может быть, убегу! Слушай, а где тот парень, который в рубашке?

Мари удивилась вопросу.

– Зачем он тебе понадобился? Он домой вернулся. У него... брат погиб.

Лицо Кассандры исказилось от боли. Наверное, она думала теперь, что каждая жертва этой войны была жертвой ради неё. А она не хотела жертв. Она хотела, чтобы её оставили в покое.

– Ты хотела пойти с ним, – догадалась Мари. – Но куда?

Кассандра пожала плечами.

– Да хоть куда. Зачем я здесь? Ситуация – полный абсурд! Что мне скажут Камила и Бимбикен? Что я должна нацепить их короны и управлять волшебной страной? Может, мне ещё и Роттера свергнуть? Это... это не моя вой на, понимаешь? Меня в неё не посвятили, меня выкинули из неё – на Поверхность! Это... это слишком... – Кассандра спрятала лицо в ладонях.

Мари тяжело поднялась с земли. В душе шевельнулось гнетущее чувство безысходности. Кассандра изменилась за эти несколько месяцев и всё же осталась верна себе: упрямая, вспыльчивая, немного рассеянная и шестнадцатилетняя, она, конечно, не могла править страной. Она была права.

– Не хочу их видеть, – бросила Кассандра. – Мне здесь плохо, мне нужно время. Я уйду... Ты со мной?

Сквозь горечь в голосе Кассандры прозвучала надежда. Мари оглянулась на дом-колодец, где разбили свой лагерь ливьеры. Наверняка пара-другая глаз наблюдали за ними из окон, но никто их не преследовал и никто не ждал у подножия холма, когда они снова спустятся. Мари не имела ничего против этих людей, но она их едва знала: по-прежнему путала имена травников и сторонилась Ляли Бимбикен. Её ничто здесь не держало. Она хотела бы уйти с Кассандрой. Но...

– Тебе лучше пойти одной, – покачала головой Мари. – Чтобы разобраться в себе, я тебе не нужна.

По лицу Кассандры прошла судорога, но она совладала с собой. Возможно, она была готова к такому ответу. Мари понимала, что она – суть и смысл прежней жизни Кассандры, её якорь. Однако им всегда было ясно, что однажды каждая из них пойдёт своим путём. Это время пришло.

– Они, скорее всего, попытаются тебя остановить. Но ты не говори, куда собираешься.

– Да если бы я знала, – Кассандра окинула взглядом город, каналы и холмы за рекой, словно выбирала направление. – Если бы я знала...

’

Здесь было пусто, одиноко. Тихо. Теперь – иначе, чем два дня назад. Сейчас это было именно то, что надо. Этот замок, в комнатах и ящиках которого она рылась так бесцеремонно, по галереям которого они с Призраком тащили задыхающегося Алишера, – неужели он мог бы быть её домом? Какая чушь!

Кассандра прошла под аркой и снова нырнула в лабиринт полутёмных коридоров. На этот раз она никуда не торопилась. Ливьеры не ждали от неё новых достижений, и Роттер не дышал ей в спину. Она могла провести здесь столько времени, сколько нужно. Столько, сколько она захочет. А может – и мысль эта была соблазнительна, – вообще никогда не возвращаться? Они же собирались как-то обходиться без неё, когда она умерла, так неужели сейчас не смогут?

Заново привыкать к жизни было трудно и мучительно. Стоило только остановиться, замереть на месте, как по всему телу разливалась тянущая боль; болели каждая мышца, каждая жила, каждый нерв. Боль пришла сразу же, как только Кассандра очнулась в тёмной комнате рядом с Лемери. Мир по ту сторону всё ещё цепко держал её – мир, в котором стихии спали и в котором она должна была бы вечно спать вместе с ними. И ведь там было так хорошо! Настоящая гармония, идеальный баланс. Оказалось, достаточно убрать всего одно измерение – время, – чтобы прекратить душевные терзания и стать...

Кем, собственно?

Голова была тяжёлая, ватная. Кассандра потёрла глаза и свернула в широкий светлый коридор, который она ещё не видела. От поблёкших панно на стенах до брошенной мебели – Кассандра внимательно осматривала каждую деталь. Замок был в запустении – и всё-таки по-прежнему стоял на своём месте, опираясь белыми башнями на крутые склоны холма; ничего ему не сделалось за столько

лет. Камни – не то что люди, они значительно прочнее. Наверное, потому, что им неведомы ни тревоги, ни муки выбора.

Наконец Кассандра добралась до галереи, откуда они с Призраком заметили горящую башню, и невольно вздрогнула. Аварийно-спасательные работы на месте катастрофы, где погиб брат Алишера, уже завершились, и не было видно ни военных, ни полиции. Среди руин остались лежать обломки самолёта; никто не потрудился их убрать. Действительно, зачем? Ведь Флора – это одна большая свалка. Кассандра стиснула зубы.

Побродив ещё с полчаса по пыльным залам, она наткнулась на просторные покои. Наверняка здесь раньше жил кто-то важный, может, даже сама королева. В полукруглой гостиной чудом сохранился старый диван. Узор на дорогой ткани едва угадывался под толстым слоем пыли, и всё же Кассандра застыла на мгновение, очарованная. Она ещё никогда не видела дивана роскошнее этого.

В спальне с высокими окнами обнаружилась кровать с резными ножками, а над кроватью – изящные светильники. Кассандра вынула из кармана платок и попыталась оттереть один плафон. Стекло оказалось матовое, с узорами. Странно. Зачем нужны узоры на лампе?

Кассандра неловко опустилась на край кровати и уставилась на лепнину на потолке. Наверное, всё это имело какой-то смысл: и лепнина, и узор на плафоне. Может быть, повторяющийся цветочный рисунок перекликался с гербом Амейнов, а может, просто так для красоты сделали. Кассандра достала из сумки бутерброд, который успела собрать ей в дорогу Мари, и принялась за скромную трапезу. Эта комната наверняка видала завтраки в постель и побогаче. Но это было давно...

Первоначальное волнение от вторжения в замок улеглось и сменилось безразличием. Стоило Кассандре закрыть глаза, и открывать их уже не хотелось. Не хотелось вставать, продолжать путь. Не хотелось жить. Зачем всё это? Когда она могла остаться там, где всегда спокойно! Зачем её разбудили?

– Зачем, – сказала она вслух, просто чтобы услышать свой голос. – Зачем?

Вопрос повис в пыльной тишине. Никто не спешил ей отвечать – замок был пуст. Она могла говорить с собой сколько угодно, могла петь, могла даже кричать.

Эта мысль показалась Кассандре заманчивой. Набрав полную грудь воздуха, она завопила что было сил. Секунды тянулись медленно, голос вырывался из горла, рикошетил от стен и звенел в ушах. Оборвав крик, Кассандра обессиленно откинула голову и ударилась о светильник. Резкая боль пронзила висок, но тут же растворилась в другой, тупой боли, терзающей её последние сутки.

Довольно с неё этой комнаты! Соскользнув с огромной кровати, Кассандра направилась обратно в холл. Надо было занять себя чем-то ещё – может, исследовать уголки заброшенного парка? Возвращаться к ливьерам совершенно не хотелось. Потирая шею и глядя под ноги, чтобы не споткнуться о сломанную мебель, Кассандра завернула за угол... и чуть не столкнулась с тёмной фигурой.

Женщина в длинном чёрном платье инстинктивно выставила перед собой руки. Кассандра на мгновение коснулась её холодных пальцев и тут же отпрянула. Горло саднило после долгого крика, поэтому она не сразу смогла задать свой вопрос: «Кто вы?» Женщина смотрела на неё, раскрыв рот.

– Вы кто? – повторила Кассандра.

С синяками под глазами и растрёпанными русыми волосами дама выглядела неважно. Она запыхалась, словно до этого бежала по коридору. Скорее всего, так и было – она бежала на крик Кассандры.

– Зачем вы здесь? – в изумлении спросила Кассандра, так и не получив ответа на первый вопрос.

– Я искала... тебя, – выдохнула женщина, не отводя глаз от лица Кассандры. Она благоговейно сложила руки, словно в молитве.

Кассандра вспыхнула, с опозданием догадавшись, кто перед ней. От одной мысли о предстоящем разговоре боль в теле и тоска по миру по ту сторону усилились... Но отступить было некуда. И Кассандра произнесла первое, что пришло в голову:

– Кажется, это ваши покои?

Губы Эстель Амейн дрогнули.

– О нет. Здесь жила... магистр Аврора.

– Да? – Кассандра снова оглянулась на узорчатый диван. – Но комнаты же огромные!

– Когда-то здесь у всех были такие комнаты, – склонила голову Эстель и несмело улыбнулась.

Кассандра позволила последней королеве Флориендейла ещё раз провести её по тем же коридорам. Эстель, очевидно, не знала, о чём говорить, и пыталась заполнить тишину подробным разъяснением всех деталей бывшего королевского убранства. Описания выходили скомканные: Эстель то и дело запинаясь на полуслове, с болезненным вниманием следя за каждым движением и выражением лица Кассандры. Кассандра слушала вполуха, не совсем понимая, как вести себя с этой женщиной – с её...

– Конечно, старейшины Ориендейла вовсе не жили в этом замке, – неловко заметила Эстель, дотрагиваясь до лепнины на стене. – Я тебя, наверное, запутала?

Кассандра рассеянно кивнула и пошла дальше.

– Прости меня, – беспомощно сказала Эстель, не двигаясь с места.

Кассандра обернулась. Рука Эстель соскользнула с гипсового цветка и повисла вдоль тела. В глазах стояли готовые в любой момент пролиться слёзы.

– За что? – пробормотала Кассандра.

– За всё, что произошло. У тебя была своя жизнь до того, как... я со своим глупым письмом... втянула тебя в эту историю.

Кассандра нахмурилась. Эстель могла извиняться за что угодно – что отдала её, что проиграла вой ну... но не за это! Никуда она её не втягивала. Она просто отказалась от своего ребёнка и согласилась пожертвовать чужим. Но ведь при этом Эстель действительно спасла её, подарила много счастливых лет – и даже сестру. Уж скорее ей надо было просить прощения у Вероники!

– Это *моя* история, – возразила Кассандра. – Она началась давным-давно. Не думаю, что у вас был выбор.

Эстель молчала. Её погасший взгляд скользнул по стенам покинутого замка, и она покачала головой.

– Выбор есть всегда, Ве... Кассандра. У меня он тоже был, когда я принимала решение, продолжать вой ну или нет. И я... больше не хотела. У меня не было сил, мне... мне хотелось это прекратить. И ты тоже можешь. Ведь ты ещё совсем ребёнок... – Эстель запнулась. – Если ты захочешь остаться собой, я пойму.

Кассандра застыла. Шум в ушах, тянущая боль – всё сразу отступило, отошло на задний план. Касси взглянула в лицо Эстель, чтобы убедиться, что та говорит искренне. Да, Эстель верила в то, что говорила, и это было самое абсурдное во всей ситуации. Надо же, её первая встреча с настоящей матерью – и такое разочарование! «Совсем ребёнок»? «Остаться собой»? Кассандра не смогла сдержать смешок. Появившаяся была улыбка Эстель тут же угасла, когда она поняла, что Кассандра вовсе не радуется.

– Я сказала что-то не то? – растерялась женщина.

– Не то?! – Кассандра с трудом подбирала слова. – Я думала, вы проиграли вой ну! А вы просто сдались?

– Не просто...

– Нет, очень просто! – воскликнула Кассандра. – Вы сдались – и ни капли не раскаиваетесь? Я сейчас даже не говорю про подмену – вы меня спасали, это понятно. Но ведь тут речь не обо мне! Как можно было отречься от своей страны, от своего народа?! Как можно было их предать?! Посмотрите, к чему привело ваше решение! – она махнула рукой в сторону города. – Нет никакого выбора, это был ваш долг!

Эстель хотела что-то сказать, и Кассандра сделала паузу. Вскинув брови, она смотрела на бывшую королеву Флориендейла и надеялась услышать связное, весомое оправдание. Но Эстель лишь потупила взгляд, словно учительница отчитывала её за ошибки в контрольной.

– Выбор есть всегда, это верно. Когда отвечаешь только за себя, – яростно подытожила Кассандра. – А если у тебя семья, друзья, страна, отряд, да что угодно... нельзя не думать о последствиях для всех, для каждого из них. В этом смысл слова «ответственность», в конце концов!

И тогда слёзы всё-таки пролились из глаз Эстель. Она смахнула их, оставляя грязные разводы на щеках, а затем сделала нечто совершенно неожиданное – глубоко, чуть ли не до пола, поклонилась Кассандре, приложив обе руки к сердцу.

– Я буду так счастлива, если однажды... может быть, нескоро, но когда-нибудь... ты позволишь мне назвать себя твоей мамой, – сказала Эстель.

Ему ещё не доводилось бывать в суде. Однако, как известно, всё когда-нибудь происходит в первый раз. Алишер без особого интереса рассматривал вытянутое помещение с бесчисленными рядами стульев, массивные железные двери и высокие окна, забранные решётками. Зал был забит под завязку. Те, кому не хватило стульев, толпились у дальней стены. Должно быть, они уже устали стоять – процесс явно затянулся...

– Господин Андрис? – нетерпеливо окликнул его прокурор.

Алишер перевёл тяжёлый взгляд на мужчину в тёмно-синем пиджаке, с сияющей звездой Федерации на груди.

– Не могли бы вы повторить вопрос, пожалуйста? – подчёркнуто вежливо сказал Алишер.

Мужчина мотнул головой, но подавил в себе раздражение и снова протянул Алишеру фотографии Вероники – до маскарада Джоан и после.

– Вы знакомы с этой девушкой, господин Андрис?

Перед глазами Алишера пронеслась череда картинок: Ника в обмороке на заправке, Ника бережно прижимает к груди букет цветов, Ника среди ливьер в Ангоре...

– Нет, – ответил Алишер.

Губы прокурора сжались в ниточку.

– Вы дали присягу и будете привлечены к ответственности за дачу ложных показаний.

Алишер пожал плечами.

– *Могут* быть привлечён, – поправил он, – если вы докажете, что мои показания ложные. Всё, что знаю, я вам уже рассказал.

Прокурор был недоволен таким ответом, но сдержался. Наверняка он надеялся загнать Алишера в угол позже, после показаний других свидетелей. Да Алишер ни на что особо и не рассчитывал – куча людей видели его и Кенжела вместе с Никой. Кто-нибудь да расскажет. Но он... он не хотел. Пропади всё пропадом! Кенжел погиб, Ирка погиб – вон его мать беззвучно плачет в углу зала, – а Ли так или иначе получит пожизненное, и связи родителей ему не помогут. Кенжелу теперь уже всё равно, встречался он с Вероникой или нет, а Алишера здесь не судят. Они не знают, что он тоже был во Флоре в тот день. Хотя, наверное, это лишь вопрос времени.

Не успел он вернуться на своё место на свидетельской скамье в первом ряду, как прокурор, поковырявшись в бумагах на столе, неожиданно вызвал Тобиаса. Алишер даже не знал, что Тоби тоже в зале, и чуть не вывернул шею, отыскивая его глазами. Охранник придержал его за плечо.

– Да не убегу я, – буркнул Алишер.

Тоби Госс прошёл, ссутулившись, по центральному проходу и занял кресло. С самого начала допроса стало ясно, что из пилотов он был знаком только с Кенжелом и что судей в первую очередь интересовали его свидетельские показания насчёт Кенжела и Вероники. Алишер скрипнул зубами. Понятное дело, хотят свалить всю ответственность на Кенжела, подстрекателя, изменника – ну и пусть, чего уж теперь! Тем более что так оно и было. При этом ни судья, ни прокурор не обмолвились ни единым словом, что патрульные разнесли генератор в щепки. И это было любопытно. Как долго Роттер собирается скрывать эту информацию от своего народа?

Тоби хорошо держался, но было видно, что его что-то беспокоит. На вопросы он отвечал чётко и предельно кратко, не отрывая при этом грустных глаз от невидимой точки в конце зала. Да, девушка с фотографии ходила в библиотеку, он часто видел её. Да, братья Андриис тоже. Нет, они никогда не общались друг с другом. Нет, он не думает, что они были знакомы. Алишеру вдруг стало жарко: Тоби врал, безнадёжно лжесвидетельствовал перед судом, как и он сам! И при этом даже бровью не повёл, ни разу не обернулся, не покосился в сторону Алишера. После гибели брата и Кассандры Алишеру было всё равно, что произойдёт сегодня в зале суда. Но что заставило Тоби так поступить? Неужели и ему нечего терять?

Прокурор отчего-то не заинтересовался несовпадением показаний с информацией, которая была получена им из других источников. Опустив фотографии Вероники, он запрокинул голову и, как замороженный, уставился в потолок. Алишер проследил за его взглядом.

Несколько вентиляционных решёток поднялись одна за другой, и сквозь дыры в потолке в зал хлынул ливень из сотни разноцветных листовок.

Присяжные повскакивали с мест, а Тобиас замер на кресле с открытым ртом. Судья стукнул несколько раз молотком, пытаясь

призвать к порядку, но поток листовок не прекращался, и тогда он бросил молоток и резво, бочком сполз под внушительный судейский стол – на всякий случай. Охранники распахнули двери и принялись выталкивать людей из зала, пытаясь справиться с паникой. Кто-то открыл огонь по вентиляционным люкам.

Алишер поймал три флаера и покрутил их в руках. Листовки были размножены на принтере: несколько ярких карандашных мотивов, изображавшие то ли людей, то ли пейзажи, а может, и то и другое одновременно. Однако рисунки служили лишь фоном. Главное – по диагонали крупными буквами, привлекая всё внимание, было выведено «EX AEQUO ET BONO»^[8]. И Алишер понимал, что это значит. Но как?..

* * *

У выхода из здания суда он нагнал Тобиаса, вклинился между ним и дверью. Люди за ними тут же истерически заголосили, и Алишеру пришлось уступить дорогу и выйти на улицу под проливной дождь. Он поморщился, торопливо запихивая листовки под пиджак. Тоби вышел вслед за ним и остановился. Дождя он словно бы и не замечал – стеклянными глазами смотрел куда-то мимо Алишера; даже происшествие в зале не расшевелило его.

– Эй, Тоби, – Алишер всё-таки попытался привлечь его внимание. – Я это... хотел спасибо тебе сказать. За то, что не выдал нас с Никой.

– Да ладно уж, – глухо отозвался Тоби. – Ника, Вика...

Точно, он ведь даже не знал её настоящего имени. Алишеру стало неловко.

– О Кенжеле так ничего и не известно, – его голос дрогнул. – Но я всё ещё жду...

Они помолчали.

– А у меня отца приговорили... к высшей мере, – произнёс Тоби и наконец взглянул на Алишера. В глазах клубился страх.

– Когда?.. – внезапно осипшим голосом выдавил Алишер.

Тоби провёл ладонью по лицу, стирая капли дождя – ведь не слёзы же? Пошевелил губами, словно не зная, как сказать. Затем выдавил:

– В следующий понедельник. Через расстрел...

Алишер сжал кулаки. В висках стучала кровь, оглушая его с каждым ударом сердца. Он знал, кто такой Вилмор Госс: Мари успела рассказать Алишеру свою историю, прежде чем он вернулся в Роттербург. Это несправедливо – так поступать с Госсом! Или наоборот, справедливо? Как понять, если всё меняется, стоит взглянуть с другого берега?

Алишер вытащил листовки, расправил намокшую бумагу и снова перечитал заветные слова. Может, ещё не всё потеряно?

ε

Игорь Линчев неловко дёрнул за ручку портфеля и смахнул на пол стопку документов. Звякнуло, разбиваясь, стекло. Со вздохом Линчев опустил на корточки и заглянул под стол. В слабом свете виднелись осколки и уголок фотографии. Ему пришлось поднапрячься, чтобы дотянуться до снимка; рубашка, натянувшись под мышками, чуть не лопнула по швам. Игорь осторожно извлёк из остатков рамки изображение молодой девушки. Фотограф запечатлел её в роскошном бархатном кресле: длинная коса ниспадает на грудь, тонкие руки изящно сложены на коленях. Ирина, в отличие от него, всегда была хрупкой. Нежный цветок, нуждавшийся в защите, и как же так вышло...

В груди кольнуло, и Игорь стал поспешно выбираться из-под стола. Он убрал фотографию в портфель, поправил рубашку вытер платком пот со лба и оглядел свой кабинет: дверцы шкафов распахнуты, бумаги разбросаны, в углу дымится мусорная корзина. Трясущимися пальцами Линчев снова развернул список, выданный ему когда-то Роттером на случай чрезвычайной ситуации. Мягким карандашом Линчев проставил галочки возле тех документов, что он уже нашёл и уничтожил. Оставался последний, но где, чёрт возьми...

Он вздрогнул всем телом – снова включились и раздражающе завывали стихшие было на пару минут сирены. В динамиках в коридоре раздался треск, и мужской голос произнёс:

– Внимание! Продолжается эвакуация! Всем немедленно выйти и собраться в фойе. Повторяю: немедленно выйти и собраться в фойе.

Линчев постучал карандашом по списку. Где, где, где же протокол о смерти Ирины? Может, у Роттера? Но тогда почему он занёс его в список Линчева? У каждого были свой перечень и своя зона ответственности. Протокол как в воду канул. Линчев ещё раз заглянул в портфель на всякий случай. Поколебался мгновение, а потом вытащил и швырнул на стол ноутбук. В сомнении посмотрел на договора, которые ещё должен был проверить, и на черновик распоряжения о новом статусе ООН в Соединённой Федерации.

– Внимание! Здание оцеплено силами Сопrotивления, продолжается эвакуация...

Игорь глубоко втянул воздух, задержал дыхание на несколько секунд – так, чтобы почувствовать беспокойное биение сердца; затем шумно выдохнул, вынул из портфеля фотографию Ирины и спрятал во внутренний карман. Портфель он оставил на стуле, а список скомкал и бросил в корзину. Всё!

Уже взявшись за ручку двери, Линчев резко обернулся и поспешил к шкапулке, спрятанной в дальнем шкафу. Как он мог, чуть не забыл, чуть не оставил!.. Всхлипывая от волнения, Игорь Линчев бережно вынул из шкапулки пухлую стопку старых писем сестры и кое-как уместил её под пиджаком рядом с фотографией. Вот теперь – всё.

* * *

Лифты не работали, и пришлось идти по лестнице, бок о бок с коллегами. Видимо, никто не торопился спускаться в вестибюль, так что бойцам Сопrotивления, вооружённым пистолетами и этими странными штуковинами, из которых они стреляли отравленными иглами, пришлось подняться наверх и зачищать этаж за этажом. На лестничных пролётах люди с цветными повязками на руках следили, как сотрудники парламента маршируют вниз по ступенькам.

Несколько коллег попытались было заговорить с Линчевым, но тот опустил голову и сделал вид, что не слышит. По обрывкам разговоров он понял, что в других ведомственных учреждениях сейчас происходит то же самое: в суде, во дворце федеральных комиссаров и даже в университете.

– Они штурмуют телецентр, – пробормотал кто-то. – Я слышал, там сейчас ад!

– Все наши войска в телецентре, что ли? – буркнул другой. – А нам здесь подыхать, как собакам?

Линчев насупился и крепче прижал полы пиджака к взмокшему от напряжения телу. Значит, Соппротивление всё-таки нашло в себе силы и вспыхнуло, несмотря на заверения Роттера, что они столь же бестолковы, как и... ливьеры! Линчев оглянулся на фигуру на лестничной площадке – с повязкой на плече и с серебристым оружием. Как он сразу не догадался? Ливьеры объединились с Соппротивлением! Но когда, почему?.. Игорь почувствовал, что задыхается, и расстегнул воротник рубашки.

* * *

Он одним из последних спустился в фойе, фантастически освещаемое косыми лучами осеннего солнца, и потому застал лишь конец речи одной из бойцов Соппротивления. Девушка стояла на столе администрации, возвышаясь над собравшимися. Вместо оружия она сжимала в руках древко огромного флага Флориендейла. Линчев уже много лет не видел этих ярких полотен: полоса земли, полоса воды, солнце и звёздное небо...

– ...все временно задержаны, – закончила девушка. – Марионеточная власть Роттера не имеет законного основания. С этого момента власть в стране переходит обратно в руки истинных правителей Флориендейла.

– Это в чьи же? – крикнул кто-то знакомый в толпе.

Тогда девушка слегка опустила флаг, и Линчев наконец увидел её лицо. Он тихо охнул и схватился за грудь – сердце пропустило несколько ударов. Стоявшие рядом оглянулись на него, кто-то успокаивающе положил руку на плечо. Да что они знали!

– К народу Флориендейла. К силам воды, огня, земли и воздуха. К магистрам стихий. К наследнице Эстель Амейн, королеве Кассандре Амейн, – спокойно, но чётко и громко, чтобы все слышали, произнесла Кассандра.

Игорь Линчев был в панике. Он не присутствовал во Флоре в тот торжественный, как им казалось, день, когда солдаты Федерации застрелили принцессу. Однако он читал протокол о её смерти, показания федерального маршала и врача, оставленных на месте для осмотра тела и переговоров о прекращении огня; он видел фотографии... Всё было тщательно проверено и задокументировано! Иначе бы Роттер так этого не оставил. Девушка умерла!

– Это ловушка! – судорожно выпалил Линчев, отказывающийся верить своим глазам. – Это одна из её копий, одна из близнецов!

К его сожалению, едва ли кто-то из парламентских знал об истории с подменой. Коллеги покосились на Линчева с недоумением – его слова были для них пустым звуком.

Лицо Кассандры скривилось на долю секунды, но тут же разгладилось. Она улыбнулась и подняла флаг ещё выше.

– Королевство Флориендейл снова свободно, и сегодня мы положили конец Соединённой Федерации, – обращаясь к толпе, сказала Кассандра. – Сейчас вы можете идти... но впереди вас ждут суд и возвращение в Поверхностный мир. Мы хотим дать вам шанс вернуться домой.

– Домой! – возмутились сразу несколько человек. – Ничего себе! Да кем мы там будем, беженцами?

– А кем вы были здесь? – парировала Кассандра. Помолчав немного, она добавила: – Ваш выбор – вы можете быть беженцами, а можете – жителями нового Флориендейла. Но быть захватчиками я вам не позволю.

Игорь с трудом протиснулся вперёд и оказался прямо перед стойкой администрации. Невысокий, крепко сбитый молодой человек с пистолетом преградил ему дорогу, не подпуская ближе.

– Вы Игорь Линчев, – сказал он. Это был не вопрос.

Линчев кивнул и беспомощно развёл руками. Да, он Игорь Линчев... Ну что с этим поделать? Вот говорят же, что каждый сам творец своей судьбы, но он – разве он мог иначе? Его отец был создателем генератора и первым предводителем Федерации, его сестра – Ирина Роттер. Что же ему оставалось? Он не выбирал свою судьбу, как бы жалко это ни звучало. Теперь, стоя перед лицом новой эпохи, Игорь изо всех сил напрягся, чтобы вспомнить что-то давно

забытое, такое же антикварное, как выцветший флаг в руках Кассандры.

– За добро и справедливость, – прошептал он, снизу вверх глядя на королеву. – Ваш девиз... Прошу милости.

– По добру, – недовольно исправил молодой человек, не сводя насторожённых глаз с оттопыренного кармана пиджака Линчева.

Кассандра неожиданно опустилась на колени и оказалась прямо перед Игорем. Лицо у неё было не самое красивое, даже не милое, а скорее строгое и измождённое; под глазами синяки, как будто она давно не могла выспаться. Оно не было похоже на лицо семнадцатилетней – или сколько ей там? – девочки. Но Линчев не мог не чувствовать энергию, исходившую от неё. Её тёплые ореховые глаза говорили с ним без слов. Казалось, она видела его насквозь – и фотографию видела, и письма, и душонку его мятущуюся. Линчев вспомнил жёсткий и цепкий взгляд Роттера, который резал как бритва. Роттер тоже видел насквозь – оставляя после себя рваные края свежих ран.

– Вы в своём праве, – тихо ответила Кассандра. – Идите, Игорь.

Интуитивно Линчеву захотелось поклониться. Но, спиной ощущая липкие взгляды бывших коллег, он как-то стушевался, замялся и лишь коротко кивнул, после чего поспешил к выходу.

– Хорошо здесь всё прошло, да, Джим? – услышал он голос Кассандры.

– Да, – отозвался её телохранитель. – Наверное, потому что Роттера и тут тоже нет. А в тюрьме была перестрелка, сейчас по рации передали. И есть потери у телебашни.

– Тогда давайте скорее туда! Магистры где?

Линчев брёл в толпе, покачивая головой, словно грустный пёс. Не то чтобы ему не нравилось в Соединённой Федерации, в этом новом мире. Нет, всё было... нормально. Но почему-то он не мог вспомнить, как они оказались здесь. Кто и когда принял такое решение за него и за Ирину? И зачем только его отец вообще встретил Роттера! «Неисповедимы пути Господни», – подумал Игорь Линчев и вздрогнул. Продолжать мысль не хотелось. Он просто шёл, опустив глаза, уставившись вниз, в общем потоке.

Эстель не удалось принять участие в масштабных переменах, происходивших в Роттербурге: Камила убедила её вернуться в Алилут и оплакивать дочь, чтобы Уильям не догадался, что Кассандра жива, прежде чем они будут готовы заявить об этом.

Эстель было невыносимо трудно. Уильям, как назло, пытался поговорить с ней о её потере и теребил вопросами, словно чувствовал подвох. Эстель хотелось улыбаться всякий раз, когда он упоминал имя Кассандры, и она не знала, как ей сладить с собственным лицом. Она едва ли умела притворяться и лгать. Куда девать глаза, что делать с руками, когда он смотрит на неё и спрашивает, как она справляется? В страхе, что она подведёт Кассандру, ливьер и Соппротивление, Эстель старалась избегать любых разговоров с мужем. Когда он наведывался в Алилут, она нередко принимала снотворное, чтобы он ничего не смог из неё выпытать.

* * *

Маньяна накрыла на стол. На обед были салат из бобов и моркови, варёные куриные грудки с бульоном, картошка в мундире, а на десерт – груша. Меню вторника, ничего примечательного. Эстель взяла вилку и рассеянно повертела её в руках. Завтра утром Уильям должен был отбыть в очередную длинную командировку в Ельну, и она не могла решить, готова ли провести с ним последний вечер или лучше придумать отговорку.

– Кхм... – Эстель уловила движение со стороны кухни и обернулась. Маньяна застыла в дверях, теребя в руках полотенце.

– Да, Маньяна? Вы что-то хотели?

– Хотела спросить, – кивнула пожилая женщина. – Это... насчёт девочки.

Эстель сразу же подумала о Кассандре, но, глядя на взволнованное лицо экономки, внезапно осознала, что Маньяна и знать не знает о её существовании. Маньяна беспокоилась о Веронике! Впервые за много месяцев она снова решилась заговорить о девочке.

Эстель закусила губу. Что она могла ответить? Им и пяти минут не удалось поговорить с Вероникой в Ангоре. Эстель тогда была на грани. Не желала отходить от тела Кассандры. Ведь она сделала всё,

что было в её силах, пошла на все возможные жертвы... но не сумела спасти дочь, как не спасла ни родителей, ни мужа! В тот момент мир для неё рухнул. Вера, любовь – ничего больше не осталось.

Позже, когда Уильям спешно отбыл в Ельну и раздавленная Эстель ждала, пока его водитель придумает, как им вернуться в Алилут, Вероника сама неожиданно обратилась к ней. Она не решилась подойти близко – стоя в нескольких метрах от Эстель, она просто сказала ей, что Кассандра жива. Вероника проследила за ней и полагала, что она пошла пешком во Флору.

Эстель обняла Веронику – в спешке, потому что торопилась к дочери, – поцеловала её в щёку и спросила, как она. Вероника кисло улыбнулась, не пытаясь скрыть от Эстель свои синяки, и передёрнула плечами. «Всё будет хорошо», – заверила её Эстель. Теперь она искренне в это верила. Дрожа от нетерпения, Эстель попросила водителя поскорее раздобыть другую машину и сделать остановку во Флоре. Тот даже не подумал поинтересоваться, зачем ей это. Через несколько часов водитель высадил Эстель на площади Звёзд у подножия замкового холма. А Вероника осталась с ливъерами в Ангоре.

– Вы ведь видели её, да? – продолжила Маньяна. – Как там дела... в школе?

Эстель вздрогнула.

– С ней всё в порядке, – заверила она Маньяну – Она нашла друзей. Может быть, мы скоро её увидим.

– Это было бы чудесно, – улыбнулась женщина. – Я тогда испеку её любимый пирог с чёрной смородиной, как на день рождения! Она ж пропустила свой в этом году.

Вернувшись к трапезе, Эстель рассеянно глотала едва тёплый бульон и пыталась сформулировать вопрос, на который навёл её этот короткий разговор. Ведь она уже знала, с чего начались злоключения Вероники, – Альфа Камила рассказала ей. Она знала, что Вероника не добралась тогда до обещанной школы. Она знала, что Вероника угодила в тюрьму, где её обыскали и отобрали письмо... Не сначала письмо – потом тюрьма, что было бы вполне объяснимо, а наоборот.

Это могло означать только одно: Веронику перевезли из алилутской тюрьмы в другую намеренно! Неужели они хотели избавиться от неё как от потенциальной наследницы?

И Уильям, вот вопрос – неужели он этого не знал?

* * *

Уильям ворвался в комнату, на ходу сдирая перчатки и разматывая шарф. С улицы дохнуло холодом. Эстель успела заметить, что муж не заехал в гараж, а бросил машину у входа. На его обеспокоенное лицо она внимания не обратила – ей нужно было немедленно задать свои вопросы и всё прояснить, здесь и сейчас.

– Уильям! – выпалила она, вскочив с кресла.

– Ты не спишь? Отлично!

Он зашарил взглядом по комнате, широкими шагами направился к шкафу, открыл сразу несколько дверей и стал рыться в ящиках.

– Уильям... – начала она снова. Но он перебил:

– В столице путч. Переворот! Чёртово Сопротивление... Надо срочно собираться и уезжать.

– Что? – глухо спросила Эстель, сбитая с толку.

– Что, что! Твою мать, – он выругался, вывалил сразу несколько папок на пол гостиной, пнул их. – Бери какие-нибудь вещи, быстро.

– Но куда?

– Не знаю куда! Придумаем по дороге. Укроемся где-нибудь, будем искать способ попасть на Землю.

Эстель ничего не понимала. Она хотела поговорить с ним совсем о другом, и эта новость, к которой она-то уж, верно, должна была быть готова, застала врасплох. На мгновение Эстель спрятала лицо в ладонях, потёрла виски. Когда она открыла глаза, Уильям возвышался над ней, готовый сгрести её в охапку, перекинуть через плечо и увезти силой.

– Ну? – резко спросил он.

– Одну секунду... – прошептала Эстель. Откашлялась и спросила уже громче: – Скажи, ты ведь знал, что они собирались... избавиться от Вероники? Что не было никакой школы?

Уильям округлил глаза.

– Какое это сейчас имеет значение? – произнёс он. – Нам надо торопиться! Что за чушь!

– Это *всегда* имеет значение, – Эстель посмотрела ему в глаза, и он не выдержал и отвёл взгляд.

Он знал! Всё это время он знал! О пытках, об избиениях, о том, что Вероника бежала и что Кассандру разыскивают! Ей вдруг всё стало ясно.

– Я тебе вообще зачем? – упавшим голосом спросила она. – Ты что...

Она не могла закончить это предложение. Неужели всё ложь? Отчего он переменялся, ведь не мог же он всегда быть... таким? Разве она его не знала? Столько лет вместе – он был к ним добр, заботился о них! Сейчас перед ней словно стоял совершенно чужой человек.

– Я Эстель Амейн, и это мой мир, – вся дрожа, сказала Эстель, отступая от него, пока не наткнулась на диван. – Я останусь здесь со своей дочерью!

– Мёртвой дочерью или той, которую ты как свою пригрела? – Уильям вскинул брови, и Эстель догадалась, что они ещё не поняли всего масштаба своей катастрофы. Это придало ей сил. – И ты, позволь напомнить, всё-таки Эстель Холланд, а не Амейн.

Она в ярости сорвала обручальное кольцо с пальца и швырнула ему в лицо.

– Мне ничего не нужно от тебя! Уезжай, прячься – но без меня! Ты уничтожил всё, что между нами было, Уильям! – она задыхалась. Попытавшись отступить назад ещё на шаг, Эстель упала на диван и разрыдалась. – Как ты мог так поступить?! Я сейчас впервые за всю свою пустую жизнь чувствую, что поступаю правильно!

Уильям склонился над ней. Лицо его было спокойно, только в глазах плясали безумные искры.

– Моя любимая жена, – почти ласково сказал он и схватил её за запястья.

ζ

Ночь, и она крадётся в этой темноте и тишине, словно вор. Может быть, это неправильно и нужно было дожидаться дня и сделать всё официально, как принято у приличных людей. Может быть... Но она не могла ждать. Стоило ей услышать, что им удалось наконец его

выследить, как всё в душе всколыхнулось. Шёл первый час ночи, когда она покинула штаб и направилась к стоянке. Освободила одного из арестантов – «под мою ответственность», – заставила его сесть за руль, и они поехали на север. Кассандра поймёт.

На окраине леса она выбралась из машины – услужливый арестант поспешил открыть ей дверь. Она не оставила ему никаких распоряжений. Наверное, его уже и след простыл. Такой шанс – она бы на его месте точно слиняла. С другой стороны, куда ему бежать?

Раздвигая мокрые и скользкие после дождя ветви, она кралась по лесу. Удивительно, в какую дыру он забился. Спрятался... Надеялся, что здесь не найдут. Это было глупо: они нашли бы его даже на краю света, выкопали из-под земли, достали с луны. Она посмотрела на небо – ни одной из двух лун не было видно за плотными тучами. Тем лучше – на случай, если Роттер выставил охрану. А он ведь наверняка выставил... Если повезёт, может, снова заморосит дождь, скроет её и без того едва слышные шаги в размеренном шёпоте листвы.

Удивительно, как тепло ей было, несмотря на сырость и минусовую температуру. Огонь грел её изнутри, будто она сидела у открытого камина, в котором вкусно потрескивают поленья, с обжигающей чашкой кофе. Она была создана для огня, так говорила ещё Бета Анна Магдалена. Но тогда она ещё не доросла, не готова была принять его – так часто бывает со стихиями. И вот спустя столько лет они наконец нашли друг друга. Кассандра выпустила огонь из магического кристалла прямо ей в руки, и теперь эта новая сила наполняла её до краёв: ревела, сверкала и метала молнии.

Она остановилась и огляделась по сторонам. Ни огонька, ни капли света – Роттер боится выдать себя, да и электричества тут, конечно, нет. И неужели он спит? Как вообще может спать по ночам человек, на чьей совести столько жизней? Она сосредоточилась, потёрла ладони, на минуту приложила их к глазам. Она видела нечто недоступное другим, видела своим особым зрением, как кошка в темноте. Справа, в ста метрах от неё, теп лилась жизнь. Она направилась к деревянному домику, скрытому в чаще.

На это задание она послала себя сама – ей было очевидно, что это её долг. Никто не был настолько виноват в его возвышении, как она. Никто не знал его так, как знала она. Когда-то она была юной доверчивой девчонкой, а он – молодым человеком со строгим умным

взглядом, с длинными пальцами, которые так зачаровывали её всякий раз, как он проводил рукой по своим тёмным волосам. У них было много общего: сильный характер и стремление достичь новых высот. Оба хотели выбраться из маленькой деревни, где ей суждено было родиться и куда его случайно занесла судьба. Она строила планы о королевской службе в столице, амбициозно полагая, что готова к любым испытаниям и что её стойкость, бесстрашие и упрямый нрав в этом помогут. О да, она была бесстрашной! Но вдруг появился Роттер, чужак с незнакомым акцентом, и ей понравилось чувствовать себя слабой. Понравилось, что он, единственный из всех, мог её укротить. Это было так волнующе, что вскружило голову.

Она стыдилась теперь того, что наговорила и наделала тогда, и ей было горько вспоминать об их съёмных комнатах в Ориентале, куда они бежали из деревни. Конец этому положило внезапное исчезновение Роттера. Она сразу всё поняла: он нашёл лазейку обратно в Поверхностный мир – ведь он никогда не скрывал, что вернётся при первой же возможности. Вернётся без неё. Она задавила в себе разочарование и обиду и получила место в королевской гвардии.

Однако через десять долгих лет он вдруг снова объявился во Флориендейле и тут же её разыскал. Зачем – она так и не поняла. Как позабытый сладкий сон, он стоял перед ней, протягивая руки – такие знакомые, властные, с длинными пальцами, – готовый заключить её в объятия. И ненадолго она поддалась, и вскрытые старые раны вдруг перестали казаться ранами – так, ссадины, заживёт. Лишь дни спустя, наводя порядок во время демонстрации во Флоре, она осознала, что это он и его дружки стоят за агитацией и подпольным движением против королевы Эстель. Наблюдая из толпы, как Эдгар Линчев зажигательно читает речь по бумажке, она видела за ним Роттера и румяную женщину с длинной косой, взволнованно сжимавшую его руку. Они ожидали ребёнка.

Загнанный в угол, он во всё ей «признался» и рассказал об Ирине и Эдгаре, её отце. Эдгар Линчев якобы сам затеял эту политическую кампанию, к которой Роттер не имел никакого отношения. Ради Ангела! Неужели можно так откровенно лгать в лицо человеку, с которым ты когда-то был близок? Она спросила у него, нужна ли она ему только для того, чтобы чувствовать свою власть, а вовсе не радость или любовь, но Роттер всё отрицал: просил

прощения, раскаивался, расписывал в красках, как ему её не хватало... Но тщетно. Она научилась перешагивать через свои чувства много лет назад – он сам её этому научил. Теперь она была бойцом королевской гвардии и не желала иметь с ним дела. И меньше всего она хотела разрушать чужую семью.

По воле случая ей то и дело приходилось сталкиваться с Ириной. Она подозревала, что Роттер с женой и новорождённым сыном жили где-то неподалёку, но никогда не пыталась выяснить, было ли это совпадением или частью его извращённого плана. Он был умён, она это знала. Он был очевидной угрозой для неё и для всего Флориендейла. Однако первой жертвой амбиций Роттера стала, как ни странно, его жена.

Она помнила, как в то мартовское утро, получив весточку из магистрата, тут же поспешила в соседний квартал, где уже собрались полиция, лекари и толпа зевак. Каждый стремился высказать своё ценное мнение насчёт произошедшего: на пике карьеры Эдгар Линчев попытался покончить с собой! Вот только он выжил.

Линчев лежал на нижних ступеньках просторного светлого особняка, в правой руке пистолет, в левой – мокрый от пота и крови платок, и тяжело дышал. А перед ним, навсегда утратив свою скромную тихую грацию, изогнувшись под невыносимым углом, распростёрлось тело его дочери. Потрясённый муж был тут же, облачённый в классический чёрный костюм с аккуратно сложенным платком в нагрудном кармане. С каменным лицом и потухшими глазами он описывал, как Ирина кричала, перегнувшись через перила, когда увидела, что задумал её отец. Ирина поспешила предотвратить неминуемое прежде, чем Роттер успел вмешаться, и вот – упала...

Грош цена была его словам, уж она-то знала. Что делали в доме его приспешники, что забыл там в столь ранний час Уильям Холланд? Она хотела задать им эти вопросы, но не смогла заставить себя подойти близко к телу. Ей казалось, открытые глаза Ирины смотрят прямо на неё. Она убежала.

Через несколько дней Роттер нагнал её на улице, схватил за локоть и горячо прошептал на ухо, что жена его умерла, что теперь он свободен, что он готов оставить всё – политику, свои идеи, – чтобы просто быть с ней. Какая... глупость! Но, как в прострации, словно ей

снова было шестнадцать лет, она позволила увести себя за руку в его дом.

Она очнулась, лишь когда увидела перед собой гроб из светлого дерева, украшенный лиаверами. Это было неправильно – Роттер всегда ненавидел лиаверы, эти «дьявольские» цветы, магию которых он не мог постичь. Это была всего лишь насмешка – над жизнью, над Ириной, над Флориендейлом.

Она помнила, как подхватила на руки мальчика, его сына, и бросилась к выходу. Роттер, не ожидавший такого поворота, преградил ей путь, но она в ярости, закинув мальчика на плечо, свободной рукой швырнула в Роттера вазу с золотистыми цветами. Яркие бутоны вдруг вспыхнули пламенем, обжигая Роттеру руки и длинные пальцы. Он орал от боли – а она плакала, убегая из его дома и навсегда оставляя позади проклятую паутину лжи.

Однако она не знала, что делать с ребёнком. Некоторое время бессознательно металась по городу, избегая своего квартала, где опасалась встретить Роттера, и забрела наконец в какую-то неприметную таверну. Пристроила малыша на стуле и попросила для него стакан сока. Рядом сидел сутулый мужчина – он добродушно улыбнулся ребёнку и принялся строить рожи. И мальчишка, за весь день не проронивший ни звука, вдруг рассмеялся! Она посмотрела на них и мгновенно приняла решение: попросила мужчину присмотреть за ребёнком пару минут, а сама незаметно выскользнула из таверны и ушла, не оглядываясь. До сих пор глаза мальчика, такие огромные на его розовом детском лице, тревожили её. Сейчас ему, должно быть, восемнадцать или девятнадцать лет – уже не мальчик, а взрослый мужчина. Что стало с ним, она не знала. Она не могла вернуться в таверну и взять на себя ответственность за его маленькую жизнь. Она была членом королевской гвардии, помощницей магистрата правосудия и слишком заметной персоной, чтобы укрыть его от Роттера. Оставалось только молиться Ангелу, чтобы мальчику повезло больше, чем его матери.

С того дня Роттер совсем слетел с катушек. Его больше ничто не удерживало. Не прошло и полугода, как ей снова пришлось бежать со всех ног, на этот раз вместе с Камилой. Она призывала на помощь все силы, во имя Ангела, во имя добра и справедливости. Трюк с огнём, к огорчению Беты Анны Магдалены, ей так и не удалось повторить. Но

зато, спасая Альфу, она сумела создать полупрозрачную плёнку-щит, укрывшую их обеих от выстрелов, – покров. Флориендейл проигрывал вой ну, стихии больше не слушались магистров, стихийным народам грозило истребление. Защитники королевства вынуждены были уйти в подполье, или сдаться, или погибнуть. Но у Альфы Камилы был план...

* * *

Она распахнула дверь и вошла в дом, выстрелив прежде, чем охранники успели подняться. За спиной ощущались тепло и пульсация чужого сердца: там был кто-то ещё, и на этот раз у неё не получилось опередить соперника. Ожидаемый удар настиг сзади. Она перекувыркнулась через голову и метнулась в сторону, скрываясь от луча света. Телохранитель Роттера замер в проёме двери, шаря фонариком по комнате. Она усмехнулась. Вытянула руку, словно пыталась дотянуться до слепящего глаза светодиода, и сжала кулак. Фонарик вспыхнул и взорвался в руке мужчины. Тот взвизгнул, и она выстрелила ещё раз.

Жаль, что стихия огня не позволяла ей заглушить шаги или стать незаметной. Оставалось только надеяться, что Роттер не слышал их потасовку. Поправив собранные в хвост волосы и перезарядив искру, она на ощупь двинулась вверх по лестнице. Казалось, в доме всё замерло и время застыло. Даже деревянные ступени не скрипели под сапогами.

На площадке второго этажа она огляделась: здесь было три двери. За одной из них спала охрана, за второй скрывался узкий чулан. Достав из поясной сумки фонарик, она толкнула ногой третью дверь и осветила комнату. Она, конечно, знала, что он здесь, ещё до того, как увидела беспокойно мятущееся тело на огромной кровати. Кроме кровати и стула, на котором висели форма и красные перчатки Роттера, в этой неудобной комнате ничего больше не было. Очевидно, он не собирался здесь задерживаться. Неужели он подготовил другое укрытие? Возможно, она не зря поспешила и успела перехватить его в этой глуши. Меньше жертв, опять же...

– Ляля, – простонал Роттер во сне.

Она вздрогнула, услышав своё имя, и на мгновение ей стало жарко. Но тут же накатил стыд: она больше не та наивная дурочка, ему не выбить её из колеи! Бимбикен подобралась, распрямила плечи и направила луч света прямо ему в лицо.

Роттер нервно дёрнулся, зажмурился и вскинул изуродованные руки, сиюсь открыть глаза. Тонкое покрывало сползло, обнажая худощавый торс с неразвитыми мышцами. Бимбикен критически осмотрела скорчившуюся на кровати фигуру. Бу! Пугало, причём совсем не страшное. Если бы только паршивый характер человека можно было разглядеть так же легко, как рост или цвет глаз...

– Ты что здесь делаешь? – выдавил Роттер, откашливаясь после сна.

– А ты ожидал увидеть кого-то другого? Может, Линчева? Или Ирину?

– Убирайся!

Он выхватил из-под подушки пистолет и направил на неё. Вернее, попытался направить, но смотреть против света по-прежнему не мог. Бимбикен фыркнула. Она не собиралась стрелять в него из искры, ну уж нет. Он был нужен ей в здравом уме – если такое понятие ещё было к нему применимо.

– Это твой страшный суд, Роттер, – глухо произнесла она. – Можешь покаяться. Можешь признаться. Я даже хочу, чтобы ты признался! Как убил Ирину, как лгал тогда, будто всё бросишь...

– Я не лгал, – бросил Роттер, отворачиваясь от света и подтягивая покрывало. Как-то он чувствовал себя сейчас, полуголый и беспомощный? – Чёрт, я же говорю тебе, что не лгал! Ты... – он покачал головой. – Ляля! Я не трогал Ирину, я всего лишь попросил Уильяма... Она всё увидела, но я же не знал, что он столкнёт её! Уильям должен был устранить только Эдгара, просто в тот раз не вышло!

– Как у тебя всё просто, – заметила Бимбикен, чуть опуская фонарь. Ей хотелось видеть его лживое лицо. – Ну ничего, зато в другой раз получилось.

– Получилось, – подтвердил Роттер.

– Ну, а сын твой?

Тень замешательства скользнула по его взмокшему лицу.

– А что он?.. Ты же забрала его! Мне откуда знать.

Только теперь Бимбикен поняла, что все эти годы она могла не беспокоиться за мальчика. Роттер вовсе не собирался его разыскивать, причинять ему вред или, наоборот, растить из него наследника своей тёмной империи. Возможно, у него напрочь отсутствовал отцовский инстинкт. Неудивительно! Человек без чувств и без совести, эгоист и маньяк. Чудовище!

– Ты хоть о чём-нибудь сожалеешь, а? После всего, что совершил? – спросила она. – Ты же не можешь не понимать, сколько боли ты причинил моей стране! Я знаю, что ты не идиот.

Он долго молчал, а затем коротко пожал плечами.

– Мы всегда с тобой хотели разного, Ляля. Но это ты научила меня мечтать. И я шёл к своей мечте: строил мой идеальный мир, несмотря ни на что... Тебе на это банально не хватило смелости.

С каждой секундой Бимбикен было всё труднее держать себя в руках.

– Значит, не сожалеешь, – прошептала она и вскинула ладони.

– Почему же... – Роттер посмотрел ей в глаза. – Жалею, что не избавился от Эстель и её отродья сразу после революции. Потому что Сэптену пообещал, в обмен на информацию и лояльность, чтоб его! Плевать на вашу подмену – если бы мы их убили, ничего бы не вскрылось.

Бимбикен удивлённо вскинула брови. Она не знала этой детали.

– Обещания во Флориендейле невозможно нарушить, – со смешком сказала она. – Это древнейший священный договор, право на справедливый суд. Тебе следовало бы знать такую важную деталь об этой стране, раз уж ты решился ей управлять.

Он смотрел на неё в неверии, не готовый признать, что магия, которую он так ненавидел и от которой стремился избавиться, все эти годы преследовала его.

– Осцельс Сэптен наверняка об этом знал, – добавила Бимбикен, – и хотел защитить от тебя Эстель. После твоего обещания никто не смог бы причинить им вред по твоему приказу, даже если бы захотел. Пока Осцельс не умер, конечно...

Тут она вспомнила про собственное обещание и взмахнула рукой. Стул вспыхнул, ножки кровати задымились, а больше в комнате нечему было гореть. Но она не беспокоилась – знала, что к рассвету здесь будет лишь пепелище, а пока что у неё было достаточно времени,

чтобы вывести наружу его обезумевших телохранителей. Роттер вскочил с кровати и бросился к окну, но и рамы уже пылали. Бимбикен поджала губы, спокойно повернулась к нему спиной, вышла и закрыла за собой дверь. Он прокричал ей вслед, едва различимо за треском дерева: «Ты никогда меня не любила!» И это твои последние слова, Роттер?

– Нет, любила, – тихо сама себе сказала Ляля Бимбикен. – Но, видит Ангел, я просто плохо разбираюсь в людях.

η

Мама будет жить! Кассандра не могла перестать улыбаться – она сидела рядом и видела, как трепещут её ресницы. Мама дышала ровно и глубоко; ноздри дрожали, выпуская в себя пары растения, вытапливаемого Анель на крошечной самодельной печке.

– Прогресс налицо, – заметила Мари из-за спины Кассандры. – Анель, сколько ещё?

Анель сдвинула брови и уставилась в потолок, размышляя.

– Если погода не изменится, то завтра вечером или послезавтра Роза очнётся, – сказала она.

– Погода? – удивилась Мари.

– Ох уж эти травники! – Кассандра расхохоталась. У неё на душе было так легко и светло, как не бывало, наверное, уже много месяцев... Да что там! Как никогда в жизни.

В дверь громко постучали, но открыть никто не успел: Лидия с визгом ворвалась в дом и сразу же бросилась к подругам. Она заметно вытянулась за эти несколько месяцев. Стафис вошёл вслед за сестрой, побарабанив ещё раз костяшками пальцев по косяку для приличия. Он, наоборот, осунулся – сколько тревожных дней и бессонных ночей кроется за этой широкой улыбкой? Кассандра краем глаза взглянула на зардевшуюся Мари в объятиях Лидии. Все мы связаны друг с другом тончайшими ниточками, словно в одной гигантской паутине. Отправляясь на поиски Мари, Кассандра совсем упустила из виду, что она не единственная, кто сходит с ума от беспокойства. И что не нужно быть роднёй, чтобы любить кого-то. Быть родственной душой вполне достаточно.

– Касси, ваша почта в мисочке у раковины, – крепко сжимая Кассандру, сказала Лидия. – Там тебе письмо из университета.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... я всё читала, – призналась Лидия.

– Ты... что? – ужаснулся Стафис.

– Э-э... – Лидия уставилась в пол, но тут же вскинула глаза на Мари и Кассандру. Её щёки пылали. – Я всё думала, вдруг от вас будут новости или ещё что-то важное!

Стафис спрятал лицо в ладонях, тихонько посмеиваясь. Конечно, они не сердились на Лидию. Мари потрепала её по плечу, а Кассандра направилась к раковине. Какое ещё письмо из университета?

Уважаемая г-жа Кассандра Клиндер!

Мы рады сообщить Вам, что в результате высокой оценки присланного Вами портфолио работ в категориях «Академический рисунок», «Творческий рисунок» и «Печатная графика» мы рады предоставить Вам грант на обучение по специальности «Графика и анимация» в Федеральном институте Алилута (средней ступени).

Просим Вас предоставить нам полный пакет документов в соответствии с Приложением 1 к данному письму не позднее чем до 1 сентября текущего года. В противном случае право на получение гранта истекает 1 сентября и Вы сможете повторно представить своё резюме в следующем году...

– Да это просто шутка года, – заметила Мари, читавшая через плечо Кассандры.

Кассандра аккуратно сложила письмо и покачала головой. Говорят, если верить в мечту, то она обязательно сбудется. А то, что Кассандре теперь не до института и грантов, – разве это не было мечтой многих, многих тысяч людей? Неудивительно, что их мечта перевесила.

– Слушай, а как теперь быть со всем этим? – задумчиво продолжила Мари. – Институт же больше не федеральный. Теперь он... королевский?

– Думаю, этот вопрос сейчас не в приоритете. Ты бы видела тот огромный список, который Камила составила! – воскликнула Кассандра и бросила взгляд на старые, пожелтевшие с годами часы на стене. – И поэтому нам, наверное, пора выдвигаться во Флору.

– Передавайте привет Веронике, – попросила Мари. – И Вилмору Госсу!

– Он тоже во Флоре?

– В городской полиции. Вероника общается с его сыном.

Отец кивнул, вставая со стула в углу комнаты, где он просидел последний час, гипнотизируя мамино лицо и вместе с ней вдыхая лечебные пары.

Он запряг лошадь и сел на козлы, а Кассандра устроилась сзади на кипе жёсткого сена. Это было совсем не по-королевски, но зато по-настоящему, как она привыкла. Касси застегнула на молнию свою старенькую куртку и прижала к груди блокнот с рисунками. Когда вся жизнь переворачивается с ног на голову, важно иметь при себе что-то, что будет напоминать, кто ты и откуда. Иначе голова кругом...

– Поспи, дочь, – сказал Ремко, натягивая вожжи, – пока есть возможность. Я на страже!

Кассандра завернулась в тёплый плед и устроилась поудобнее. Надо же, её отец рядом. Вот это точно шутка года!

* * *

Во Флоре уже всю кипела жизнь – Кассандра не ожидала, что это произойдёт так быстро. Неужели даже после всего пережитого она по-прежнему недооценивала горе и ужас людей, мир для которых рухнул после революции Роттера? Как рады они были вернуться домой! На улицах и площадях высились горы кирпичей и стопки досок, стояли в ряд канистры с краской. Взрослые скоблили и драили, выносили мусор, заносили мебель, время от времени замирая и глядя в безоблачное бирюзовое небо. Дети, никогда и не знавшие Флориендейла, мыли окна и подметали дорожки – всем нашлось занятие. Кассандра заволновалась, и внезапно ей стало душно под пледом. Был ли во всём этом какой-то порядок? Кто руководил процессом? Нужно ли ей вмешаться? Но на углу она заметила ребят с

зелёными и жёлтыми повязками на руках и успокоилась. Она не одна. Она никогда больше не будет одна! Их миллионы.

По пологой извилистой дорожке, проложенной здесь давным-давно для повозок, кибиток и карет, отец подвёз её к замку на холме и остановился у резных ворот. Ворота были подняты, и дежурила перед ними Гиория. Кассандра соскочила с повозки и поспешила ей навстречу. Гиория расплылась в своей наигранно ядовитой улыбочке.

– Ва-аше величество! – воскликнула она, простирая руки и кланяясь. – Что ж так по-простому, где ваши королевские жеребцы?

– Ну брось, – усмехнулась Кассандра. – Как у вас тут?

– Потихоньку, потихоньку... А вон и ваша матушка, – Гиория, видимо, при всём желании не могла перестать кривляться.

Кассандра перевела взгляд за её спину, где по парку, обрамлявшему маленькую разбитую площадь, и в самом деле прогуливалась Эстель, поддерживаемая под руку Никой. Кивнув Гиории, Кассандра направилась к ним. Эстель подняла на Кассандру запавшие глаза на исхудавшем лице. Её шею уже несколько недель обрамляла жёсткая конструкция. Уильям Холланд едва не задушил Эстель в Алилуте, но, к счастью, вмешалась их экономка. Добрая женщина схватила первый попавшийся предмет – скалку – и со всей поварской силой положила конец неравному браку. Навсегда.

Вероника начала было кланяться, но Кассандра замахала руками. Она ужасно стеснялась такого внимания, а главное, все они откуда-то знали, как нужно кланяться, – все, кроме неё!

– Как здоровье? – сочувственно спросила Кассандра. – Мари передаёт привет.

Эстель улыбнулась одними глазами, протянула руку и пожала ладонь Кассандры.

– Ей пока нельзя разговаривать, – пояснила Ника.

– Ах, ясно, – Кассандра закусил губу. Она не знала, о чём с ними говорить. Странно было осознавать, что перед ней не мать и дочь – так они были похожи, особенно их меланхоличная манера и печальный взгляд.

– Альфа Камила уже искала тебя, – пришла на помощь Ника. Ей тоже, видимо, было неловко.

Кассандра кивнула и хотела уже удалиться, но в последний момент обернулась, подошла к девушке близко-близко и прошептала

ей на ухо:

– Перестань жалеть о Веронике Амейн. Не имя определяет тебя – ты определяешь имя. Без тебя ничего бы этого не было, ты настоящий герой! И Эстель... она тебя любит.

В глазах Ники блестели слёзы. Но это были слёзы радости.

* * *

У подножия широкой лестницы из белого камня, руки по локти в земле, возилась Нириаль. Она избавилась от своей по вязки лекаря и собрала тёмные волнистые волосы в высокий хвост. Кассандра чуть не споткнулась об инструменты – лопату, грабли, вёдра с водой и удобрением, расставленные вокруг. Нириаль заметила это и рассмеялась.

– Я делаю клумбы, – пояснила она. – Парадный вход, как-никак...

– В ноябре? – поразила Кассандра. – И... ты это всё за неделю сделала? – она окинула взглядом роскошный плющ, струившийся по стенам, пёстрые хризантемы и нежные вербены, зелёные островки с огромными бутонами бархатцев и рудбекии. Были тут и совсем странные цветы, которых Кассандра, будучи из Цветочного округа, никогда ещё не видела.

– Нет, ты что! – взволнованно отозвалась Гамма Нириаль. – Я только позавчера начала.

Кассандра округлила глаза.

– Травник и магистр земли в одном лице, – только и сказала она. – Поистине, мы не прогадали.

Ей до сих пор было удивительно, что она – источник всей стихийной силы Флориендейла. И чем только она заслужила такое волшебство? Альфа Камила объяснила ей, что, по преданию, семья Амейн произошла от самого Ангела. Но разве к этой информации можно было относиться серьёзно?

Нириаль смиренно кивнула. Одной рукой сея семена в подготовленные ямки, другую она запустила глубоко во взрыхлённую почву. Кассандра, боясь шевельнуться, следила, как вылезают из земли бледно-зелёные ростки, причём не только там, где засыпала семена Гамма Нириаль, но и в нескольких метрах от неё.

– Сорняки тоже растут, – пожаловалась та Кассандре. – Но что поделывать – все мы часть природы...

* * *

Если Альфа Камила и искала Кассандру, то делала она это в каких-то неочевидных местах. Кассандра обошла все главные залы и гостиные, где кипела уборка, заглянула в покои Альфы, в столовые и кухню – безуспешно. Потом она вспомнила про магистрат, но и там Камилы не оказалось. За овальным столом сидели только Алишер с Авророй, низко склонившись над Атласом всех времён. Кассандра порядком утомилась от беготни по замку. С таким же успехом она могла остаться и просто ждать Альфу здесь. Заняв стул рядом с Алишером, она уронила голову на руки.

– Устала? – спросил Алишер, сочувственно похлопывая её по плечу.

Кассандра промычала что-то неразборчивое.

– Что? – не понял Алишер. – Что ты ищешь? Кобылу?

Аврора захохотала, откидываясь на стуле. Кассандра подняла голову и, не сдерживая улыбки, взглянула на смутившегося парня.

– Камилу! – сквозь слёзы пояснила Аврора. – Кассандра, вы в замке уже везде искали? Не нашли?

С Авророй они были едва знакомы, и обеим было неловко обращаться друг к другу на «ты». Аврора, впрочем, не собиралась надолго задерживаться в замке. Она мечтала как можно скорее занять свой новый дом на ангорской набережной. «Чтобы каждое утро, просыпаясь, видеть из окна огромный флаг Флориендейла в порту», – как она объяснила Кассандре. Но пока что Алишеру ещё требовалась её помощь в чтении Атласа. Это была целая наука.

– Ну, раз в замке её нет, то... Наверное, я знаю, где спряталась наша кобыла, – хихикнула Аврора, вставая с места. – Я передам ей, что вы приехали.

– Пожалуйста, Аврора, ты не говори ей только! – прокричал Алишер вслед закрывающейся двери. – Неудобно как-то, – пояснил он Кассандре. – Альфа всё-таки важная дама, а тут...

– Ну ты ещё скажи, что я важная дама! – перебила Кассандра.

Алишер посмотрел ей в глаза. Он уже оправился после происшествия с генератором, но его тёмные волосы, похоже, всегда были такими растрёпанными: неважно, вытащили его только что из горящих руин или застали за чтением. Кассандра снова улыбнулась, показывая, что она пошутила. Но Алишер остался серьёзен.

– Конечно, ты важная дама, – сказал он. – Ты мне жизнь спасла.

– А ты – мне! Мы давно уже квиты.

Алишер усмехнулся, потёр висок и положил руку на спинку её стула. Он был так близко, что Кассандра чувствовала исходящую от него энергию и – что волновало её значительно больше – тепло его тела. Интересно, разрешено ли во Флориендейле неженатым молодым людям и юным леди оставаться наедине?

– К тому же ты королева, – добавил Алишер и как-то обречённо пожал плечами.

Кассандра наклонилась ещё ближе и прошептала ему на ухо:

– Скажу тебе по секрету, я только что приехала в замок на королевской телеге с сеном...

И тогда он её поцеловал. Приобнял одной рукой и притянул к себе. Кассандра не была к этому готова – через мгновение она нехотя отстранилась.

– Только не говори, что любишь меня, – строго сказала она.

– Тебя все любят, – отозвался Алишер. – Вся страна! Так что это не считается. Но... но ты мне очень нравишься.

Такой ответ её устроил.

θ

Здесь было по-настоящему холодно. Стоя на краю мира, две женщины кутались в куртки и шарфы, пока третья копалась в снегу, выводя одной ей понятные узоры. Ветер, бушевавший вчера весь день, теперь стих, и редкие ажурные снежинки умиротворённо кружились в воздухе, не спеша присоединиться к плотному снежному покрову на открытом плато.

– Не думаешь, что ей следовало бы дождаться лета? Или хотя бы весны? – на мгновение освободив рот от шерстяного шарфа, спросила младшая из них, Кассандра.

– Мы и так слишком долго ждали, – пожалала плечами Ома, она же Призрак. – Эльсона всю жизнь мечтала восстановить общину Орили – тут даже ураган не помеха.

– Эли! – Сделав знак Эльсоне, Кассандра показала в сторону обрыва. Но Эльсона только махнула рукой, мол, идите без меня. И они пошли.

Вчера вечером было слишком темно, чтобы любоваться священными водами водопада Орили. Сегодня – в самый раз. Ома замерла, не доходя двух шагов до края. Против её ожидания, вода вырывалась прямо из древней скалы, а не текла рекой по плато. Беря начало от этого водопада, могучая река Вирена питала весь Флориендейл, разделяясь на множество ручьёв и речушек, огибая горы, омывая набережные Ориенталя, Ангоры и Флоры, впадая в море Ласточки, а за ним – в море Тёплое. Иные знают его под названием «море Линчева», но что *нам* до них теперь.

Ома опустила на землю, стянула перчатки и закопала обе руки в снег. Она чувствовала пульсацию живительного потока в недрах земли и едва не плакала от внезапно охватившего её безграничного восторга. Водопад Орили был чудом, доказательством неистощимого могущества силы воды. Но Дельте Оме не нужны были доказательства. Она и вода – они были едины.

Кассандра остановилась у края, совершенно не испытывая страха. В самом деле, чего ей бояться? Она правила этим миром. Да и глупо бояться того, что ещё не случилось. При этом Кассандра смотрела не вниз, на стремительно несущиеся к земле потоки воды, а перед собой. Вы думаете, она *нас* заметила?

Кассандра закусила губу, помедлила мгновение – и начала читать стихи:

...И счастлив тот, кто смог к нему припасть
Своими жадными и добрыми губами,
И напоил других, и сам напился всласть,
И вброд под ним прошёл усталыми ногами...
Чтобы понять, что мир не так уж плох,
Что, может, счастье бродит где-то рядом,
Примите мир, как создал его Бог,

«И это хорошо», – сказав над водопадом.

Мы подхватили и так и продолжали, в тысячу голосов:

– Придите в мир заснеженных полей,
Хотя б на миг расстаньтесь с вашей болью,
Вдохните запах майских тополей –
А не побитых тополиной молью.
Примите мир созвездием цветов,
Зачином, и надеждой, и свершеньем.
Примите мир. А водопад стихов
Пусть будет мира светлым отраженьем^[9].

Она замолчала, дочитав стихотворение. Сбитая с толку королева Флориендейла. Это был первый раз, когда она увидела *нас*, почувствовала *наше* присутствие. И всё же даже теперь она не была до конца уверена.

– Ангел? – тихо, чтобы не услышала Ома, спросила Кассандра.

А что же ты ожидала найти здесь, милая Кассандра, если не Ангела? Ведь монахи общины Орили, целиком посвятившие себя вере, избрали исток мира своей обителью не потому, что им нравился свежий разрежённый воздух. И ты, конечно, всё это знала, отправляясь в долгий путь за сотни километров. Так улыбнись же, не хмурь брови. *Мы* слушаем тебя.

– Есть мысль, которая не даёт мне покоя, – призналась Кассандра. – Как же так вышло, что меня спрятали на Поверхности, а я снова оказалась в этом мире? Та катастрофа... наводнение... там столько людей погибло! Неужели это всё из-за меня?

Так вот что столь долго тревожило тебя, Кассандра. Когда ты злилась на Альфу после своего пробуждения, ты думала, что это она нагнала ураган.

Кассандра напряжённо кивнула.

– Но потом я поняла, что у неё уже не было силы воздуха к тому моменту. А значит, это было нечто более... глобальное.

Нечто вроде *нас*? Кассандра молчала, уставившись в пространство. Интересно, что она видела? Ведь каждый видит что-то своё, или только чувствует, или только слышит. Нет, Кассандра, некоторые вещи в жизни – простые совпадения. *Мы* не вмешиваемся в дела Поверхностного мира. Он живёт по другим законам: там есть чёрные дыры, вечная мерзлота и демократия – слишком сложно...

– А здесь что, демократии быть не может? – ухватилась за эту ниточку Кассандра. Впрочем, это был скорее риторический вопрос, и она не ждала на него ответа. – Так, ну а что стало бы с Флориендейлом, если бы со мной всё-таки что-то случилось? Допустим, если бы я тоже погибла при наводнении? Или если бы не Лемери?

Мы считаем такой исход невозможным.

– Что значит «невозможным»? Ведь я и вправду чуть не умерла, – горячо возразила Кассандра, даже щёки вспыхнули. – Альфа уже усыпила стихии и всё такое. А Лемери? Откуда она взялась?

Мы – то, во что *мы* верим. Наша реальность – то, что *мы* сами вокруг себя создаём. Вопрос в том, как ты видишь свою реальность. Лемери понадобилось много лет, чтобы принять это. Оставь её в покое, который она заслужила. Её история лежит в прошлом, твоя – простирается в будущее.

Она явно была недовольна таким ответом – разве не прелесть? Лишь лучшие правители Флориендейла отваживаются спорить с *нами* и задавать вопросы. Слабые благоговейно внимают каждому слову и всё принимают за чистую монету. А ведь у *нас* тоже есть чувство юмора.

Ты – начало новой эпохи, Кассандра Амейн. Ты возродишь стихийные народы, последние из оставшихся в живых скоро потянутся к тебе. Ты возвеличишь стихии. Ты раздашь землю и титулы, и Флориендейл будет много десятков лет процветать, пожиная плоды твоего правления. Будь доброй, будь справедливой и ничего не бойся!

Она не боялась: стояла на самом краю обрыва, над звенящим водопадом, и смотрела прямо на *нас*. Пушистый капюшон куртки обрамлял её лицо, словно грива короля-льва.

– Кассандра! – Ома окликнула подругу, застывшую в оцепенении у края. Она подошла к ней, взяла своей мокрой от снега ладонью её пылающую руку и заглянула в лицо. В глазах Кассандры было столько смирения, покоя и тепла – странно, что снег вокруг неё ещё не растаял. – Ну что, стоило это того?

– Однозначно! – Кассандра кивнула на водопад.

Потоки воды раздвинулись, словно занавес, открывая широкий проход в Поверхностный мир. Она спросила совета, как ей быть с теми людьми, кто решил покинуть Флориендейл: им совершенно ни к чему оставаться в стране, которую они не хотят и которая их не хочет. И Ангел указал путь.

– Я думала, придётся отправлять их через портал во Флоре. А тут такое! – ошарашенно заметила Ома. – Это теперь навсегда?

– На один раз. Они уйдут, и водопад снова закроется.

Сквозь пелену воды Кассандра разглядывала города с миллионами огней, застроенные побережья, леса, и каньоны, и бесконечные ленты шоссе. Неужели она уже дважды в своей жизни пересекала эту тонкую грань и бывала по ту сторону? Глядя на всё это кажущееся великолепие, Кассандра зареклась, что больше никогда не ступит на землю Поверхностного мира. Просто на всякий случай.

Post scriptum

Она читала книжку и была уже почти готова с головой провалиться в глубокий сон, несмотря на капризы Ноа, когда услышала, как в другом конце квартиры щелкнул замок и открылась дверь. Мама наказала Ноа лежать смирно и ушла встречать отца. Брат, стоило ей только выйти из комнаты, вскочил на кровати. Отбросив книжку, Сабине свесилась со второго яруса и приложила палец к губам. Папа только маме по-настоящему рассказывает о своих приключениях, и, если Ноа в кои-то веки не будет хныкать, ей, может, удастся что-нибудь подслушать.

– Так долго? – разобрала она звонкий голос матери.

– Да не давали посадку. А потом на границе держали... что-то ищут.

– У них то одно, то другое, в самом деле!

– Как ребятки? – спросил отец.

Они уже прошли в коридор и стояли, кажется, перед самой дверью детской. Ноа быстро забрался под одеяло и притворился милым и послушным ребёнком, как он всегда делал, стоило отцу появиться. Ну что за подлиза!

– Ноа отказывается засыпать с планшетом и ждёт тебя рассказать сказку. Ты же знаешь... – мама помолчала, вздохнула, понизила голос, – Я скажу ему, что ты устал.

– Нет-нет! Это ничего, я загляну.

Ноа восторженно хрюкнул. Значит, не одна Сабине наострила уши.

Дверь открылась, и в свете ночника Сабине разглядела добрые прищуренные глаза и седые виски отца. Со второго яруса ей не было этого видно, но наверняка он ещё не успел сменить свою лётную форму, которая приводила их с Ноа в особое восхищение, на домашнюю одежду. Он был моложе многих родителей её друзей, и те иногда спрашивали у Сабины, почему её папа седой. Ответа на этот вопрос у неё не было. С важным видом она говорила, что это от мудрости.

– Ну что, мелкий, сказку тебе рассказать? – шепнул отец, присаживаясь к Ноа на кровать. Сабине притворилась, что спит, и он не стал её тревожить.

– Про Фло-ри-ен-дейл! – выпалил Ноа.

Папа тихонько рассмеялся. Пускай для Ноа всё это лишь фантазия, но Сабине была уже достаточно взрослая и знала, что Флориендейл, или Новый мир, как его здесь называли, на самом деле существует, хотя попасть туда никак нельзя. Надо признаться, она сама выяснила это только в прошлом году: старшие ребята рассказали ей и смеялись, словно она дуручка, когда Сабине заявила им, что Флориендейл – просто сказка. За пару месяцев до этого они же открыли ей глаза на миф о Санта-Клаусе. В общем, школа пока что показала себя с самой полезной, хоть и жестокой стороны. Говорить ребятам, что её папа жил в Новом мире, если верить сказке, она на всякий случай не стала. Сабине не могла понять, зачем он уехал из такого прекрасного места. Однажды она обязательно у него спросит...

Отец повторил для Ноа одну из уже знакомых Сабине историй: о том, как они с друзьями спасали принцессу волшебной страны и ввязались в поединок со страшными солдатами диктатора Роттера. Как их самолёт сбили и им пришлось сражаться на мечах, а потом, когда добро победило, их всех наградили медалью и принцесса снова заняла свой трон.

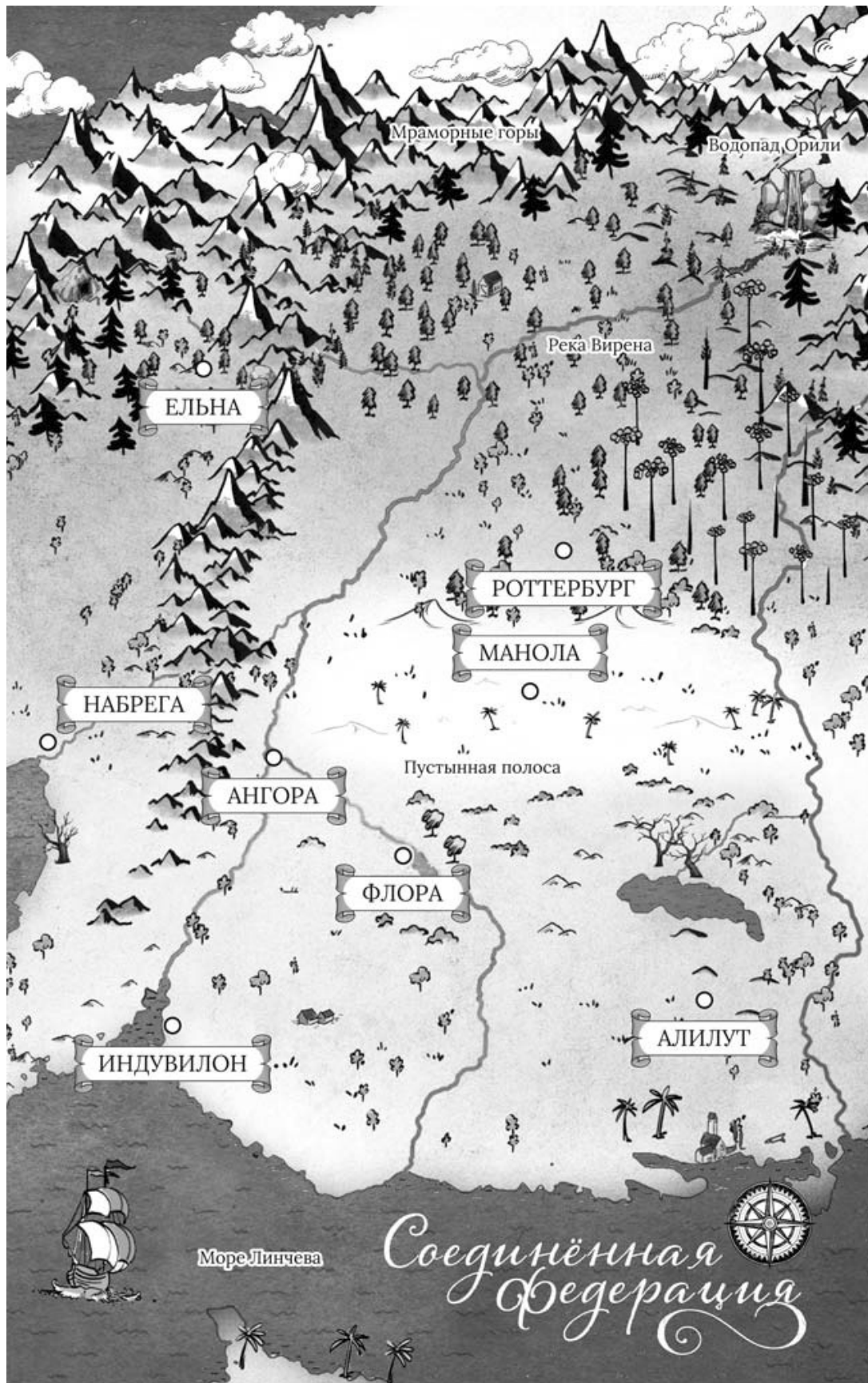
«Забавно, – засыпая, подумала Сабине, – что папа одну и ту же сказку для меня и для брата рассказывает по-разному». Ноа он подробно поведал о битве и об атаке, а для Сабине обычно приберегал подробности о прекрасной рыжеволосой принцессе и как они с братом защищали её от всяческих злодеев. Брата он, конечно, выдумал – так считала Сабине. Ведь у неё нет дяди.

– Кенжел? – прошептала мама сквозь полуоткрытую дверь.

– Иду, – еле слышно отозвался отец. – Добрых снов!

Дети молчали, уткнувшись в подушки. Ноа провалился в сон мгновенно, как набегавшийся котёнок. Сабине тоже заснула, в обнимку с книжкой, и снилось ей бирюзовое небо Флориендейла. Флориендейлу по душе такие дети: он наблюдает за ними, оберегает и манит, предлагая сыграть свою особую роль...

И Ангел уже ждал Сабине у водопада.

Мраморные горы

Водопад Орили

Река Вирена

ЕЛЬНА

РОТТЕРБУРГ

МАНОЛА

НАБРЕГА

АНГОРА

Пустынная полоса

ФЛОРА

ИНДУВИЛОН

АЛИЛУТ

Море Линчева

Соединённая
Федерация

notes

СНОСКИ

1

Проклятие памяти (*пер. с лат.*) – форма наказания, применявшегося к государственным преступникам в Древнем Риме (Поверхностный мир). Заключалась в полном уничтожении любой памяти о преступнике.

2

Солнце (*пер. со старофлорийского*).

3

Ангел (*пер. со старофлорийского*).

4

Зато я говорю по-голландски (*пер. с голландского*).

5

Узнаю следы прежнего огня (*пер. с латинского*).

«Наутилус Помпилиус», «Крылья».

Очень хорошо. В детстве у меня была мечта... Наконец-то конец
(пер. со старофлорийского).

По добру и справедливости (*пер. с латинского*) – девиз королевского дома Амейн.

Стихи Владимира Ромма.